

ЗАПИСКИ ИИМК РАН

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

*К 70-летию выдающегося исследователя Древней Руси
Владимира Анатольевича Лапшина*

*To the 70th birth anniversary of Vladimir Anatolievich Lapshin,
an outstanding researcher of Old Rus*

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE RAS

No. 25

St. Petersburg
2021

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 25

Санкт-Петербург
2021

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2021. № 25. 286 с.
ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg: IHMC RAS, 2021.
No. 25. 286 p.

Редакционная коллегия: В. А. Лапшин (главный редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очередной, Н. И. Платонова (отв. редактор)

Editorial board: V. A. Lapshin (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vachtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi, N. I. Platonova (editor of issue)

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, Е. В. Новгородских, В. Я. Стеганцева

Publishing group: L. B. Kircho, E. V. Novgorodskikh, V. Ya. Stegantseva

В № 25 «Записок ИИМК» публикуются материалы к научной биографии выдающегося исследователя Древней Руси В. А. Лапшина и новейшие работы по археологии средневекового города. Представлена также серия статей по археологии Восточной Европы в древности и средневековье.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейоведам, студентам исторических факультетов вузов.

The 25th issue of the “Transactions of IHMC RAS” presents papers centering on the research biography of V. A. Lapshin, an outstanding researcher of Old Rus, as well as new works devoted to the archaeology of the medieval town. It includes also a series of papers on ancient and medieval archaeology of East Europe.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers and students of historical faculties.

На авантитуле — Владимир Анатольевич Лапшин в директорском кабинете ИИМК РАН, 15.08.2019 г.

On avantititle — Vladimir Anatolievich Lapshin in the Director's office of IHMC RAS, 15.08.2019

СОДЕРЖАНИЕ

НАШ ЮБИЛЯР

<i>Н. И. Платонова</i> Владимир Анатольевич Лапшин: истоки и достижения	9
<i>В. Н. Седых</i> Alma Mater: Владимир Лапшин в Ярославской экспедиции ЛГУ	23
<i>Н. А. Макаров</i> Владимир Анатольевич Лапшин: суздальский период	33
<i>Е. Н. Жукова, Ю. В. Степанова, С. В. Богданов</i> Вклад Владимира Анатольевича Лапшина в исследования средневековой Твери	39
Владимир Анатольевич Лапшин. Фотографии разных лет	49
Список печатных работ В. А. Лапшина (<i>составитель Л. М. Всевиов</i>)	56

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

<i>Н. В. Григорьева, Ф. Рентцель, Й. Шнеевайс</i> Новый взгляд на старые слои: Геоархеологические исследования микростратиграфии Земляного городища Старой Ладogi	66
<i>Т. Б. Сениченкова</i> Знаки на днищах сосудов из Старой Ладogi (по материалам раскопок на Варяжской улице 1973–1976 гг.)	83
<i>Н. В. Хвоцинская</i> Счетные бирки Рюрикова городища в связи с новой находкой на дне рва	89
<i>А. В. Плохов, К. С. Чугунова</i> Западноевропейский стеклянный сосуд с полихромной росписью с Рюрикова городища	100
<i>М. М. Савенкова</i> Ткани средневекового Новгорода, выработанные в технике перебора (технологический анализ)	121
<i>С. А. Салмин, Е. В. Салмина</i> Находка рогового изделия со знаками Рюриковичей из раскопок на Завеличье средневекового Пскова в 2019 г.	130
<i>А. В. Курбатов</i> Кожаные изделия из Тверского кремля (по материалам раскопок 1979–1984 годов)	135

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<i>И. В. Исланова</i> Некоторые актуальные вопросы изучения раннесредневековых древностей (Валдай — Волго-Балтийский водораздел — Верхневолжье)	149
<i>С. Е. Андреев</i> Предметы круга восточноевропейских эмалей с городища Орлов Городок	160
<i>А. Ю. Городилов, М. А. Раззак</i> Новые памятники эпохи камня и бронзы на северном берегу Финского залива (по результатам разведочных работ 2020 г.)	167
<i>Е. Р. Михайлова</i> Древности I тыс. н. э. в верховьях Оредежа и Ижоры	183
<i>Н. И. Платонова</i> «Предсопочные» погребальные традиции в верхнем Полужье (по материалам Передольского археологического комплекса)	194
<i>М. С. Павлова</i> Курганный могильник на р. Ладожка в Старой Ладоге (заметки на полях книги В. А. Лапшина)	215
<i>А. Е. Мусин</i> Бобровый тул или бобровая тула? Историко-археологический этюд	224
<i>С. В. Белецкий</i> Древнерусские пломбы из Курской области (по материалам коллекции И. Н. Парусимова)	234
<i>А. А. Пескова</i> Паломнические морские раковины на территории Древней Руси и в соседних землях	243
<i>П. А. Миляев</i> Новые данные о ручном огнестрельном оружии XVI в. на русско-литовском пограничье	260

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>Ю. А. Виноградов</i> Что бывало, или О том, как не следует популяризировать археологию	276
Список сокращений	283

CONTENTS

OUR JUBILEE CELEBRANT VLADIMIR ANATOLIEVICH LAPSHIN

<i>N. I. Platonova</i> Vladimir Anatolievich Lapshin: background and achievements	9
<i>V. N. Sedykh</i> Alma Mater: Vladimir Lapshin in the Yaroslavl Expedition of Leningrad State University	23
<i>N. A. Makarov</i> Vladimir Anatolievich Lapshin: the Suzdal period	33
<i>E. N. Zhukova, Yu. V. Stepanova, S. V. Bogdanov</i> Vladimir Anatolievich Lapshin's contribution to the archaeological study of medieval Tver	39
Vladimir Anatolievich Lapshin. Photographs of various years.....	49
List of V. A. Lapshin's publications (<i>compiler L. M. Vseviov</i>)	56

ARCHAEOLOGY OF THE MEDIEVAL TOWN

<i>N. V. Grigorieva, Ph. Rentzel, J. Schneeweiss</i> A new insight into old layers. Geoarchaeological studies of the Microstratigraphy at the Zemlyanoye Gorodishche in Staraya Ladoga	66
<i>T. B. Senichenkova</i> Symbols on the bases of vessels from Staraya Ladoga (based on the materials from the 1973–1976 excavations on the Varyazhskaya street)	83
<i>N. V. Khvoshchinskaya</i> Counting sticks from Rurikovo Gorodishche: a new object found at the bottom of the ditch	89
<i>A. V. Plokhov, K. S. Chugunova</i> Polychrome painted West European glass vessel from Rurikovo Gorodishche	100
<i>M. M. Savenkova</i> Medieval Novgorod textiles manufactured with the use of pick over technique (technological analysis)	121
<i>S. A. Salmin, E. V. Salmina</i> Antler object with symbols of the Rurikids found during the excavations of Zavelichie, medieval Pskov, in 2019	130

<i>A. V. Kurbatov</i>	
Leather articles from the Tver Kremlin (based on the materials of the 1979–1984 excavations)	135

ARCHAEOLOGY OF EAST EUROPE IN ANCIENT AND MEDIEVAL TIMES

<i>I. V. Islanova</i>	
Urgent questions in the study of early medieval antiquities (Valdai — Volga-Baltic watershed — Upper Volga)	149
<i>S. E. Andreev</i>	
Objects of a circle of East European enamels from the fortified settlement of Orlov Gorodok	160
<i>A. Yu. Gorodilov, M. A. Razzak</i>	
New Stone and Bronze Age sites discovered on the northern shore of the Finnish Gulf in 2020	167
<i>E. R. Mikhailova</i>	
Antiquities of the I millennium AD in the upper reaches of the Oredezh and Izhora	183
<i>N. I. Platonova</i>	
“Pre-Sopka” burial traditions in the Upper Luga region (based on the materials of the Peredolsky archaeological complex)	194
<i>M. S. Pavlova</i>	
Barrow cemetery on the Ladozhka river, Staraya Ladoga (notes on the fields of V. A. Lapshin's book)	215
<i>A. E. Musin</i>	
Beaver tul or beaver tula? A historical and archaeological essay	224
<i>S. V. Beletsky</i>	
Old Russian seals from the Kursk Oblast (based on the materials of I. N. Parusimov's collection)	234
<i>A. A. Peskova</i>	
Pilgrim scallops from Old Rus and neighboring lands	243
<i>P. A. Milyaev</i>	
New data on hand-held firearms of the XVI century on the Russian-Lithuanian border	260

HISTORY OF SCIENCE

<i>Yu. A. Vinogradov</i>	
What used to happen, or How one should not popularize archaeology	276
List of abbreviations	284

ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ ЛАПШИН: ИСТОКИ И ДОСТИЖЕНИЯ¹

Н. И. ПЛАТОНОВА²

Ключевые слова: Владимир Анатольевич Лапшин, археология, ИИМК РАН, биографика, история Древней Руси, Забелины, Рейценштейны, генеалогия.

В статье проанализированы основные этапы творческой биографии доктора исторических наук В. А. Лапшина; охарактеризованы его научные достижения и организационная деятельность на посту директора ИИМК РАН. Освещены также некоторые аспекты истории семьи Лапшиных — Забелиных — Рейценштейнов, давшей России целый ряд крупных ученых и военных деятелей.

DOI: 10.31600/2310-6557-2021-25-9-22

Корни петербургской/ленинградской семьи Лапшиных — Забелиных расходятся широко, в разные уголки России. В ней, как нередко бывало в среде русской интеллигенции, сошлись воедино разные слои и сословия русского общества. Среди предков Владимира Анатольевича Лапшина были черносошные крестьяне и потомственные дворяне, царские адмиралы и рабочие-каменщики, православные священники, офицеры, ученые, врачи и т. д.

Отцовский крестьянский род Лапшиных связан с д. Скоморохово Галичского уезда Костромской губ. В этих северных краях, с их вечно рискованным земледелием, люди жили, главным образом, отхожими промыслами. Каждое лето мужчины на несколько месяцев уходили в город. У Алексея Яковлевича Лапшина (1883–1942), деда Владимира Анатольевича, вся родня занималась каменным строительством. Сам он работал на стройках в Москве с 12 лет: отправился туда впервые в 1895 г. Железную дорогу до Костромы в ту пору еще не построили, приходилось идти пешком. Позднее артель Лапшиных перешла из Москвы в Петербург.

Сохранилась фотография, сделанная в ателье на Малой Офицерской улице в 1910 г.: костромские крестьяне Алексей Яковлевич и Александра Силовна Лапшины во время свадебного путешествия в Санкт-Петербург (рис. 1). Молодой дед Владимира Анатольевича на фотографии одет в костюм-тройку с галстуком-бабочкой, на сюртуке — цепь с тремя брелочками. У жены его волосы собраны по городской моде — в изящную прическу с заколкой. На груди — овальный медальон (видимо, с портретом суженого),

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0006 «Ремесло, торговля и международные связи Северной Руси и ее соседей».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Рис. 1. Алексей Яковлевич и Александра Силовна Лапшины в свадебном путешествии, Санкт-Петербург, 1910 г.

Fig. 1. Alexei Yakovlevich and Alexandra Silovna Lapshin on a wedding trip, St. Petersburg, 1910

он отыскался в Белоруссии, в партизанском отряде, но с фронта так и не вернулся: в начале 1945 г. погиб в Восточной Пруссии. В честь этого дяди назвали потом Владимира Анатольевича.

После войны майор Лапшин в течение года руководил разминированием в полосе Северного фронта. Потом ему пришлось заниматься восстановлением Ленинграда в должности главного инженера строительно-ремонтного управления. В 1948 г. Анатолий Алексеевич женился на Татьяне Николаевне Забелиной (1924–1983), выпускнице 2-го Медицинского института (ныне Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова). На фотографиях 1954 г. мы видим их обоих с трехлетним сыном Володей (рис. 2).

Татьяна Николаевна была врачом в третьем поколении. Династия медиков вела начало от Викентия Матвеевича Забелина — православного священника, служившего в Витебской губернии в 1830–1840-е гг. Как полагается, в семье сельского батюшки было много детей. Двое из сыновей отца Викентия — Иосиф (1833–1875) и Иван (1839–1893) — после духовной семинарии успешно окончили Санкт-Петербургскую Императорскую Медико-хирургическую академию. Иосиф Викентьевич в дальнейшем стал ординарным профессором ИМХА, крупнейшим

на руке — перстень с камушком. К новому платью приколоты цепочка с карманными часами... Конечно, труд каменщика был нелегким, но, видно, заработки тех лет позволяли семье квалифицированного рабочего жить относительно безбедно. Увы, это скромное благополучие закончилось в 1914 г.: Алексея забрали в армию. С фронта он вернулся невредимым — уже после смены власти, в 1918 г. В Гражданской войне не участвовал.

Старшим из детей Алексея и Александры был Анатолий, отец В. А. Лапшина (1910–1976). Пятнадцатилетним подростком он в 1925 г. ушел из деревни в Ленинград. Вероятно, дети были под стать родителям — взрослые рано. К моменту ухода из дома мальчишка успел освоить профессию печника. В городе он окончил строительный техникум. А в конце 1920-х гг. к сыну в Ленинград перебрался и Лапшин-старший со всей семьей. Ему, еще до революции ставшему наполовину горожанином, вовсе не хотелось идти в колхоз.

В армии Анатолий стал сапером, прошел Финскую войну, затем Отечественную. Воевал в Заполярье, был награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны. Война принесла ему много потерь. В блокадном Ленинграде умерли отец, Алексей Яковлевич, и младший брат. Средний брат Владимир в 1941 г. пропал без вести. Через два года

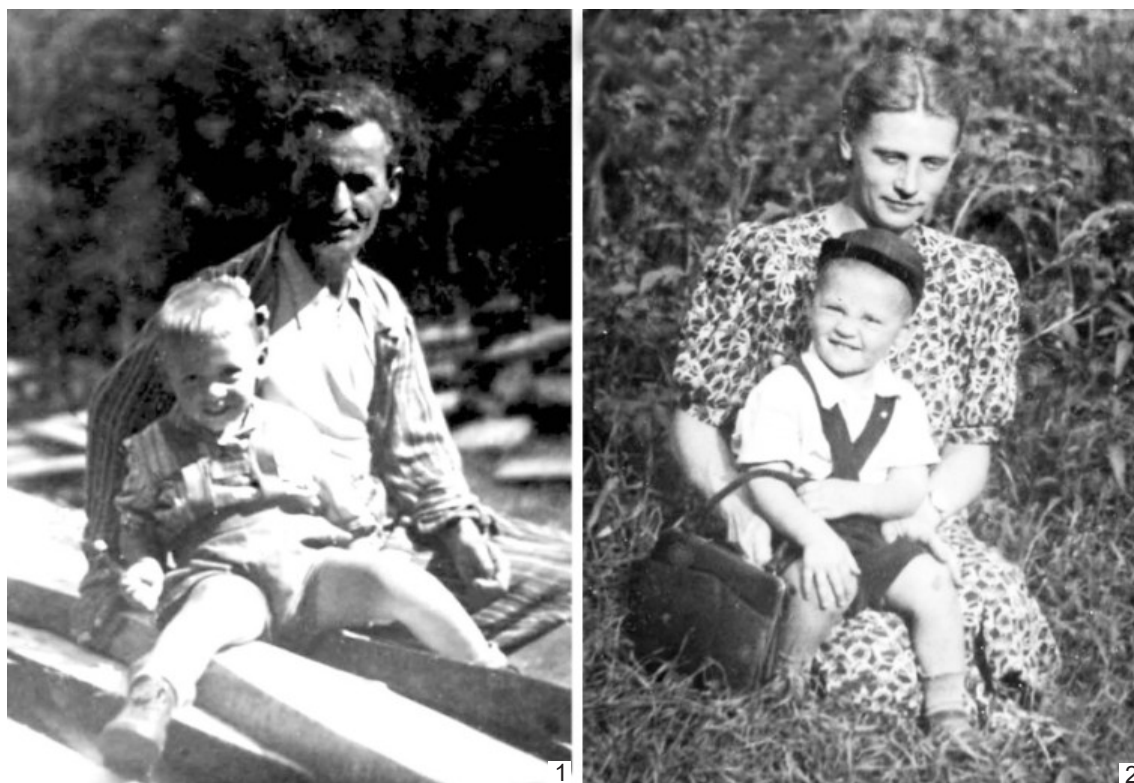

Рис. 2. Анатолий Алексеевич (1) и Татьяна Николаевна (2) Лапшины с сыном Володей, Ленинград, 1954 г.

Fig. 2. Anatoly Alexeevich (1) and Tatyana Nikolaevna (2) Lapshin with the son Volodya, Leningrad, 1954

русским ученым-фармакологом. По свидетельству современников, его труды произвели в преподавании этой дисциплины «такой же переворот, какой был произведен микроскопом в области патологической анатомии» (Половцов 1916: 79).

Иван Викентьевич Забелин, младший брат Иосифа, по окончании академии стал полковым врачом. В этом качестве он участвовал в войне за освобождение Болгарии, имел боевые награды, дослужился до надворного советника. Врачом стал и сын его Николай Иванович (1876–1944), родной дед В. А. Лапшина по материнской линии. Он также окончил академию (переименованную в 1881 г. в Императорскую Военно-медицинскую), но на военную службу не поступил. Частная практика в Санкт-Петербурге тоже не пришлась ему по душе. Дед нашел себя, став в 1912 г. земским врачом Плюской больницы Гдовского уезда Санкт-Петербургской губ. Здесь он оказался единственным доктором в округе на 70 деревень и обрел настоящий простор для своей деятельности. Во время Гражданской войны прямо через его участок пролегла одна время линия фронта. Но даже это не мешало доктору объезжать пациентов по обе стороны передовой.

Женой Николая Ивановича Забелина стала Наталья Николаевна Рейценштейн (1898–1985) — из потомственных дворян, военных немецкого происхождения. По словам В. А. Лапшина, его бабушка по матери была «типичная петербургская русская — по крови на три четверти немка, на четверть шведка». Отец ее Николай Карлович Рейценштейн (1854–1916) — лихой моряк, минный офицер — дослужился в конце жизни до полного адмирала Российского флота. Сам он по материнской линии

происходил из финских шведов — Сиденснеров из Фридрихсгама, ставших подданными Российской империи после присоединения Финляндии в 1809 г. Эта семья дала России несколько поколений морских офицеров, в том числе адмиралов. В ходе сражения в Желтом море 28 июля 1904 г. Н. К. Рейценштейн, в ту пору контр-адмирал, возглавил прорыв крейсерского отряда, и сам на крейсере «Аскольд» сумел пройти в Шанхай. В ту войну это был единственный случай, когда кораблям Российского Тихоокеанского флота удалось прорвать японскую блокаду Порт-Артура.

Адмирал Н. К. Рейценштейн скончался за год до революции. Вскоре умерла и его жена. Период Гражданской войны и голода Наталья Николаевна переживала в деревне, работая медсестрой в Плюсской больнице. В 1921 г. она вышла замуж за доктора Забелина, на 22 года старше ее. В 1929 г. супруги переехали из Плюсы в Ленинград — видимо, встал вопрос о школьном образовании для детей. Николай Иванович стал работать в Боткинской больнице. Скончался он в 1944 г., уже после окончательного освобождения города от блокады. А дочь их Таня в 1942 г. окончила школу и поступила во 2-й Медицинский институт. Это учреждение не подлежало эвакуации: оно функционировало при больнице им. И. И. Мечникова, которая являлась клинической базой Ленинградского фронта. По окончании института Татьяна Николаевна осталась работать в той же больнице. Она мечтала, что сын продолжит вековую семейную традицию и тоже станет врачом. По мнению матери, у него имелись к тому все задатки. Но сын выбрал свою дорогу³.

Владимир Анатольевич Лапшин родился в Ленинграде 20 августа 1951 г. Первыми воспитателями, оказавшими на него формирующее влияние, стали обе его бабушки — крестьянка и дворянка. Первая из них, Александра Силовна (1891–1969), дожила, волею судеб, до брежневских времен; вторая, Наталья Николаевна, скончалась в 1985 г., лишь немного не застав горбачевскую перестройку. В неопубликованной автобиографической заметке, сохранившейся в подготовительных материалах к изданию «Академическая археология на берегах Невы» (2013), Владимир Анатольевич написал о себе так:

«...Интерес к археологии, помимо чтения книг, формировала жизнь летом на дачах на Карельском перешейке, в окружении не вполне еще археологизированных следов финского населения. Типичная картина: поляна в хвойном лесу, на ней фундамент финского хутора в окружении цветущих декоративных кустов, совершенно несвойственных таежной зоне. Тогда же, еще не зная слова „археология“, я начал собирать „подъемку“. И еще — следы войны на каждом шагу. Уже взрослым с удивлением узнал, что бывает лес без окопов, колючей проволоки и противотанковых надолбов.

В 1967 г., после девятого класса, я поехал в Красноярскую экспедицию ЛОИА, которая работала в зоне затопления Красноярской ГЭС (начальник экспедиции М. П. Грязнов, отряд Г. А. Максименкова. — *Н. П.*). Совершенно случайно попал в маленький отряд Н. Леонтьева, археолога Минусинского музея, ленинградца по происхождению. Это была удача: сразу получил правильное представление о профессии — работа в течение светового дня, без перерывов, кроме обеда; все нужно уметь и делать самому (рис. 3, 1). В десятом классе посещал школьный кружок Л. С. Клейна, он тогда обкатывал на нас рукопись книги о Шлимане.

Эта подготовка дала силы три раза поступать на исторический факультет Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова...» (Лапшин 2013) (рис. 3, 2).

³ Автор сердечно благодарит Ирину Владимировну Заботину за консультации по вопросам семейной истории Лапшиных–Забелиных.

Рис. 3. Школьник Володя Лапшин на раскопе в отряде Н. В. Леонтьева, Красноярская экспедиция ЛОИА АН СССР, Хакасия, 1967 г. (1); В. А. Лапшин — выпускник школы, Ленинград, 1968 г. (2)

Fig. 3. Schoolboy Volodya Lapshin at the excavation in N. V. Leontiev's detachment of the Krasnoyarsk Expedition, Khakasia, 1967 (1); V. A. Lapshin — a school graduate, Leningrad, 1968 (2)

Николай Владимирович Леонтьев, тепло упомянутый В. А. Лапшиным, действительно, начинал свою ученую карьеру лаборантом в камералке ЛОИА, под приглядом М. П. Грязнова. В 1963 г. он перешел на постоянную работу в Минусинск. Запоздальный диплом о высшем образовании он получил только через 10 лет. А еще предстояло *de facto* поднять из руин Минусинский краеведческий музей, стать крупным ученым, членом Германского археологического института, одним из самых уважаемых археологов Сибири... Трудно сказать, запомнил ли он школьника, случайно попавшего в его группу в 1967 г.? Скорее всего, нет. А школьник его запомнил. «Правильное представление о профессии» и удачный первый полевой сезон дорогого стоят.

Три попытки поступления в университет потребовали от Владимира Анатольевича недюжинного упорства. После первой неудачи мать устроила его работать санитаром в Мечниковскую больницу. Целый год он таскал тяжелые носилки, «накачав» себе бицепсы лучше, чем на любом тренажере. После года работы в больнице открывалась прямая дорога в медицинский институт. Но нет же!.. После второго неудачного захода на истфак он отправился в армию.

С армией повезло. Служил в войсках связи, сначала на Семипалатинском полигоне, потом под Загорском (так назывался тогда г. Сергиев Посад под Москвой). Обстановка была хорошая (рис. 4). Во время дежурств на коммутаторе дверь запиралась, и младшие командиры не имели права входить в помещение. Можно было спокойно читать, писать, главное — не уснуть и ничего не перепутать. Выкинуть из головы археологию и истфак рядовой Лапшин не пожелал. И, вернувшись в Ленинград

Рис. 4. В. А. Лапшин в Советской армии, Загорский р-н Московской обл., 1970–1971 гг.
 Fig. 4. V. A. Lapshin in Soviet Army, Zagorsk District of Moscow Oblast, 1970–1971

в 1972 г., с третьего раза, наконец, поступил! К отслужившим в армии ребятам отношение было все-таки иное, чем к вчерашним школьникам.

В своей заметке 2013 г. Владимир Анатольевич писал: «Что заниматься буду именно Русью, как-то само собой подразумевалось. Работал в экспедициях Г. С. Лебедева, И. В. Дубова, А. Н. Кирпичникова (рис. 5). Анатолий Николаевич предложил заняться „владимирскими“ курганами — материалами раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева 1851–1854 гг., которые А. А. Спицын считал потерянными для науки. Постепенно сформировалось представление о том, что сельские памятники без города — тема ущербная. В итоге диплом (1977 г.) назывался „Округа Суздаля в X–XIII вв.“» (Лапшин 2013).

По окончании университета в 1977 г. В. А. Лапшин получил распределение в Ленинградскую областную инспекцию охраны памятников. Там ему более четырех лет пришлось заниматься учетом памятников археологии на территории области, заключением охранных обязательств и т. д. Тогда же им было подготовлено решение Леноблисполкома о постановке памятников археологии Ленинградской обл. на государственную охрану. И другое постановление, тоже достаточно важное, — об утверждении охранных зон Старой Ладogi.

Разрабатывать свою основную научную тему приходилось параллельно, в свободное время. Огромное значение имела возможность работать на раскопках в Суздале — в составе исследовательского коллектива, собранного Марией Владимировной Седовой (рис. 6). Сам Владимир Анатольевич написал об этом так:

«Во время отпусков я работал в Суздальской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством М. В. Седовой. После диплома впервые приехал в Суздаль. В то время господствовало кабинетное представление историков — жителей больших городов — о „центрах ремесла и торговли“, совершенно оторванных от сельского хозяйства и деревни. Взобравшись на кремлевский вал, я увидел на противоположном берегу Каменки Ильинский луг, на котором по писцовым книгам (я хорошо

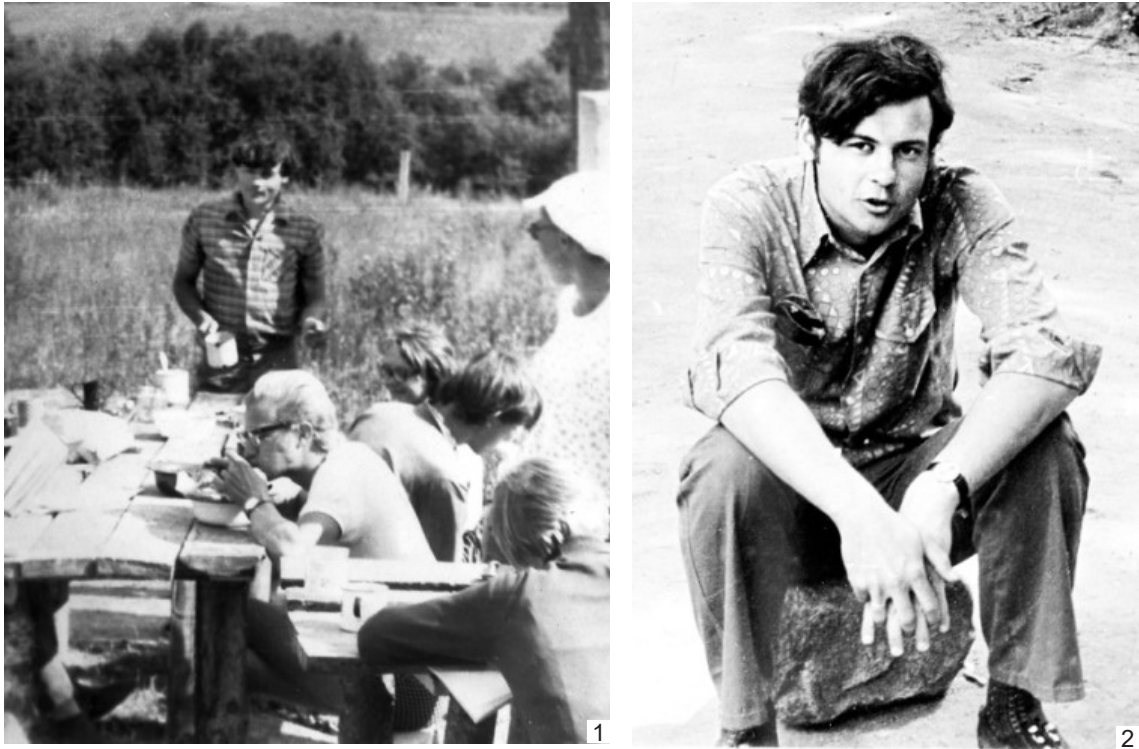

Рис. 5. 1-й курс, В. А. Лапшин в экспедиции Г. С. Лебедева, Городец под Лугой, Ленинградская обл., 1973 г. (1); 3-й курс, в экспедиции А. Н. Кирпичникова, Велье, Псковская обл., 1976 г. (2)
Fig. 5. First year student V. A. Lapshin in G. S. Lebedev's expedition, Gorodets near Luga, Leningrad Oblast, 1973 (1); third year student, in A. N. Kirpichnikov's expedition, Vilie, Pskov Oblast, 1976 (2)

Рис. 6. На раскопках Суздаля, разведочный шурф на территории Ризоположенского монастыря, Суздальская экспедиция, 1983 г., слева — С. В. Томсинский, справа — В. А. Лапшин
Fig. 6. At the excavations of Suzdal, test pit on the premises of the Monastery of the Deposition of the Robe. Suzdal Expedition, 1983, on the left — S. V. Tomsinsky, on the right — V. A. Lapshin

подготовился!) в XVII в. паслось городское стадо. То, что оно продолжало пастись на том же месте и сейчас, сразу избавило меня от многих теоретических заблуждений...

Для того чтобы получить адекватное представление о системе расселения в округе Суздаля, необходимо было найти и исследовать селища, соответствующие курганным могильникам, раскопанным А. С. Уваровым. Идея носилась в воздухе. В экспедиции И. В. Дубова я участвовал в первом обследовании и раскопках Тимерёвского селища, непосредственно примыкавшего к знаменитому, исследовавшемуся около 100 лет курганному могильнику. Сама же мысль о целесообразности раскопок селищ с распаханным культурным слоем принадлежала И. И. Ляпушкину и была реализована им в Гнёздове. В Суздальском Ополе задача усложнялась тем, что остатки могильников, раскопанных А. С. Уваровым, были давно распаханы. Руководствоваться можно было только краткими сведениями из полевых дневников. Тем не менее задача оказалась выполнимой, и в первой же разведке в октябре 1978 г. я нашел несколько селищ, которые можно было связать с „владимирскими“ курганами.

Для раскопок (1980–1987 гг.) я облюбовал селище у с. Гнездилово, которому, вероятно, соответствовал курганный могильник X–XI вв., раскопанный А. С. Уваровым в 1851 г. Так постепенно Суздальская экспедиция из чисто городской превратилась в комплексную. К концу 80-х гг., помимо городского раскопа, работы велись одновременно на четырех селищах в ближайшей округе города. Я же, участвуя в работах М. В. Седовой, получил опыт раскопок городского сухого слоя...» (Лапшин 2013).

С 1 октября 1982 г. В. А. Лапшин был принят на работу в ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН), где прошел путь от старшего лаборанта до директора и заведующего отделом славяно-финской археологии (ОСФА). В 1983–1991 гг., будучи начальником Ленинградской областной экспедиции ЛОИА, он возглавил работу по обследованию Ленинградской обл. (рис. 7). Результатом стало составление археологической карты, опубликованной затем двумя книгами (Лапшин 1990; 1995).

Такую карту в XX в. пытались создать трижды — в 1900–1910-х гг., под руководством А. А. Спицына, потом в конце 1920-х гг., под руководством П. П. Ефименко, и, наконец, в 1970–1980-х гг. Только третья попытка за столетие была успешно доведена до конца и завершилась публикацией. Как не без юмора заметил сам В. А. Лапшин: «При очевидной неполноте — не скоро у кого-то хватит духу эту работу повторить...» (Лапшин 2013).

Говоря о «неполноте» своей карты, автор явно проявил излишнюю скромность. В 2002 г. он представил в ОСФА новую рукопись, насчитывавшую около 300 страниц текста и являвшуюся уточненным и дополненным вариантом уже изданного в 1990-х гг. двухтомного труда. В новом варианте было учтено 230 новых публикаций, содержащих сведения о памятниках Ленинградской обл. и вышедших из печати в 1990–2002 гг. Один справочный аппарат занимал 54 страницы. При этом количество новых учтенных памятников оказалось невелико (около 30), ввиду отсутствия в те годы масштабных разведочных работ на Северо-Западе. В дальнейшем, конечно, такие работы возобновились. Но ведь дополнять список можно бесконечно. На момент составления карта, опубликованная В. А. Лапшиным, вкуче с уточнениями 2002 г., представляла собой, несомненно, лучшую, наиболее полную и детальную сводку археологических памятников региона. Она имела фундаментальное значение для археологии Северо-Запада.

Параллельно с этой работой, вплоть до начала 1990-х гг., В. А. Лапшин не прекращал свои изыскания в Суздальском Ополе. В 1985 г. он успешно защитил кандидатскую

Рис. 7. В разведке: начало работ по карте Ленинградской обл., Шипино, Лужский р-н, 1983 г.

Fig. 7. On reconnaissance: the beginning of works on the archaeological map of the Leningrad Oblast, Shipino, Luga District, 1983

диссертацию по теме: «Население центральных районов Ростово-Суздальской земли в X–XIII вв. (по археологическим данным)». В ней прослежен процесс формирования сельских округ Суздаля, Ростова, Переславля Залеского и Юрьева-Польского. В основу исследования легла идея, согласно которой карта известных курганных могильников примерно соответствует карте поселений. Последующие работы Суздальской экспедиции ИА РАН и ГИМ, возобновившиеся под руководством Н. А. Макарова и проводимые ныне с большим размахом, эту гипотезу подтвердили. По мере расширения и углубления исследований постепенно выяснилось: сеть древнерусских селищ была даже плотнее, чем сеть уваровских могильников.

Ключевые обобщения, сделанные В. А. Лапшиным по материалам суздальских древностей в 1980-х — начале 1990-х гг., выдержали испытание временем. Его основные публикации того периода остаются востребованными и теперь, через 30–40 лет после выхода в свет. Это касается и ранних работ, таких, как небольшая заметка, посвященная начальной дате древнерусской колонизации Ополя (Лапшин 1981), и более поздних, содержащих обобщение керамических материалов Суздальской земли и хронологические шкалы, разработанные на их основе (Лапшин 1992а; 1992б; и др.). Все эти публикации не потеряли актуальности в наши дни и постоянно цитируются⁴.

«Оглядываясь назад, понимаешь, — писал о себе В. А. Лапшин в 2013 г., — что ты — продукт своего времени и внутренней логики развития науки. В эти самые годы [1980-е — начало 1990-х. — Н. П.] появилась целая серия региональных исследований моих ровесников (В. Я. Конечкий, А. Н. Башенькин, И. В. Исланова, Н. И. Платонова и др.). Небольшие различия в их исследовательских подходах определялись спецификой конкретного материала. Такие региональные исследования пришли на смену подходу наших учителей, которые оперировали большими массивами археологических культур в рамках лесной и лесостепной полосы Восточной Европы. Новаторская работа

⁴ См. статью Н. А. Макарова в настоящем издании.

В. В. Седова «Сельские поселения центральных районов Смоленской земли» (Седов 1960) опередила свое время и долго оставалась единственной в своем роде. Ей наше поколение многим обязано.

В 1992 г. прекратила свое существование Суздальская экспедиция — вместе со всей бюджетной археологией в нашей стране. Полевые работы приняли коммерческий характер и сосредоточились в основном в городах. Так называемый кризис 90-х гг. одновременно стал периодом строительного бума, позволившего выжить археологии и археологам.

В 1992 г. я работал во Владимире, где смог проверить выстроенную ранее керамическую шкалу Суздаля. Образование культурного слоя на участке раскопок на территории „Нового города“ Андрея Боголюбского было датировано по керамике серединой XII в. Это полностью соответствовало летописной дате строительства укреплений — 1158–1164 гг. Таким образом, шкала реально „работала“.

В 1993–1997 гг. я возглавлял комплексную Кремлевскую экспедицию Тверского государственного объединенного музея, которая проводила раскопки широкой площадью в Тверском кремле. Там сохранился двухметровый влажный слой с хорошей сохранностью органики. Копать влажный слой ранее мне доводилось только в студенческие годы — в Кореле, в экспедиции А. Н. Кирпичникова. Пришлось многому учиться на ходу (рис. 8). Богатство культурного слоя XIV в. стало для меня полной неожиданностью. До этого жизнь города монгольского периода представлялась исключительно в черном цвете. В Суздале слоев этого времени нет, а во Владимире они еще не были открыты.

Благодаря сотрудничеству с Н. Б. Черных нам удалось создать дендрохронологическую шкалу Твери — третью после Новгорода и Пскова. То, что Тверь опередила в этом Москву, я, проникшись горькой тверской историей, посчитал в какой-то степени компенсацией за политическое унижение 1485 г. Тверская вещевая хронология показала некоторые отличия от новгородской, что может иметь значение для Северо-Восточной Руси в целом...» (Лапшин 2013).

Действительно, в силу ряда исторических причин, Тверь эпохи независимости (XIII–XV вв.) оказалась полностью археологизированной. От нее не осталось ни архитектурных памятников, ни укреплений; почти не сохранились художественные ценности, погиб великокняжеский архив. Единственным источником новой информации о средневековой Твери является на сегодняшний день ее культурный слой. И вот в 90-е годы XX в. этот памятник внезапно попал в число наиболее активно исследуемых. Огромный археологический материал требовал комплексного осмысления, прежде всего — разработки хронологии, необходимой для правильной интерпретации материалов как столицы Тверского княжества, так и синхронных ей средневековых памятников⁵.

В. А. Лапшин сумел осуществить в Тверском кремле широкий цикл комплексных аналитических исследований. Особое внимание обращалось им на несовпадение результатов различных методов датирования. Полученные данные позволили ему дифференцированно подойти к датировкам слоя по порубочным датам построек и уличных мостовых; проследить эволюцию материальной культуры города и специфику комплексов отдельных городских дворов-усадеб — определить хронологию изменений и сдвигов в материальной культуре и дать жилым комплексам социальные характеристики. Результаты этих исследований были автором оперативно обобщены и опубликованы (Тверской кремль... 2001; Лапшин 2009).

⁵ См. статью Е. Н. Жуковой, Ю. В. Степановой, С. В. Богданова в настоящем издании.

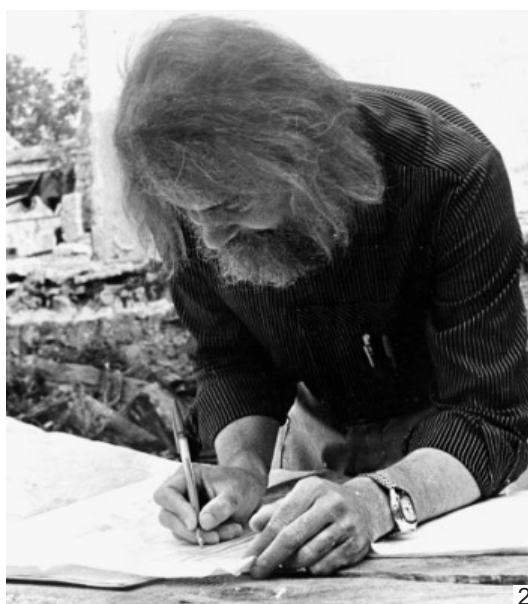

Рис. 8. В. А. Лапшин на раскопе в Тверском кремле (1) и за работой (2), Тверь, 1997 г.
Fig. 8. V. A. Lapshin at the excavation on the territory of the Tver Kremlin (1) and at work (2), Tver, 1997

Монография 2009 г. легла в основу докторской диссертации В. А. Лапшина, успешно защищенной 18 мая 2011 г. в ИИМК РАН. Предложенная им принципиально новая хронологическая шкала Твери, основанная на комплексном анализе источников, в методическом плане может служить эталоном для будущих исследований памятников средневековой Руси. Археологам-медиевистам старшего поколения, возможно, памятно, что еще в начале 1980-х гг., при обсуждении результатов датировки курганных древностей Северо-Запада по новгородской шкале, Ю. М. Лесман отмечал: для Верхнего Поволжья эта шкала регулярно дает сбои. Привязка к ней петербургских и гдовских курганных комплексов осуществляется без всяких внутренних противоречий, но едва дело доходит до тверских курганов, противоречия проявляются сразу же... Тем не менее

вплоть до последнего времени новгородская хронология средневековых древностей оставалась основной и единственной для всего северного региона. В. А. Лапшин первым выстроил локальную хронологическую шкалу по материалам такого крупного центра Северо-Восточной Руси, как Тверь, и сумел показать ее отличия от новгородской.

В 2001–2002 гг. он проводил раскопки в кремле Нижнего Новгорода. Результаты их, опубликованные в целом ряде статей⁶, дали материал для сопоставления столиц двух великих княжений — Тверского и Нижегородского. Сравнительный анализ синхронных слоев — влажного тверского и сухого нижегородского — стал весьма продуктивным в методическом плане.

В 2000-х гг. В. А. Лапшин возглавлял Ленинградский областной разведочный отряд ИИМК РАН, проводя исследования на хоздоговорной основе — в Ленинградской обл. и на территории Санкт-Петербурга. Проектируемых объектов оказалось множество — дороги, нефтепроводы и газопроводы, портовые сооружения и т. д. В 2010-х гг. главным направлением его исследований сделалась Старая Ладога. С 2014 г. В. А. Лапшин принял на себя обязанности начальника Староладожской экспедиции ИИМК РАН, которой продолжает руководить и сейчас (рис. 9). Перед сотрудниками, так или иначе занимавшимися ладожскими материалами, он поставил задачу: оперативно перейти от перманентного накопления археологического материала к его активному обобщению и публикации. Эти усилия не остались напрасными: в последние годы в ИИМК РАН вышли из печати две обширные монографии, посвященные материалам Староладожского археологического комплекса (Новое в археологии Старой Ладоги... 2018; Орфинская, Михайлов 2020). В настоящее время подготавливается третья книга.

В 2015 г. В. А. Лапшин стал директором ИИМК РАН, а спустя небольшое время — еще и заведующим ОСФА. Сказать, что эти годы были нелегкими для Российской академии наук, значит не сказать ничего. Набирала обороты очередная «перестройка» РАН и системы высшего образования, запущенная в 2013 г. Неимоверно усилилась бюрократизация Академии, исчезла былая самостоятельность в принятии решений. Последнее стало прерогативой сторонней структуры (изначально называвшейся ФАНО, Федеральное агентство научных организаций). Со всем этим надо было как-то жить, точнее — выживать, находя в каждом конкретном случае выход из положения. Нельзя было ни опускать рук, ни становиться в красивую позу, снимая с себя ответственность. Перефразируя слова известной молитвы, требовались три важных качества: спокойствие — чтобы принять неизбежное; мужество — бороться с тем, что еще можно изменить; мудрость — различать эти два случая.

В период директорства В. А. Лапшина институт не раз сталкивался с крупными проблемами, от решения которых, в конечном счете, зависело его существование. Достаточно сказать, что в какой-то момент возникла вполне реальная угроза сокращения штатов на 50 %. Можно не сомневаться: если бы это осуществилось, следующим шагом стала бы ликвидация ИИМК как самостоятельного научного учреждения. Однако сокращения удалось избежать почти полностью, научные кадры были сохранены...

А однажды вдруг стало известно, что главные периодические издания ИИМК — «Археологические вести» и «Записки ИИМК РАН» — разом лишились ВАКовского статуса. Строго говоря, ситуация была безнадежной, но... короткое время спустя произошло невероятное. Оба петербургских археологических журнала оказались восстановлены в списке ВАК. Важность этого для института, в контексте реалий сегодняшнего дня, трудно переоценить...

⁶ См. Список трудов В. А. Лапшина в настоящем издании.

Рис. 9. В. А. Лапшин на раскопках Каменной крепости Старой Ладogi, 2015 г.

Fig. 9. V. A. Lapshin at the excavation of the Stone Fortress of Staraya Ladoga, 2015

Вопрос о возможном прекращении работы Диссертационного совета ИИМК (которому грозило закрытие из-за несоответствия новым формальным требованиям) также удалось снять с повестки дня — без малейшего урона для института. Во всех этих случаях основная заслуга в решении проблем принадлежала именно директору.

В юбилейной статье нет места для исчерпывающего анализа событий непростой истории ИИМК РАН в 2015–2021 гг. Но даже того, что уже перечислено, вполне достаточно, чтобы сказать Владимиру Анатольевичу Лапшину спасибо за его нелегкую службу на посту директора. А в 2020 г. ИИМК РАН начал «прирастать Сибирью». Его структура пополнилась Южно-Сибирским филиалом (г. Абакан).

В год 70-летия коллектив института сердечно поздравляет Владимира Анатольевича Лапшина — талантливого ученого, доброго друга и на редкость скромного человека — и желает ему новых свершений!

Литература и источники

Академическая археология... 2013 — Академическая археология на берегах Невы. От РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг. / Носов Е. Н. (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 416 с.

Новое в археологии Старой Ладogi... 2018 — Новое в археологии Старой Ладogi: материалы и исследования / Платонова Н. И., Лапшин В. А. (отв. ред.). СПб.: ИИМК РАН; НКТ, 2018. 536 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. 53).

Лапшин 1981 — Лапшин В. А. Ранняя дата Владимирских курганов // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 45–48.

- Лапшин 1990 — *Лапшин В. А.* Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 1. Западные районы. Л.: Изд-во ЛВВИСУ, 1990. 126 с.
- Лапшин 1992а — *Лапшин В. А.* К вопросу о длительности сосуществования лепной и круговой керамики на древнерусских памятниках Суздальского Ополя // Городецкие чтения: МНК. Городец, 24–26 апреля 1991 г. Городец, 1992. С. 53–56.
- Лапшин 1992б — *Лапшин В. А.* Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Плетнева С. А. (отв. ред.). Древнерусская керамика. М.: ИА РАН, 1992. С. 90–102.
- Лапшин 1995 — *Лапшин В. А.* Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. Восточные и северные районы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. 232 с.
- Лапшин 2009 — *Лапшин В. А.* Тверь в XIII–XV вв.: (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. 30).
- Лапшин 2013 — *Лапшин В. А.* [Автобиография]. Рукопись // Личный архив Н. И. Платоновой.
- Тверской кремль... 2001 — Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.) / Лапшин В. А. (науч. ред.). СПб.: Европейский дом, 2001. 234 с.
- Орфинская, Михайлов 2020 — *Орфинская О. В., Михайлов К. А.* Текстиль Старой Ладogi эпохи викингов. СПб.: Ars longa, 2020. 372 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. 56).
- Половцов 2016 — Забелин Иосиф Викентьевич // Половцов А. А. (сост.). Русский биографический словарь. СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1916. Т. 7. С. 79.
- Седов 1960 — *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 158 с. (МИА. № 92).

VLADIMIR ANATOLIEVICH LAPSHIN: BACKGROUND AND ACHIEVEMENTS

N. I. PLATONOVA

Keywords: *Vladimir Anatolievich Lapshin, archaeology, IHMC RAS, biography, history of Old Rus, the Zabelins, the Reizensteins, genealogy.*

The paper analyzes the research biography of V. A. Lapshin, Doctor of Historical Sciences. It characterizes his scholarly achievements and his organizational activity as the Director of IHMC RAS. It also elucidates some aspects of the history of the Lapshins — Zabelins — Reizensteins family, which gave Russia a number of prominent scholars and military figures.

**ALMA MATER:
ВЛАДИМИР ЛАПШИН
В ЯРОСЛАВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ЛГУ**

В. Н. СЕДЫХ¹

Ключевые слова: *Северо-Восточная Русь, архив, экспедиция, студенты, практика, раскопки, раскопки, селище, могильник, клад, граффити, открытия.*

В статье использованы материалы архива Ярославской археологической экспедиции кафедры археологии исторического факультета Ленинградского (ныне — Санкт-Петербургского) государственного университета под руководством И. В. Дубова (1947–2002), отражающие полевые исследования экспедиции на территории Северо-Восточной Руси в 1972–1978 гг. В частности, на документальных материалах восстанавливается активное участие в работах экспедиции студента кафедры Владимира Лапшина. Полученный в составе Ярославской экспедиции опыт позволил Владимиру Анатольевичу вскоре приступить к самостоятельному полевому исследованию памятников Ростово-Суздальской земли.

DOI: 10.31600/2310-6557-2021-25-23-32

Ярославская экспедиция кафедры археологии исторического факультета Ленинградского государственного университета (далее — ЯРЭ) вела исследования на территории Северо-Восточной Руси в течение 15 полевых сезонов (1972–1978, 1983–1990). Основными объектами работ являлись раннесредневековые памятники Ярославского Поволжья — региона, входившего в состав древнейшего ядра Ростово-Суздальской земли.

ЯРЭ была создана Игорем Васильевичем Дубовым (1947–2002), молодым аспирантом (с 1974 г. — ассистентом) кафедры археологии ЛГУ. В работах ее принимала деятельное участие Людмила Степановна Кухарева, вдова археолога Ивана Ивановича Ляпушкина, одного из самых уважаемых наставников ленинградской археологической молодежи 1960-х гг. В былые годы она сопровождала мужа в экспедициях и была ему верной, умелой помощницей. После смерти Ивана Ивановича Людмила Степановна стала работать на кафедре лаборантом. Безупречные деловые качества удивительно сочетались в ней с грацией и изяществом в каждом движении. Это была женщина, «создающая атмосферу» (рис. 1, 1). Она замечательно рисовала и очень скоро стала незаменимым сотрудником ЯРЭ — и в поле, и при составлении отчетов о раскопках.

Студент кафедры Владимир Лапшин впервые попал в Ярославскую экспедицию практикантом-первокурсником в 1973 г. (рис. 1, 3). Сезон оказался судьбоносным во всех отношениях. Результаты его определили направление дальнейших исследований

¹ Кафедра археологии, Институт истории СПбГУ, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия.

1

2

3

4

Рис. 1. Тимерёво: 1 — Л. С. Кухарева, 1976 г.; 2 — Т. А. Чукова (слева) и Л. С. Кухарева, 1975 г.; 3 — студент-практикант В. Лапшин в лагере ЯРЭ у д. Б. Тимерёво, 1973 г.; 4 — группа участников ЯРЭ, 1973 г. (фото В. А. Лапшина), слева направо сидят, первый ряд: 2-й — В. Борисенко, 3-й — И. В. Дубов, 4-й — М. Яковлев, 5-й — С. Бабуркин, 7-й — С. Томсинский; 8-я — Т. Чукова; второй ряд: 2-й — В. Бузин, 4-я — О. Великанова

Fig. 1. Timeryovo: 1 — L. S. Kukhareva, 1976; 2 — T. A. Chukova (on the left) and L. S. Kukhareva, 1975; 3 — student assistant V. Lapshin in the Yaroslavl Expedition camp near the village of B. Timeryovo, 1973; 4 — group of participants of the Yaroslavl Archaeological Expedition, 1973 (photo by V. A. Lapshin): from left to right, front row sitting: 2nd — V. Borisenko, 3rd — I. V. Dubov, 4th — M. Yakovlev, 5th — S. Baburkin, 7th — S. Tomsinsky, 8th — T. Chukova; back row sitting: 2nd — V. Buzin, 4th — O. Velikanov

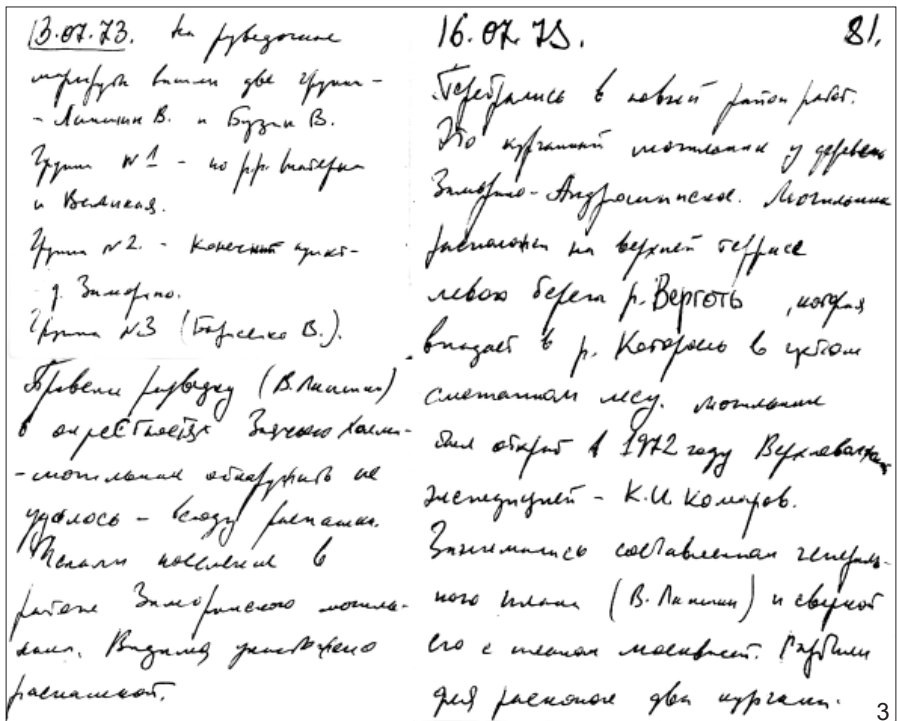
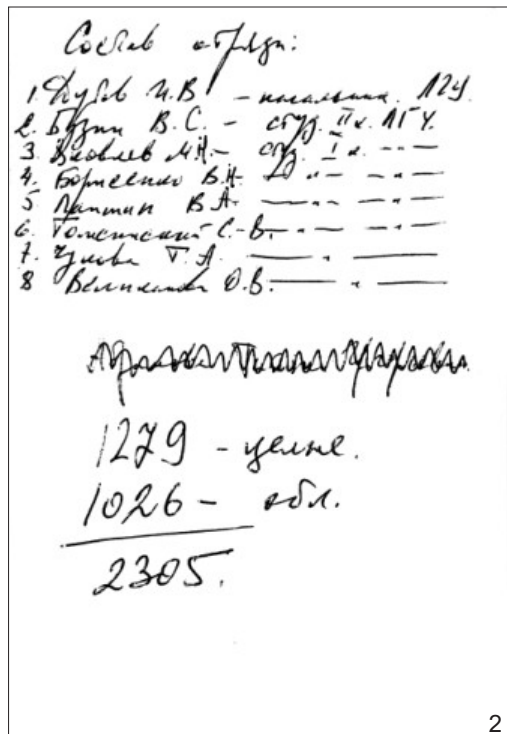
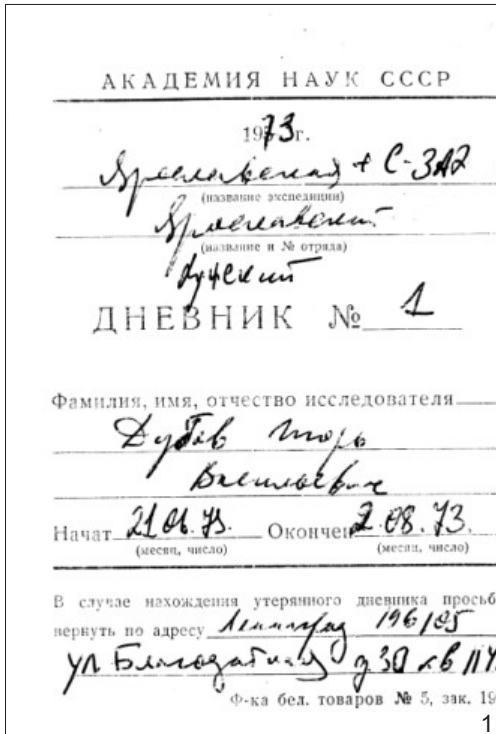

Рис. 2. Листы полевого дневника И. В. Дубова 1973 г.: 1 — титульный; 2 — с перечнем состава отряда и подсчетом монет Тимерёвского клада; 3 — с описанием разведок 1973 г. В статье использованы материалы архива ЯРЭ, хранящиеся на кафедре археологии СПбГУ

Fig. 2. Pages of I. V. Dubov's field diary, 1973: 1 — title page; 2 — page featuring the list of the expedition members and counts of coins from the Timeryovo hoard; 3 — description of the 1973 reconnaissance works (from the Archive of the Yaroslavl Archaeological Expedition stored at the Cathedra of Archaeology of St. Petersburg University)

ЯРЭ (Дубов 1974: 51; Добровольский, Дубов 1975), а заодно личную судьбу молодого исследователя. В последующие годы Владимир Анатольевич специализировался в университете по проблемам истории сельских поселений центральной части Ростово-Суздальской земли домонгольского периода. Вместе с однокурсницей Таней Чуковой (1954–2005), ставшей вскоре его женой (рис. 1, 2), они стали активными участниками разведочных и стационарных работ ЯРЭ 1970-х гг.

Маленький отряд И. В. Дубова 1973 г. поначалу состоял из шестерых студентов-первокурсников ЛГУ — Володи Лапшина, Миши Яковлева, Вити Борисенко, Сережи Томсинского, Тани Чуковой и Оли Великановой. Седьмым был более «опытный» студент-археолог второго курса Володя Бузин (рис. 2). Немного позже к ним присоединилась небольшая группа студентов-практикантов из Ярославского государственного педагогического института (далее — ЯрГПИ) (рис. 1, 4). Впоследствии все ленинградцы, участвовавшие в этой экспедиции, стали профессиональными историками и археологами. Кое-кто из них до сих пор продолжает вести преподавательскую деятельность в Институте истории СПбГУ.

Полевые работы 1973 г. были подготовлены предшествующей разведкой И. В. Дубова по р. Которосль в 1972 г. Тогда были открыты селища у деревень Малое и Большое Тимерёво и близ д. Петровское. Программа исследований 1973 г. оказалась обширной. Было проведено исследование кургана 95 Тимерёвского могильника, имевшего следы раскопок «колодцем». Под насыпью, помимо впускного погребения, обнаружилось нетронутое захоронение по обряду кремации, отнесенное И. В. Дубовым к числу наиболее ранних в этом могильнике. Полученные данные сполна продемонстрировали возможность и перспективность дальнейшего изучения курганов, несущих на себе следы прежних раскопок. В результате уже через год к исследованию таких объектов на Тимерёвском могильнике заново обратилась экспедиция ГИМ под руководством М. В. Фехнер (1909–1996) (Мальм и др. 1975; и др.).

В том же сезоне 1973 г. на Тимерёвском селище было совершено выдающееся полевое открытие — обнаружен клад арабского серебра. Счастливым находчиком основной части клада стала студентка Ольга Великанова. Всего в ходе работ оказалось собрано 2305 дирхемов. На тот момент это был крупнейший в Европе клад восточных монет IX в. Для Восточной Европы он остается таковым до сих пор (Добровольский, Дубов 1975; Седых 2007). В Северной Европе рекорд был побит через 26 лет, после обнаружения клада серебряных изделий в приходе Спиллингс на о. Готланд (1999 г.). Однако научное значение Тимерёвского клада многократно увеличивается тем, что на целом

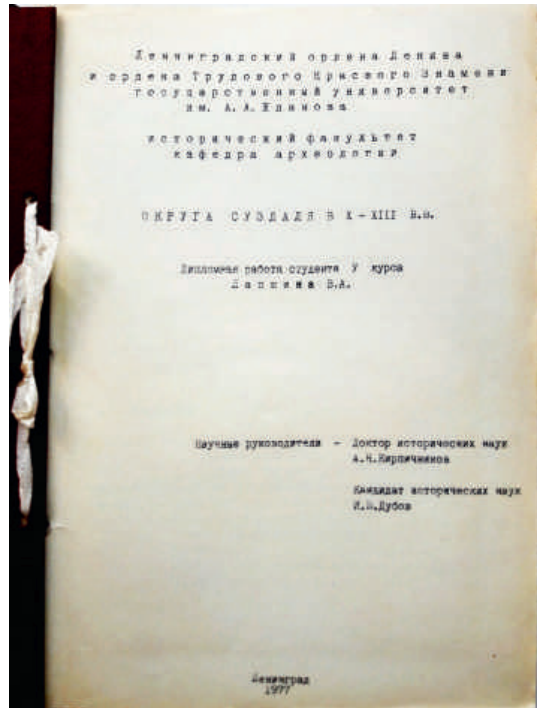

Рис. 4. Титульный лист дипломной работы В. А. Лапшина, 1977 г.

Fig. 4. Title page from V. A. Lapshin's graduation thesis, 1977

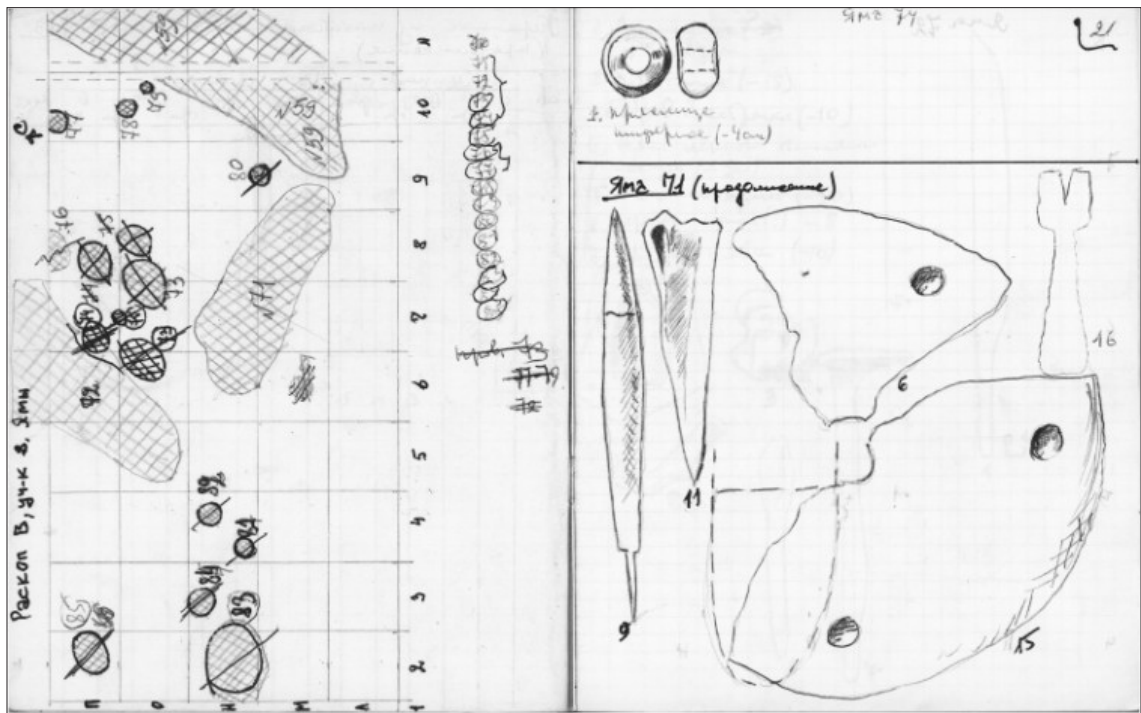
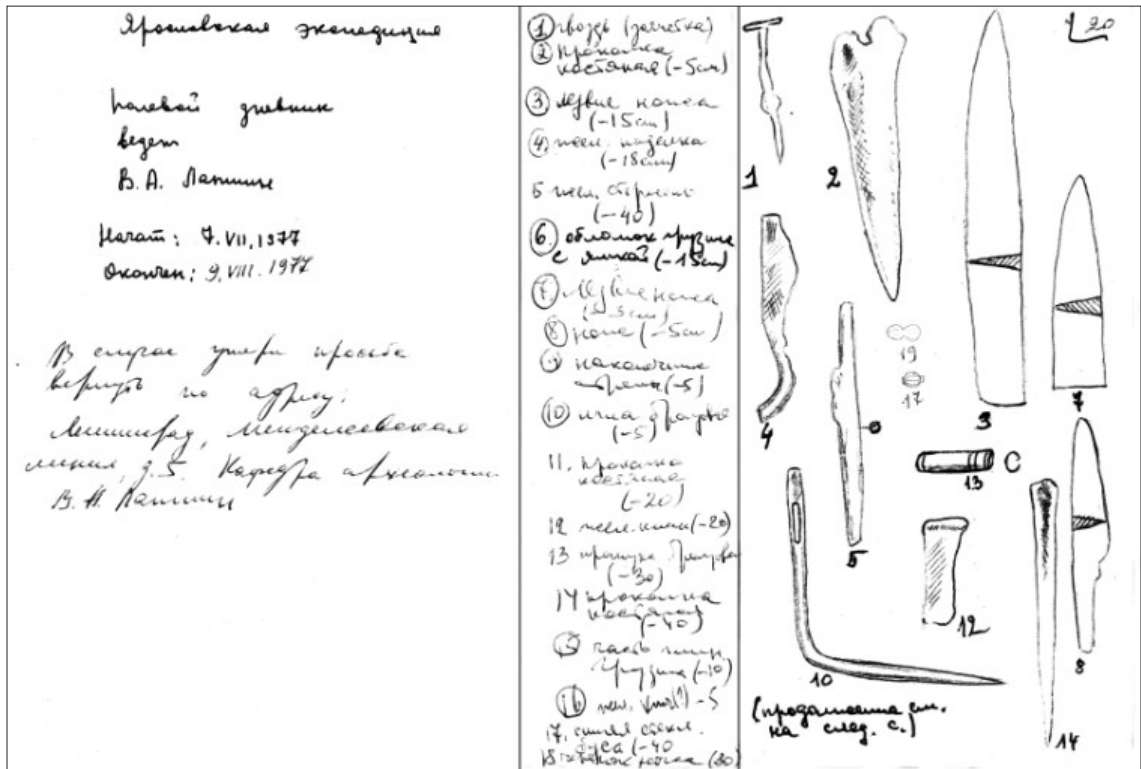

Рис. 5. Листы полевого дневника В. А. Лапшина 1977 г. (ЯРЭ, Тимерёвское поселение, раскоп Г)
Fig. 5. Pages from V. A. Lapshin's field diary, 1977 (Yaroslavl Expedition, Timeryovo settlement, trench G)

Рис. 6. Клещинский археологический комплекс (фото из открытых источников)

Fig. 6. Kleshchino archaeological complex (public domain photo)

ряде монет там выявлены разнообразные граффити, в том числе рунические знаки. В ходе раскопок на поселении в последующие годы клад еще неоднократно пополнялся за счет новых находок, растащенных плугом на большое расстояние. В настоящее время число монет в нем достигло 2762 экз.

Параллельно с раскопками у д. Большое Тимерёво И. В. Дубов предпринял в 1973 г. небольшие работы в других частях раннесредневекового Тимерёвского археологического комплекса (рис. 3, 1). Проводились и разведки новых памятников. По течению рек Шатёрки и Великой, а также в окрестностях Заячьего Холма разведку проводил первокурсник Владимир Лапшин. Тогда же ему довелось принять участие в раскопках и составлении генерального плана Заморинского курганного могильника. Этот памятник был открыт годом ранее Славянским отрядом Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР под руководством К. И. Комарова (1926–2018).

Владимир Анатольевич не прерывал своей связи с ЯРЭ в течение всего периода учебы в университете. В мае 1977 г., накануне защиты диплома, студент пятого, выпускного, курса кафедры археологии В. А. Лапшин включается в подготовку очередного полевого сезона. Он передает в фонды Ярославского музея материалы раскопок 1975 г. в Ярославле и комплекс находок из распаханного кургана, располагавшегося на границе поселения. Этот курган, исследованный ЯРЭ в 1976 г., содержал, в числе прочего, хорошо сохранившийся меч с клеймом известной западноевропейской оружейной мастерской (надпись ULFBERHT на одной стороне и орнаментальная композиция в виде перекрещивающихся полос — на другой) (рис. 3, 2).

В июне 1977 г. В. А. Лапшин успешно защитил диплом «Округа Суздаля в X–XIII вв.» (рис. 4), подготовленный под руководством И. В. Дубова и А. Н. Кирпичникова

(1929–2020). Оппонентом на защите выступил известный историк Древней Руси И. Я. Фроянов (1936–2020). А в июле 1977 г. молодой специалист уже руководил исследованиями на раскопе Г Тимерёвского поселения (рис. 5), содержащем комплексы заключительной фазы существования Тимерёва как раннесредневекового поселения. Из этой части памятника происходит ряд интересных находок, в том числе боевой нож и крестик с грубым изображением распятия.

В. А. Лапшин сыграл важную роль в открытии и исследовании комплекса средневековых памятников у с. Городище Переславского р-на, осуществленных ЯРЭ в 1977–1978 гг. В 1977 г. на плато коренного берега оз. Плещеево (Клещино), между Александровой горой и городищем у с. Городище, на распашке было зафиксировано пятно интенсивно окрашенного слоя, площадью не менее 6 га. Разведочные исследования выявили культурный слой мощностью 35–40 см, насыщенный фрагментами лепной и круговой керамики, остатками кузнечного производства и иными находками.

Найденное поселение было предварительно датировано IX–XI вв. и соотнесено с известным по письменным источникам древнерусским городом Клещином (Дубов, Лапшин 1978: 60; Дубов 1979: 61) (рис. 6). В следующем сезоне работы продолжились — были выяснены границы памятника, уточнена мощность культурного слоя и определены участки, перспективные для раскопок.

Опыт, полученный в составе ЯРЭ, позволил Владимиру Анатольевичу вскоре приступить к самостоятельному полевому исследованию памятников округа Суздаля. Этому способствовало его участие в работах Суздальской экспедиции ИА АН СССР, организованной М. В. Седовой. В этой экспедиции В. А. Лапшин и Т. А. Чукова являлись начальниками отдельных отрядов².

В 1978 г., в ходе разведок В. А. Лапшина в округе Суздаля, было открыто крупное поселение Гнездилово-2. Раскопки здесь проводились им в течение ряда лет (1980–1987 гг.); исследовались также другие памятники микрорегиона (Лапшин 1980: 60; 1981: 61; 1982: 68; 1983: 33–34; 1985: 101–104; 1987: 76–77; Лапшин, Мухина 1988: 132–149; и др.). Эти работы положили начало изучению средневековых сельских поселений в Суздальском Ополе. Полученные материалы легли в основу кандидатской диссертации на тему: «Население центрального района Ростово-Суздальской земли X–XIII вв. (по археологическим материалам)», защищенной в 1985 г.

В настоящее время раскопки средневекового могильника у с. Гнездилово, раскопанного еще А. С. Уваровым в 1851 г., продолжила Суздальская археологическая экспедиция ИА РАН и ГИМ, под руководством Н. А. Макарова. Возобновлены и раскопки на поселении Клещино, входящем в Клещинский археологический комплекс (Макаров 2016: 180–190; Зайцева, Угулава 2019: 30–50). При анализе керамического комплекса памятника по-прежнему активно используется типология, разработанная В. А. Лапшиным для керамики Суздаля и Суздальской земли (Лапшин 1990: 225–228; 1991а: 119–129; 1991б: 130–139; 1992: 90–102).

Памятники, открытые и исследованные Владимиром Анатольевичем в начальный период его научной деятельности, продолжают жить в науке. То же можно сказать о его обобщениях, сделанных на основе анализа этих материалов. По всему видно: жизнь им предстоит долгая...

² См. статью Н. А. Макарова в настоящем издании.

Литература

- Добровольский, Дубов 1975 — *Добровольский И. Г., Дубов И. В.* Комплекс памятников у деревни Большое Тимерёво под Ярославлем (по археологическим и нумизматическим данным) // Вестник ЛГУ. Серия 2. История, язык, литература. 1975. Вып. 1. С. 65–70.
- Дубов 1974 — *Дубов И. В.* Ярославская экспедиция // АО 1973 г. 1974. С. 51.
- Дубов 1979 — *Дубов И. В.* Работы на озере Плещееве // АО 1978 г. 1979. С. 61.
- Дубов, Лапшин 1978 — *Дубов И. В., Лапшин В. А.* Открытие летописного Клещина // АО 1977 г. 1978. С. 60.
- Зайцева, Угулава 2019 — *Зайцева И. Е., Угулава Н. Д.* Селище Клещино: начало нового этапа исследований // Макаров Н. А. (ред.). Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2019. Вып. 9. С. 30–50.
- Лапшин 1980 — *Лапшин В. А.* Разведка в Суздальском районе // АО 1979 г. 1980. С. 60.
- Лапшин 1981 — *Лапшин В. А.* Исследования под Суздаlem // АО 1980 г. 1981. С. 61.
- Лапшин 1982 — *Лапшин В. А.* Раскопки селища Гнездилово-2 // АО 1981 г. 1982. С. 68.
- Лапшин 1983 — *Лапшин В. А.* К изучению системы расселения в округе Суздаля X–XIII вв. // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда: ТД. Л.: Наука, 1983. С. 33–34.
- Лапшин 1985 — *Лапшин В. А.* Система расселения в центральном районе Ростово-Суздальской Руси X–XIII вв. и природный фактор // Станюкович А. К. (ред.). Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М.: Наука, 1985. С. 101–104.
- Лапшин 1987 — *Лапшин В. А.* Селище Гнездилово-2 под Суздаlem // АО 1985 г. 1987. С. 76–77.
- Лапшин 1989 — *Лапшин В. А.* Археологический комплекс у с. Гнездилово под Суздаlem // КСИА. 1989. Вып. 195. С. 66–71.
- Лапшин 1990 — *Лапшин В. А.* Лепная керамика поселений Суздальской округи (к вопросу о формировании древнерусского населения на территории Суздальского Ополя) // Васильев Ф. В. (ред.). Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья: ТД I региональной науч. конф. Горький: б. и., 1990. С. 225–228.
- Лапшин 1991а — *Лапшин В. А.* Лепная керамика Гнездиловского поселения // Седова М. В. (ред.). Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М.: Наука, 1991. С. 119–129.
- Лапшин 1991б — *Лапшин В. А.* Лепная керамика Суздаля // Там же. С. 130–139.
- Лапшин 1992 — *Лапшин В. А.* Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Плетнева С. А. (ред.). Древнерусская керамика. М.: ИА РАН, 1992. С. 90–102.
- Лапшин, Мухина 1988 — *Лапшин В. А., Мухина Т. Ф.* Раннесредневековый археологический комплекс у с. Васильково под Суздаlem // Седова М. В. (ред.). Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М.: Наука, 1988. С. 132–149.
- Макаров 2016 — *Макаров Н. А.* Подвеска со знаком Рюриковичей из летописного Клещина // КСИА. 2016. Вып. 242. С. 180–190.
- Мальм и др. 1975 — *Мальм В. А., Недошивина Н. Г., Полякова Г. Ф., Фехнер М. В.* Тимерёвский могильник близ Ярославля // АО 1974 г. 1975. С. 67–68.
- Седых 2007 — *Седых В. Н.* Монетные находки в Тимерёво в контексте нумизматических данных территории Северной Руси // Алексеев Ю. Г. и др. (редкол.). Труды по русской истории: Сб. ст. в память о 60-летию И. В. Дубова. М.: Парад, 2007. С. 233–256.

**ALMA MATER: VLADIMIR LAPSHIN
IN THE YAROSLAVL EXPEDITION OF LENINGRAD STATE UNIVERSITY**

V. N. SEDYKH

Keywords: *Northeastern Rus, archive, expedition, students, reconnaissance works, unfortified settlement, cemetery, hoard, graffiti, discoveries.*

The paper is based on the materials from the archive of the Yaroslavl Archaeological Expedition of Leningrad (now St. Petersburg) University headed by I. V. Dubov (1947–2002). Among other things, the documents dating from 1972–1978 testify that while being a student of the Cathedra of Archaeology Vladimir Lapshin took an active part in the works of the expedition. The experience gained in the Yaroslavl Expedition allowed him to start independent field work at the sites of the Rostov-Suzdal Land.

ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ ЛАПШИН: СУЗДАЛЬСКИЙ ПЕРИОД

Н. А. МАКАРОВ¹

Ключевые слова: *Владимир Анатольевич Лапшин, археология, средневековая Русь, Суздальская экспедиция, сельские поселения, города, раскопки, архивы.*

В статье проанализирован начальный период научной деятельности археолога, доктора исторических наук Владимира Анатольевича Лапшина, связанный с его многолетней работой в составе Суздальской экспедиции ИА РАН, под руководством Марии Владимировны Седовой. Показан значительный вклад, сделанный В. А. Лапшиным в исследования Северо-Восточной Руси, подчеркнута актуальность его трудов в современной науке.

DOI: 10.31600/2310-6557-2021-25-33-38

Ссылки на статьи В. А. Лапшина о суздальских древностях неизменно присутствуют во всех новейших исследованиях по археологии и истории Северо-Восточной Руси. Хотя сами эти статьи невелики по объему, и свет они увидели в уже далеких от нас 1980-х — начале 1990-х гг. Для небольших археологических публикаций, оформленных по скромным издательским стандартам того периода, подобное «долгожительство» весьма необычно. Оно является лучшим свидетельством высокого качества и актуальности этих работ.

Владимир Анатольевич начал свой путь в науке именно как исследователь археологических памятников Суздальской округи и начальник одного из отрядов Суздальской экспедиции ИА РАН и Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Эту экспедицию организовала М. В. Седова, и В. А. Лапшин, только что окончивший ЛГУ, участвовал в разработке ее общей научной программы (рис. 1). Его полевые маршруты были органично связаны с освоением огромного массива архивных материалов — документации знаменитых уваровских курганных раскопок 1851–1854 гг. Эти данные, детально проанализированные в его диссертации, легли в основу реконструкции системы поселения и общей этнокультурной ситуации в центральных районах Северо-Восточной Руси X–XIII вв. Отмечая сегодня юбилей Владимира Анатольевича, уместно обратиться к новейшей истории археологии, чтобы по достоинству оценить его вклад в исследование Суздальской земли.

1970-е гг. стали временем нового всплеска интереса к средневековой Руси, временем осознания значимости археологических материалов для ответа на главные вопросы русской истории IX–XI вв. Тогда началась серьезная дискуссия

¹ ИА РАН, Москва, 117292, Россия.

Рис. 1. Владимир Анатольевич Лапшин в Суздале, 1980-е гг.

Fig. 1. Vladimir Anatolievich Lapshin in Suzdal, 1980s.

о происхождении городов, о степени реального участия скандинавов в освоении речных путей Восточной Европы и создании Древнерусского государства. Тогда же на фоне несомненных достижений в исследовании средневековых городов с очевидностью обозначился дефицит достоверных данных о сельских поселениях и культурном облике сельской глубинки. Пространства, окружавшие древнерусские города, оставались совершенно неизученными.

Новые открытия в Новгороде и Ладоге способствовали концентрации основного исследовательского внимания на археологических памятниках Северо-Запада как наиболее ярких и перспективных для изучения древнерусского города и социально-политического устройства ранней Руси в целом. Археология Ростово-Суздальской земли оставалась как бы в тени. Требовался поиск новых материалов, способных обеспечить широкий и сбалансированный взгляд на общее пространство средневековой Руси и Восточной Европы. Особенно важно было в этой ситуации выйти «за городские ворота», за валы городищ, за пределы городских территорий, долго воспринимавшиеся как объекты, единственно достойные исследовательского внимания. Следовало начать поиски неизвестных или забытых «рядовых» сельских памятников. В. А. Лапшин оказался в числе тех молодых археологов, пришедших в науку в 1970-е гг., которые почувствовали и приняли этот вызов.

Его участие со студенческих лет в полевых работах экспедиции И. В. Дубова в Ярославской обл. — на Тимерёвском поселении и Клецинском городище — приобщило молодого ученого к изучению ключевых памятников Северо-Восточной Руси. Это и определило основное направление его собственных исследований.

Первой публикацией стала подготовленная совместно с И. В. Дубовым краткая заметка о работах на древнерусском Клецине (Дубов, Лапшин 1978). Экспедиция ЛГУ

Рис. 2. Мария Владимировна Седова со своими сотрудниками на раскопках во Владимире: слева — В. А. Лапшин, справа — В. П. Глазов, 1992 г.

Fig. 2. Maria Vladimirovna Sedova with her collaborators at the excavation in Vladimir: on the left — V. A. Lapshin, on the right — V. P. Glazov, 1992

выявила там культурный слой с лепной керамикой и вполне безошибочно (как мы теперь понимаем!) определила местоположение ядра средневекового поселения².

Суздальская экспедиция М. В. Седовой, созданная в 1977 г., выделялась на общем фоне широтой научной программы и негласным чувством своей особой миссии — вернуть Северо-Восточной Руси «археологическую славу» (рис. 2). Еще ее отличало особое организационное устройство, предполагавшее автономную работу различных отрядов, каждый из которых имел собственные задачи (при весьма скромном финансировании). Руководителями отрядов стали молодые археологи из Москвы и Ленинграда, представители двух конкурирующих научных школ, живо заинтересованные в научном общении (из ленинградцев — В. А. Лапшин, О. А. Щеглова, Т. А. Чукова). Атмосфера экспедиции способствовала самореализации молодых ученых: Мария Владимировна всем давала возможность проявить инициативу, умела заряжать их своим интересом к археологии и радоваться их успехам.

Владимир Анатольевич стал одним из первопроходцев в изучении суздальских селищ. В первую очередь его внимание привлекли так называемые большие поселения X–XI вв., составлявшие в указанный период основной каркас средневекового расселения в Суздальском Ополе. Раскопки селища Гнездилово-2, начатые в 1980 г., продолжались в течение семи сезонов. Они стали необычным для той поры вполне «инновационным» проектом исследования селищ Северо-Восточной Руси широкими площадями, с возможно более полным охватом жилой зоны, выявлением

² См. статью В. Н. Седых в настоящем издании.

планировочной структуры, поиском закрытых комплексов под слоем распашки и использованием радиоуглеродного датирования для построения хронологии.

Селище Гнездилово, где раскопками было вскрыто почти 1000 м², стало эталонным памятником X–XI вв. в Суздальской округе. Коллекция из раскопок этого памятника (чуть менее 400 предметов) по сегодняшним меркам может показаться скромной. Ведь она формировалась до появления металлодетекторов и широкого внедрения промывки культурного слоя в практику раскопок. Тем не менее собранный материал вполне способен дать полноценную характеристику своеобразной культуре Суздальской земли X–XI вв., с характерным для нее сочетанием древнерусского, «финно-угорского» и балтийского компонентов, присутствием следов архаических традиций и культурных инноваций, связанных с раннегородскими центрами.

В небольшой статье, подводившей итоги первых лет раскопок, В. А. Лапшин сделал обоснованный вывод о прекращении жизни в Гнездилово (и на ряде других крупных поселений Суздальского Ополя) на рубеже XI–XII вв. (Лапшин 1989). Тогда же он указал на возможную связь этих процессов с событиями 1107 г. (осадой Суздаля волжскими булгарами), а также с причинами «общего порядка». Под этими причинами (не до конца расшифрованными автором), видимо, следует разуметь реорганизацию управления Суздальской землей после вокняжения здесь Юрия Владимировича Долгорукого.

Одновременно Владимир Анатольевич самоотверженно взял на себя задачу разработки типологии и хронологии суздальской керамики, предполагавшую кропотливый труд по систематизации массового материала — керамических коллекций, собранных в самом Суздале и на селищах Ополя. Сложность этой работы была связана с необходимостью поиска и отбора закрытых комплексов, которые требовалось выделить на фоне огромной массы керамики, происходившей из нестратифицированных отложений. Обоснованный исследователем вывод о длительном — до конца XI в. — бытовании в Суздальской земле лепной керамики, наряду с круговой, оказался важен как для датировки керамических комплексов, так и для понимания специфики историко-культурной ситуации в регионе (Лапшин 1992а).

Созданная В. А. Лапшиным хронологическая шкала круговой древнерусской керамики (Лапшин 1992б) до настоящего времени служит надежной опорой в деле установления хронологии и типологического определения керамических материалов домонгольского времени. Исключительный интерес представляют также сделанные им совместно с В. М. Горюновой наблюдения о присутствии в Гнездилово фельдбергского и менкендорфского типов круговой керамики, отражающих связи Суздальского Ополя с Балтийским регионом, и возможном участии западнославянского компонента в формировании его культуры в X в. (Лапшин, Горюнова 2004).

Но все же, пожалуй, самой важной частью суздальской программы исследований В. А. Лапшина 1970–1980-х гг. стало углубленное изучение и систематизация материалов уваровских раскопок в Ростово-Суздальской земле, долгое время оставшихся почти невостребованными (Лапшин 1986). Создание общей картины расселения и этнокультурных процессов в центральных районах Ростово-Суздальской земли требовало не только новых раскопок, но и по возможности полного охвата ранее накопленных данных. Вслед за Е. А. Рябининым В. А. Лапшин сполна осознал ценность первичной полевой документации, составлявшейся сотрудниками А. С. Уварова при раскопках «владимирских курганов», и понял, что при внимательном

и непредвзятом изучении имеется реальная перспектива превращения ее в полноценный исторический источник.

Возвращение в науку уваровских материалов требовало огромной работы по «дешифровке» дневников, сличению и систематизации отчетных записей и коллекционных описей находок, сделанных в разное время, атрибуции вещей из музейных коллекций, считавшихся ранее полностью депаспортизованными. Взявшись за обработку этих данных, В. А. Лапшин в полной мере проявил свой характер и источниковедческие дарования, скрупулезно изучив весь массив археологической документации 1851–1854 гг. В диссертации, защищенной им в 1985 г., оказалось восстановлено 800 археологических комплексов. Это составляло примерно 10 % от всех погребений, исследованных в рамках уваровского проекта, и около 25 % погребений, содержавших вещевой инвентарь (Лапшин 1985). На такой основе исследователем была дана общая характеристика погребального обряда «владимирских курганов» и динамики его изменения, установлены даты древнейших погребений в курганных могильниках (вторая четверть — середина X в.), произведено картирование этих могильников, послужившее основой для реконструкции сети расселения X–XII вв. Важнейшим наблюдением, сделанным В. А. Лапшиным, стало указание на особую роль крупных неукрепленных поселений X–XI вв. в системе расселения и становлении древнерусской культуры в Ростово-Суздальской земле. Ключом к раскрытию культурного облика этих центров служат яркие погребальные комплексы, часть которых восстановлена по дневникам и музейным коллекциям раскопок 1851–1854 гг.

Изучение этнокультурной истории Суздальской округи закономерно ставило на повестку дня новую задачу — поиск и раскопки поселений второй половины I тыс. н. э., характеризующих культуру региона в период, предшествующий древнерусской колонизации. По завершении полевых работ в Гнездилове В. А. Лапшин в течение трех полевых сезонов (1989–1991 гг.) вел раскопки поселения Кибол I в ближайших окрестностях Суздаля — одного из немногих известных тогда памятников с лепной керамикой, где отсутствовали хроноиндикаторы X–XI вв. Здесь впервые в Суздальском Ополе была собрана выразительная коллекция лепной керамики, близкой по характеру керамике мощинского круга, и серия датирующих металлических предметов VI–VIII вв. Небольшие по объему, но надежно документированные материалы послужили своеобразным ключом к пониманию особенностей культуры будущего древнерусского Ополя во второй половине I тыс. н. э. Они позволили определить направление дальнейших поисков памятников эпохи раннего средневековья на этой территории.

Кризис 1990-х гг. резко изменил академические планы и заставил остановить полевые работы, рассчитанные на долгую перспективу. Из-за полного отсутствия финансирования Суздальская экспедиция М. В. Седовой прекратила деятельность в прежнем научном формате. Многие начинания ее участников так и не получили своего завершения. Дальнейший научный путь В. А. Лапшина оказался связан с раскопками Твери, Нижнего Новгорода и памятников Северо-Запада. Можно лишь пожалеть, что многие важнейшие материалы его суздальских исследований остались неизданными или были опубликованы в виде лаконичных заметок. Хотя сегодня эти короткие тексты являются, пожалуй, самыми читаемыми. Добрые советы и дружеское расположение Владимира Анатольевича помогли нам запустить новую программу полевых исследований в Суздальском Ополе в 2001 г.

Обращаясь сегодня к публикациям В. А. Лапшина «суздальского периода» и его отчетным материалам 1980-х — начала 1990-х гг., мы видим, что они составляют весьма

существенную часть современной источниковой базы для изучения Северо-Восточной Руси и построения новой картины ее исторического развития. Именно в указанный период Суздаль и памятники его округа как бы обрели новую археологическую материальность. Большой вклад в это дело внес В. А. Лапшин. В исследованиях суздальского периода в полной мере проявился оригинальный склад его ума, поиск собственного пути к решению сложных научных задач, особая исследовательская наблюдательность, способность видеть большие исторические явления, обращаясь к рядовым археологическим предметам и, казалось бы, заурядным памятникам. Поздравляя Владимира Анатольевича с юбилеем, мы ждем от него новых публикаций, неизменно вызывающих живой интерес.

Литература

- Горюнова, Лапшин 2004 — Горюнова В. М., Лапшин В. А. О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси // Кирпичников А. Н., Седых В. Н. (отв. ред.). Археология, история, нумизматика этнография Восточной Европы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 55–72.
- Дубов, Лапшин 1978 — Дубов И. В., Лапшин В. А. Открытие летописного Клецина // АО 1977 г. 1978. С. 60.
- Лапшин 1985 — Лапшин В. А. Население центрального района Ростово-Суздальской земли X–XIII вв.: (по археологическим материалам): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1985. 18 с.
- Лапшин 1986 — Лапшин В. А. Оценка деятельности А. С. Уварова в русской и советской археологической литературе: динамика критики // Ильина М. А. (ред.). Финно-угры и славяне. Сыктывкар: Изд-во Пермского ГУ, 1986. С. 75–79.
- Лапшин 1989 — Лапшин В. А. Археологический комплекс у с. Гнездилово под Суздаlem // КСИА. 1989. Вып. 195. С. 66–71.
- Лапшин 1992а — Лапшин В. А. К вопросу о длительности сосуществования лепной и круговой керамики на древнерусских памятниках Суздальского Ополя // Городецкие чтения. Материалы научной конференции. Городец, 24–26 апреля 1991 г. Городец, 1992. С. 53–56.
- Лапшин 1992б — Лапшин В. А. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Плетнева С. А. (отв. ред.). Древнерусская керамика. М.: ИА РАН. С. 90–102.

VLADIMIR ANATOLIEVICH LAPSHIN: THE SUZDAL PERIOD

N. A. MAKAROV

Keywords: *Vladimir Anatolievich Lapshin, archaeology, Medieval Rus, Suzdal Expedition, rural settlements, towns, archives.*

The paper analyzes the initial stage of Vladimir Anatolievich Lapshin's scholarly activity associated with his many years of work in the Suzdal Expedition of the Institute of Archaeology of RAS headed by Maria Vladimirovna Sedova. Special attention is given to V. A. Lapshin's significant contribution to the study of Northeastern Rus and to the topicality of his research in the context of contemporary science.

ВКЛАД ВЛАДИМИРА АНАТОЛЬЕВИЧА ЛАПШИНА В ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТВЕРИ

Е. Н. ЖУКОВА, Ю. В. СТЕПАНОВА, С. В. БОГДАНОВ¹

Ключевые слова: *В. А. Лапшин, средневековая археология, Тверь XIII–XV вв., Тверской кремль, дендрохронологическая шкала, радиоуглеродное датирование.*

Актуальными проблемами археологии средневековой Руси являются разработка региональных хронологических шкал и определение сходств/различий в развитии материальной культуры отдельных княжеств. Раскопки городского слоя Твери, впервые проведенные в 1930-х гг., в течение всего XX в. носили ограниченный характер. Только в 1990-х гг. здесь начались исследования на широких площадях, из которых наиболее масштабными стали раскопки Тверского кремля и посадов города под руководством В. А. Лапшина. В ходе этих комплексных исследований была разработана дендрохронологическая шкала средневековой Твери и получена большая серия радиоуглеродных дат построек. Это позволило автору раскопок выстроить надежную хронологическую базу своих исследований, всесторонне охарактеризовать материальную культуру Твери XIII–XV вв. и сформулировать в монографии собственный взгляд на развитие города. По мнению В. А. Лапшина, Тверь представляет собой сравнительно молодой городской центр, в котором границы усадеб начинают складываться лишь на рубеже XIII–XIV вв. Распределение находок по строительным горизонтам позволяет определить облик материальной культуры Твери XIII–XV вв. как более архаичный по сравнению с Новгородом.

DOI: 10.31600/2310-6557-2021-25-39-48

Исследования В. А. Лапшина в Твери стали значимой вехой в изучении ее средневековой истории. И дело не только в том, что впервые за весь период исследований города раскопки Тверского кремля были проведены на широкой площади (1400 м²). Куда важнее то, что по результатам этих раскопок впервые в историографии Твери появилось монографическое исследование, обобщившее стратиграфические наблюдения, данные комплексной аналитики материала и результаты различных методов датирования (Лапшин 2009). Сформулированные В. А. Лапшиным выводы по истории материальной культуры Твери XIII–XV вв. отличаются фундаментальностью. Контекстом их служит детальная характеристика отдельных археологических комплексов Твери. Таким образом, у археологов впервые появилась реальная возможность перейти от «археологии процессов» к «археологии

¹ Все авторы — кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет, г. Тверь, 170100, Россия.

событий». Ярким примером такого перехода можно считать статью о дворе тверского тысяцкого, принимавшего ордынских послов (Лапшин 2020).

История средневековой Твери волнует ученых уже не одно столетие. Со времен В. Н. Татищева (XVIII в.) и до наших дней исследователи продолжают искать ответы на вопросы: где именно возник город, когда это произошло, каков был его политико-административный статус и культурный облик? Если на начальном этапе развития исторической науки в России ключевое значение принадлежало летописным источникам, то уже с начала XIX в. в поле зрения любителей древности попадают памятники археологии. Со второй половины XIX в. сведения о них регулярно собираются. Данный этап изучения средневековых древностей Твери можно определить как начало формирования источниковой базы. Следует отдать должное тверским краоведам — А. К. Жизневскому, В. И. Колосову, А. И. Виноградову и многим другим: они рассматривали предметы материальной культуры как источник получения исторической информации, равнозначный сведениям древнерусской письменности.

Систематическое изучение средневековых древностей по археологическим данным начинается в Твери с 1930-х гг. В эти годы полевые исследования проводил Н. П. Милонов — сотрудник Волго-новостроечной экспедиции МОГАИМК, возглавляемой О. Н. Бадером. Указанный этап в биографии Н. П. Милонова достаточно подробно освещен в монографии В. А. Лапшина (2009).

Нельзя не упомянуть также А. Н. Вершинского, преподавателя Калининского пединститута, краоведа и археолога-любителя. Помещения пединститута в 1930-е гг. располагались в пределах кремля (в здании бывшего губернского реального училища). Активная хозяйственная деятельность на территории вуза давала возможность археологического наблюдения при проведении работ. К этим исследованиям привлекали студентов, преподавателей пединститута и сотрудников областного музея (Сосенкова 1935). Результаты исследований А. Н. Вершинский описал в научно-популярном издании «Города Калининской области» (Вершинский 1939).

В личном фонде А. Н. Вершинского, хранящемся в Государственном архиве Тверской области (ГАТО), указанная рукопись озаглавлена «Исторический очерк города Калинина до середины XIX в.» (Вершинский... Очерк). Рассматривая вопрос о месте возникновения Твери, автор ссылается на данные полевых исследований. По его мнению, эти данные свидетельствуют, что «...именно здесь [то есть на территории кремля. — *Авт.*], а не на устье Тверцы, как утверждали прежде историки, возникла старая Тверь...» (Там же: Л. 4). Так благодаря первым полевым исследованиям появились материальные свидетельства о предполагаемом месте основания города².

События Великой Отечественной войны стали настоящей катастрофой для тверского краеведения. Тогда были утрачены и депортированы богатейшие археологические коллекции областного музея. Материальные возможности полевых исследований стали, по понятным причинам, значительно более ограниченными. Вдобавок война резко изменила кадровый состав исследователей как местных, так и столичных.

Вопросы истории средневековых городов Тверского княжества во второй половине 1940-х гг. решались, в основном, без вскрытия культурного слоя. В этот период активно анализировались иконографические (Воронин 1949б), топографические и письменные источники. Э. А. Рикманом в рамках подготовки диссертации проводились обследования

² В дальнейшем возможность наблюдать за вскрытием культурного слоя во дворе Калининского пединститута возникала еще дважды — в 1939 и 1941 гг. (Отчет. Записи и выписки... Л. 14, 15).

городов Тверского княжества, в том числе самой Твери (Рикман 1947; 1949). Различные гипотезы о локализации, соотношении и содержательном наполнении структурных элементов средневековой Твери уже были сформулированы, требовалось, однако, определить степень достоверности высказанных предположений.

Потребность в полевых исследованиях казалась очевидной, однако перерыв в полевых работах длился 40 лет. Только к концу 1970-х гг., наконец, возобновились исследования Тверского кремля. Приемы вскрытия культурного слоя, фиксации объектов исследования и анализа полученных материалов к тому времени качественно изменились. Исследования производились Н. В. Жилиной (Мясниковой) в 1979–1984 гг. (Мясникова 1980; 1981; 1984; 1985; Жилина 1986) и Л. А. Поповой (Царьковой) в 1985, 1988, 1989 гг. (Попова 1986; 1988). Применение более современной методики и увеличившийся объем исследований позволили скорректировать представления о планиграфии и стратиграфии кремлевской территории, собрать богатую коллекцию массового материала и уникальных индивидуальных находок.

Вслед за изучением кремля со второй половины 1980-х гг. начинается археологическое изучение Тверских посадов: Загородского, Затьмацкого, Заволжского и Затверецкого. Экспедиционные исследования организуются Отделом археологии Тверского государственного объединенного музея (ТГОМ) под руководством И. Н. Черных и Тверским научно-исследовательским и реставрационным центром (ТНИИР-центр) под руководством А. Н. Хохлова.

К концу 1980-х гг. центральная экспозиция областного музея располагалась в здании Путевого дворца, испытывая немалые трудности из-за нехватки помещений. В непосредственной близости от Путевого дворца располагалось здание бывшего губернского реального училища, пустовавшее в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Архитектурно-археологическое обследование здания было проведено в 1988 г. (Попова 1988). Возникла идея передать это здание музею, с последующей его реконструкцией и археологическим исследованием территории, входящей в зону реконструкции.

Хозяйственно-финансовые вопросы решались администрацией Калининской (Тверской) обл. и руководством музея. В это время председателем исполкома Калининского областного Совета народных депутатов, а с 1991 г. — главой Администрации Тверской обл. был Владимир Антонович Сулов, а директором Тверского государственного объединенного музея — Юрий Михайлович Бошняк. От их волевого решения во многом зависела судьба кремлевского раскопа в сложные 1990-е гг. Объем средств для финансирования археологических исследований в тот период был сопоставим с дорогостоящей установкой органа в рамках реконструкции областной филармонии (Евсеева 2017).

Значимость этих двух событий для Твери в полной мере начинает ощущаться только десятилетия спустя. Ю. М. Бошняк с самого момента своего прихода на должность директора в 1985 г. проявлял искренний интерес к работе археологов музея и способствовал созданию в штате ТГОМ Отдела археологии во главе с И. Н. Черных. К тому времени, когда исследования в Тверском кремле стали насущной задачей, в Отделе археологии ТГОМ сложилась ситуация острой нехватки профессиональных кадров археологов. И. Н. Черных обратился в ИИМК РАН за помощью³. В результате в 1990-е гг. в отдел пришли В. А. Лапшин, Т. А. Чукова, А. В. Курбатов, В. И. Кильдюшевский. В процессе работы экспедиции шло формирование коллектива сотрудников, передача

³ Авторы выражают благодарность И. Н. Черных за устную консультацию.

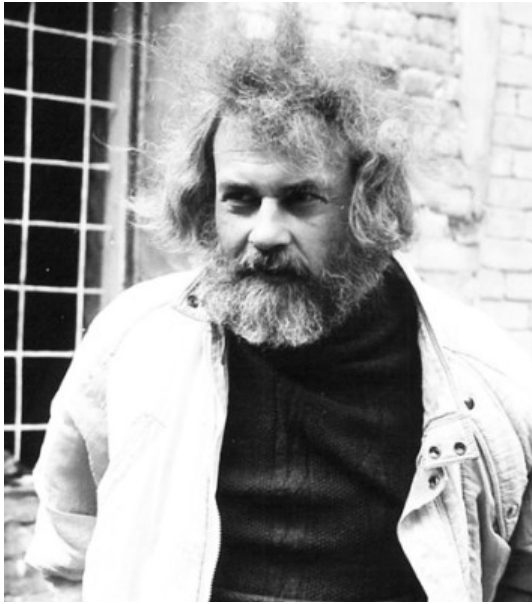

Рис. 1. В. А. Лапшин — начальник Кремлевской экспедиции ТГОМ, Тверь, 1997 г.

Fig. 1. V. A. Lapshin — head Tver Kremlin's expedition, Tver, 1997

опыта, навыков и знаний начинающим сотрудникам экспедиции музея. Работа на кремлевских раскопах сформировала основной костяк Отдела и в дальнейшем дала его сотрудникам возможность проводить самостоятельные исследования.

В. А. Лапшин начал полевые исследования в Твери в 1992 г. Это были раскопы на посадах города. Тогда он совместно с Т. А. Чуковой осуществлял надзор на Загородском (Чукова 1992) и Затьмацком посадах (Чукова 1993а; 1993б). В 1992–1993 гг. было организовано археологическое исследование участка под строительство нового здания Сбербанка на территории бывшего Загородского посада Твери (Лапшин 1993б). В 1992 г. там был заложен раскоп общей площадью 780 м², а на следующий год организовано археологическое наблюдение на участках прокладки коммуникаций к строящемуся зданию общей протяженностью 308 м. Исследования на Загородском

посаде велись осенью. А уже летом 1993 г. В. А. Лапшиным были начаты исследования Тверского кремля (рис. 1). По своему объему полевые работы 1990-х гг. являлись наиболее масштабными из всех проводившихся ранее — общая площадь раскопа составила 1400 м² (Лапшин 2009: 15).

В 1993–1994 гг. под руководством В. А. Лапшина было заложено 23 шурфа общей площадью около 150 м² в рамках инженерного обследования фундаментов Путевого дворца (Лапшин 1993а; 1994а). Задачей археолога было получить максимум возможной информации — раскрыть фундаменты, реконструировать архитектуру дворца, выявить информационно насыщенные слои. Ключевой проблемой, с которой столкнулся в тот период В. А. Лапшин, была невозможность обоснованной оперативной характеристики слоев из-за неразработанности хронологии керамики (Лапшин 1993а: 5). К этому вопросу исследователь возвращался неоднократно и при составлении отчета по раскопу Кремль-11 (Лапшин 1993в: 5), и в обобщающей монографии, посвященной Тверскому кремлю (Лапшин 2009: 31). В дальнейшем им была разработана типология керамики на основании материалов бровки 2 раскопа Кремль-11 (Там же: 127–129).

Раскоп в Тверском кремле, фигурирующий в литературе как Кремль-11, был заложен во второй половине лета 1993 г. (Лапшин 1993в). Он располагался в центральной части кремля. Мощность напластований доходила до 4 м, половину которых составляли влажные слои эпохи средневековья. Первый полевой сезон был окончен поздней осенью. После снятия балласта стал очевиден предстоящий объем работ. Раскоп законсервировали и в последующие три года вскрывали напластования отдельными участками, до материка (рис. 2). В полевом сезоне 1994 г. были исследованы восточная и западная части площадки раскопа — участки 1 и 3 (Лапшин 1994б). В 1995 г. вскрывались участки 1, 1А, 2, 3 (Лапшин 1995), в 1996 г. —

Рис. 2. В. А. Лапшин с участниками экспедиции в Тверском кремле, 1994 г.

Fig. 2. V. A. Lapshin among the expedition staff in the Tver Kremlin, 1994

участки 4, 5 (Лапшин 1996б). В 1997 г., на завершающем этапе работ, на раскопе были разобраны контрольные бровки (Лапшин 1997). В 1998 г. к западу от раскопа Кремль-11 осуществлялась прокладка траншей под будущие коммуникации (Лапшин 1998а).

Параллельно с работами на кремлевском раскопе исследования проводились в других частях города. Осенью 1996 г. на территории Тверского кремля, южнее раскопа Кремль-11, В. А. Лапшиным велись обследования фундаментов бывшего дома губернатора (Лапшин 1996а). В 1997–1998 гг. им, совместно с Т. А. Чуковой, были проведены работы на Загородском посаде Твери (Лапшин 1998в). Общая исследованная площадь составила 581 м². Осенью 1998 г. были проведены раскопки на Заволжском посаде (920 м²) (Лапшин 1998б).

Одним из важнейших достижений археологических исследований В. А. Лапшина в Твери стала разработка абсолютной дендрохронологической шкалы (Черных, Карпухин 2001а; 2001б; 2004). На основании ее была выработана хронологическая «решетка», позволяющая датировать находки с точностью примерно до двух десятилетий (Лапшин 2009: 85–86). В основу тверской шкалы легли результаты анализа более 350 образцов дерева из средневековых и более поздних построек. Результатом исследования образцов древесины стала привязка изученных в раскопе построек и сооружений к календарным датам. Нижней и верхней границей дендрохронологической шкалы раскопа Тверской кремль-11 являются 1105 и 1439 гг. Однако это не означает, что древнейшие слои Тверского кремля датируются началом или первой половиной XII в. Бревна из самых ранних пластов на изученном участке Тверского кремля имеют даты рубки (т. е. собственно дендродаты) в пределах 1271 — начала 1280-х гг.

Не стремясь к неперемому удревнению строительных горизонтов, В. А. Лапшин последовательно придерживается принципа датирования сооружений в условных строительных горизонтах по совокупности дат. Конечно, выявленная для раскопа Кремль-11 закономерность строительства относится только к изученной площади на территории Тверского кремля (Черных, Карпухин 2001а: 35), однако сопоставление с результатами исследований Л. А. Поповой в южной части Тверского кремля показывает «значительное совпадение» строительных горизонтов на изученных участках (Лапшин 2001а: 223). Это важное обстоятельство дало основания для следующего вывода: изменения топографии Тверского кремля, прослеженные в раскопе Кремль-11, не носят локального характера (Там же).

Итоги исследований В. А. Лапшина и его сотрудников ныне вступают в противоречие с итогами исследований некоторых других археологов в Тверском кремле (исследования Н. В. Жилиной и экспедиции ТНИИР-Центра). Ими были получены более ранние дендродаты для отдельных сооружений, и на основании итогов радиоуглеродных исследований образцов древесины (исследования ТНИИР-Центра в 2013 г.) сформулированы положения о датировке древнейших строительных сооружений и строительных горизонтов серединой XII в.

Это противоречие разрешается следующим образом. Дело в том, что в ходе исследований В. А. Лапшина для образцов древесины были получены как дендрохронологические, так и радиоуглеродные даты, тогда как оппоненты В. А. Лапшина оперируют только радиоуглеродными датами и при этом ориентируются исключительно на нижнюю границу хронологического интервала радиоуглеродной даты (Хохлов, Иванова 2016).

В раскопе Кремль-11 с пяти срубов были получены и дендродаты, и календарные интервалы калиброванных радиоуглеродных дат (Лапшин 2009: 219, табл. 7). Сравнение результатов дендрохронологического и радиоуглеродного анализов убедительно показало, что при датировке деревянных конструкций по ^{14}C нужно основываться на *верхних границах календарных интервалов* (Там же: 194). Кроме того было выяснено: радиоуглеродные даты почти всегда оказываются старше порубочных, что объясняется рядом причин (Попов 2001: 73). Учет этих особенностей позволил сделать важный вывод методического характера: «ориентироваться при переходе от радиоуглеродных дат к абсолютным датам следует на верхнюю границу календарного интервала» (Там же: 74).

Распределение по строительным горизонтам 9118 индивидуальных находок, зафиксированных в ходе раскопок 1994–1997 гг. в Тверском кремле, позволило охарактеризовать облик материальной культуры средневековой Твери и выявить специфические черты в бытовании отдельных категорий вещей. В обобщающей монографии В. А. Лапшина охарактеризованы многочисленные категории находок из черного и цветного металлов, стекла, камня, кости и рога, керамики, органических материалов. Для исследования им были привлечены естественнонаучные методы и соответствующие специалисты (Лапшин 2009: 15) (рис. 3).

Важнейший вывод, к которому пришел исследователь, — это значительное запаздывание верхних дат бытования многих типов металлических украшений Твери. Многие типы находок, традиционно считающиеся домонгольскими, в действительности надолго переживают рубеж 1237–1240 гг. в быту жителей Твери (Лапшин 2009: 142, 188). Ряд характерных находок, таких как стеклянные браслеты и шиферные пряслица, продолжали интенсивно использоваться здесь, когда в Новгороде они уже вышли из употребления. Так, пик распространения стеклянных браслетов в Твери соответствует первой трети XIV в., что сближает Тверь с Нижним Новгородом и Булгаром (Там же: 141).

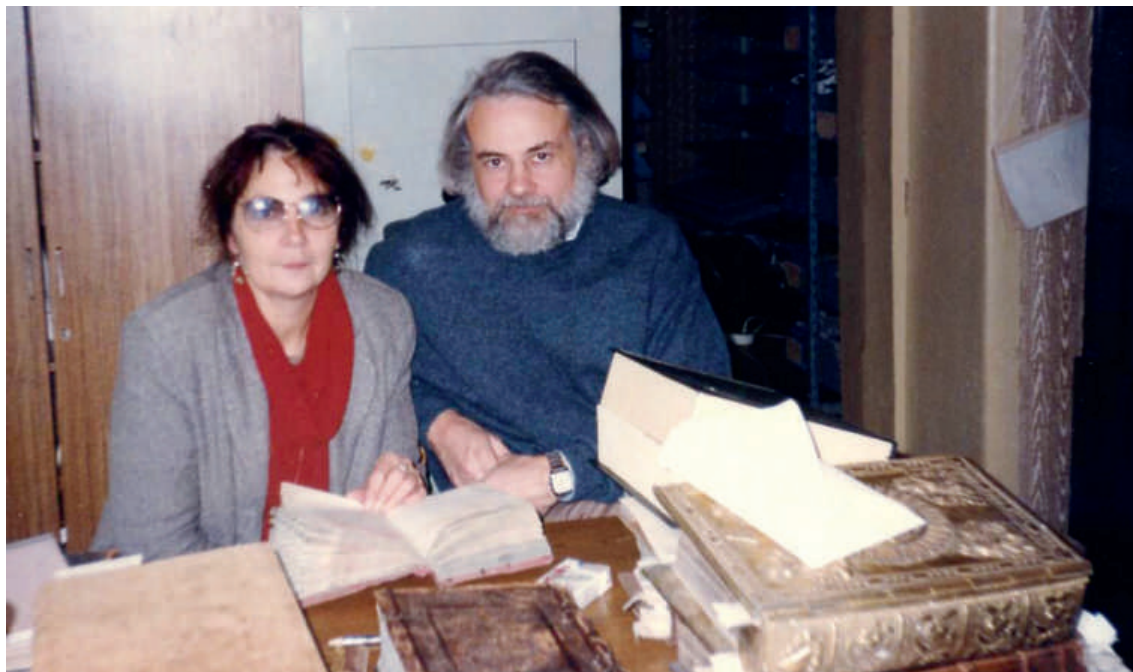

Рис. 3. В. А. Лапшин и специалист по эпиграфике Т. В. Рождественская в Тверском музее, 1997 г.
Fig. 3. V. A. Lapshin and epigraphist T. V. Rozhdestvenskaya in the Tver Museum, 1997

Эти наблюдения позволили В. А. Лапшину сделать вывод о весьма консервативном укладе жизни населения Твери XIII–XV вв. Объяснение такому явлению исследователь видит в том, что значительную долю населения Твери в период после монгольского нашествия, по-видимому, составляли сельские жители. Это обстоятельство определило более архаичный облик культуры Твери по сравнению с Новгородом, а также использование «деревенских» украшений «курганного» облика (Лапшин 2005: 34–35; Лапшин 2009: 142–143).

В. А. Лапшин является сторонником относительно позднего формирования Твери как города. Он отмечает малое количество находок золотостеклянных бус, широко представленных в погребальных комплексах Верхневолжья XI — первой половины XII в., и полагает, что в XII в. в устье Тьмаки располагались сельские поселения. Только на рубеже XIV–XV вв. происходит стабилизация застройки, нашедшая отражение в преемственности территории усадеб и появлении мощения улиц (Лапшин 2001б). Все указанные наблюдения позволили В. А. Лапшину сделать вывод о том, что Тверь — «...молодой центр, в котором городская культура формируется весьма неравномерно» (Лапшин 2009: 143). Эта точка зрения согласуется с мнением П. Д. Малыгина о Твери как о городе, возникшем «по Батыеве пленении» (Малыгин 2008: 209–210).

Результаты исследования В. А. Лапшина, отраженные в его докторской диссертации и монографии на ее основе, представляют целостную картину развития средневековой Твери. Предложенные им подходы к датированию археологических материалов сухого культурного слоя, разработанная хронологическая шкала и целый ряд конкретных выводов В. А. Лапшина сохраняют непреходящую актуальность и имеют большое практическое значение для исследователей материальной культуры средневековых городов Руси и разработки ее хронологии.

Подводя итог, можно сказать, что вклад В. А. Лапшина в изучение средневековой Твери огромен. Об этом свидетельствуют объемы полевых работ, но главное — полная завершенность исследования, от подготовленных в установленные сроки отчетов о раскопках до презентации научному сообществу собственной концепции в рамках фундаментальной монографии.

Литература и источники

- Вершинский 1939 — *Вершинский А. Н.* Города Калининской области. Калинин: Калинин. обл. лит. изд., 1939. 122 с.
- Вершинский... Очерк — *Вершинский А. Н.* Исторический очерк города Калинин до середины XIX в. (Машинописный экземпляр) с отзывом профессора А. В. Шестакова // ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 145.
- Воронин 1949б — *Воронин Н. Н.* Тверской кремль в XV в. // КСИИМК. 1949. Вып. 24. С. 84–91.
- Евсеева 2017 — *Евсеева Е.* Первый глава Тверской области Владимир Сулов: Власть должна ходить пешком // Аргументы и факты. Тверь. 9.11.2017.
- Жилина 1986 — *Жилина Н. В.* Раскопки средневековой Твери // АО 1984 г. М.: Наука, 1986. С. 50.
- Лапшин 1993а — *Лапшин В. А.* Археологические исследования фундаментов Путеевого дворца в 1993 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 17787.
- Лапшин 1993б — *Лапшин В. А.* Археологические наблюдения на территории Затьмацкого посада (на участках прокладки коммуникаций к строящемуся зданию по ул. Володарского, 7) в 1993 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 17785.
- Лапшин 1993в — *Лапшин В. А.* Раскопки в Тверском кремле на участке строительства здания Тверского государственного объединенного музея (ТГОМ) по ул. Советской, 7 (раскоп Кремль-11) // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 17786.
- Лапшин 1994а — *Лапшин В. А.* Археологические исследования фундаментов Путеевого дворца в г. Твери в 1994 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 18732.
- Лапшин 1994б — *Лапшин В. А.* Отчет о раскопках в Тверском кремле на участке строительства здания Тверского государственного объединенного музея по ул. Советской, 7 в 1994 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 18716. Д. 18717. Д. 18718. Д. 18719. Д. 18720.
- Лапшин 1995 — *Лапшин В. А.* Отчет о раскопках в Тверском кремле на участке строительства здания Тверского государственного объединенного музея по ул. Советской, 7 в 1995 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 18716. Д. 18717. Д. 18718. Д. 18719. Д. 18720.
- Лапшин 1996а — *Лапшин В. А.* Археологические исследования фундаментов бывшего дома губернатора в г. Твери (по ул. Советской, д.10) в 1996 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 20696.
- Лапшин 1996б — *Лапшин В. А.* Отчет о раскопках в Тверском кремле на участке строительства здания ТГОМ по ул. Советской, д.5а в 1996 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 20424. Д. 20425. Д. 20426. Д. 20427. Д. 20428.
- Лапшин 1997 — *Лапшин В. А.* Раскопки в Тверском кремле на участке строительства здания ТГОМ по ул. Советской, 5а в 1997 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 21206. Д. 21207. Д. 21208.
- Лапшин 1998а — *Лапшин В. А.* Археологические исследования (раскопки, надзор) в Тверском кремле на участке проводки подземных коммуникаций к зданию бывшего Путеевого дворца через Волжский проезд в 1998 г. (раскоп Кремль-15, ул. Советская, д. 3) // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 21802. Д. 21803.

- Лапшин 1998б — *Лапшин В. А.* Археологические исследования (раскопки, надзор) на Заволжском посаде в г. Твери (раскоп Заволжский посад — ул. Никитина, д. 4) в 1998 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 21804. Д. 21805.
- Лапшин 1998в — *Лапшин В. А.* Археологические исследования (раскопки, надзор) на Загородском посаде в г. Твери (Тверская пл., д. 2) летом 1998 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 21806. Д. 21807.
- Лапшин 2001а — *Лапшин В. А.* Вместо заключения (комментарий археолога) // Лапшин В. А. (ред.). Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.). СПб.: Европейский дом, 2001. С. 221–225.
- Лапшин 2001б — *Лапшин В. А.* Строительные горизонты раскопа Тверской Кремль-11 // Лапшин В. А. (ред.). Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб.: Европейский дом, 2001. С. 36–68.
- Лапшин 2005 — *Лапшин В. А.* Хронологическая шкала Новгорода и проблемы хронологии средневековой Твери // Вестник Новгородского ГУ. 2005. № 33. С. 31–37.
- Лапшин 2008 — *Лапшин В. А.* Проблемы использования дендрохронологической шкалы Твери // Вестник Тверского ГУ. Серия История. 2008. Вып. 4 (94). С. 108–113.
- Лапшин 2009 — *Лапшин В. А.* Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с.
- Лапшин 2020 — *Лапшин В. А.* Ордынские послы в Твери XIV века по археологическим свидетельствам // Вестник Томского ГУ. История. 2020. № 68. С. 43–48.
- Малыгин 2008 — *Малыгин П. Д.* О тверских «юбилеях» (1110, 1135, 1206 гг.) // Кучкин В. А., Конявская Е. Л. (науч. ред.) Михаил Ярославич Тверской — великий князь всея Руси. Тверь: СФК-офис, 2008. С. 206–209.
- Мясникова 1980 — *Мясникова Н. В.* Работы в г. Калининe // АО 1979 г. М.: Наука, 1980. С. 67.
- Мясникова 1981 — *Мясникова Н. В.* Раскопки древних укреплений Твери // АО 1981 г. М.: Наука, 1983. С. 74.
- Мясникова 1984 — *Мясникова Н. В.* Работы в г. Калининe // АО 1982 г. М.: Наука, 1984. С. 71.
- Мясникова 1985 — *Мясникова Н. В.* Раскопки в древней Твери // АО 1983 г. М.: Наука, 1985. С. 72.
- Отчет. Записи и выписки... — Отчет. Записи и выписки по вопросам археологической работы в Калининской области // ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 18.
- Попов 2001 — *Попов С. Г.* Хронология раскопа Тверской кремль–11 как результат сопоставления данных радиоуглеродного анализа и дендрохронологии // Лапшин В. А. (ред.). Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.). СПб.: Европейский дом, 2001. С. 69–79.
- Попова 1986 — *Попова (Царькова) Л. А.* Исследования в Твери // АО 1985 г. М.: Наука, 1987. С. 92–93.
- Попова 1988 — *Попова Л. А.* Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Калининe на территории Тверского кремля, Загородского и Затьмацкого посадов. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях в здании бывшего реального училища в Твери в 1988 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 14439, 14440, 14441.
- Рикман 1947 — *Рикман Э. А.* Отчет о разведке на территории бывшего Тверского княжества в 1947 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 417.
- Рикман 1949 — *Рикман Э. А.* Города Тверского княжества: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.; Л.: Из-во АН СССР, 1949. 18 с.

- Сосенкова 1935 — *Сосенкова Е.* Организация раскопок Тверского Кремля // Советский Музей. 1935. № 4. С. 81–82.
- Хохлов, Иванова 2016 — *Хохлов А. Н., Иванова А. Б.* Исследования мысовой части Тверского кремля в 2013 г. Раскоп № 23: застройка, стратиграфия, хронология // Хохлов А. Н. (отв. ред.). Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: ТНИИР-Центр, 2016. Вып. 9. С. 17–86.
- Черных, Карпухин 2001а — *Черных Н. Б., Карпухин А. А.* Абсолютная дендрохронологическая шкала Твери XII–XV вв. (по материалам раскопок в Тверском кремле) // РА. 2001. № 3. С. 46–54.
- Черных, Карпухин 2001б — *Черных Н. Б., Карпухин А. А.* Результаты дендрохронологического исследования дерева построек из раскопа Тверской кремль-11 // Лапшин В. А. (ред.). Тверской кремль: Комплексное археологическое источниковедение. СПб.: Европейский дом, 2001. С. 21–35.
- Черных, Карпухин 2004 — *Черных Н. Б., Карпухин А. А.* Абсолютная дендрохронологическая шкала Твери XI — начала XX в. // РА. 2004. № 3. С. 68–78.
- Чукова 1992 — *Чукова Т. А.* Археологические наблюдения на участке прокладки коммуникации по ул. Вольного Новгорода, д. 21 на территории Загородского посада г. Твери в 1992 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 17352.
- Чукова 1993а — *Чукова Т. А.* Археологические наблюдения на участке строительства жилого дома на территории Затьмацкого посада (ул. Бебеля, 45) в 1993 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 17733.
- Чукова 1993б — *Чукова Т. А.* Отчет об охранных раскопках на территории Затьмацкого посада г. Твери (раскоп № 24, ул. Бебеля, 42) в 1993 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 17722.

VLADIMIR ANATOLIEVICH LAPSHIN'S CONTRIBUTION TO THE ARCHAEOLOGICAL STUDY OF MEDIEVAL TVER

E. N. ZHUKOVA, YU. V. STEPANOVA, S. V. BOGDANOV

Keywords: *V. A. Lapshin, medieval archaeology, Tver of the XIII–XV cc., Tver Kremlin, dendrochronological scale, radiocarbon dating.*

One of the urgent problems in the field of medieval Russian archaeology is the creation of regional chronological scales and identification of similarities and dissimilarities in the development of material culture of different Old Russian principalities. During most of the XX c. the excavations of the urban strata of Tver, first conducted in the 1930s, were of fairly limited scope. It is only since the 1990s that wide area excavations have been started here. Particularly extensive were the excavations in the Tver Kremlin and suburbs directed by V. A. Lapshin. Among the most important results of these complex studies were the creation of the dendrochronological scale for Tver and the acquisition of numerous radiocarbon dates, which allowed the excavator to obtain a reliable chronological base for his research and to give an in-depth characteristic of the material culture of T in the XIII–XV cc. According to V. A. Lapshin, Tver was a relatively young urban center where the boundaries of homesteads started to form as late as the turn of the XIII–XIV cc. The distribution of finds by building horizons makes it possible to conclude that the material culture of Tver of the XIII–XV cc. looks more archaic than that of Novgorod.

**ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ ЛАПШИН.
ФОТОГРАФИИ РАЗНЫХ ЛЕТ
В юности и в суздальский период своей научной деятельности
(1968–1991 гг.)**

Рис. 1. 1 — Владимир Лапшин — выпускник школы, Ленинград, 1968 г.; 2 — на службе в Советской армии, Загорский р-н Московской обл., 1970 г.; 3 — В. А. Лапшин в разведке на Карельском перешейке — работа по составлению карты Ленинградской обл., 1991 г.; 4 — В. А. Лапшин с женой Т. А. Чуковой на конференции в музее-заповеднике А. С. Пушкина «Михайловское», 1983 г.

Fig. 1. 1 — Vladimir Lapshin — a school graduate, Leningrad, 1968; 2 — V. Lapshin in Soviet Army, Zagorsk District of Moscow Oblast, 1970; 3 — working on the archaeological map of Leningrad Oblast — V. A. Lapshin on a reconnaissance trip in the Kola isthmus, 1991; 4 — V. A. Lapshin with his wife T. A. Chukova during the conference in the Mikhaylovskoe Museum-Reserve, 1983

Рис. 2. С гостями Суздальской экспедиции, июль 1990 г, стоит — Е. Н. Носов;
сидят справа налево — Н. В. Хвощинская, В. А. Лапшин, Марк Брисбейн, Джон Оксли
Fig. 2. With guests of the Suzdal Expedition, July of 1990, standing — E. N. Nosov;
sitting from right to left: N. V. Khvoshchinskaya, V. A. Lapshin, Marc Brisbane, John Oxley

Рис. 3. В. А. Лапшин (2-й справа) и О. А. Щеглова (3-я справа) в гостях у мэра г. Йорк,
Великобритания, сентябрь 1990 г.
Fig. 3. V. A. Lapshin (2nd from the right) and O. A. Shcheglova (3rd from the right)
on a visit to the mayor of York, Great Britain, September of 1990

Тверской и петербургский периоды (1992–2014 гг.)

Рис. 4. 1 — В. А. Лапшин в Тверском музее, справа — И. В. Заботина, Тверь, 1998 г.;
2 — в поездке по Норвегии, 2002 г.; 3 — с Анной Стальсберг, г. Тронхейм, Норвегия, 2001 г.;
4 — В. А. Лапшин и А. Н. Кирпичников в Старой Ладогe, 15 августа 2012 г.
Fig. 4. 1 — V. A. Lapshin in the Tver Museum, to the left — I. V. Zabolotina, Tver, 1998;
2 — on a trip across Norway, 2002; 3 — with Anna Stalsberg, Trondheim, Norway, 2001;
4 — V. A. Lapshin and A. N. Kirpichnikov in Staraya Ladoga, August 15, 2012

**В. А. Лапшин — директор ИИМК РАН —
зарубежное научное сотрудничество и конференции (2015–2021 гг.)**

Рис. 5. 1 — со студентами Пекинского университета, 2-й слева — В. А. Лапшин, 3-я слева — Н. Ф. Соловьева, КНР, 2015 г.; **2** — С. С. Миняев и В. А. Лапшин во время визита в Северный Китай, ноябрь 2016 г.

Fig. 5. 1 — with students of Beijing University, 2nd from the left — V. A. Lapshin, 3rd — N. F. Solovyova, China, 2015; **2** — S. S. Minyaev and V. A. Lapshin in North China, November of 2016

Рис. 6. 1 — выступление В. А. Лапшина на конференции «900 лет Староладожской крепости», Санкт-Петербург, Президентская библиотека, 3 июня 2016 г.; 2 — В. А. Лапшин с финскими коллегами Пирье Уино и Кристианом Карпеланом, 2019 г.; 3 — В. А. Лапшин с профессором М. Майером, Бранденбург, Германия, май 2017 г.

Fig. 6. 1 — giving talk of V. A. Lapshin at the conference “900 years to the Staraya Ladoga Fortress”, St. Petersburg, Presidential Library, June 3, 2016; 2 — V. A. Lapshin with Finnish colleagues Pirjo Uino and Christian Carpelan, 2019; 3 — V. A. Lapshin with Prof. M. Mayer, Brandenburg, Germany, May of 2017

Рис. 7. 1 — Российско-финский симпозиум, Великий Новгород, ноябрь 2017 г., справа налево: А. И. Сакса, В. А. Лапшин, Ханну Такала, Кристиан Карпелан; 2 — доклад В. А. Лапшина на юбилейной конференции «От Императорской археологической комиссии до Института истории материальной культуры РАН — 160 лет государственной археологии в России», 20 февраля 2019 г.; 3 — у дверей пещерного храма, музей-заповедник «Дивногорье», Воронежская обл., август 2019 г., справа налево: Е. Ю. Захарова, А. Н. Бессуднов, С. А. Васильев, В. А. Лапшин, И. В. Заботина

Fig. 7. 1 — Russian-Finnish Symposium, Veliky Novgorod, November 2017, from right to left: A. I. Saksa, V. A. Lapshin, Hannu Takala, Christian Carpelan; 2 — V. A. Lapshin is giving a talk at the jubilee conference devoted to the 160th anniversary of public state-sponsored archaeology in Russia, St. Petersburg, February 20, 2019; 3 — at the entrance to a cave temple, Divnogorie Museum-Reserve, Voronezh Oblast, August of 2019, from right to left: E. Yu. Zakharova, A. N. Bessudnov, S. A. Vasiliev, V. A. Lapshin, I. V. Zabolina

В. А. Лапшин и Старая Ладога (2015–2021 гг.)

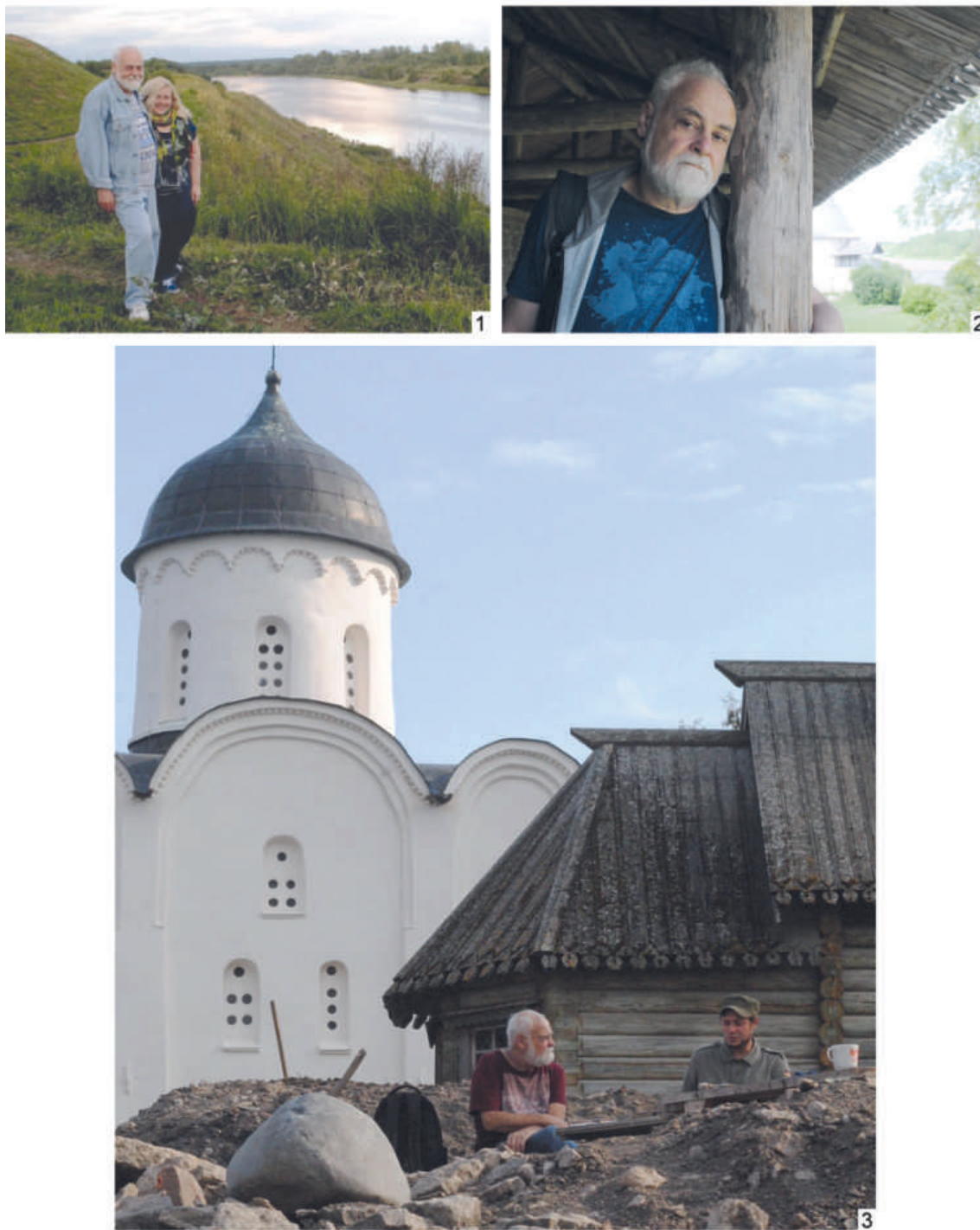

Рис. 8. 1 — В. А. Лапшин со второй женой И. В. Заботиной в уроч. Сопки в Старой Ладоге, 2015 г.; **2** — В. А. Лапшин в Каменной крепости Старой Ладоги, 2017 г.; **3** — у раскопа в Каменной крепости, 2015 г.

Fig. 8. 1 — V. A. Lapshin with his second wife I. V. Zabolina in the Sopki tract of Staraya Ladoga, 2015; **2** — V. A. Lapshin in the Stone Fortress of Staraya Ladoga, 2017; **3** — excavations near the Stone Fortress, 2015

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ В. А. ЛАПШИНА

Составитель Л. М. ВСЕВИОВ¹

1978

Открытие летописного Клещина // АО 1977 г. С. 60 (в соавторстве с И. В. Дубовым).

1980

Разведка в Суздальском районе // АО 1979 г. С. 60.

1981

Ранняя дата Владимирских курганов // КСИА. Вып. 168. С. 45–48: ил.

Исследования под Суздалем // АО 1980 г. С. 64.

1983

К изучению системы расселения в округе Суздаля X–XIII вв. // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда: ТД к Всесоюзному совещанию «Археология в XI пятилетке». Л.: Наука. С. 33–34.

Раскопки селища Гнездилово 2 // АО 1981 г. С. 68: ил.

1985

Население центрального района Ростово-Суздальской земли X–XIII вв.: (по археологическим материалам): автореферат дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР. 18 с.

Работы в Ленинградской области // АО 1983 г. С. 18 (в соавторстве с Н. И. Платоновой).

Развитие мелиорации и перспективы изучения археологических памятников Ленинградской области // Массон В. М. (отв. ред.). Археологические исследования в зонах мелиорации: итоги и перспективы их интенсификации: Тезисы НПК. Л.: Наука. С. 14.

Система расселения в центральном районе Ростово-Суздальской земли X–XIII вв. и природный фактор // Станкевич А. К. (отв. ред.). Человек и окружающая среда в древности и средневековье: ТД. М.: Наука. С. 101–104.

1986

Исследования в Суздале и его округе // АО 1984 г. С. 70–71 (в соавторстве с М. В. Седовой, М. А. Сабуровой).

¹ Отдел БАН при ИИМК РАН, Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, 199034, Россия.

Оценка деятельности А. С. Уварова в русской и советской археологической литературе: динамика критики // Ильина М. А. (ред.). Финно-угры и славяне. Сыктывкар: Изд-во Пермского ГУ. С. 75–79.

1987

Начальный этап освоения Суздальского ополья древнерусским населением // Шилов В. П. (отв. ред.). Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: ТД. М.: Наука. С. 147–148.

Разведка в западных районах Ленинградской области // АО 1985 г. С. 17–18 (в соавторстве с Н. И. Платоновой).

Селище Гнездилово 2 под Суздалем // АО 1985 г. С. 76–77.

1988

Исследования в Суздале и Суздальском районе // АО 1986 г. С. 87–89 (в соавторстве с М. В. Седовой, Н. Н. Мошениной, М. А. Сабуровой, Н. Е. Чалых, Т. А. Чуковой).

Исследования Ленинградской областной экспедиции // АО 1986 г. С. 24–26 (в соавторстве с С. Л. Кузьминым, А. И. Саксой, С. М. Черновым).

К вопросу о формировании округа древнерусских городов (на примере памятников Суздальского ополья) // Чернигов и его округа в IX–XIII вв.: ТД историко-археологического семинара. Чернигов: Десна. С. 93–94.

К структуре понятия «город» // Боряз В. Н. (отв. ред.). Категории исторических наук: Сб. ст. Л.: Наука. С. 115–127.

Раннесредневековый археологический комплекс у села Васильково под Суздалем // Седова М. В. (отв. ред.). Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М.: Изд-во ИА АН СССР. С. 132–149: ил.

1989

Археологический комплекс у с. Гнездилово под Суздалем // КСИА. Вып. 195. С. 66–71: ил.
Язычество и христианство в России XI века // Емелья Л. И. (отв. ред.). Православие в Древней Руси: Сб. науч. тр. Л.: Изд-во Гос. музея истории религии и атеизма. С. 31–34.

1990

Археологическая карта Ленинградской области. Ч. I. Западные районы. Л.: Изд-во ЛВВИСУ. 126 с.: карт.; 1 л. карт.

Лепная керамика поселений Суздальской округи // Васильев В. Ф. (отв. ред.). Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: ТД. Горький: б. и. С. 225–228.

О методике раскопок Владимирских курганов // Купряшина Т. Б., Лукина О. А. (отв. за выпуск). Уваровские чтения. Муром. С. 7–9.

Славяно-финские контакты в зоне Суздальского Ополя (состояние проблемы) // Фишман О. М. (отв. ред.). Современное финно-угроведение: опыт и проблемы. Л.: Изд-во Гос. музея этнографии. С. 128–132.

1991

Лепная керамика Гнездиловского поселения // Седова М. В. (отв. ред.). Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М.: Изд-во ИА АН СССР. С. 120–129: ил.

Лепная керамика Суздаля // Там же. С. 130–139: ил.

Этническая принадлежность верхнего слоя Мало-Давыдовского городища // Васильев В. Ф. (отв. ред.). Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: ТД. Нижний Новгород. С. 367–373: ил.

1992

К вопросу о длительности сосуществования лепной и круговой керамики на древнерусских памятниках Суздальского Ополя // Городецкие чтения. Вып. 1. По материалам НК (Городец, 24–26 апреля 1991 г.). Городец: Городецкий совет народных депутатов. С. 53–56.

Керамическая шкала домонгольского Севера // Плетнева С. А. (отв. ред.). Древнерусская керамика: Сб. ст. М.: Изд-во ИА РАН. С. 90–102: ил.

1994

Археологическое изучение средневековой Твери: итоги и перспективы // Массон В. М. (отв. ред.). Изучение древних культур и цивилизаций: Материалы к пленуму 5–7 апреля 1994 г. СПб.: ИИМК РАН. С. 47–49 (АИ. Вып. 14) (в соавторстве с И. Н. Черных).

Архитектурно-археологические исследования Путевого дворца в г. Твери // АО 1993 г. С. 77.

Спасательная археология в Швеции: [Рец.: Rescue and research: Reflections of society in Sweden 700–1700 A. D. Stockholm, 1992] // АВ. Вып. 3. С. 228–230.

1995

Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. Восточные и северные районы. СПб.: Изд-во СПбГУ. 232 с.: ил., карт.

Раскопки в Тверском кремле // Массон В. М. (отв. ред.). Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия: Материалы пленума ИИМК 11–14 апреля 1995 года. СПб.: ИИМК РАН. С. 65–66 (АИ. Вып. 22).

Новейшие исследования культурного ландшафта в Швеции: [Рец.: 1) The cultural landscape during 6000 years in southern Sweden-the Istad Project. Copenhagen, 1991; 2) Tesch S. Houses, farmsteads, and longterm Change: A regional study of prehistoric settlements in the Kuninge area, in Scania, Southern Sweden. Lund, 1993] // АВ. Вып. 4. С. 259–263.

1996

Быт Твери эпохи Михаила Ярославича: об археологических находках на территории Тверского кремля // Горевой Г. С., Ильин М. А. (отв. за выпуск). Великий князь Тверской и Владимирский Михаил Ярославич: личность, эпоха, наследие: ТД. Тверь: Тверское обл. кн.-журн. изд-во. С. 39–40.

Раскопки в Тверском кремле // Массон В. М. (отв. ред.). Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации: Материалы пленума ИИМК РАН 14–17 мая 1996 г. СПб.: ИИМК РАН. С. 44–45 (АИ. Вып. 31).

Раскопки в Тверском кремле // АО 1995 г. С. 156–157.

1997

Быт Твери эпохи Михаила Ярославича (об археологических находках на территории Тверского кремля) // Ильин М. А., Горевой Г. С. и др. (редкол.). Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие: Материалы МНК, посвящ. 725-летию со дня рождения

Михаила Ярославича — велик. князя Тверского и Владимирского (Тверь, 27–29 ноября 1996 г.). Тверь: Изд-во ГЕРС. С. 123–126.

Костяная печать-матрица из раскопок в Твери // Белецкий С. В. (сост.). Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии: памяти В. Д. Белецкого, 1919–1997. Т. 1. СПб.; Псков. С. 400–401: ил.

Новые находки берестяных грамот в Твери в 1996 г. // НиНЗИиА. Вып. 11. С. 304–310: ил.

Раскопки в Тверском кремле // АО 1996 г. С. 135: ил.

Раскопки в Тверском кремле // Массон В. М. (отв. ред.). Новые исследования археологов России и СНГ: Материалы пленума ИИМК РАН 28–30 апреля 1997 г. СПб.: ИИМК РАН. С. 46–48 (АИ. Вып. 42) (в соавторстве с Т. А. Чуковой, А. В. Курбатовым, Н. Е. Персовым, И. Н. Черных).

2000

Спасательные работы петербургских археологов на территории Ленинградской области // Кирпичников А. Н. (сост.), Носов Е. Н., Пономорев В. С. (ред.). Культурное наследие Российского государства. СПб.: Вести. Вып. 2. С. 64–71 (в соавторстве с А. В. Субботиным).

2001

Археологические исследования в Тверском кремле в 1993–1997 гг. // Бошняк Ю. М. (ред.). Музей: память веков: поиски и находки: Материалы юбилейн. конф. Вып. 2. Тверь: Лилия Принт. С. 10–23: ил.

Археология Ленинградской области // Малиновская Н. В. (ред.). Археологическая карта России: очерки археологии регионов. Кн. 1. М.: ИА РАН. С. 238–276: карт.

Галерея или завалинка? // Материалы заседания памяти Ю. П. Спегальского. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 23–25: ил.

Геральдический перстень из Твери // ТАС. Вып. 4, т. 2. С. 178–183: ил. (в соавторстве с С. В. Белецким).

История археологического изучения Тверского кремля и обзор источников // Лапшин В. А. (науч. ред.). Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.). СПб.: Европейский дом. С. 7–20: ил., карт.

Комментарий археолога // Там же. С. 221–225.

Результаты определения костных остатков млекопитающих из раскопок 1994–1997 гг. в Тверском кремле // Там же. С. 171–180.

Строительные горизонты раскопа Тверской кремль-11 // Там же. С. 36–68: ил.

2002

Археологические свидетельства связей Твери с Новгородской землей в XIII–XIV вв. // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и ее соседи в эпоху средневековья: Сб. ст. СПб.: ИИМК РАН, С. 59–62: ил.

Борьба за охрану памятников археологии в России во второй половине XIX — начале XX в. // Кирпичников А. Н. (отв. ред.-сост.), Носов Е. Н., Пономарев В. С. (ред.). Культурное наследие Российского государства. Вып. 3: Ученые, политики, журналисты, деятели церкви об историческом и культурном достоянии. СПб.: Вести. С. 79–86.

Колонизация Северо-Восточной Руси в свете новых археологических материалов // Носов Е. Н., Смирнова Г. И. (ред.). Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси: Сб. ст. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 108–113.

2004

Города // Джаксон Т. Н. и др. (ред.). Россия — Норвегия: Средние века и границы. М.: Художник и книга. С. 40–43: ил.

О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси // Кирпичников А. Н., Седых В. Н. (ред.). Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. ст. памяти проф. И. В. Дубова. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 55–72: ил. (в соавторстве с В. М. Горюновой).

2005

Хронологическая шкала Новгорода и проблемы хронологии средневековой Твери // Вестник Новгородского ГУ. № 33. С. 31–37.

Нижегородский кремль по материалам раскопок 2001–2002 гг. // Вестник Нижегородского ГУ. История, вып. 1. С. 89–95.

2007

Формирование новых городов-столиц Северо-Восточной Руси в XIII–XV вв. // Алексеев Ю. Г. (отв. ред.). Труды по русской истории: Сб. ст. в память о 60-летию И. В. Дубова. М.: Парад. С. 316–333.

2008

Внешние связи средневековой Твери // Тр. Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. СПб.: Наука. С. 78–90: ил.

Нижегородский кремль в XIII–XIV веках // АВ. Вып. 15. С. 141–156: ил. (в соавторстве с Н. Н. Грибовым).

Проблемы использования дендрохронологической шкалы Твери // Вестник Тверского ГУ. История, вып. 4. № 34 (94). С. 108–113.

2009

Проблемы хронологии средневековой Твери и хронологическая шкала Новгорода // Вестник Тверского ГУ. История, вып. 1. № 12. С. 65–78.

Спорные вопросы хронологии и топографии средневековой Твери // Тверской край в науке и культуре. Первый петербургско-тверской семинар: Сб. тр. конф. (СПб., 29 ноября 2009 г.). Тверь: Седьмая буква. С. 47–77.

Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 540 с.: ил., карт.; 26 л. ил. (Тр. ИИМК РАН. Т. 30).

2010

Архитектурно-археологические исследования на территории дворцово-паркового ансамбля Михайловская дача в г. Петродворец // Бюллетень ИИМК. № 1. С. 99–106: ил. (в соавторстве с Л. А. Акмен, Э. А. Казашевым, Н. Ф. Соловьевой).

Безрукий ангел: тайны средневековой Твери // Родина. № 7. С. 102–104: ил.

Две усадьбы XIV в. в Тверском кремле // Носов Е. Н., Белецкий С. В. (ред.). Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: Сб. ст. Т. 1. М.: Ломоносовъ. С. 432–444: ил.

Колокольня Смольного монастыря // Бюллетень ИИМК. № 1. С. 147–150: ил. (в соавторстве с И. А. Гарбузом, А. Ю. Городиловым, А. И. Мурашкиным, Т. Р. Садыковым, Н. Ф. Соловьевой).

Комплекс больших построек XIV в. из Нижегородского кремля // Мусин А. Е., Хвоцинская Н. В. (отв. ред.). Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова: Сб. ст. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 178–185: ил.

2011

Тверь в XIII–XV веках: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: ИИМК РАН. 35 с.

Археологические исследования в излучине реки Невы // Бюллетень ИИМК. № 2. С. 193–220: ил. (в соавторстве с С. А. Семеновым, С. Г. Поповым, З. Р. Румянцевой).

Археологические исследования на Аптекарской набережной // Там же. С. 73–98 (в соавторстве с И. А. Гарбузом).

Археологические исследования территории бывшего Чугунолитейного и Механического завода Ф. К. Сан-Галли на Лиговском проспекте // Там же. С. 99–134: ил. (в соавторстве с И. А. Гарбузом).

Археологические работы в квартале между Смольным проспектом, Тульской улицей и улицей Бонч-Бруевича // Там же. С. 145–172: ил. (в соавторстве с К. А. Михайловым, Н. Ф. Соловьевой).

Возможности дендрохронологии при датировании археологических объектов Твери // Чернецов А. В. (отв. ред.). Археология древнерусского города XI–XV вв. М.: Изд-во ИА РАН. С. 40–42.

Исследование основания колокольни Смольного монастыря // Бюллетень ИИМК. № 2. С. 135–144: ил. (в соавторстве с И. А. Гарбузом, Н. Ф. Соловьевой).

Основные тенденции в археологическом изучении Северо-Восточной Руси на современном этапе // Вестник СПбГУ. Серия 2. № 1. С. 39–46 (в соавторстве с В. Н. Седых).

Рец.: Комплексное исследование древнего и средневекового населения Северо-Восточной Руси. Т. 1–3. М., 2007–2009 // РА. № 2. С. 181–189 (в соавторстве с Н. И. Платоновой, С. Л. Санкиной).

2012

Археологическое изучение Санкт-Петербурга в ИИМК РАН // Кондрашев Л. В. (отв. ред.). Археология Москвы — линия жизни: Сб. статей и материалов к 80-летию А. Г. Векслера. М.: Т-Принт Групп. С. 218–222 (в соавторстве с Н. Ф. Соловьевой).

Датировка нижегородских стеклянных браслетов (по материалам раскопок в кремле в 2001–2002 гг.) // Молев Е. А. (отв. ред.). Культурный слой: Сб. науч. ст. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ГУ. Вып. 1. С. 45–50: ил.

Керамический комплекс селища Кибол (по материалам раскопок 1989–1991 гг.) // Макаров Н. А. (отв. ред.). Археология Владимиро-Суздальской земли. СПб.: Нестор-История. Вып. 4. С. 95–100: ил.

Мониторинг и охранные мероприятия, проведенные ИИМК РАН на территории Ленинградской области в 2005–2009 гг. // Субботин А. В. (отв. ред.). Археологические памятники России. СПб.: Инфо Ол. С. 7–17: ил. (в соавторстве с С. А. Семеновым).

2013

Археологические исследования на Большой Посадской улице в 2011 году (раскоп 1) // Бюллетень ИИМК. № 3. С. 25–34: ил. (в соавторстве с А. Ю. Городиловым).

Археологические исследования на Большой Посадской улице в 2012 году (раскоп 2) // Там же. С. 35–40: ил. (в соавторстве с В. О. Глуховым).

Археологические работы в квартале между Тульской улицей и Смольным проспектом // Там же. С. 73–94: ил. (в соавторстве с К. А. Михайловым, И. А. Гарбузом, Н. Ю. Новосёловым, А. Г. Фурасьевым).

Археологический надзор за земляными работами на шпиге Меншиковского бастиона Петропавловской крепости // Там же. С. 41–46: ил. (в соавторстве с В. И. Кильдюшевским).

Находка памятной медали «Свершившемуся тысячелетию государства российского» // Там же. С. 249–252: ил. (в соавторстве с А. А. Лазаревым).

Рец.: Русь в IX–X веках: археологическая панорама: М.; Вологда, 2012 // Вестник РГНФ. № 4. С. 241–248.

2014

Возможности дендрохронологии при датировании археологических объектов Твери // Татурова Л. В., Борзунов В. А. (науч. ред.). Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. ст. Омск: Изд-во Омского ГУ. С. 105–107: ил.

К ранней топографии Твери // Толочко П. П. (науч. ред.). Міста Давньої Русі. Київ: Стародавній Світ. С. 181–186.

Место Твери в политической структуре Северо-Восточной Руси XIII–XV вв.: исторический и археологический аспекты // Кирпичников А. Н. (отв. ред.-сост.). Культурное наследие Российского государства. СПб.: Вести. Вып. 6, ч. 1. С. 278–292: ил.

Отдельные статьи // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. (ред.). М.: Ладомир.

Современное состояние изученности раннесредневековых археологических памятников Северо-Восточной Руси // Кирпичников А. Н. (отв. ред.), Коровкин Д. С., Белецкий С. В., Лапшин В. А. (ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 4: Материалы междунар. конф. «Старая Ладога и Северная Русь в эпоху викингов и период славянского расселения» (Старая Ладога, 12–13 июля 2013 г.). СПб.: Социальная пропаганда. С. 108–116.

Соотношение дендродат построек и дат чеканки монет из их заполнения на материалах раскопа в квартале между Тульской ул. и Смольным проспектом (2012 г.) // Бюллетень ИИМК. № 4. С. 405–408: ил. (в соавторстве с О. А. Тарабардиной).

2015

Две группы построек селища Гнездилово 2 под Суздаlem // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 139–144: ил.

Исследования в историческом центре Санкт-Петербурга // АО 2010–2013 гг. С. 76–79 (в соавторстве с Н. Ф. Соловьевой, О. И. Богуславским, В. И. Кильдюшевским, А. Ю. Городиловым, С. А. Семёновым).

Некоторые особенности вещевой хронологии средневековой Твери // Костылёва Е. Л., Аверина В. А. (ред.). Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 4: к 60-летию А. В. Уткина. Иваново: Издатель Ольга Епишева. С. 88–92: ил.

Образ Киева в исторической топографии Владимира-на-Клязьме и Нижнего Новгорода // Гайдуков П. Г. (отв. ред.). Города и веси средневековой Руси: Археология, история, культура. М.; Вологда: Древности Севера. С. 320–322: ил.

Перспективы археологических исследований в Старой Ладогe // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 5: ММК «Город Ладога и Северная Русь в первые века русской истории» (Старая Ладога, 13 июня 2015 г.). СПб.: ООО «Социальная пропаганда». С. 29–35.

Раскопки на Земляном городище в Старой Ладогe в 2011–2013 гг. // АО 2010–2013 гг. С. 40–42: ил. (в соавторстве с А. Н. Кирпичниковым, А. В. Курбатовым, Н. В. Григорьевой).

2016

Археологические раскопки на месте сооружения памятника // Кирпичников А. Н. (ред.-сост.). Памятник великим князьям Рюрику и Олегу Вещему. СПб.: Славия. С. 43.

Археологическое изучение Санкт-Петербурга в Институте истории материальной культуры Российской академии наук и проблемы сохранения культурного слоя в условиях мегаполиса // Кондрашев Л. В. (отв. ред.). Материалы НПК по сохранению объектов археологического наследия памяти А. Г. Векслера. М.: Департамент культурного наследия города Москвы. С. 181–192: ил. (в соавторстве с Н. Ф. Соловьевой).

Датирование комплексов длительного накопления (по материалам раскопок в Нижегородском кремле // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 6. С. 127–135.

Тверь в XIII–XIV вв. (к проблеме преемственности городской культуры в Северо-Восточной Руси после Батыева нашествия) // *Stratum plus*. № 5. С. 117–124.

Archaeological studies of Saint Petersburg in the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences // *Iscos*. № 21. P. 262–273 (в соавторстве с Н. Ф. Соловьевой).

2017

Датирование комплексов длительного накопления (по материалам раскопок в Нижегородском кремле) // Археология Владимиро-Суздальской земли. М.: ИА РАН. Вып. 6. С. 127–135: ил.

Клад русских средневековых монет в Ладожской крепости // *Stratum plus*. № 6. С. 211–233: ил. (в соавторстве с К. В. Горловым, Н. В. Григорьевой, С. Н. Травкиным).

Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН в 2011–2016 гг. // *ЗИИМК*. № 15. С. 160–170. Рез. англ. (в соавторстве с А. Н. Кирпичниковым, А. В. Курбатовым).

Предметы личного благочестия из материалов раскопок в Тверском кремле // Мусин А. Е. (отв. ред.-сост.), Щеглова О. А. (ред.-сост.). В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб.: ИИМК РАН; НКТ. С. 283–290: ил. (Тр. ИИМК РАН. Т. 48).

Старая Ладога: палеопочвы и природная среда в неолите и раннем средневековье // Человек и природа: Материалы XXVII Междунар. междисциплинарной конф. и Международной междисциплинарной молодежной школы / под редакцией Н. О. Ковалевой, С. К. Костовска, А. С. Некрич, О. А. Салимгареевой. М.: МАКС Пресс. С. 10–14.

2018

Изучение культурного слоя Ладожского посада // Платонова Н. И., Лапшин В. А. (отв. ред.). Новое в археологии Старой Ладогe: материалы и исследования. СПб.: ИИМК РАН; НКТ. С. 162–168 (Тр. ИИМК РАН. Т. 53).

Новые исследования на Варяжской улице в Старой Ладоге // ЗИИМК. № 19. С. 157–164: ил. (в соавторстве с П. А. Миляевым).

Об одном типе построек раннесредневековой Ладоги // Там же. С. 148–156: ил. (в соавторстве с А. Н. Кирпичниковым, Н. В. Григорьевой).

Посад Старой Ладоги: новые исследования // Платонова Н. И., Лапшин В. А. (отв. ред.). Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. СПб.: ИИМК РАН; НКТ. С. 135–161: ил. (Тр. ИИМК РАН. Т. 53).

Почвообразование на территории Старой Ладоги в неолите и раннем средневековье // ЗИИМК. № 18. С. 99–104 (в соавторстве с А. Л. Александровским, Н. В. Григорьевой, Е. И. Александровской, В. В. Скрипкиным).

Предисловие // Лапшин В. А. (отв. ред.). Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: Сб. материалов Всероссийской НК с международным участием. В 2 ч. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера». С. 5–6.

Предисловие и Заключение // Платонова Н. И., Лапшин В. А. (отв. ред.). Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. СПб.: ИИМК РАН; НКТ. С. 5–6, 419–430 (Тр. ИИМК РАН. Т. 53) (в соавторстве с Н. И. Платоновой).

Приветствие // Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: Материалы МНК. С. 8–9.

Проблемы сохранения культурного слоя в условиях мегаполиса на примере Санкт-Петербурга // ЗИИМК. № 18. С. 158–170: ил. (в соавторстве с Н. Ф. Соловьевой).

Североевропейские находки на селище Гнездилово-2 под Суздалем // Чернецов А. В., Кузина И. И. (отв. ред.). Земли родной минувшая судьба... К юбилею Андрея Евгеньевича Леонтьева: Сб. ст. М.: ИА РАН. С. 34–39.

Старая Ладога и освоение Русского Севера // Лапшин В. А. (отв. ред.). Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований... Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера». С. 34–44: ил. (в соавторстве с А. Н. Кирпичниковым).

Рец.: Этноконфессиональный и иллюстрированный атлас Ленинградской области. О. М. Фишман, М. Л. Засецкая, Г. А. Исаченко, Л. В. Королькова, О. А. Красникова, А. И. Терюков и др. СПб.: ИД «Инкери», 2017. ISBN 978-5-903562-79-4-656. // АВ. Вып. 24. С. 325–328.

2019

Анатолий Николаевич Кирпичников // Белецкий С. В. (отв. ред.). Земля наша велика и обильна... СПб.: Невская типография. С. 5–7: портр.

Изучение Старой Ладоги: итоги и перспективы // Виноградов Ю. А., Васильев С. А., Степанова К. Н. (отв. ред.). Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 289–302: ил.

К 90-летию Анатолия Николаевича Кирпичникова // РА. № 4. С. 207–208.

К материалам исследований В. И. Равдоникаса на Земляном городище в Старой Ладоге // ЗИИМК. № 21. С. 92–96: ил.

Ладога до Ладоги // ЗИИМК. № 20. С. 112–120: ил.

Отмечая юбилей: к 100-летию российской академической археологии // Виноградов Ю. А., Васильев С. А., Степанова К. Н. (отв. ред.). Прошлое в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 5–6.

Памяти Евгения Николаевича Носова (1949–2019) // АВ. Вып. 25. С. 328–331 (в соавторстве с Н. И. Платоновой).

Первые строители Петербурга // Белецкий С. В. (отв. ред.). Земля наша велика и обильна... СПб.: Невская типография. С. 258–266: ил.

Предисловие // Мусин А. Е., Медведева М. В. (науч. ред.-сост.). Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. Коллективная монография. В 2 т. СПб.: ИИМК РАН. С. 7–8.

Российско-финляндский симпозиум по вопросам археологии и истории // ЗИИМК. № 20. С. 9–10.

Старая Ладога и Русский Север // Чаиркина Н. М. (отв. ред.). V Северный археологический конгресс: ТД. Екатеринбург: Университетская типография «Альфа-Принт». С. 247–251. Рез. англ.

Хронология отложений, почв и культурных слоев Старой Ладоги // Геохронология четвертичного периода: инструментальные методы датирования новейших отложений: ТД Всероссийской НК (с международным участием), посв. 90-летию со дня рождения Л. Д. Сулержицкого. С. 6 (в соавторстве с А. Л. Александровским, Н. В. Григорьевой, А. В. Долгих).

2020

Евгений Николаевич Носов (1949–2019) // РА. № 3. С. 212–213: портр. (в соавторстве с Л. А. Беляевым, П. Г. Гайдуковым, Р. М. Мунчаевым, Н. А. Макаровым).

Концепция древнерусского города в трудах Е. Н. Носова // АВ. Вып. 28. С. 27–31. Рез. англ.

Ордынские послы в Твери XIV века по археологическим свидетельствам // Вестник Томского ГУ. История. № 68. С. 43–48.

Памяти Анатолия Николаевича Кирпичникова (25.06.1929–16.10.2020) // АВ. Вып. 30. С. 359–362 (в соавторстве с С. В. Белецким).

Памяти Евгения Николаевича Носова (1949–2019), ученого, руководителя, друга // АВ. Вып. 28. С. 11–15: ил. (в соавторстве с Н. И. Платоновой, В. А. Алёксиным).

Старая Ладога, СЭМ-исследования растительных остатков из палеопочв, разделенных отложениями Ладужской трансгрессии: новые материалы и старые проблемы // АВ. Вып. 30. С. 163–185 (в соавторстве с Н. И. Платоновой, Г. М. Левковской, Н. В. Григорьевой, П. А. Миляевым, Д. А. Брицким, Л. А. Карцевой, Д. В. Збуковой).

Суздаль и его округа в исследованиях М. В. Седовой // РА. № 3. С. 212–213.

Some insights into the lives of builders of early Saint Petersburg // Praehistorische Zeitschrift. Bd 95 (2). S. 575–605 (co-authored D. Gutmiedl-Schumann, C. Gerling, V. G. Moiseev, I. G. Shirobokov, S. L. Solovev, E. N. Uchaneva, A. V. Zubova).

2021

Наталья Вадимовна Хвощинская // АВ. Вып. 31. С. 9–10.

Предисловие // Еремеев И. И., Фурасьев А. Г. Древнерусский Усвят: в поисках города Ярослава Мудрого. СПб.: ИИМК РАН. С. 6–7.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРЫЕ СЛОИ: ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МИКРОСТРАТИГРАФИИ ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДИЩА СТАРОЙ ЛАДОГИ¹

Н. В. ГРИГОРЬЕВА, Ф. РЕНТЦЕЛЬ, Й. ШНЕЕВАЙС²

Ключевые слова: *с=редневековье, Старая Ладога, микроморфология, Nordic Dark Earth, культурный слой, погребенная почва, земледелие.*

Микроморфологическое исследование нижней части разреза Земляного городища Старой Ладogi позволило детально охарактеризовать микростратиграфию погребенной почвы, залегающей в основании культурного слоя Ладожского поселения, и отложений, непосредственно ее перекрывающих. Отличная сохранность слоев в этой части разреза, в свою очередь, способствовала уяснению особенностей генезиса каждой прослойки. Полученные данные согласуются с проведенными ранее исследованиями, согласно которым погребенная почва сформировалась до заселения изученной площади, но несет на себе несомненные следы антропогенного воздействия — обработки земли под пашню или огород. Перекрывающий ее раннесредневековый культурный слой накопился за короткий период времени в зоне, где осуществлялась активная хозяйственная деятельность (в первую очередь, обработка древесины под деревянное строительство). Кору, отделенную от стволов в процессе обработки бревен, по-видимому, использовали для укрепления поверхности мягкого и влажного гумусового слоя погребенной почвы. Благодаря этому она законсервировалась и хорошо сохранилась. По результатам микроморфологического анализа данную палеопочву можно относить к типу Nordic Dark Earth в начальной (initial) стадии.

DOI: 10.31600/2310-6557-2021-25-66-82

Введение

Наш юбиляр Владимир Анатольевич Лапшин — директор ИИМК РАН и заведующий отделом славяно-финской археологии в свое время активно поддержал исследования одного из авторов данной статьи — Йенса Шнеевайса, стажировавшегося

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Немецкого научно-исследовательского сообщества (DFG) в рамках инициативы Excellence Strategy — EXC-2150–390870439, а также РФФИ, проект № 18-09-40111 «Социокультурные трансформации в Восточной Европе и формирование Руси: новые материалы, интерпретации, обобщения».

² Н. В. Григорьева — Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, Санкт-Петербург, 191186, Россия; Ф. Рентцель — Отделение наук об окружающей среде, интегративной предьстории и археологии, Университет Базеля, г. Базель, 4055, Швейцария; Й. Шнеевайс — Центр балтийской и скандинавской археологии, Кильский университет: ROOTS, г. Шлезвиг, 24837, Германия.

в институте в 2015–2017 гг. Важным направлением этих исследований являлась разработка проблемы генезиса культурного слоя поселений эпохи викингов в регионе р. Эльба в Германии. Наибольший интерес вызывали культурные напластования интенсивно-черного цвета, фиксируемые на поселениях западных славян IX–XI вв. в указанном регионе. Именно черный культурный слой толщиной до 0,6 м является для этих поселений типичным. В нем содержится, как правило, большое количество славянской керамики, кости животных, предметы из цветных металлов. Почвенный гео- и биохимический анализ позволил установить, что данный антрозол очень напоминает почву Терра-Прета, известную в регионе Амазонки (Glaser, Birk 2012). Отложения такого типа, характерные для славянских поселений региона Эльбы, вошли в научный оборот как Nordic Dark Earth (Wiedner et al. 2015). Эти почвы отличались темным цветом и высоким плодородием за счет содержащихся в них органических отходов, фекалий и обугленного органического вещества. Границы распространения Nordic Dark Earth представляют значительный интерес.

В поисках Nordic Dark Earth Й. Шнеевайс посетил различные археологические экспедиции, производившие раскопки поселений Северо-Запада России, получив там самое полное и наглядное представление о стратиграфии памятников. В 2016 г. В. А. Лапшиным были возобновлены раскопки на Земляном городище в Старой Ладоге. В ходе исследований на новом раскопе (№ 6) появилась возможность отобрать пробы на разные виды анализов. В разрезе четко выявилось, что культурный слой раннесредневекового Ладожского поселения подстилает прослойка черного гумуса. Определение ее свойств и проверка гипотезы об интерпретации ее как Dark Earth стали основной задачей исследования.

Помимо различных образцов почвы, Й. Шнеевайсом были отобраны две монолитные пробы на микроморфологический анализ. Подобные исследования уже проводились на раннесредневековых поселениях Бирка (Håkansson 1997)³ и Гнэздово (Bronnikova et al. 2003; Бронникова et al. 2016). Оба памятника близки Ладоге в хронологическом и культурном отношении. Анализ образцов произвел Филипп Рентцель — второй автор данной статьи. На материалах Старой Ладogi такая работа предпринята впервые.

Археологические источники и методика исследования

Территория Земляного городища в Старой Ладогe является непосредственным продолжением Каменной крепости, расположенной на мысу, образованном реками Волховом и Ладожкой. В конце XVI в. она была окружена насыпными валами. Валы и бастиионы сооружались поверх культурного слоя открытого поселения раннесредневекового и древнерусского времени. Общая мощность напластований достигает здесь 3–4 м.

Черный гумус в основании культурного слоя на Земляном городище был впервые выделен, описан и интерпретирован в качестве погребенной почвы в 2005 г.⁴ Специалисты-почвоведы определили верхнюю часть погребенной почвы в качестве пахотного (сельскохозяйственного) горизонта (Александровский и др. 2010).

Раскоп № 6 (2016) был заложен в юго-восточной части Ладожского поселения, вплотную к изученной ранее площади раскопов № 3–5 А. Н. Кирпичникова (1999–2013). Часть восточной стенки старого раскопа № 5 одновременно являлась западной

³ Общий обзор проблематики Dark Earth см.: Nicosia et al. 2013.

⁴ Наиболее полный обзор проблемы генезиса погребенных почв Старой Ладogi см.: Платонова и др. 2020: 176–178.

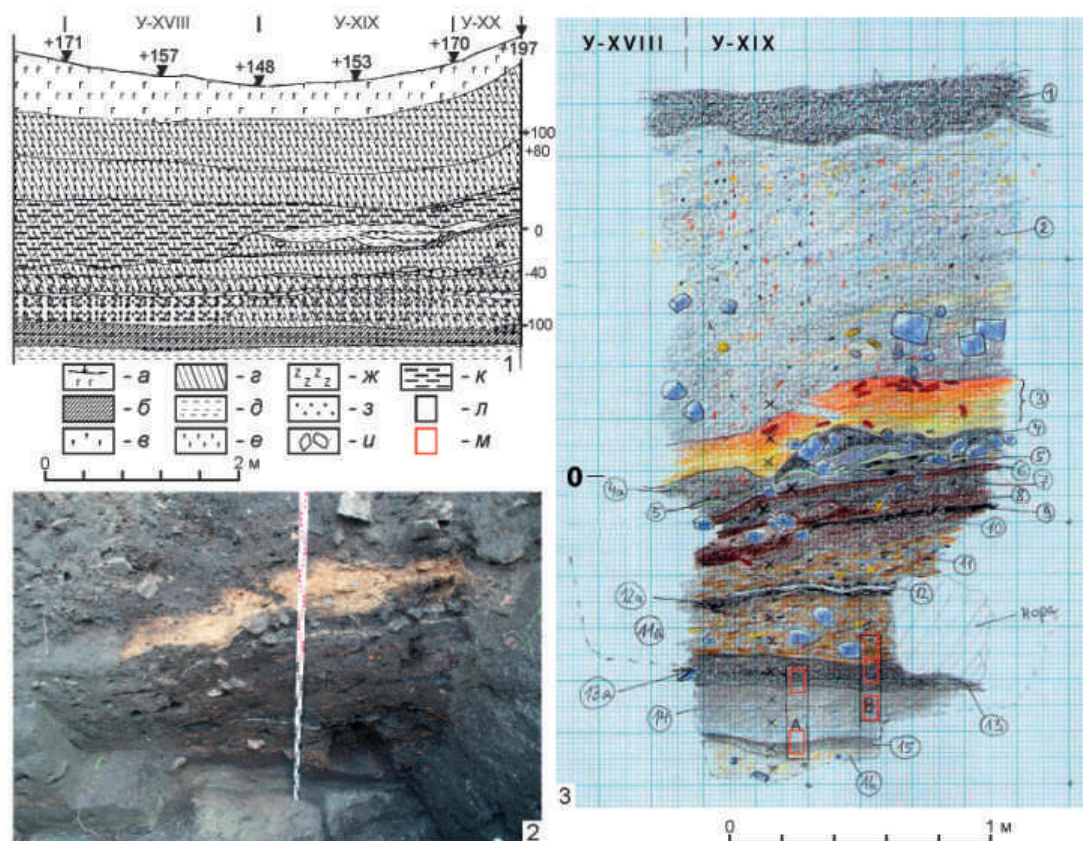

Рис. 1. Старая Ладога. Земляное городище, раскоп 5, стратиграфия южной части восточной стенки: 1 — часть профиля восточной стенки (по: Кирпичников 2014: Л. 115); 2, 3 — зачистка стенки в кв. У-XVIII/XIX, 2016 г. (2 — фото Й. Шнеевайса; 3 — прорисовка Й. Шнеевайса) (а — дерн и верхний почвенный слой; б — черный гумус; в — уголь; г — бурый гумус; д — глина; е — щепа; ж — навоз; з — зола; и — камни; к — древесный тлен; л — места отбора проб; м — участки шлифов)

Fig. 1. Staraya Ladoga, Zemlyanoye Gorodishche, trench 5, stratigraphy (southern part of the eastern profile): 1 — part of the drawing of the eastern profile (after Кирпичников 2014: 115); 2, 3 — restored eastern profile in Qu. У-XVIII/XIX in 2016 (2 — photo by J. Schneeweiss; 3 — drawing by J. Schneeweiss) (a — turf and topsoil; б — black humus; в — charcoal; г — brown humus; д — clay; е — wood chips; ж — dung; з — ash; и — stones; к — wood decay; л — location of samples; м — parts of thin sections)

стенкой раскопа № 6 (Новое в археологии... 2018: 14, рис. В.7; Кирпичников 2013: рис. 35). Отметим, что в раскопе 2013 г. рядом с этой стенкой на уровне предматерика (т. е. погребенной почвы) были зафиксированы борозды, похожие на следы пахотного орудия (Кирпичников 2013: 19, рис. 30–33; Александровский 2012: 59–61; 2020: 186–187, рис. I.1, 3).

В 2016 г. соответствующий участок разреза 2013 г. в кв. У-XVIII/XIX (рис. 1, 1) был зачищен и заново отфиксирован (рис. 1, 2, 3). В зачистке хорошо читалась прослойка черного гумуса, перекрытая мощным культурным слоем с хорошо сохранившейся органикой. Было отобрано два грунтовых блока А и Б высотой 36 и 32 см, соответственно (рис. 1, 3). Блоки располагались на некотором удалении друг от друга и на разной высоте, но так, чтобы в них отразилась вся колонка напластований на высоту 0,5 м от материка.

Еще на стадии описания видимым прослойкам разреза были присвоены номера (рис. 1, 3; слои 11–15). Эта нумерация использовалась при анализе микростратиграфии и при необходимости детализировалась, дополняясь более мелкими подразделениями, которым присваивались свои номера. Основное внимание было сосредоточено на погребенной почве (слой 13) и определении факторов влияния на ее формирование. При этом возникал целый ряд вопросов:

— как и в каких условиях сформировался слой темного гумуса (погребенная почва)?

— можно ли говорить о существовании здесь сельскохозяйственного горизонта (пахоты)?

— есть ли основания для интерпретации гумуса погребенной почвы в качестве Dark Earth?

Отдельный акцент был сделан на изучении культурного слоя, накопившегося непосредственно на поверхности погребенной почвы (слой 11a). Он также вызывал немало вопросов, а именно:

— какова природа органического вещества в этом раннесредневековом культурном слое?

— можно ли определить его как «слой навоза», предположительно стойлового?

— какие свидетельства хозяйственной деятельности человека представлены в этом слое?

Оба блока-образца были высушены и залиты смолой в лаборатории Университета Франкфурта-на-Майне. Затем из просмоленных блоков изготовили 5 шлифов, размерами около 6 × 8 см каждый. Особое внимание уделялось тому, чтобы в шлифах были хорошо отображены не только темный слой и участки его контакта с соседними слоями, но и другие прослойки, присутствующие в самой нижней части разреза (рис. 2). Далее шлифы были проанализированы с помощью бинокулярного и поляризационного микроскопа с флуоресцентным светом по разработанной ранее методике (Bullock et al. 1985; Stoops 2003; Goldberg, Macphail 2006).

Преимущество микроморфологических исследований по сравнению с классическими анализами почвы состоит в том, что в шлифах сохраняется оригинальная структура образца и, следовательно, пространственное расположение всех компонентов культурного слоя или почвы. Это позволяет увидеть и оценить особенности микростратиграфии — взаимного расположения компонентов археологических напластований, а также определить минеральные и органические составляющие на основании светооптического исследования. Кроме того, в ходе исследования можно определить, какие именно процессы явились причиной трансформаций культурного слоя в период его формирования и позднее (например, выветривание, почвообразование, естественное и механическое перемещение, антропогенное воздействие и пр.) (Karkanias, Goldberg 2017).

Результаты

При описании шлифов использовались исходная нумерация и полевое описание слоев, зафиксированных в границах расчищенного участка разреза. На основании фиксируемых изменений слои дополнительно стратифицировались (ср. рис. 1, 2 и рис. 2, 3). Результаты микроморфологического исследования представлены в хронологическом порядке (сверху вниз), сопровождаются кратким описанием и интерпретацией (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Микроморфологический анализ отложений из Старой Ладogi: описание и интерпретация слоев

Слой	Полевое описание	Микроморфологическое описание	Интерпретация
11a.1	<p>Мощный органический торфообразный слой, содержащий мелкие фрагменты хорошо сохранившегося дерева. Содержит камни, фрагменты костей и керамики. Этот культурный слой, отложившийся непосредственно над поребенной почвой, относится к Ладожскому поселению раннесредневекового времени. На основании данных археологии можно сказать, что участок был освоен не позднее середины IX в. Глубина: -20/-34 ниже 0, мощность: 30-50 см</p>	<p>Структура слоя слоистая. Прослойки коры, древесины, древесного угля, листьев и травы залегают горизонтально. Между ними фиксируется аморфный органический материал, содержащий минеральные включения (глина/ил) и микрочастицы угля. Пористость: 15-35; локальные компактные участки (рис. 3, б). В слое встречены мелкие осколки глауконитового известняка и известковая крошка, отдельные зерна кварца (некоторые обожжены), фрагменты обожженных костей, чешуя рыб (рис. 3, 4), ботанические макроостатки. Встречаются фрагменты шлака (рис. 3, 5) и, редко, микрокристаллические фрагменты кальцита в форме ромбоэдров (зола?). Органика в слое имеет разную сохранность: хорошо сохранившиеся структуры сочетаются с органикой, имеющей отчетливые следы деградации и гелификации</p>	<p>Скопление органических остатков и коры, неподалеку от поселения. Строительство, следы золы. Фазы засухи и выветривания</p>
11a.2	<p>Слой с органическими остатками, мощностью до 3 см, с примесью ила и глины. В большом количестве фиксируются горизонтально лежащие фрагменты коры (длиной более 5 см), древесина и древесный уголь. Во всей толще слабонерогенного супесчаного слоя фиксируются характерные признаки выветривания и деградации, которые привели к аморфности органического материала. Пористость: 20, местами выше. Признаки жизнедеятельности человека многочисленны. В большом количестве представлены чешуя рыб, древесный уголь, большое количество фосфатосодержащих хорошо сохранившихся копролитов плотоядных/всеядных животных, частично с осколками костей (рис. 3, 3, 5). В отдельных случаях определяется кал мелких жвачных (Björnmann et al. 2017a). Древесина и кора относятся к свидетельствам строительной деятельности. Разрозненные округлые зерна кварца частично оплавлены, а также обломки обожженных кристаллических пород с тепловыми трещинами. Они указывают на наличие производственных очагов</p>	<p>Слой с органическими остатками, мощностью до 3 см, с примесью ила и глины. В большом количестве фиксируются горизонтально лежащие фрагменты коры (длиной более 5 см), древесина и древесный уголь. Во всей толще слабонерогенного супесчаного слоя фиксируются характерные признаки выветривания и деградации, которые привели к аморфности органического материала. Пористость: 20, местами выше. Признаки жизнедеятельности человека многочисленны. В большом количестве представлены чешуя рыб, древесный уголь, большое количество фосфатосодержащих хорошо сохранившихся копролитов плотоядных/всеядных животных, частично с осколками костей (рис. 3, 3, 5). В отдельных случаях определяется кал мелких жвачных (Björnmann et al. 2017a). Древесина и кора относятся к свидетельствам строительной деятельности. Разрозненные округлые зерна кварца частично оплавлены, а также обломки обожженных кристаллических пород с тепловыми трещинами. Они указывают на наличие производственных очагов</p>	<p>Пласты коры и древесины (стружка), скопление отходов строительной и повседневной человеческой деятельности</p>
11a.3		<p>Компактная прослойка толщиной 3-5 мм, с четко видимыми спрессованными фрагментами коры (длиной более 5 см), залегающими горизонтально. Кора слабо деформирована, имеет признаки выветривания и гелификации (рис. 3, 5)</p>	<p>Слой коры. Укрепление грунта, строительная деятельность</p>

Таблица 1. Продолжение

Слой	Полевое описание	Микроморфологическое описание	Интерпретация
13.1	Темно-серый суглинок с гумусом, вкраплениями древесного угля и мелкими камнями. Потребенная почва (пашня?). Визуально прослойка подразделяется на две части. Разделение не четкое, но хорошо прослеживается в северной части разреза. Глубина: -68/-70 ниже 0, мощность: около 12 см	<p>Прослойка микроагрегированного органического де-грита коричневого цвета, мощностью 5–8 мм, со следами выветривания. Встречаются кварцевый песок, ил и большое количество органического материала, залегающего горизонтально, склероции, небольшое количество углей (рис. 3, 3), фрагменты керамики.</p> <p>Пористость: 25. Комковатая структура</p> <p>Коричневая органическая прослойка с размытыми границами. Состоит из неслоистой комковатой супеси с примесью органической составляющей, в которой встречаются окатанные фрагменты нижележащей глины сравнительно мелких размеров. Не содержит извести.</p> <p>Пористость: 10–20; сложная микроструктура с каналами и камерами. Склероции.</p> <p>В большом количестве отмечаются древесные угли и микроугольки, обломки древесины, поврежденной насекомыми, обугленные макроостатки, осколки костей, зерна оплавленного кварца, фосфатные копролиты (0,5 мм), обожженная глина, жженный навоз (биогенный шлак).</p> <p>Сохранность органики сравнительно хуже, чем в прослойке 13.3</p>	Гумусовый горизонт Of
13.2			Гумусовый горизонт Ah
13.3		<p>Базальная микропрослойка представляет собой рыхлый, неоднородный супесчаный суглинок с небольшим количеством гальки (угловатой и окатанной, присутствует 1 фрагмент неокатанного известняка), а также с включениями кусочков нижележащей глины (слой 14.1) (рис. 3, 2).</p> <p>Пористость: 10–20, со сложной и многогранной микроструктурой, каналами и камерами. Комковатая структура с примесью органических материалов.</p> <p>Присутствуют многочисленные свидетельства антропогенной деятельности: фрагменты древесного угля размерами до 1 см, большое количество микроугольков, а также окатанные фрагменты керамики, древесина, обугленные макроостатки (рис. 3, 1, 2), семена малины/ежевика, шлаки, оплавленные зерна кварца, фрагменты обожженной эмали зубов, кальцинированных костей, мельчайшие фрагменты фосфатосодержащих копролитов (Brönnimann et al. 2017b)</p>	Сельскохозяйственный горизонт Ap

Таблица 1. Окончание

Слой	Полевое описание	Микроморфологическое описание	Интерпретация
14.1	Серая глина. Визуально делится на две части: верхняя часть однородная, темно-серого цвета; нижняя часть более светлого оттенка, с желтыми вкраплениями (оксидации?). Глубина: -80/-84 от нуля; мощность: — 20–24 см	<p>Прослойка мощностью около 5 мм, аналогичная прослойке 14.2, с большим количеством микрочастиц древесного угля. Кроме того, фиксируются следы горизонтального выравнивания частиц выветренного органического материала. На некоторых участках прослеживается уплотнение слоя с массивной микроструктурой и пластинчатой структурой. Пористость: 15</p> <p>Суглинистый ил с включениями окатаных зерен кварца (до 1 мм в диаметре). Кварцевых зерен наблюдается больше, чем в нижележащей прослойке 14.3. Неслоистый, не содержащий извести. Встречаются глинисто-песчаные включения из прослойки 15. Пористость: 15–20. Сложная и многогранная микроструктура: призматическая структура с каналами и камерами. В порах фиксируются выраженные запыленные вмятины. Встречаются фрагменты фосфатосодержащих копролитов (размером до 1 мм). Отмечается очень высокое содержание древесных микроугольков (больше, чем в прослойке 14.3). Встречается вивианит в слое и вдоль корневых каналов, а также ожелезненные дендриты</p>	<p>Сельскохозяйственный горизонт с признаками уплотнения Ар</p> <p>Переходная зона, пойменный суглинок / Ар</p>
14.3		<p>Однородный, неслоистый супесчаный суглинок с включениями окатаных зерен кварца (0,2–1 мм в диаметре) и большого количества слюды; не содержит извести. Пористость: 15–20; призматическая структура, на некоторых участках прослеживается массивная микроструктура. Расположение глинистых частиц в виде сети и полос, встречаются отдельные конкреции глины. Глинистая примазка в порах, ожелезнение вдоль краев пор и трещин. Высокое содержание древесных микроугольков и мелкодисперсной органики, единичные макроостатки, изредка мелкие окатаные фрагменты обожженных костей. В порах отмечаются лучеобразные коагуляции вивианита</p>	<p>Пойменный суглинок с древесными микроугольками. Признаки переувлажнения. Инфильтрации фосфатов</p>
15	Суглинистый слой темно-серого цвета с песчаными примесями. С довольно четкой верхней границей. Интерпретируется как неолитическая погребенная почва. Ниже — слой морены (слой 16). Глубина: -99/-102 от 0; мощность: 2–6 см	<p>Неслоистый суглинистый песок с окатаными частицами. Пористость: 10–15, со сложной микроструктурой. Содержит большое количество древесных микроугольков. Определяется несколько фаз глинистых примазок (фаза 1: запыленные вмятины, фаза 2: чистые примазки). Встречаются окислы железа</p>	<p>Аллювиальная супесь с почвообразованием (лювисол), песчаные надпойменные отложения с признаками выветривания и включениями древесного угля</p>

Слой 15 (шлиф 4, рис. 2). Судя по микроморфологическим данным, слой 15 представляет собой песчаные надпойменные отложения Волхова, сформировавшиеся в период, хронологически предшествовавший Ладожской трансгрессии. Наличие в них микрочастиц древесного угля указывает на антропогенное воздействие. Подобные вмывания микроугольков можно интерпретировать как признаки корчевания растительности и, соответственно, существования здесь открытой свободной поверхности (Deak et al. 2017). Более молодые глинистые частицы, затекшие из вышележащих глинистых напластований периода трансгрессии (слой 14), свидетельствуют, напротив, о процессе почвообразования, в результате которого образовался лювисол (по: WRB 2015).

Слой 14 (шлифы 4, 3b; рис. 2). По результатам микроскопических наблюдений слой 14 определяется как богатый древесным углем пойменный суглинок, который формировался в условиях периодических затоплений, когда по окончании Ладожской трансгрессии данный участок длительное время представлял собой переувлажненную пойму. Имеются признаки перемешивания нижней и средней частей этого слоя (14.3 и 14.2). Это, вероятно, можно интерпретировать как следы антропогенного вмешательства в почву, связанного с сельскохозяйственной обработкой. Зафиксированное легкое уплотнение в слое 14.1 может указывать на бывшую нижнюю границу горизонта сельскохозяйственного перекапывания (так называемая глубина плуга).

Слой 13 (шлифы 1, 2; рис. 2). Все микроморфологические особенности базисной микропрослойки 13.3 указывают на то, что мы имеем дело с почвой, находившейся в сельскохозяйственном использовании, в которую проникали органические вещества и фекалии.

На основании микроморфологических наблюдений можно определить прослойки 13.2 и 13.1 как гумусовый горизонт (Ah), богатый органической материей, с сохранившейся сверху органической подстилкой (горизонт Of) (рис. 3, 3). Ее наличие свидетельствует о предполагаемой приостановке антропогенного воздействия на почву, что привело к образованию гумусового горизонта уже после того, как сельскохозяйственное использование участка прекратилось.

Слой 11a (шлиф 0, 1; рис. 2). Непосредственно над гумусовым горизонтом погребенной почвы залегает антропогенный культурный слой. Микроморфологическими методами были исследованы его нижние 10 см. Основой этих органических отложений является прослойка из нескольких спрессованных слоев коры. Результаты микроскопии показывают, что кора, располагаясь над мягким гумусовым горизонтом, действовала как стабилизатор, предотвращая погружение в мягкий гумус. Возникает вопрос, могли ли пласты коры использоваться человеком специально с указанной целью, или они являются просто отходами процесса ошкуривания бревен и подготовки их к строительству?

В целом, микроморфологическая оценка слоев 11a.1 и 11a.2 показывает, что накопление культурного слоя происходило в результате интенсивной жизнедеятельности человека. На это указывает и аккумуляция материалов деревянного строительства и обработки древесины, и накопление пищевых отходов, прежде всего рыбных (рис. 3, 4), и присутствие зольных выбросов из очагов. Зафиксированные здесь зерна расплавленного кварца образуются при высокотемпературных процессах (Rörke, Dietl 2014; 2017), например в контексте обработки металлов. Однако типичные железные шлаки или другие следы кузнечных работ, например железная окалина, в исследованных образцах отсутствуют. Наличие органического материала разной степени деградации

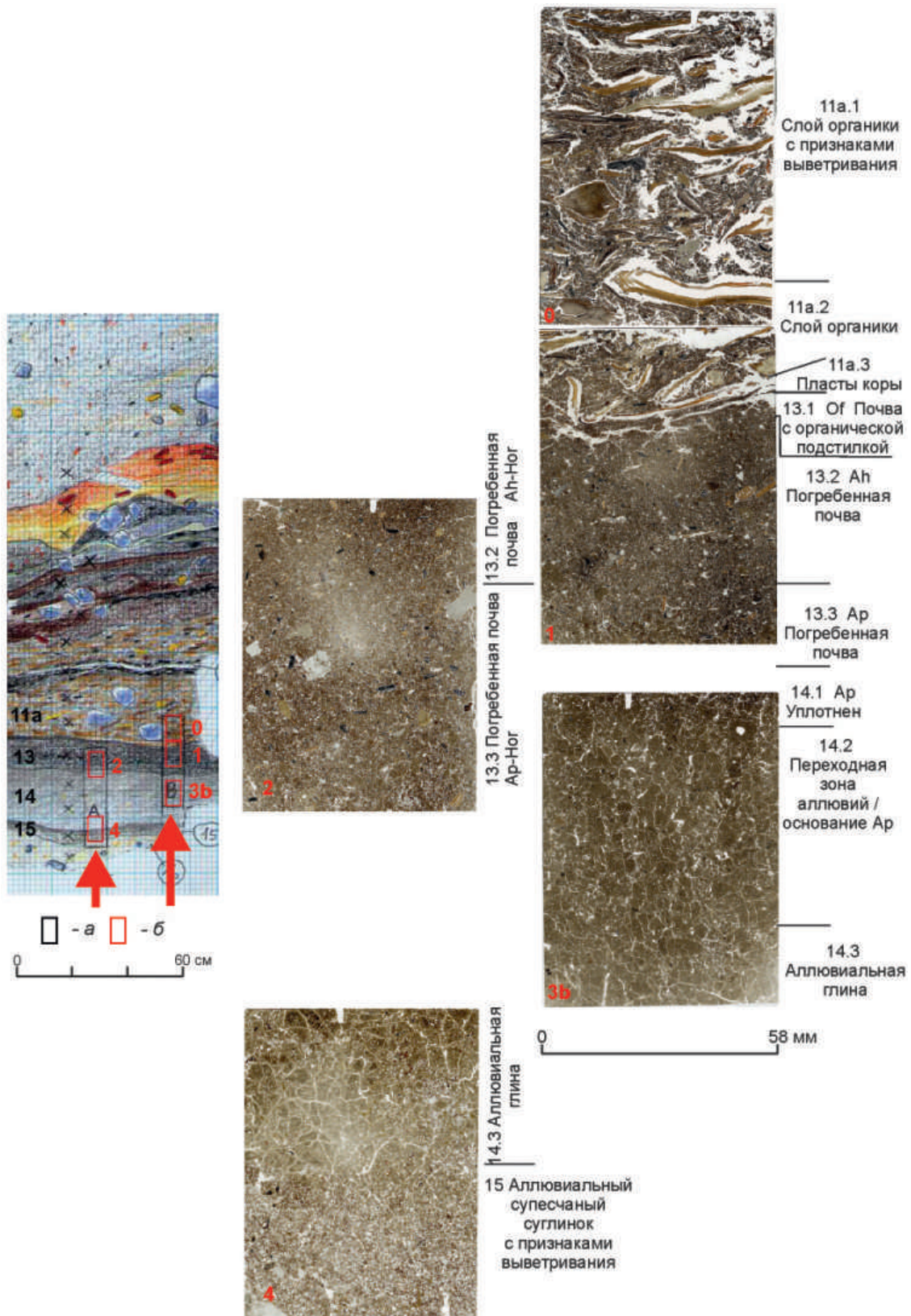

Рис. 2. Старая Ладога, Земляное городище, раскоп 5, зачистка стенки в кв. У-ХVIII/ХIХ, 2016 г. (прорисовка Й. Шнеевайса) (*a* — места отбора проб; *b* — участки шлифов); шлифы 0, 1 и 3b, 2 и 4, последовательность смены слоев и их краткая интерпретация (фото Ф. Рентцеля)

Fig. 2. Staraya Ladoga, Zemlyanoye Gorodishche, trench 5, restored eastern profile in Qu. У-ХVIII/ХIХ in 2016 (drawing by J. Schneeweiss) (*a* — location of samples; *b* — parts of thin sections); thin sections 0, 1 and 3b, 2 and 4, examined layer sequence with short layer interpretation (photo by Ph. Rentzel)

указывает на периодичность отложения и перекрытия культурных остатков, прерываемых фазами природного воздействия — выветривания и высыхания. Горизонтальное расположение частиц в структуре слоя, а также выявляемые в нем локальные компактные зоны и встречающиеся вкрапления плотной, суглинистой мелкой фракции, видимо, являются свидетельствами вытаптывания площадки⁵.

Дискуссия и выводы

Формирование слоя 13 (погребенная почва, Dark Earth)

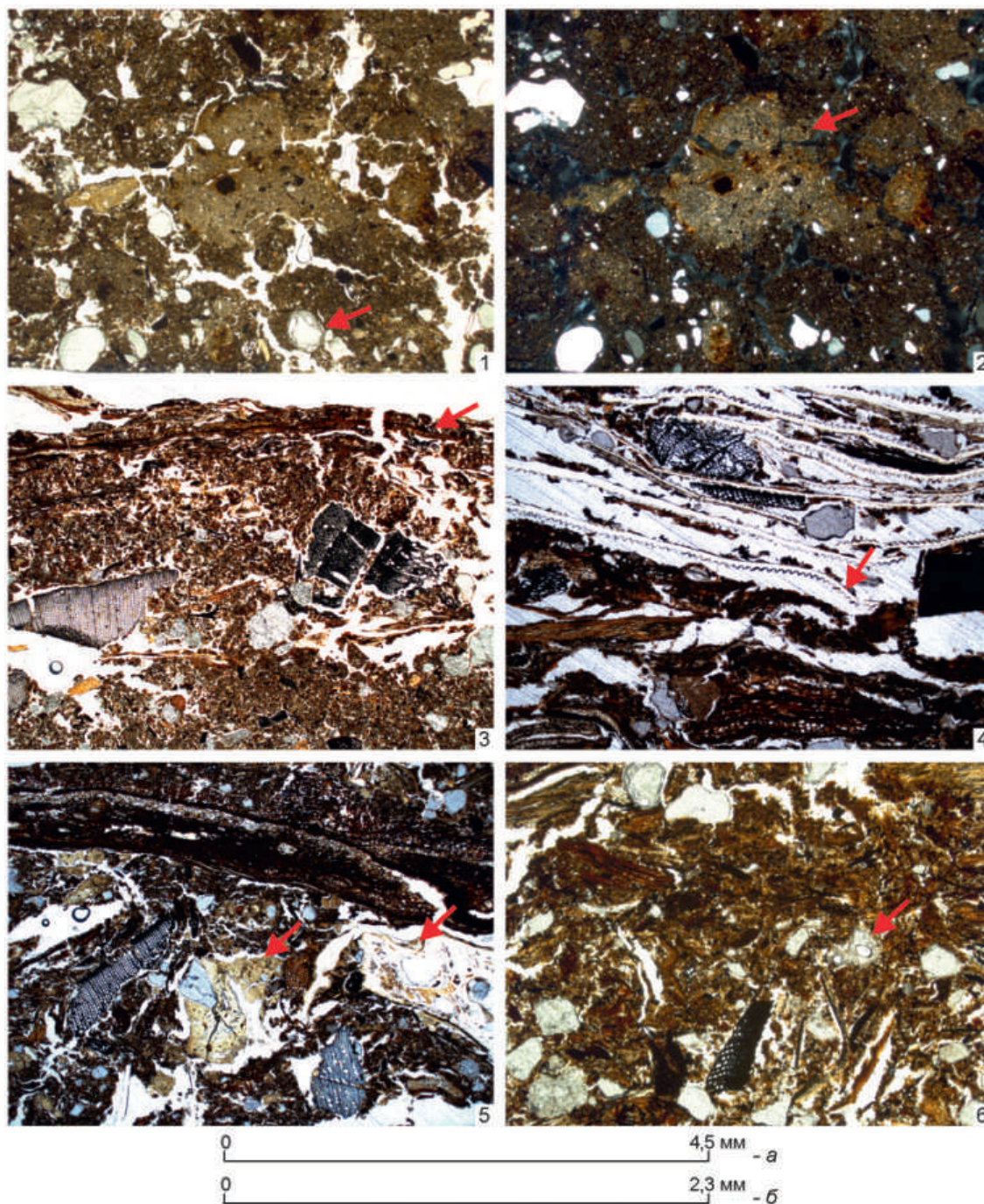
Микроморфологический анализ позволяет сделать ряд выводов о генезисе и особенностях верхней темной погребенной почвы (слой 13). В подстилающую ее аллювиальную глину, трансформированную земледелием, поступала значительная доля органических и фосфатосодержащих веществ. Сильно окатанные агрегаты почвы в прослойке 13.3 могли бы указывать на использование пашенного орудия (Deak et al. 2017: 249). Предполагаемые следы пахотного орудия, в виде неглубоких борозд, пересекающихся под прямым углом, были встречены в непосредственной близости от места взятия образцов (Александровский 2020: 188, рис. I.1, 3). Однако другие признаки пашенного земледелия — типичные V-образные следы или поверхностные корки (Valentin, Bresson 1992) — в образцах отсутствуют. На другом участке раскопа, в 20 м западнее, в 2010 г. в разрезе материка фиксировались следы неровных тычков, интерпретированные как следы копки лопатой (Александровский 2012: 59, рис. 1), то есть огород. На это указывают также свидетельства внесения удобрений (уголь и органика в почве) и перемешанные кусочки почвы в слое 13, появление которых также можно связывать с использованием лопаты⁶.

На сегодняшний день, даже с учетом результатов микроморфологического анализа слоев, все же нельзя однозначно определить, какого рода деятельность привела к образованию сельскохозяйственного слоя (распашка? огородничество? комбинация того и другого?)⁷. Однако можно не сомневаться, что антропогенное использование имело место до строительства первых домов на данном участке. Ранее проведенные карпологические исследования выявили в погребенной почве исключительно редкие находки зерен культурных злаков на фоне большого количества остатков дикорастущих и сорных растений (Aalto, Heinäjoki-Majander 1997; Чухина и др. 2014). Среди единичных зерновок — овес, ячмень, просо, рожь и пшеница. Фитолитный анализ не выявил в данном месте следов произрастания культурных злаков (Сперанская и др. 2017). Данное обстоятельство заставило остро поставить вопрос о характере и особенностях

⁵ О попадании глинистой фракции в слой путем вытаптывания «из-под подошвы» см.: Rentzel et al. 2017.

⁶ См. об этом также: Deak et al. 2017: tabl. 28.5.

⁷ О возделываемых культурах см. данные палеоботаники и палинологии (напр. Чухина и др. 2014).

сельскохозяйственной деятельности населения и о растениях, культивируемых в раннем средневековье (Платонова и др. 2020: 176–178). На наш взгляд, очень незначительное количество зерен культурных злаков, по сравнению с общим количеством плодов и семян, хорошо сохранившихся в слое, указывает скорее на использование данной площади под огород, чем под пахотные угодья. Вопрос о культивируемых растениях остается на данный момент открытым и требует дополнительных исследований.

Заслуживает внимания тот факт, что над горизонтом со следами сельскохозяйственной обработки залегает рыхлый комковатый гумусовый горизонт, перекрытый сверху органической подстилкой. Его характер можно объяснить уплотнением

Рис. 3. Старая Ладога, Земляное городище, раскоп 5, микрофото (фото Ф. Рентцеля): 1 — структура прослойки 13.3 (почвенный слой с включениями кусочков нижележащей аллювиальной глины (в центре), перемещенной в ходе сельскохозяйственной обработки; рыхлая, насыщенная древесным углем структура с органическими составляющими и следами выбросов из очага; красная стрелка указывает на зерно обожженного кварца); 2 — структура прослойки 13.3 (красная стрелка указывает на кусочек аллювиальной глины на фоне основной, более темной, органической составляющей; ракурс съемки тот же, что на 3, 1); 3 — гумусный слой 13.1 комковатой структуры с включениями древесного угля, перекрытого сверху горизонтальными пластинами коры слоя 11а.3 (указан красной стрелкой); 4 — органическая прослойка 11а.1 со скоплением рыбьей чешуи (красная стрелка указывает на одну из рыбьих чешуек (в разрезе)); 5 — прослойка 11а.2 (древесный уголь и фосфатосодержащие копролиты с фрагментами костей в органической основе слоя; красные стрелки указывают на фрагменты костей; в верхней части изображения крупные, лежащие горизонтально фрагменты коры); 6 — прослойка 11а.1 из мелкодисперсного органического материала коричневого цвета, с включениями угля (красная стрелка указывает на ошлакованные частицы); включения песка и локальное уплотнение структуры являются признаком вытаптывания. 1, 3–6 — вид с использованием параллельных поляризационных фильтров (PPL); 2 — вид с использованием перекрестных поляризационных фильтров (XPL). Масштаб: *a* — для 1, 2, 3, 5; *b* — для 4, 6

Fig. 3. Staraya Ladoga, Zemlyanoye Gorodishche, trench 5, микрофото (photo by Ph. Rentzel): 1 — topsoil layer with inclusions of pieces of underlying alluvial loam (in the centre), displaced during agricultural cultivation; loose, charcoal-rich matrix with organic material and traces of hearth debris (red arrow: burnt quartz); 2 — the layer 3.3 (pieces of alluvial loam (red arrow) against the background of the dark organic matrix; same image detail as 3, 1); 3 — the humus layer 13.1 with crumb structure and charcoal; the uppermost section is covered by horizontal barks of the layer 11a.3 (red arrow); 4 — the organic layer 11a.1 with an accumulation of fish scales (red arrow: one of the fish scales (in section)); 5 — the layer 11a.2 (charcoal and phosphate-bearing coprolites with bone fragments in the organic base of the layer; red arrows indicate bone fragments; at the upper edge of the image there are large fragments of barks lying horizontally); 6 — the layer 11a.1 consisting of brown, finely fragmented organic material, charcoal and slagged objects (red arrow); content of sand and compact areas are an indication of trampling. 1, 3–6 — parallel polarisation filters (PPL); 2 — crossed polarisation filters (XPL). Scale: *a* — for 1, 2, 3, 5; *b* — for 4, 6

от наложенных сверху пластов коры в условиях влажной среды. С точки зрения стратиграфии это свидетельствует о периоде покоя данного слоя, во время которого происходил процесс гумификации. Без такого покрытия имело бы место прогрессирующее разложение органических и фосфатосодержащих компонентов слоя. В связи с вышесказанным можно заключить, что хорошо сохранившийся слой 13 может являться предшественником Nordic Dark Earth или, соответственно, ее начальной фазой (Wiedner et al. 2015; Шнеевайс, Виднер 2016)⁸. Исходным субстратом почвы, пригодной для сельского хозяйства, являются надпойменные осадочные отложения, богатые микрочастицами угля. Наличие их в аллювиальной глине является признаком эрозионных процессов, связанных с человеческой деятельностью, на водосборном участке Волхова. Одновременно присутствие угля указывает на активность человека в период, предшествующий формированию погребенной почвы на территории Земляного городища (слой 13).

Формирование слоя 11а (культурный слой)

Формирование раннесредневекового культурного слоя 11а можно реконструировать как антропогенный процесс аккумуляции органических веществ на поверхности гумусового почвенного горизонта. На начальном этапе отложился слой коры из крупных ее фрагментов, перекрывающих друг друга. Это оказало стабилизирующее

⁸ О формировании почв Dark Earth над флювиальными отложениями см. также: Nicosia et al. 2012.

Рис. 4. Старая Ладога, Земляное городище, раскоп 5, 2013 г., остатки деревянных конструкций и пласты коры под настилом постройки и вне строений в нижней части культурного слоя (фото А. Н. Кирпичникова)

Fig. 4. Staraya Ladoga, Zemlyanoye Gorodishche, trench 5 (2013), remains of wooden constructions and bark layers under the plank bottom and outside the buildings in the lower part of the cultural layer (photo by A. N. Kirpichnikov)

действие на подстилающий его мягкий и влажный гумусовый горизонт. Настил из коры мог появиться в результате преднамеренных действий, направленных на укрепление поверхности грунта, но мог представлять собой просто отходы процесса ошкуривания бревен. При раскопках в ранних слоях периодически фиксировались крупные пласты коры, подложенные под бревна настила первых построек (Кирпичников 2013: рис. 11). Отдельные пласты коры фиксировались также в стороне от застройки, хотя упорядоченной выкладки их (например, для пешеходной дорожки) встречено не было (рис. 4).

Хорошо сохранившиеся остатки дерева и коры свидетельствуют о скорости накопления остатков и быстром перекрытии их новыми отложениями во влажной среде (см. об этом: Ismail-Meyer 2017). На то же указывают фосфатосодержащие составляющие отложений — копролиты и тонкие рыбные остатки (Huisman et al. 2017). На основе наблюдений за диагенетически модифицированной корой (гелификация) седиментационная среда культурного слоя может быть охарактеризована как кислая, анаэробная и, так сказать, близкая к торфяной (Vecze-Deák, Langohr 1999; Ismail-Meyer et al. 2018)⁹. Индикаторов биотурбации слоя дождевыми червями или корнями нет.

⁹ Подобные превращения коры в аморфное органическое вещество также известны на примере наблюдений за слоями коры эпохи неолита при воздействии современного выветривания (Rentzel 2020).

Из неоднородной сохранности органических остатков можно сделать вывод о фазах выветривания с высыханием. Это говорит о периодичности процесса накопления культурного слоя. Также определяется процесс вытаптывания участка, выявляющий зоны наибольшей человеческой активности (рис. 3, 6). Таким образом, рассмотренный культурный слой по своим особенностям не соответствует ни классическому месту скопления отходов (свалки, помойки), ни слою стойлового навоза. При этом определяются все признаки строительного горизонта под открытым небом, хотя строительство происходило не конкретно в указанном месте, а где-то в непосредственной близости от него.

Заключение

В центре внимания авторов настоящего исследования находилась проблема формирования и интерпретации погребенной почвы (слой 13) и перекрывающего ее культурного слоя (слой 11a) раннесредневекового Ладожского поселения. Были поставлены вопросы о признаках наличия земледелия в данном горизонте, о возможности интерпретации погребенной почвы в качестве Dark Earth, а также о самой природе органики в культурном слое и характере деятельности человека на данном участке поселения в указанный период.

Погребенная почва (слой 13) безусловно несет на себе следы антропогенного воздействия. Она могла сформироваться в результате распашки и/или разработки данного участка под огород в период до его застройки. Особенности слоя 13 являются не совсем обычный состав и исключительно хорошая сохранность. Результаты микроморфологического анализа позволяют относить эту палеопочву к группе Dark Earth, возможно к Nordic Dark Earth в начальной стадии.

Мощный раннесредневековый культурный слой, перекрывший палеопочву сверху, содержит многочисленные остатки строительной деятельности человека в виде хорошо сохранившихся остатков древесины и коры, отложившихся за короткий период времени. Следы стойлового навоза не определились. Зато обнаружались признаки того, что на раннем этапе жизни поселения эта его часть являлась зоной активной промышленной и хозяйственной деятельности. Люди и животные там, несомненно, присутствовали.

Подводя итог, можно сказать, что благодаря высокой степени сохранности нижних горизонтов Земляного городища использование микроморфологического анализа позволяет получить принципиально новую информацию о микростратиграфии отложений. С их помощью можно прояснить часть вопросов, поставленных в начале работы. В результате проведенных исследований получены новые данные о процессах почвообразования в отложениях этой погребенной почвы, о ее обработке и характере землепользования, а также о составе раннесредневекового культурного слоя. Эти сведения помогают реконструировать характер воздействия человека на палеогеографическое окружение, в котором существовало Ладожское поселение эпохи раннего средневековья.

Литература и источники

Александровский и др. 2010 — Александровский А. Л., Кренке Н. А., Нефедов В. С. Исследования почв и отложений под культурным слоем Земляного городища Старой Ладоги // Носов Е. Н., Белецкий С. В. (ред.). Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. В 2 т. М.: Ломоносовъ, 2010. Т. 1. С. 43–61.

- Александровский 2012 — Александровский А. Л. Радиоуглеродный возраст пахотного горизонта под культурным слоем Земляного городища Старой Ладogi // Кирпичников А. Н. (ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья. СПб.: Нестор-История, 2012. Вып. 3. С. 59–61.
- Александровский 2020 — Александровский А. Л. Раскоп 6 на Земляном городище и шурф 2019 г. на Варяжской ул.: стратиграфия, хронология, погребенные почвы // Платонова Н. И. и др. Старая Ладога, СЭМ-исследования растительных остатков из палеопочв, разделенных отложениями Ладожской трансгрессии. Новые материалы и старые проблемы. Приложение I // АВ. 2020. Вып. 30. С. 186–189.
- Бронникова и др. 2016 — Бронникова М. А., Панин А. В., Мурашева В. В., Гольева А. А. Микроморфологические исследования в археологии: история, задачи, возможности, перспективы // Иванов А. Л. (отв. ред.). Морфология почв: от макро- до субмикроуровня: Материалы Всерос. конф. с междунар. участием. Москва, 19–21 декабря 2016 г. М.: Почвенный ин-т им. В. В. Докучаева, 2016. С. 46–60.
- Кирпичников 2014 — Кирпичников А. Н. Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции Института истории материальной культуры РАН в с. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2013 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. 2013 г. Д. 36.
- Новое в археологии... 2018 — Новое в археологии Старой Ладogi: материалы и исследования / Платонова Н. И., Лапшин В. А. (отв. ред.). СПб.: НКТ, 2018. 535 с.
- Платонова и др. 2020 — Платонова Н. И., Левковская Г. М., Брицкий Д. А., Карцева Л. А., Лапшин В. А., Григорьева Н. В., Миляев П. А., Збукова Д. В., Александровский А. Л., Балашова Н. Б., Киселев Г. А., Чавчавадзе Е. С. Старая Ладога, СЭМ-исследования растительных остатков из палеопочв, разделенных отложениями Ладожской трансгрессии. Новые материалы и старые проблемы // АВ. 2020. Вып. 30. С. 163–199.
- Сперанская и др. 2017 — Сперанская Н. Ю., Чухина И. Г., Григорьева Н. В., Соломонова М. Ю. Итоги изучения фитоцитов погребенной почвы Земляного городища Старой Ладogi // Деревянко А. П., Тишкин А. А. (отв. ред.). Тр. V (XXI) Всероссийского археологического съезда: Сб. ст. в 3 т. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2017. С. 984–985.
- Чухина и др. 2014 — Чухина И. Г., Радьин Д. А., Григорьева Н. В. Предварительные результаты изучения растительных макроостатков по материалам раскопок 2010 г. в Старой Ладoge // Мусбахова В. Т. (ред.). Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 244–251.
- Шнеевайс, Виднер 2016 — Шнеевайс Й., Виднер К. Антропогенная почва как архив культурной истории. “Nordic Dark Earth” как пример значительного потенциала естественно-научного изучения культурных слоев // Матвеева Н. П. (ред.). Экология древних и традиционных обществ: материалы V МНК (Тюмень, 7–11 ноября 2016 г.). Тюмень: Изд-во Тюменского ГУ, 2016. С. 180–181.
- Aalto, Heinäjoki-Majander 1997 — Aalto M., Heinäjoki-Majander H. Archaeobotany and Palaeoenvironment of the Viking Age Town of Staraja Ladoga, Russia // Miller U. (ed.). Environment and Vikings with special reference to Birka. Rixensart, 1997. P. 13–30 (PACT. 52. Birka Studies. 4).
- Becze-Deák, Langohr 1999 — Becze-Deák J., Langohr R. Podzolisation, peat development and dopplerite — soil characteristics of a challenging profile at the Ramskapelle Polder (West Flanders — Belgium) // Louwagie G., Langohr R. (eds.). Thematic Day. Soils and Palaeoenvironment Reconstruction. Applications in Geo- and Archaeopedology. Ghent: Laboratory of Soil Science Ghent University, Pedologie-Themata, 2000. No. 8. P. 113–122.

- Bullock et al. 1985 — *Bullock P., Fedoroff N., Jongerius A., Stoops G., Tursina T., Babel U.* Handbook for Soil Thin Section Description. Wolverhampton: Waine Research, 1985. 152 p.
- Bronnikova et al. 2003 — *Bronnikova M. A., Zazovskaya E. P., Bobrov A. A.* Local Landscape Evolution Related to Human Impact of an Early Medieval Pre-urban Centre in the Upper Dnieper Region (Centre of the Russian Plain): an Interdisciplinary Experience // *Revista Mexicana de Geologicas*. 2003. Vol. 20, no. 3. P. 245–262.
- Brönnimann et al. 2017a — *Brönnimann D., Ismail-Meyer K., Rentzel P., Pümpin Ch., Lisá L.* Excrements of herbivores // *Nicosia C., Stoops G. (eds.)*. Archaeological soil and sediment micromorphology. Chichester: Wiley-Blackwell, 2017. P. 55–65.
- Brönnimann et al. 2017b — *Brönnimann D., Pümpin C., Ismail-Meyer K., Rentzel P., Égüez N.* Excrements of Omnivores and Carnivores // *Nicosia C., Stoops G. (eds.)*. Archaeological Soil and Sediment Micromorphology. New York: John Wiley & Sons, 2017. P. 67–81.
- Deák et al. 2017 — *Deák J., Gebhardt A., Lewis H., Usai M. R., Heejin L.* Soils Disturbed by Vegetation Clearance and Tillage // *Nicosia C., Stoops G. (eds.)*. Archaeological Soil and Sediment Micromorphology. Chichester: Wiley-Blackwell, 2017. P. 233–264.
- Glaser, Birk 2012 — *Glaser B., Birk J. J.* State of the scientific knowledge on properties and genesis of Anthropogenic Dark Earths in Central Amazonia (Terra Preta de Índio) // *Geochimica et Cosmochimica Acta*. 2012. 82. P. 39–51.
- Goldberg, Macphail 2006 — *Goldberg P., Macphail R.* Practical and Theoretical Geoarchaeology. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. XII + 455 p.
- Håkansson 1997 — *Håkansson T.* Soil Micromorphology with Special Reference to “Dark Earth” // *Miller U. (ed.)*. Environment and Vikings with special reference to Birka. Rixensart, 1997. P. 151–154 (PACT. 52. Birka Studies. 4).
- Huisman et al. 2017 — *Huisman H., Ismail-Meyer K., Sageidet B. M., Joosten I.* Micromorphological indicators for degradation processes in archaeological bone from temperate European wetland sites // *Journal of Archaeological Science*. 2017. 85. P. 13–29.
- Ismail-Meyer 2017 — *Ismail-Meyer K.* Plant Remains // *Nicosia C., Stoops G. (eds.)*. Archaeological Soil and Sediment Micromorphology. Chichester: Wiley-Blackwell, 2017. P. 121–135.
- Ismail-Meyer et al. 2018 — *Ismail-Meyer K., Stolt M. H., Lindbo D. L.* Soil Organic Matter // *Stoops G., Marcelino V., Mees F. (eds.)*. Interpretation of Micromorphological Features of Soils and Regoliths, Second Edition. Amsterdam: Elsevier, 2018. P. 472–512.
- Karkanias, Goldberg 2010 — *Karkanias P., Goldberg P.* Phosphatic features // *Stoops G., Marcelino V., Mees F. (eds.)*. Interpretation of Micromorphological Features of Soils and Regoliths. Amsterdam: Elsevier, 2010. P. 521–541.
- Karkanias, Goldberg 2017 — *Karkanias P., Goldberg P.* Soil micromorphology // *Gilbert A. S. (ed.)*. Encyclopedia of Geoarchaeology, Encyclopedia of Earth Sciences Series. Dordrecht: Springer, 2017. P. 830–841.
- Nicosia et al. 2012 — *Nicosia C., Langohr R., Mees F., Arnoldus-Huyzendveld A., Bruttini J., Cantini F.* Medieval Dark Earth in an Active Alluvial Setting from the Uffizi Gallery Complex in Florence, Italy // *Geoarchaeology: An International Journal*. 2012. 27. P. 105–122.
- Nicosia et al. 2013 — *Nicosia C., Devos Y., Borderie Q.* The contribution of geosciences to the study of European Dark Earths: a review // *Post-Classical Archaeologies*. 2013. 3. 145–170.
- Rentzel et al. 2017 — *Rentzel Ph., Nicosia C., Gebhardt A., Brönnimann D., Pümpin C., Ismail-Meyer K.* Trampling, Poaching and the Effect of Traffic // *Nicosia C., Stoops G. (eds.)*. Archaeological Soil and Sediment Micromorphology. Chichester: Wiley-Blackwell, 2017. P. 281–298.
- Rentzel 2020 — *Rentzel Ph.* Geoarchäologische Untersuchungen // *Heitz C. (Hrsg.)*. Abseits der grossen Seen: Archäologie und Erhaltung der neolithischen Unesco-Welterbe-Fundstelle Seedorf, Lobsigensee. Bern: Archäologischer Dienst Bern, 2020. S. 287–306.

- Röpke, Dietl 2014 — *Röpke A., Dietl C.* The vitrified Bronze Age fortification of Bernstorf (Bavaria, Germany) — an integrated geoarchaeological approach // *European Geologist*. 2014. 38. P. 25–32.
- Röpke, Dietl 2017 — *Röpke A., Dietl C.* Burnt soils and sediments // Nicosia C., Stoops G. (eds.). *Archaeological Soil and Sediment Micromorphology*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2017. P. 173–180.
- Stoops 2003 — *Stoops G.* Guidelines for analysis and description of soil and regolith thin sections. Madison, Wisconsin: Soil Science Society of America, 2003. 184 p.
- Valentin, Bresson 1992 — *Valentin C., Bresson L.-M.* Morphology, genesis and classification of surface crusts in loamy and sandy soils // *Geoderma*. 1992. 55. P. 225–245.
- Wiedner et al. 2015 — *Wiedner K., Schneeweiß J., Dippold M., Glaser B.* Anthropogenic Dark Earth in Northern Germany — The Nordic Analogue to terra preta de Índio in Amazonia // *Catena*. 2015. 132. P. 114–125.
- WRB 2015 — World Reference Base for Soil Resources 2014, update 2015 International soil classification system for naming soils and creating legends for soil maps. World Soil Resources Reports. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2015. No. 106.

**A NEW INSIGHT INTO OLD LAYERS.
GEOARCHAEOLOGICAL STUDIES OF THE MICROSTRATIGRAPHY
AT THE ZEMLYANOYE GORODISHCHE IN STARAYA LADOGA**

N. V. GRIGORIEVA, PH. RENTZEL, J. SCHNEEWEISS

Keywords: *Middle Ages, Staraya Ladoga, micromorphology, Nordic Dark Earth, cultural layer, buried soil, agriculture.*

For the first time, micromorphological analyses were carried out in the early medieval settlement of the earth fortification of Staraya Ladoga. The main focus was on the investigation of a buried soil and the overlying early medieval cultural layer. Thanks to the excellent preservation of the layers, a detailed analysis of the microstratigraphy could be worked out, which allows us to better understand the site formation processes. The results fit in well with previous knowledge about Staraya Ladoga and can complement it. At the base of the sequence, the buried soil developed before the area was directly inhabited, but it is undoubtedly of anthropogenic origin. It developed under the influence of arable farming and horticulture. Based on micromorphological observations, this anthrosol can be attributed to Nordic Dark Earth, probably in its initial stage. The overlying early medieval cultural layer was accumulated in a wet environment with a high sedimentation rate in an area of commercial and domestic activities. Primarily, there is evidence of timber construction processes that have left their traces in large quantities. In the beginning, bark from the timber work was used to stabilise the soft and damp humic topsoil, which was thus conserved. The paper demonstrates that micromorphology in Staraya Ladoga provide previously unknown observations about microstratigraphy in archaeological sediments, which help to answer several questions about the human life and environment.

ЗНАКИ НА ДНИЩАХ СОСУДОВ ИЗ СТАРОЙ ЛАДОГИ (по материалам раскопок на Варяжской улице 1973–1976 гг.)

Т. Б. СЕНИЧЕНКОВА¹

Ключевые слова: *Старая Ладога, Варяжская улица, раскопки, керамика, гончарные клейма, магия, В. П. Петренко.*

В статье рассматриваются фрагменты круговых сосудов с отпечатками на днищах, происходящие из раскопа 1 (раскопки В. П. Петренко 1973–1976 гг.) на Варяжской ул. в Старой Ладоге. Знаки в виде геометрических фигур имеют широкий круг аналогий на средневековых памятниках Северной и Южной Руси. Особый интерес представляют два фрагмента со знаками и с наружной, и с внутренней стороны днища. Известные в Ладоге находки знаков на внутренней стороне днищ лепных сосудов позволяют предположить, что традиция метить посуду возникла здесь ранее, чем появился гончарный круг. Из всех обсуждаемых в литературе версий появления гончарных клейм ладожские находки с наибольшей вероятностью подтверждают версию об их магическом смысле.

DOI: 10.31600/2310-6557-2021-25-83-88

Вопрос о назначении клейм на древнерусской керамике обсуждается в научной литературе со второй половины XIX в. За это время накоплен большой, постоянно растущий объем информации, однако ни одна из гипотез так и не получила всеобщего признания. Многие исследователи трактуют клейма как метки мастера-гончара или его заказчика, но достаточно распространена и другая точка зрения, приписывающая им магический смысл (обзоры литературы по проблеме см.: Рыбаков 1948: 163, 175–182; Розенфельдт 1963; Гупало 2001: 27–28; Векслер и др. 2016: 115–117). Высказано даже мнение, что знаки на днищах горшков являются «неразгаданным феноменом гончарства в славянском мире» (Гупало 2001: 27). Правда, исследовательница все-таки оговорила, что подобные знаки встречаются не только в ареале расселения славян (Там же: 27, сноска 1).

Как правило, археологи все внимание концентрируют на рисунке клейма, пытаются разгадать его значение и определить семантику. Технологические детали и характер нанесения рисунка при этом нередко остаются неописанными. В результате по публикациям зачастую невозможно установить, имеем мы дело с негативным или, напротив, выпуклым изображением. А. А. Бобринский первым обратился к рассмотрению технологических особенностей выполнения знаков и следов контакта днища сосуда с деревянной плоскостью круга (Бобринский 1972).

¹ Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 191181, Россия.

В. Ю. Коваль попытался подытожить ту «позитивную» информацию о древнерусских клеймах, которая была получена исследователями за вековую историю их изучения (Коваль 2002: 126–127). Считается, что появление клейм на сосудах совпадает со временем появления гончарного круга, то есть с X–XI вв. В некоторых регионах это произошло чуть раньше — уже в IX в. (Гупало 1985: 236). На большей части территории Руси обычай клеймить горшки исчезает в XIV в., хотя в отдельных местах он мог сохраняться до XVII в. и позднее (см., напр.: Балюнов 2010).

Причины, по которым клеймилась какая-то часть сосудов (неизменно малочисленная по отношению к общей массе керамики на памятнике), до сих пор не ясны. Клейма одинаковых очертаний (в основном это геометрические фигуры) распространены на очень широких территориях, что также не получило пока однозначного объяснения. В то же время в закрытых комплексах могут встречаться сосуды с разными клеймами.

Не претендуя на решение всех вопросов, связанных с проблемой древнерусских керамических клейм, я вижу свою задачу во введении в научный оборот немногочисленной коллекции из раскопа 1 на Варяжской улице в Старой Ладогe (раскопки В. П. Петренко 1973–1976 гг.). В этой части Староладожского поселения сохранились слои древнерусского времени — в отличие от Земляного городища, где в XV–XVI вв. производились мощные фортификационные работы, сильно повредившие верхние напластования.

Площадь раскопа 1 составляет около 600 м². Коллекция круговой керамики, собранная в слоях, датируемых с середины X в. до XV–XVI вв. (штыки 5–9, согласно полевой документации) (Петренко 1985; Черных 1985), насчитывает около 30 000 фрагментов. Среди них были найдены обломки днищ девяти круговых сосудов, имеющие знаки. Большинство фрагментов настолько малы, что невозможно реконструировать ни форму сосуда, ни даже диаметр днища. В настоящий момент интерпретации подаются шесть экземпляров клейм.

К сожалению, коллекция керамики из раскопа на Варяжской улице, переданная в 1980-х гг. в Объединенную дирекцию музеев Ленинградской области, в дальнейшем оказалась разрозненной. Часть ее ныне хранится в Староладожском музее-заповеднике, часть — в Музейном агентстве Ленинградской области (преемник Объединенной дирекции). Установить местонахождение значительной части материалов не удалось до сих пор. Полностью коллекция сохранилась только в рисунках, сделанных автором настоящей работы сразу по завершении раскопок. Некоторые из них публикуются в настоящей статье.

Два обломка днищ гончарных сосудов имели с наружной стороны выпуклые отпечатки круга (рис. 1, 1, 2). Обе находки привязаны к штыку 5, вмещающему находки эпохи средневековья, датируемые в широком диапазоне (XI–XV вв.). Еще у одного фрагмента (рис. 1, 3) в круг вписано либо изображение креста, либо так называемой «спицы». По сохранившемуся сколу однозначное определение невозможно. Находка имеет привязку «штык 6–7» и может быть датирована в интервале около 960–990-х гг.²

² Предлагаемые датировки являются приблизительными. Керамика фиксировалась в поле по горизонтальным пластам (штыкам, по полевой номенклатуре). Между тем культурные напластования Варяжской улицы залегали отнюдь не горизонтально, особенно в нижней части раскопа. Например, перепад глубины залегания материка по линии СЗ–ЮВ (по направлению к берегу р. Ладожка) составлял более 2 м (Петренко 1985: 83). Материал, привязанный к горизонтальным пластам, трудно соотнести с выделенными В. П. Петренко 11 строительными горизонтами, имеющими значительный перепад нивелировочных отметок. Та же проблема возникает при сопоставлении керамики с постройками, отнесенными Н. Б. Черных к восьми строительным периодам.

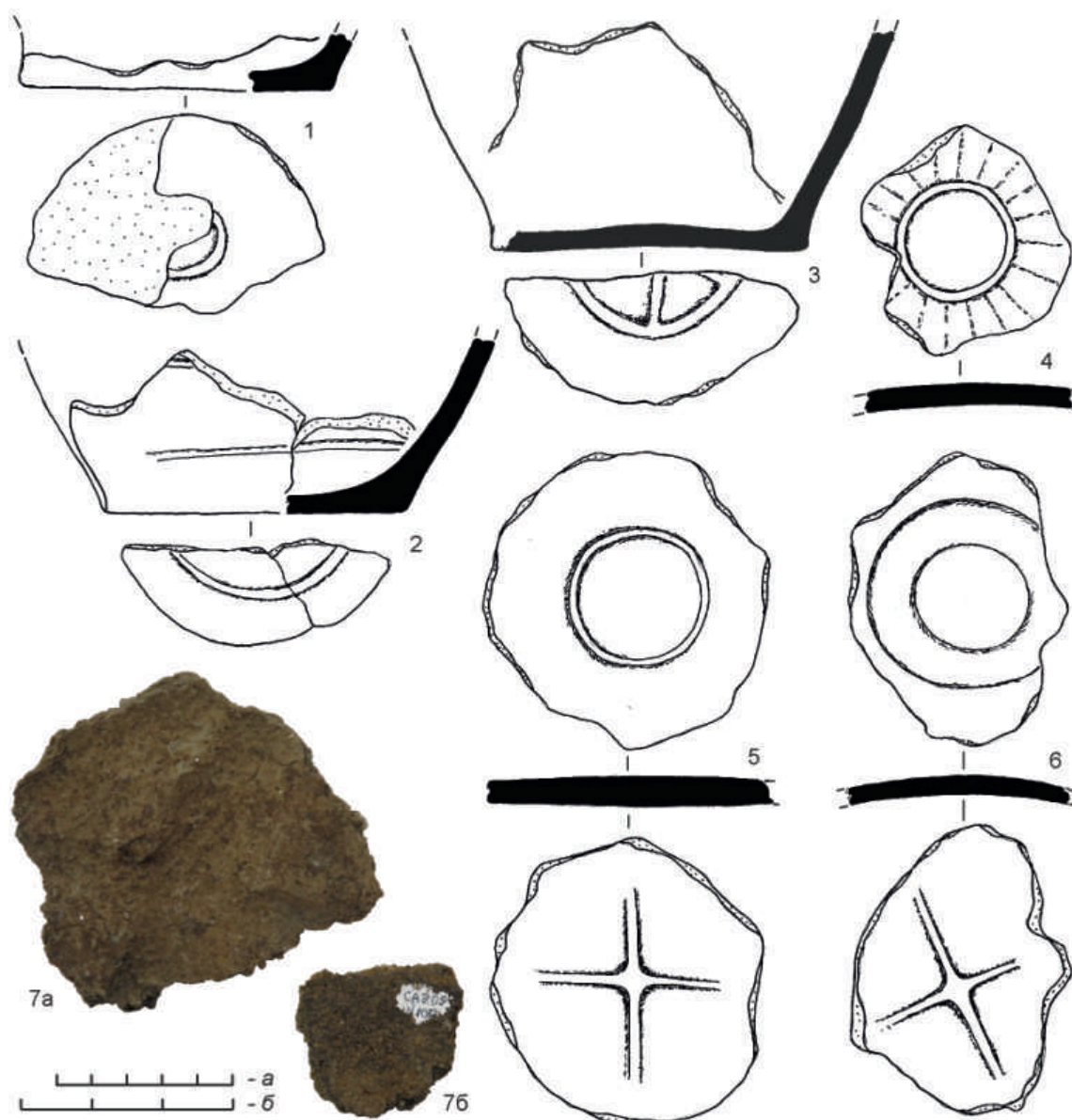

Рис. 1. Староладожское поселение, раскоп 1 на Варяжской ул., раскопки В. П. Петренко 1973–1975 гг., фрагменты днища гончарного сосуда с клеймом (1–6): 1 — САЭ-74/ЛП2-5595, кв. Б-0', штык 5, 1974 г.; 2 — САЭ-73/ЛП2-15107, 15112, кв. А-0, штык 5, 1973 г.; 3 — САЭ-75/ЛП2-4147, кв. К-4, И-4, штык 7–8, 1975 г.; 4 — САЭ-73/ЛП2-16675, кв. В-3, штык 6, 1973 г.; 5 — САЭ-73/ЛП2-16807, кв. Г-3, штык 6, 1973 г.; 6 — САЭ-73/ЛП2-17388, кв. В-2, В-3, штык 7, 1973 г.

Старая Ладога, Земляное городище, раскопки А. Н. Кирпичникова, 2009 г., фрагмент днища лепного сосуда с изображением креста (САЭ-09/100): 7а — внутренняя сторона; 7б — внешняя сторона

Fig. 1. Staraya Ladoga, trench 1 on the Varyazhskaya street, excavations by V. P. Petrenko, 1973–1975, bottom fragments with impressed symbols (1–6) (1 — САЭ-74/ЛП2-5595, square Б-0', spit 5, 1974; 2 — САЭ-73/ЛП2-15107, 15112, square А-0, spit 5, 1973; 3 — САЭ-75/ЛП2-4147, square К-4, И-4, spit 7–8, 1975; 4 — САЭ-73/ЛП2-16675, square В-3, spit 6, 1973; 5 — САЭ-73/ЛП2-16807, square Г-3, spit 6, 1973; 6 — САЭ-73/ЛП2-17388, square В-2, В-3, spit 7, 1973.

Staraya Ladoga, Zemlyanoe Gorodishche, excavations by A. N. Kirpichnikov, 2009, bottom fragment of a hand-shaped vessel with a cross image (САЭ-09/100): 7а — inner side; 7б — outer side

Сосуды с аналогичными отпечатками встречаются на поселениях эпохи средневековья на обширной территории — от Вологды на севере (Васильева 2007: рис. 2, 1, 3, 4) до Прикарпатья и Волыни на юге (Гупало 1985: рис. 3, группа В). В культурном слое Новгорода такие клейма отнесены (по классификации О. И. Хижнякова) к группе 1, подгруппам А (1, 1; 1, 2), Г (8, 1; 8, 2) и Е (15, 1; 15, 2) (Хижняков 2002: 138, рис. 1). Известны они также на памятниках Новгородской земли (Тёсовский погост) (Магола, Селин 2002: 121, рис. 2, 1), в слоях средневековой Москвы (Векслер и др. 2016: 263–264, рис. 107; 109, 2; 110), в Рязанской земле (Монгайт 1961: 285–286, рис. 124, 1; 125, 7; 126, 1).

Еще один обломок гончарного сосуда с Варяжской улицы (рис. 1, 4) имеет отпечаток в виде выпуклого круга, от которого отходят едва заметные чуть выпуклые линии напоподобие лучей. Такие изображения также распространены широко — от Северо-Запада России до Прикарпатья. В Новгороде они отнесены к группе 1, подгруппе Е (19, 20, 1) (Хижняков 2002), на памятниках Прикарпатья — к группе VI, виду 2 (Гупало 1985: 238–239, рис. 4:1, тип IV, вид 2). На Варяжской улице данная находка имеет привязку к штыку 6 и датируется, предположительно, последними десятилетиями X — началом XI в.

Особый интерес представляют днища двух гончарных сосудов, имеющие знаки как снаружи, так и внутри (рис. 1, 5, 6). На внешней стороне у обоих имеется слегка выпуклый крестообразный отпечаток, являющийся негативом рисунка, вырезанного на круге или подставке. У одного из этих сосудов выпуклое изображение круга помещено и на внутренней стороне. По технике нанесения оно совершенно аналогично изображениям на днищах сосудов, показанных на рис. 1 и 2. Фрагмент донца на рис. 6 с внутренней стороны также имеет изображение круга, но сделано оно пальцем по сырой глине.

По качеству теста и обжига эти фрагменты не отличаются от основной массы керамики. Найти аналогии двусторонним изображениям на днищах сосудов в древнерусских материалах мне пока не удалось. Стратиграфически они привязаны к штыкам 6 и 7 и могут быть отнесены примерно к последней четверти X в. По мнению В. М. Горюновой, появление клейм на раннегончарной посуде следует датировать на Северо-Западе не ранее последней четверти X в. (Горюнова 2014: 57). Даты находок с Варяжской улицы, при всей их условности (см. сноску 1), этому мнению не противоречат.

Отметим, что в Ладоге известны находки днищ не только гончарных, но и лепных сосудов со знаками на внутренней стороне. Так, на Земляном городище были выявлены соответствующие фрагменты с изображением креста (раскопки Н. И. Репникова 1911 и 1913 гг.) и свастики (раскопки А. Н. Кирпичникова 2008 г.); аналогии им представлены в керамической коллекции Рюрикова городища. По мнению А. В. Плохова и С. А. Семёнова, опубликовавших эти находки, подобные сосуды со знаками датируются в этом регионе в интервале от рубежа IX–X вв. до второй половины X в. (Плохов, Семёнов 2015: 212–213; 2017: 453). К сожалению, находки из раскопок Н. И. Репникова оказались в силу ряда обстоятельств депортированными (Гроздилов, Третьяков 1948: 105). В 2009 г. на Земляном городище в раскопе А. Н. Кирпичникова был обнаружен еще один фрагмент донца лепного сосуда с крестом, прочерченным пальцем с внутренней стороны (рис. 1, 7а, 7б). Стратиграфически он может быть отнесен примерно к последней четверти IX в.³

Находки изображений на внутренней стороне лепных сосудов свидетельствуют, что обычай ставить знаки внутри сосуда на поселениях Приильменья и Поволховья

³ Благодарю научного сотрудника ИИМК РАН Н. В. Григорьеву за неоднократные консультации по хронологии слоев Земляного городища в раскопах А. Н. Кирпичникова.

появился раньше, чем круговая керамика. Наличие подобных меток на лепных изделиях, которые явно не были товарной продукцией, говорит скорее в пользу версии, приписывающей им магический смысл.

Разумеется, данный вывод применим лишь к ситуации в конкретном регионе. Многообразии рисунков клейм (геометрические фигуры, буквенные символы, княжеские знаки и др.) и их сравнительная немногочисленность на том или ином памятнике не дают возможности выдвинуть универсальную трактовку, верную для всех случаев. Представляется, что появление гончарных клейм могло быть обусловлено различными причинами.

Литература

- Балюнов 2010 — *Балюнов И. В.* Тобольские гончарные клейма XVII в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тобольск, 2010. № 2 (13). С. 75–78.
- Бобринский 1972 — *Бобринский А. А.* О некоторых результатах трасологического изучения древнерусских гончарных клейм // Янин В. Л. (ред.). Новое в археологии: Сб. ст., посвящ. 70-летию А. В. Арциховского. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 182–190.
- Васильева 2007 — *Васильева Н. Б.* Средневековые гончарные клейма (по материалам раскопок на ул. Бурмагиных, 20) // Археология Вологды. История и современность: Сб. ст. Вологда: Древности Севера, 2007. С. 53–61.
- Векслер и др. 2016 — *Векслер А. Г., Кондрашев Л. В., Беркович В. А., Гусаков М. Г., Генинг В. В.* Москва. Раскопки на Великом посаде. Московская керамика по материалам исследований. М.: Департамент культурного наследия города Москвы, 2016. 496 с.
- Горюнова 2014 — *Горюнова В. М.* О времени появления клейм на раннегончарной посуде Северо-Западной Руси // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и Ладужская земля в эпоху средневековья. СПб.: Социальная пропаганда, 2014. Вып. 4. С. 55–66.
- Гроздилов, Третьяков 1948 — *Гроздилов Г. П., Третьяков П. Н.* Описание находок из раскопок в Старой Ладоге, произведенных Н. И. Репниковым в 1909–1913 гг. // Равдоникас В. И. (отв. ред.). Старая Ладога: Сб. Гос. Музея этнографии. Л.: 21-я тип. им. И. Федорова треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров СССР, 1948. С. 71–112.
- Гупало 1985 — *Гупало В. Д.* Гончарные клейма Прикарпатья и Западной Волыни // СА. 1985. № 4. С. 236–243.
- Гупало 2001 — *Гупало В. Д.* Раннесредневековые гончарные клейма // РА. 2001. № 1. С. 27–36.
- Коваль 2002 — *Коваль В. Ю.* Клейма на средневековой русской керамике (опыт исследования на примере Ростиславля Рязанского) // Хохлов А. Н. (отв. ред.). Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: Старый город, 2002. Вып. 4. С. 125–135.
- Магола, Селин 2002 — *Магола А. А., Селин А. А.* Керамический комплекс Тёсовского погоста // Там же. С. 119–124.
- Монгайт 1961 — *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 400 с.
- Петренко 1985 — *Петренко В. П.* Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Седов В. В. (отв. ред.). Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 81–116.
- Плохов, Семёнов 2015 — *Плохов А. В., Семёнов С. А.* Свастические знаки с поселений Поволховья // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и Ладужская земля в эпоху средневековья. СПб.: Социальная пропаганда, 2015. Вып. 5. С. 212–221.
- Плохов, Семёнов 2017 — *Плохов А. В., Семёнов С. А.* Крестообразные знаки на днищах сосудов с поселений Поволховья // Мусин А. Е. (отв. ред.). В камне и бронзе: Сб. ст. в честь А. А. Песковой. СПб.: ИИМК РАН; НКТ, 2017. С. 453–466 (Тр. ИИМК РАН. Т. 48).

- Розенфельдт 1963 — *Розенфельдт Р. Л.* К вопросу о гончарных клеймах // СА. 1963. № 2. С. 121–130.
- Рыбаков 1948 — *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 792 с.
- Хижняков 2002 — *Хижняков О. И.* Новгородские гончарные клейма // Хохлов А. Н. (отв. ред.). Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: Старый город, 2002. Вып. 4. С. 136–148.
- Черных 1985 — *Черных Н. Б.* Дендрохронология Ладоги (раскоп в районе Варяжской улицы) // Седов В. В. (отв. ред.). Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 117–122.

**SYMBOLS ON THE BASES OF VESSELS FROM STARAYA LADOGA
(based on the materials from the 1973–1976 excavations
on the Varyazhskaya street)**

T. B. SENICHENKOVA

Keywords: *Staraya Ladoga, Varyazhskaya street, excavations, pottery, potters' marks, magic, V. P. Petrenko.*

The paper deals with the fragments of round vessel from trench 1 (V. P. Petrenko's excavations of 1973–1976) on the Varyazhskaya street in Staraya Ladoga, which have impressed symbols on their bases. The symbols in the form of geometric figures have a wide range of analogies in the medieval sites of Northern and Southern Rus. Of particular interest are two fragments with symbols on both the outer and inner sides of the base. The presence of fragments of hand-shaped vessels bearing symbols of the inner side of the base suggests that the tradition of pottery marking had appeared here prior to appearance of the pottery wheel. Of all the opinions regarding the function of the potters' marks which have been discussed in literature, the Ladoga materials are best consistent with the idea of their magical meaning.

СЧЕТНЫЕ БИРКИ РЮРИКОВА ГОРОДИЩА В СВЯЗИ С НОВОЙ НАХОДКОЙ НА ДНЕ РВА¹

Н. В. ХВОЩИНСКАЯ²

Ключевые слова: *Рюриково городище, древний ров, счетные бирки, типологии находок, их оценка.*

В связи с находкой в 2020 г. счетной бирки в глинистых придонных отложениях рва Рюрика городища IX–X вв. в статье рассматривается коллекция деревянных биров, собранных за весь срок работы экспедиции. Автор критически оценивает созданные для данной категории предметов классификационные схемы, построенные на материалах Новгорода и Старой Руссы. Единичные археологические примеры и многочисленные этнографические материалы свидетельствуют об очень широком применении биров в различных сферах жизни, прежде всего в среде простых безграмотных людей разных национальностей. Несомненно, и в древнерусском обществе бирки использовались в совершенно различных жизненных ситуациях, которые требовали счета и учета, но попытка угадать, что конкретно стоит за рядами зарубок, тщетна, это приводит исследователей лишь к домыслам и фантазиям. Достоверно бирки делятся на счетные и долговые, или кредитные (расщепленные). Возможно, бирки с четырьмя разделами по 10 зарубок, действительно, использовались для учета меха с единицей меры *сорока*. Однако проверить это сложно. Остальные выделенные исследователями признаки — форма, размеры, сечения и даже количество зарубок, не имеющие постоянства, — полностью индивидуальны и не могут быть положены в основу классификации.

DOI: 10.31600/2310-6557-2021-25-89-99

В 2020 г. работы Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН были сосредоточены на изучении придонной части древнего рва Рюрика городища на берегу Сиверсова канала на площади 60 м². Данный участок впервые начал исследоваться в 2000 г., но из-за высокого уровня воды в Волхове в 2004 г. раскоп был законсервирован. В 2018 г. работы были возобновлены. Их целью являлось исследование дна рва, а также нижних частей деревянных сооружений, впервые открытых в 1999 г. на его краю, для последующей общей реконструкции мысовых укреплений.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40111 «Социокультурные трансформации в Восточной Европе и формирование Руси: новые материалы, интерпретации, обобщения».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Напластования на дне рва представляли собой глинистые отложения, перемешанные с культурным слоем, в значительной степени образовавшиеся в результате естественного запыления и находящиеся во влажном состоянии. В них хорошо сохраняются органические изделия, изготовленные из дерева, кожи и бересты. Поскольку работы велись в нежилой части Городища, то набор находок, полученных при разборке придонных слоев, весьма скромный. Как правило, это случайно затерявшиеся или выброшенные предметы.

Значительную часть коллекции составляют различные обломки деревянных изделий, которые не поддаются определению: всевозможные заостренные клинышки и колышки, палки с подтесанными или фигурно вырезанными краями и прочее. Однако среди них можно атрибутировать детали бочек (обручи, днища с лубом, крышки, доски-клёпки), обломки мутовок и граблей, фрагмент оглобли и другие предметы, прежде всего связанные с домашним бытом. В то же время в течение последних трех полевых сезонов были обнаружены единичные деревянные изделия, представляющие особый интерес. К ним, в частности, относятся детали деревянных игрушечных мечей; зооморфное навершие; плоская чаша из капа с фигурной ручкой и две находки с изображениями человеческих личин.

В 2020 г. эта группа изделий, заслуживающих особого внимания, пополнилась еще одним неординарным предметом, а именно счетной биркой. На глубине 18,90 / 18,60 м по Балтийской системе координат в темно-коричневом слое с органикой была встречена плашка из ели с нанесенными на нее зарубками (рис. 1). Часто для счетных бирок использовались случайные палочки, иногда вещи, вышедшие из употребления, в данном случае плашка была специально подготовлена. Один ее конец был обструган и немного заострен, второй оказался обломанным (длина бирки 27 см, ширина — от 1,7 до 1,9 см). В сечении она имела неправильную шестиугольную форму с закругленными углами. Три грани, на которые наносились ряды зарубок, были более узкие, а на широких плоских сторонах располагались насечки, разделяющие зарубки на отделы. Плашка была несколько изогнута, но сделана довольно тщательно. Рассматривая зарубки на гранях, можно отметить, что они были нанесены довольно единообразно, в одной манере. На двух гранях (рис. 1, а, в) зарубки располагались на расстоянии 5 см от обструганного края, видимо, это было начало счета, а на третьей грани (рис. 1, д), где примерно на том же расстоянии насечкой внизу была намечена граница первого отдела, семь зарубок были сделаны в обратном направлении. Эти зарубки явно имели дополнительный характер и сделаны, когда бирка уже была заполнена. Данная находка демонстрирует определенную систему в подсчете. Если не учитывать дополнительные семь зарубок и количество зарубок с обломанного конца, где были утраты, то все отделы состояли из 10 зарубок. Мы не знаем, что являлось предметом счета, но считали десятками что-то многочисленное.

Всего на Рюриковом городище в разные годы было встречено 12 бирок — 11 в пластах X в. (рис. 1; 2, 2, 3; 3) и одна — в культурном слое XII в. (рис. 2, 1). Впервые счетные бирки с памятника были рассмотрены в работе А. А. Тихомировой (2010: 46–52). К сожалению, в статью вкрались некоторые досадные неточности, связанные с неопытностью автора, которая в те годы была еще студенткой³.

³ Так, например, четыре фрагмента одной счетной бирки XII в. из материалов раскопок 2003 г. (№ 251а, 251б, 252, 505) были интерпретированы как три предмета (рис. 2, 1). В то же время некоторые изделия с насечками не были учтены.

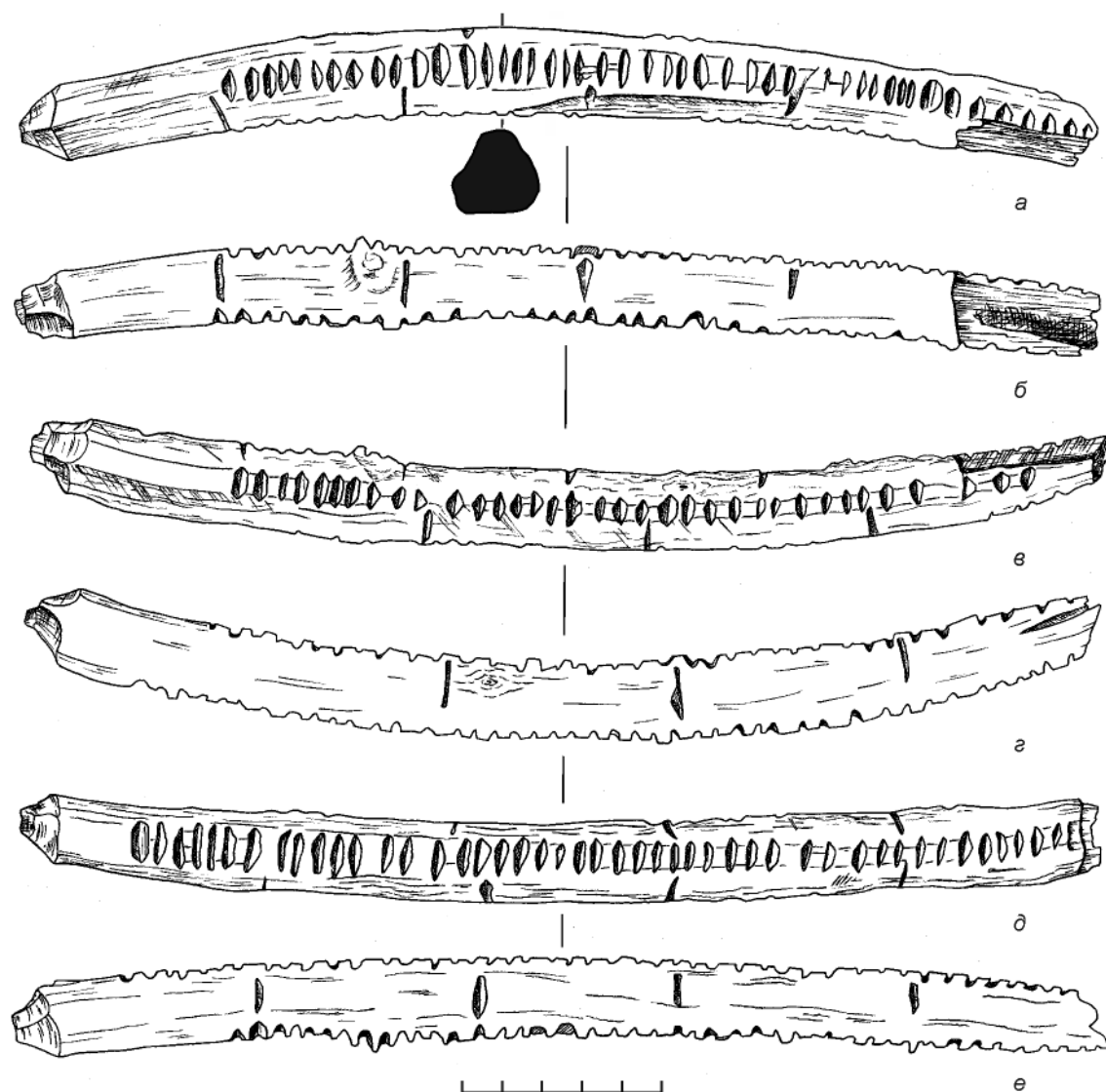

Рис. 1. Рюриково городище, счетная бирка из раскопок 2020 г. (рисунок В. Н. Кузнецовой)
 Fig. 1. Rurikovo Gorodishche, counting stick found in 2020 (drawings by V. N. Kuznetsova)

Характеризуя в целом коллекцию городищенских бирок, можно сказать, что это были в основном палочки и плашки совершенно разных размеров, по большей части обломанные, но там, где сохранились концы, они были обструганы. В одном случае один из концов был оформлен в виде полукруглого набалдашника (рис. 2, 3). В двух других для счета были использованы наверхия с зооморфными головками (рис. 2, 2; 3, 1). Сечения их также сильно различались (круглое, овальное, подчетырёхугольное, неправильной формы). Одним словом, все это свидетельствует, что, как правило, для счетных бирок брали любой подручный материал и только редкие экземпляры, подобно бирке, обнаруженной в 2020 г., специально подготавливали для нанесения меток. Как правило, зарубки на одной бирке имели одинаковые размеры, но встречаются бирки, на которых зарубки отличаются по размеру (рис. 3, 4, 5), можно предположить, что таким образом отмечался разный товар (подобная ситуация зафиксирована в Новгороде на бирке с пояснительной надписью). Иногда на бирках зарубки располагались двумя рядами или

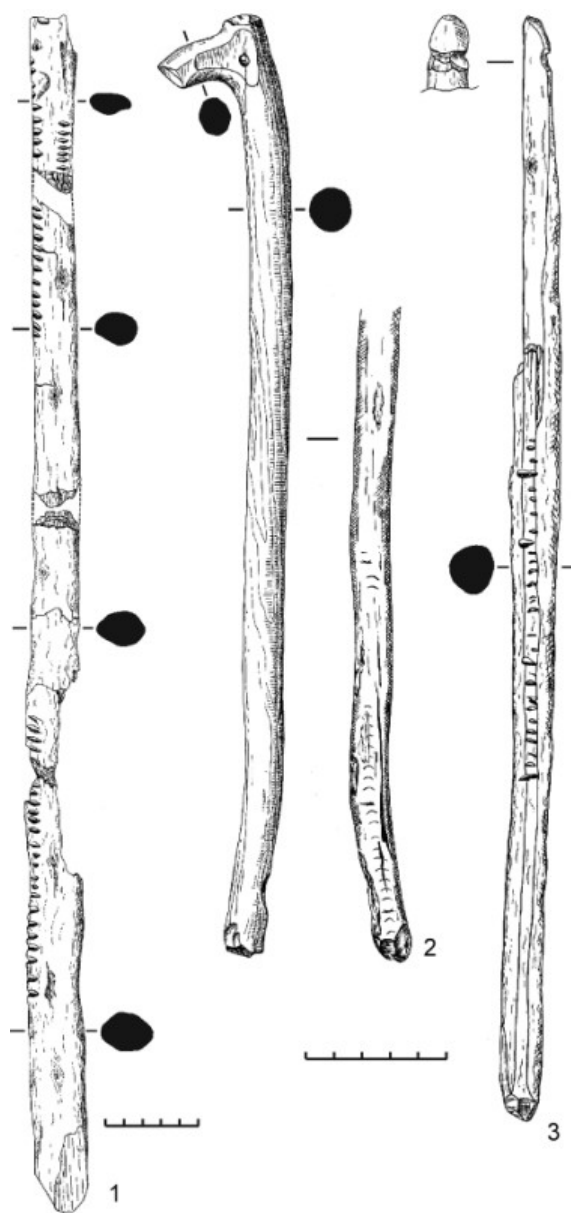

Рис. 2. Рюриково городище, счетные бирки: 1 — из слоя XII в.; 2, 3 — из слоя конца IX — X в. (рисунки Е. В. Грицик)

Fig. 2. Rurikovo Gorodishche, counting sticks: 1 — from a layer dated to the XII c.; 2, 3 — from a layer dated to the late IX–X c. (drawings by E. V. Gritsik)

большинство бирок из коллекции Рюрикова городища демонстрируют необычайное разнообразие в сочетании и числе зарубок, нанесенных в результате каких-то математических подсчетов. Только на одной бирке, обнаруженной в 2020 г., фиксируется определенная система в подсчете с использованием счета десятками.

Ценность городищенской коллекции в том, что она одна из наиболее древних на всей территории Северной Европы. Однако небольшое количество бирок, найденных на Рюриковом городище, не идет ни в какое сравнение с несколькими сотнями

на разных сторонах палочки (рис. 2, 1; 3, 4, 6). Интересны по форме две клиновидные плашки, на которые были нанесены аккуратные тонкие косые насечки (рис. 3, 2, 3).

Деление зарубок на отделы прослеживается только в трех случаях. Помимо уже охарактеризованной мною бирки, мелкие зарубки или нарезки в одном ряду были разделены более крупными и глубокими насечками еще на двух предметах — на палках с набалдашником и зооморфным изображением (рис. 2, 2, 3). Однако никакой регулярности в количестве зарубок, в отличие от находки 2020 г., в отделах не наблюдается. На бирке с набалдашником, если счет начинать снизу, с глубокой зарубки, обозначающей границу отдела, в первом отделе насчитывается 10 зарубок, во втором — 8, в третьем — 4 и за пределами отделов — 3 (рис. 2, 3). В свою очередь на одной из палок с зооморфным украшением фиксируется ряд мелких скобообразных нарезок, среди которых выделяются две прямые более глубокие насечки, внутри которых насчитывается девять скобочек (рис. 2, 2).

Целые неповрежденные ряды зарубок сохранились еще на трех бирках. В одном случае на небольшой палочке зарубки были расположены в два ряда. В верхнем ряду насчитывается три зарубки, затем с некоторым перерывом сделана еще одна, а в нижнем ряду — семь зарубок (рис. 3, 4). На клиновидной плашке в верхней части имелись четыре косые насечки (рис. 3, 2), а на круглой палке с хорошо обструганными концами прямо по центру были нанесены три крупные зарубки (рис. 3, 8). Таким образом,

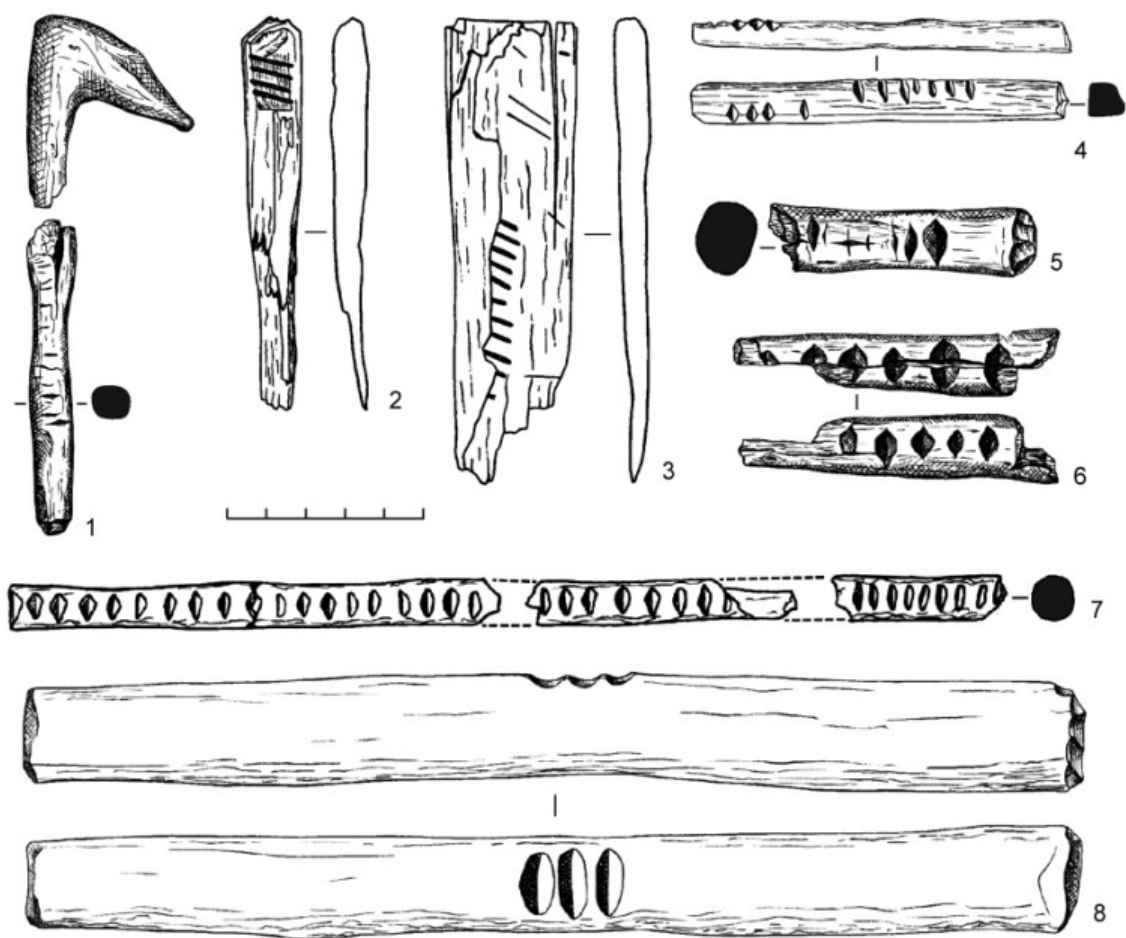

Рис. 3. Рюриково городище, деревянные бирки: 1–5, 7, 8 — счетные (1–3 — из слоя конца IX — X в.); 6 — нерасщепленная долговая (рисунки Е. В. Грицик)

Fig. 3. Rurikovo Gorodishche, wooden sticks: 1–5, 7, 8 — for counting (1–3 — from a layer dated to the late IX–X c.); 6 — unsplit stick for debt recording (drawings by E. V. Gritsik)

находок, происходящих с ближайших городских поселений — Новгорода и Старой Руссы, которые и послужили основой для типологии этой категории предметов.

Первая классификация была создана американским исследователем Р. К. Ковалевым на материалах коллекции Великого Новгорода (Ковалев 2002: 38–50). Он учел почти 600 новгородских находок. Все бирки Р. К. Ковалев разделил на три типа: счетные, этикетки и долговые. Счетные, самые распространенные, — для учета различных видов товара, каких-то предметов или поголовья скота, веса груза, количества мешков, коробов, бочек и т. д. По этнографическим материалам известно, что с помощью бирок могли контролировать выполнение повинностей или результаты общественных работ — в общем все, что требовало счета. Бирки-этикетки, по мнению Р. К. Ковалева, были с одной стороны заострены и втыкались в товар. Зарубки на них указывали, сколько получено, приготовлено к продаже или транспортировке товара. И чтобы больше не пересчитывать, втыкалась этикетка. Долговая — это расщепленная бирка, одна часть оставалась у кредитора, другая — у должника для честной расплаты. Далее внутри этих типов он выделяет виды по внешним морфологическим признакам (цилиндрические, пятиугольные, прямоугольные, иррегулярные, колотушки и т. д.). Среди долговых

бирок он различал группу с надписями и без них, а среди бирок-этикеток — варианты по месту расположения зарубок. Кроме того, Р. К. Ковалев пытался дифференцировать бирки по количеству зарубок, различая трехзначную, семизначную и десятизначную системы. Дополнительно у долговых и счетных бирок с десятизначной системой счета автор выделяет «субсистему +», так называемые *сорочки*. «С помощью таких бирок, — как полагал Р. К. Ковалев, — насчитывалось сорок меховых шкурок, которые связывали в одну упаковку, так называемый сорочок» (Ковалев 2003б: 36). Бирки-сорочки состояли из четырех отделов по 10 зарубок, что подтверждает принцип счета меховых шкурок четырьмя десятками (Там же: 44, 45). В новгородской коллекции он выделил восемь бирок, которые атрибутировал как счетные бирки-сорочки, и три — как долговые (Ковалев 2003а: 28–33). Эти наблюдения Р. К. Ковалева весьма интересны и вполне вероятны, учитывая ту важную роль, какую меховая торговля играла в экономике средневекового Новгорода (Хорошкевич 1963: 45–121). Счет больших партий вывозимой из Новгорода пушнины такими единицами как *сорока* широко использовался и в период развитого средневековья. Например, по сведениям таможенных книг XV в. «ревельскому купцу Люберту Хольтхузену принадлежало 1022 сорока шеневерка, 1 десяток, 3000 и 6 сороков выборского шеневерка, 3 сорока гороностаев, 24 сорока тройниц (из трех партий — 6, 8, 10 сороков) и 4 сорока шведских тройниц»⁴ (Там же: 71).

Однако рассматривая классификационную схему автора, нельзя не заметить и ее слабые стороны, на ряд из них обратил внимание П. П. Колосницын, который попытался создать собственную типологию бирок на материалах Старой Руссы. Он справедливо задался вопросом, можно ли в этой категории археологического материала выделять отдельные группы по морфологическим признакам, таким как форма и сечение палочки, поскольку часто для бирки использовался любой подручный пригодный материал, а иногда какие-то вещи. Редко, когда бирке придавалась специальная форма. Так что в большинстве случаев форма и сечение палочки не являлись значимыми признаками, чтобы учитывать их при классификации (Колосницын 2013: 93).

Нельзя не согласиться также с П. П. Колосницыным в отмеченной им некой искусственности выделения в особую группу бирок с заточенным концом в качестве бирок-этикеток (Там же). Они ничем не отличались от счетных бирок, и непонятно, куда их должны были втыкать или что-то помечать, тем более что иногда зарубки находились на заостренной части. В данном случае на тех же новгородских материалах доказано, что мешки с товаром, в том числе и с мехом, запечатывали специальными деревянными замками-цилиндрами, на которых порой делали надписи и зарубки (Янин 2004: 101–115). А вообще-то основной тарой для перевозки мехового, да и не только мехового товара из Новгорода в страны Прибалтики и Западной Европы являлись бочки. Р. К. Ковалев сам приводит источниковедческий материал по данному вопросу, ссылаясь на западноевропейские и русские письменные источники (Ковалев 2003б: 53–54). По записи ганзейских купцов, именно бочки использовали для транспортировки меха из Новгорода (Хорошкевич 1963: 78). Одна бочка вмещала от 4000 до 8000 шкурок животных (Там же: 81), и на ней можно было делать любые пометки.

⁴ Шеневерк и тройница — различные сорта шкурок белки. *Шеневерк* от немецкого названия *schöne weik* — прекрасная белка, по-видимому, соответствовал русскому «чистая белка», или «добрая белка», и считался самым лучшим сортом пушнины. Происхождение термина *тройницы* неизвестно, но им обозначали обработанные шкурки белки.

В противовес классификации Р. К. Ковалева П. П. Колосницын построил свою типологическую схему на ином принципе, взяв за основу почти 650 бирок из раскопок Старой Руссы (Колосницын 2013: 93–97). По мнению автора, «главный признак бирки — это наличие зарубок, которые представляют собой способ записи чисел в рамках единичной системы счисления» (Там же: 94). Именно статистический анализ зарубок на бирках стал предметом его исследований. Для этого автором были построены два графика. Один отражает «частоту записи чисел отдельно по количеству зарубок на целых бирках» (Там же: 95, рис. 2), а второй — «отдельно по количеству зарубок в целых рядах» (Там же: 96, рис. 3). По мнению автора, он смог получить «вполне объективные данные, которые устойчиво повторяются на разных множествах» (Там же: 95). Однако анализируя полученные П. П. Колосницыным результаты на достаточно репрезентативном в количественном отношении материале, неопровержимым фактом можно считать только то, что «счет в большинстве случаев велся в рамках десятичной системы». Это подтверждается наибольшим количеством рядов зарубок, разделенных на отдели по десять, что и отразилось на обоих графиках. Собственно такой же вывод был сделан в свое время и Р. К. Ковалевым на материалах Новгорода, где «15 % счетных бирок имели различное количество отделов по 10» (Ковалев 2002: 42), то есть большие количества чего-либо считали десятками, что являлось основной европейской системой счета, распространенной на территории Древней Руси.

В свою очередь оба исследователя пытались найти объяснение и другим количественным наборам зарубок, выделяя бирки с разделами по три ризы, по шесть, семь и т. д., а также ряды, кратные этим числам. В частности, П. П. Колосницын предположил, что систему счисления по шесть могли использовать при денежном счете (шесть векш составляли одну куну, а алтын соответствовал шести московским деньгам), числа, кратные семи, а также 29 и 30 — при подсчетах «продуктов, материалов, событий или действий, соответствующих числу дней в неделе или месяце», а с помощью бирок с числом зарубок 16 и 17 могли считать вес и объем сыпучих материалов или жидкости (из поздних примеров: четверик — $\frac{1}{16}$ часть коробки, а безмен — $\frac{1}{16}$ часть пуда (Колосницын 2013: 96)). К сожалению, все эти рассуждения остаются лишь домыслами, потому что мы не знаем, что считали в каждом конкретном случае, и, на мой взгляд, ошибочно за рядами с разным количеством зарубок видеть какую-то определенную систему счета. Поэтому вполне закономерно, что П. П. Колосницын просто был не в состоянии объяснить все количественное разнообразие зарубок в отделах и рядах и пришел к выводу, что «остальные выделенные разделы следует считать либо ошибками (как 9 и 11), либо произвольно выбранными для проведения каких-либо математических операций: сложения, вычитания или деления (3, 5, 12, 25 и смешанные разделы)» (Там же). Таким образом, автор в какой-то степени признал несостоятельность основного принципа своей классификации.

Рассмотрение двух типологических схем показывает, что прежде всего бирки делятся на счетные и долговые, или кредитные (расщепленные). Возможно, бирки с четырьмя разделами по 10 зарубок действительно использовались для учета меха с единицей меры *сорока*. Однако проверить это сложно. Остальные выделенные исследователями признаки — форма, размеры, сечения и даже количество зарубок, не имеющие постоянства, — полностью индивидуальны и не могут быть положены в основу классификации.

Кроме исследователей-археологов эта категория предметов привлекла внимание специалистов в области экономических наук, которые рассмотрели древние артефакты

с точки зрения современной методологии бухгалтерского учета (Кутер, Кузнецов 2010). Взяв за основу типологию Р. К. Ковалева, они верифицировали ее с учетом профессиональной бухгалтерской терминологии. Для наших задач данная классификация большого значения не имеет, но работа заслуживает внимания, так как в ней приведены интереснейшие факты из мировой практики использования бирок с древнейших времен вплоть до XIX в.

В археологическом материале некоторую ясность в том, что могли обозначать зарубки на палочках, исследователи получили от единичных бирок с надписями, найденных при раскопках в Новгороде. Восемь таких находок были опубликованы В. Л. Яниным и А. А. Зализняком (Янин, Зализняк 1986). Особенно интересны две из них, в которых указано определенное количество различных задолженностей и они полностью соответствуют числу зарубок на бирке. Так, на Неревском раскопе в слое конца XIV — начала XV в. была обнаружена расщепленная бирка. Надпись на ней гласила, что в Глинске некие Прокопий и Иван имеют оброк: ржи 2 коробья, овса 2 коробья, 11 гривен, половину мясной туши и жита (ячмень) 3 коробья. Цифровые позиции записи полностью соответствуют количеству и порядку зарубок. Как отмечают авторы, по верхнему краю зарубки располагались справа налево следующим образом: «две короткие мелкие (они соответствовали двум коробьям ржи), затем после перерыва — две косые мелкие (обозначающие две коробья овса), затем 11 глубоких прямых зарубок (соответствующих 11 гривнам). По нижнему краю зарубки расположены так: справа налево одна узкая мелкая (обозначающая полть мяса), три прямые глубокие (соответствующие трем коробьям жита — ячменя)» (Там же: 83). По мнению В. Л. Янина и А. А. Зализняка, «деревянные кредитки» использовали только в случае оформления небольших сумм. В рассмотренной записи общая сумма продуктов вместе с 11 гривнами с учетом цен XV в. не превышала одного рубля, в котором содержалось 15 гривен (Там же: 86).

Вторая бирка с указанием точного количества, в данном случае — зерна, была также найдена на Неревском раскопе в слоях конца XIII в. Надпись имела следующее короткое содержание: «*Грижгове три рожи, а три жито*», и по верхнему краю нанесены шесть глубоких зарубок.

Приведенные примеры наглядно показывают, что на одной бирке могли одновременно делаться зарубки, за которыми стояли различные предметы счета, связанные с торговлей, обменом или податями, причем в самых разных количествах.

Особенно яркий материал в отношении использования бирок дает этнография. Бирки (или, как их еще называли, *доски, жребии*) представляли собой древнейшие инструменты счета начиная с античности и были, видимо, настолько удобны и практичны в среде неграмотного населения, что в России они дожили до начала XX в. В собрании Государственного исторического музея имеется достаточно интересная коллекция крестьянских бирок, которая была проанализирована С. К. Просвиркиной (1962). В отличие от археологических материалов ценность этнографических экспонатов в том, что они попали в музей от людей, которые смогли дать комментарии по поводу сферы их применения. Среди крестьянских бирок в коллекции выделяются следующие группы: бирки общественных повинностей, бирки-квитанции (жеребья), пастушьи бирки, бирки сборщика податей, бирки землемера. В каждой группе бирок учитывались особенности их использования. В связи с нашей темой мы не будем углубляться в детали этого интереснейшего этнографического материала. Как правило, учет (скота, земельных угодий, налогов, повинностей) велся по домохозяйствам с различием в характере и системе зарубок.

Для нас в связи с древними долговыми расщепленными бирками интересна группа крестьянских бирок, приобретенных во время этнографической экспедиции в Вологодской обл. в 1929 г. (101 экз.) (Там же: 94–95). Это были короткие палочки с прямыми и косыми зарубками. Местные жители их использовали для сдачи холщовой ткани в красильную мастерскую. При сдаче холста для крашения зарубками отмечалось количество ткани, затем палочка разрубалась. Одна часть прикреплялась к холсту, а вторая оставалась у заказчика. При получении половинки совмещались, но одна из них была окрашена. Таким образом, расщепленная бирка, которую, как правило, рассматривают как долговую, не всегда являлась таковой, а могла быть прототипом квитанции. Подобную функцию квитанции, или расписки, играли бирки у бурят. При кочевом характере скотоводства на дощечках отмечалось количество животных, передаваемое на пастьбу. Затем бирка разделялась: одна часть оставалась у хозяина, а другая — у пастуха. При получении скота половинки сверялись и уничтожались (Очерки истории... 1972: 89).

Таким образом, этнографические материалы свидетельствуют об очень широком применении бирок в различных сферах жизни, прежде всего в среде простых людей разных национальностей. Многочисленные примеры подобного рода известны и в западноевропейской этнографии. Несомненно, и в древнерусском обществе бирки использовались в совершенно различных жизненных ситуациях, которые требовали счета и учета, и попытка угадать, что конкретно стоит за рядами зарубок, напрасна, это приводит исследователей лишь к домыслам и фантазиям.

Возвращаясь к коллекции бирок Рюрикова городища, следует подчеркнуть, что практически все найденные при раскопках разнообразные палки, плашки и изделия с зарубками относятся к числу счетных бирок. Среди них особо выделяется тщательно изготовленная шестигранная бирка 2020 г., на которой зарубками была зафиксирована запись каких-то крупных подсчетов (всего на бирке насчитывается 128 зарубок, но их было больше, так как один край плашки обломан), причем группировка зарубок в отдели в центральной части бирки свидетельствует, что счет велся десятками.

Предположительно к типу долговых бирок или, как свидетельствуют этнографические материалы, к биркам-квитанциям на поселении может быть отнесена только одна находка из раскопа 2004 г.⁵ Ее фрагмент оказался нерасщепленным, но на ней явно посередине зарубок прослеживается продольный надрез, по которому бирку можно разделить на две половинки (рис. 3, 6). Зарубки были достаточно глубокие и сделаны с двух сторон: на одной сохранилось пять зарубок, на другой — шесть (четыре целые и с краю следы двух зарубок). Возможно, бирка оказалась бракованной, так как зарубки на одной стороне были несколько смещены от оси расщепления.

Интересно, что нерасщепленные бирки известны и по новгородским находкам. Классическим примером такого изделия является бирка с Троицкого раскопа из слоя второй половины X — начала XI в. (Ковалев 2002: 46, рис. 8). Палочка с зарубками с обеих сторон имеет в центре по продольной оси ярко выраженный желобок-расщелину, по которой ее легко разделить (рис. 4). Сложно объяснить, почему некоторые бирки

⁵ В статье Р. К. Ковалева без каких-либо оснований бирка, найденная в 1978 г., отнесена к типу долговых (Ковалев 2002: 45). Эта ошибка переключивалась в работу А. А. Тихомировой, которая по непонятным причинам в число долговых бирок записала еще три фрагмента одной длинной счетной бирки (РГ-2003 г., полевые № 251, 252, 505), а также предмет, который по описи значится как деталь детского лука (РГ-2004 г., полевой № 221) (Тихомирова 2010: 51).

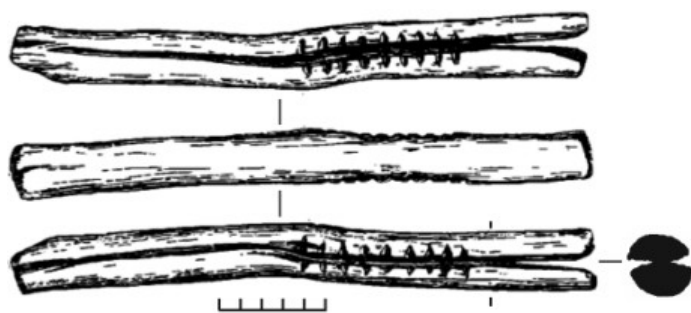

Рис. 4. Новгород, Троицкий раскоп, слой второй половины X — начала XI в., нерасщепленная долгая бирка (по: Ковалев 2002: 46, рис. 8)

Fig. 4. Novgorod, Troitsky excavation area, layer dated to the second half of the X — early XI c., unsplit stick for debt recording (after Ковалев 2002: 46, fig. 8)

подобного типа оказались своего рода заготовками и не были расщеплены. По наблюдениям Р. К. Ковалева, в Новгороде они топографически концентрировались на усадьбах второй половины X — второй половины XII в., принадлежавших боярскому роду Несдычей-Мирошиничей, являвшихся представителями княжеской администрации и отвечавших за сбор вир, дани и других доходов в государственную казну (Там же: 47). Участие новгородского боярства в *фискальном аппарате*

позволяло ему достаточно успешно развивать ростовщическую деятельность в доivotчинный период. В текстах берестяных грамот с боярских усадеб вплоть до XIII в. преобладают сюжеты, «связанные с деньгами и, в частности, с ростовщичеством» (Янин 1982: 154).

Литература

- Ковалев 2002 — Ковалев Р. К. Деревянные новгородские бирки: общие наблюдения // РА. 2002. № 1. С. 38–50.
- Ковалев 2003а — Ковалев Р. К. Деревянные долговые бирки-сорочки XI–XII вв. из новгородской коллекции // Новгородский исторический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 9 (19). С. 28–35.
- Ковалев 2003б — Ковалев Р. К. Бирки-сорочки: упаковка меховых шкурок в средневековом Новгороде // Там же. С. 36–56.
- Колосницын 2013 — Колосницын П. П. Результаты статистического исследования средневековых бирок из Старой Руссы // Вестник Новгородского ГУ. 2013. № 73, т. 1. С. 93–97.
- Кутер, Кузнецов 2010 — Кутер М. И., Кузнецов Ал. В. Европейская история бирок: взгляд с позиции современной теории бухгалтерского учета // Сибирская финансовая школа. 2010. № 1 (78). С. 77–81.
- Очерки истории... 1972 — Очерки истории культуры Бурятии / Залкинд Е. М. (отв. ред.) и др. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1972. Т. 1. 491 с.
- Просвиркина 1962 — Просвиркина С. К. Крестьянские счетные бирки в собрании музея // Ежегодник ГИМ 1960. М.: ГИМ, 1962. С. 91–98.
- Тихомирова 2010 — Тихомирова А. А. Деревянные бирки на поселениях Верхнего Поволжья X–XV вв. // Мусин А. Е., Хвоцинская Н. В. (отв. ред.). Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 46–52.
- Хорошкевич 1963 — Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М.: Наука, 1963. 365 с.

- Янин 1982 — Янин В. Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Колчин Б. А., Янин В. Л. (общ. ред.). Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 138–155.
- Янин 2004 — Янин В. Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М.: Наука, 2004. 416 с.
- Янин, Зализняк 1986 — Янин В. Л., Зализняк А. А. Надписи на деревянных «счетных» бирках // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986. С. 81–86.

COUNTING STICKS FROM RURIKOV GORODISHCHE: A NEW OBJECT FOUND AT THE BOTTOM OF THE DITCH

Н. В. ХВОЩИНСКАЯ

Keywords: *Rurikovo Gorodishche, ancient ditch, counting sticks, typology, interpretation.*

The counting stick found in 2020 at Rurikovo Gorodishche in clayish sediments of the bottom part of the ditch (IX–X cc.) prompts to reconsider the collection of such objects obtained during the whole period of the excavation works. The author critically evaluates the classification schemes for this category of things created on the basis of materials from Novgorod and Staraya Russa. Single archaeological examples and rich ethnographic evidence testify to a very wide use of counting sticks in various realms of life, particularly among simple illiterate folks of different nationalities. It is beyond doubt that in Old Russian society these objects too were used in quite different life situations demanding for counting and accounting, though any attempts to guess what the rows of incisions may mean can only lead to speculations and fantasies. The objects in question can with certainty be divided into those used for counting and those (split ones) used for debt or credit recording. It is possible that sticks with four sections of ten incisions each did serve to record peltries which were usually counted in tallies of forty, but it is very difficult to test this. The other characters such as shape, size or even the number of incisions are fully individual and cannot serve as the basis for classification.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ СТЕКЛЯННЫЙ СОСУД С ПОЛИХРОМНОЙ РОСПИСЬЮ С РЮРИКОВА ГОРОДИЩА¹

А. В. ПЛОХОВ, К. С. ЧУГУНОВА²

Ключевые слова: *Рюриково городище, стекло и эмали эпохи Средневековья и раннего Нового Времени, «группа Алдревандино», «богемское» стекло, химический состав, рентгеноспектральный микроанализ.*

При раскопках на Рюриковом городище были найдены два похожих маленьких фрагмента сосуда (или сосудов) (рис. 1). Схожесть этих обломков по внешнему виду, толщине стенок, декору с «группой Алдревандино» привела ранее одного из авторов статьи к предположению о принадлежности данных находок к продукции венецианских мастеров. В Отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа было проведено исследование химического состава стеклянной массы и разноцветных эмалей одного из обломков (табл. 1, рис. 2; 3), подтвердившее принадлежность фрагмента к изделиям западноевропейского производства, но не к продукции венецианской школы стеклоделия. Судя по химическому составу стекла привезенный на берега Волхова сосуд, видимо, был изготовлен по «ренессансной технологии» в производственном центре к северу от Альп (Богемия, Моравия). Об относительно поздней датировке городищенского фрагмента говорит наличие на нем эмалевой росписи, искусство нанесения которой на стеклянную посуду было освоено чешскими мастерами примерно в середине XVI в. Учитывая некоторые особенности химического состава обломка с Рюрикова городища, сближающие его со стеклами, произведенными по «готическому рецепту», время появления на берегах Волхова украшенного полихромным декором «богемского» сосуда(ов), по-видимому, можно ограничить второй половиной XVI в.

DOI: 10.31600/2310-6557-2021-25-100-120

Введение

В ходе многолетних исследований Новгородского (Рюрикова) городища была собрана значительная коллекция средневековой стеклянной посуды. В основном это обломки сосудов, относимых большинством исследователей к продукции древнерусского производства, а также фрагменты изделий, выполненных в мастерских Восточного

¹ Работа А. В. Плохова выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0007 «Славяне, финны и германцы в эпоху Средневековья. Этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития». Исследование химического состава стеклянной массы и разноцветных эмалей проведено К. С. Чугуновой.

² А. В. Плохов — Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, Санкт-Петербург, 191186, Россия; К. С. Чугунова — Отдел научно-технологической экспертизы, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 191181, Россия.

Средиземноморья. Находок, которые на основании морфологических признаков или химического состава стекла можно было бы причислить к западноевропейским импортам, на памятнике отмечено немного (Носов и др. 2005; 2017; Плохов 2007; 2020а). В частности, к таким артефактам относятся два похожих маленьких (1,0 × 1,1 и 1,4 × 1,9 см) фрагмента посудного стекла (рис. 1). Они найдены в 2008 и 2011 гг. при раскопках центральной части городищенского холма на расстоянии около 75 м друг от друга, в темно-сером перемешанном слое и не имеют стратиграфической датировки³.

Морфология находок и аналогии

Стекло обломков бесцветное прозрачное с небольшим количеством мелких сферических пузырьков. Фрагменты декорированы с внешней стороны рядами белых точек, а также полосами красно-коричневой и желтой эмали. На поверхностях присутствует тонкий белесый слой коррозии, местами встречается радужная пленка иризации. Толщина стенок фрагментов — 1,0 и 1,3/1,4 мм.

Незначительный размер фрагментов и отсутствие профильных частей не позволяют определить форму и размер сосуда (сосудов), которому(-ым) они принадлежали, а также затрудняет поиск аналогий этим находкам. Некоторые данные для определения места его (их) происхождения дает полихромная роспись.

В средневековых европейских древностях декор в виде прямых горизонтальных линий красно-коричневого и желтого цветов, нанесенный на довольно тонкое⁴ прозрачное, в основном бесцветное, стекло, характерен для сосудов, объединяемых исследователями в «группу Алдревандино» (Baumgartner, Krueger 1988: 126–160, Nr. 72–77, 79–82, 84–96, 98, 100–113, 119; Möller 1994: 219, Abb. 3; 4; Krueger 1998: 107, fig. 24, 1, colour plate M; 2002: fig. 1, 6, 7, 9, 10, 12–14; 2018: Abb. 3–6, 8, 9, c, 10–18, 20–24, 26, 27; Nölke 1997: 18, Abb. 1–3, 5, 6; Mäesalu 1999: 76, Abb. 3, 5, 6, Taf. VI–VIII; Mangelsdorf 1999: Abb. 2; Krueger, Schmid 2005: 275, Abb. 2, 5–9; Крамаровский 2006; Крамаровский, Гукин 2009: 584–587, табл. 4, 1; Medici 2011: 326, fig. 9; Venegoni 2012; Steppuhn 2014: 197–199, Abb. 1; 2, b, c; 3–5; Lerma 2017: 202, 204, fig. 4–6, 8, 9; Niilisk et al. 2017: fig. 1, 2, 1, 3; Плохов 2020а: 198, рис. 1, 5–9, 11, 12). Это название было дано по самому известному хорошо сохранившемуся кубку, происходящему из собрания Британского музея, на котором имеется надпись «+ MAGISTER. ALDREVANDIN. ME. FECI» («Мастер Алдревандин[о] меня создал») (Carboni, Whitehouse 2001: 297–298, 302, cat. no. 151; Krueger 2002: 111–113; Крамаровский 2006: 264). Горизонтальные линии красно-коричневого и желтого цветов на этой группе сосудов ограничивают основную орнаментальную зону, а также фриз с рисунком, чаще всего состоящим из S-видных элементов, или с надписью на латыни. Надписи имеют религиозное содержание, являются «тостами» или сообщают имена мастеров, их изготовивших.

Довольно часто в декоре использовались и линии из точек, выполненных белой эмалью. Чаще всего такая линия в орнаментальной композиции расположена выше или ниже красных и желтой полос (Baumgartner, Krueger 1988: Kat. Nr. 74, 79, 91, 92, 95, 98, 110, 111, 119; Krueger 1998: 107, colour plate M; 2002: 117, 122, fig. 5, 7; 2018: Abb. 3; 9, c; 11; 12; 16; 17; 23; 26; Nölke 1997: 18, Abb. 1–3, 5; Mangelsdorf 1999: Abb. 1, 2; Medici

³ Первый обломок (НОЭ-08, РГ-393) найден в кв. 101, на глубине от –1,7 м до –1,9 м от репера; второй (НОЭ-11, РГ-755) — в кв. 25, на глубине от –1,2 м до –1,6 м.

⁴ Толщина стенок сосудов, представленных в каталоге Э. Баумгартнера и И. Крюгера, — 0,7–1,3 мм (Baumgartner, Krueger 1988: 129–159).

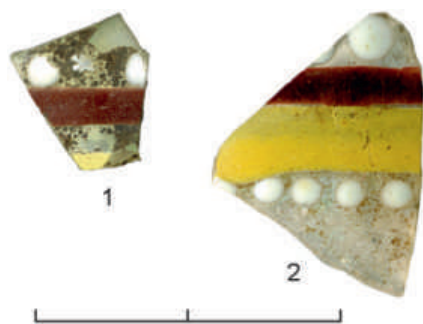

Рис. 1. Фрагменты стекла с полихромной росписью, Рюриково городище

Fig. 1. Rurikovo Gorodishche, glass fragments with polychrome painting

наблюдается на одном из наших обломков (рис. 1, 2). Такой мотив имеется только на сосуде из Хаусберга под Гайзельбергом (Австрия) и кубке из г. Штральзунд (Германия) (Baumgartner, Krueger 1988: 159. Kat. Nr. 119; Möller 1994: 219, Abb. 3, 4; Krueger 1998: 107, fig. 24, 1, colour plate M).

Начиная с конца 1960-х гг. наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой сосуды «группы Алдревандино» изготавливали во второй половине / конце XIII — первой половине XIV в. на венецианском острове Мурано, где в XIII в. сложился крупный надрегиональный центр стекольного производства (Baumgartner, Krueger 1988: 126; Freestone, Bimson 1995: 416; Verità 1998: 129, 133; Carboni, Whitehouse 2001: 298, 302–303; Крамаровский 2006: 264; Крамаровский, Гукин 2009: 587; Georgoroulou 2009: 79–83; Medici 2011: 326–327; Krueger 2018: 132–134). Имена мастеров — художников и стеклодува, представленные на некоторых сосудах с полихромной росписью, зафиксированы в 1280–1351 гг. в документах из Государственного архива Венеции (Zecchin 1969; 1970; Pause 1993: 235; Möller 1994: 223; Krueger 1998: 108; 2002: 124–126, 130–132; Verità 1995: 84–85; 1998: 129; Krueger, Schmid 2005: 280–282)⁵.

Схожесть найденных на Городище фрагментов сосуда (или сосудов) по внешнему виду, толщине стенок, декору с «группой Алдревандино» привела ранее одного из авторов статьи к предположению о принадлежности этих находок к продукции венецианских мастеров (Носов и др. 2017: 46; Плохов 2020а: 196).

Исследование химического состава

Для проверки этой гипотезы, а также для изучения технологии изготовления изделия в Отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа методом рентгеноспектрального микроанализа (РСМА; Oxford Instruments X-MaxN 80) с использованием электронного микроскопа (EVO-MA-25, Zeiss) было проведено

⁵ Судя по имеющимся изображениям, декор только из двух линий — красной и желтой — представлен в верхней части орнаментальной композиции кубка с поселения Бокаташ II (г. Старый Крым) (Крамаровский 2006: рис. 1; Крамаровский, Гукин 2009: табл. 4, 1; Venegoni 2012: fig. 2; 3). Хотя нельзя полностью исключать, что вторую красную линию не видно из-за сильной коррозии стекла.

⁶ На основе этих первоисточников, а также археологических находок С. Карбони написал беллетристический рассказ о производстве стекла в Венеции с полихромной росписью (Carboni 1998).

Таблица 1

Химический состав стекла и цветной росписи (РСМА), вес. % оксида

№	Материал анализа	Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	K ₂ O	CaO	MnO	FeO	SnO ₂	PbO	Sb ₂ O ₅	
1	Прозрачное стекло-основа	T ⁱ	0,6 ± 0,3	2,1 ± 0,3	0,8 ± 0,3	62,9 ± 1,1	0,7 ± 0,1	15,3 ± 1,0	14,2 ± 0,7	1,0 ± 0,1	0,4 ± 0,2	nd	1,4 ± 0,7	nd
2		П ⁱⁱ	0,5 ± 0,1	0,5 ± 0,1	5,5 ± 0,3	77,9 ± 0,5	2,0 ± 0,6	4,1 ± 0,1	5,1 ± 0,3	0,4 ± 0,1	1,6 ± 0,4	nd	1,9 ± 1,2	nd
3	Красно- коричневая эмаль	П	0,5 ± 0,1	0,5 ± 0,1	3,4 ± 0,1	13,2 ± 0,9	14,2 ± 0,4	1,5 ± 0,1	6,3 ± 0,7	0,1 ± 0,1	17,2 ± 2,4	28,6 ± 1,2	14,4 ± 0,5	nd
4		Т	0,4 ± 0,1	1,0 ± 0,1	1,4 ± 0,2	37,2 ± 2,2	0,7 ± 0,5	8,0 ± 0,9	5,1 ± 1,0	0,4 ± 0,1	8,9 ± 1,6	14,6 ± 1,8	22,4 ± 3,4	nd
5	Белая эмаль	П, Т	1,0 ± 0,6	0,4 ± 0,1	2,7 ± 1,7	44,6 ± 2,7	< 0,1	3,0 ± 0,5	1,6 ± 0,6	0,1 ± 0,1	0,3 ± 0,2	22,1 ± 3,4	24,2 ± 6,1	nd
6		Т	0,9 ± 0,1	1,0 ± 0,1	1,3 ± 0,5	45,4 ± 2,8	< 0,1	8,6 ± 1,0	6,4 ± 0,5	0,5 ± 0,1	0,4 ± 0,3	13,8 ± 2,5	21,7 ± 1,4	nd
7	Желтая эмаль	П	0,6 ± 0,1	0,4 ± 0,1	2,9 ± 0,1	32,4 ± 0,6	1,0 ± 0,2	4,0 ± 0,1	2,9 ± 0,1	0,2 ± 0,1	1,2 ± 0,1	7,4 ± 0,3	33,8 ± 0,5	13,3 ± 0,2

ⁱ П — поверхность; Т — торец; nd — не обнаружено; ⁱⁱ — в следах присутствует сера и хлор.

исследование химического состава стеклянной массы и разноцветных эмалей одного из обломков (рис. 1, 1; табл. 1). Исследование проводилось отдельно для стеклянной массы и эмали каждого цвета (в работу предмет поступил в виде пяти образцов).

Стеклянная масса. Изучение в видимом свете отчетливо выявляет помутнение поверхности изначально прозрачного стекла (рис. 2, 1, 2). Естественные процессы разрушения стекла (деградация, расстеклование, выщелачивание, иризация) приводят к существенному изменению не только его внешнего вида, но и химического состава на поверхности. Поэтому при проведении анализов по возможности выбирались участки свежих сколов на торцах.

Основными стеклообразующими прозрачного стекла⁷ выступают оксиды кремния (SiO₂ ≈ 62,9 %), калия (K₂O ≈ 15,3 %) и кальция (CaO ≈ 14,2 %) (рис. 2, 3; табл. 1). Содержание свинца слишком мало (PbO ≈ 1,4 %), чтобы учитывать его в качестве стеклообразователя (Галибин 2001: 40, 66). Химический тип стекла, определенный по методу В. А. Галибина, следующий: Si – К – Са (Mg) (Там же: 68–69). Это зольное стекло, характерное для Западной и Центральной Европы. Предположительно, сырьем могла служить древесная, возможно буковая, зола (Там же: 84, 86–87, табл. 35, 13; 36.2, 13).

В задачи данного исследования не входит изучение процессов деградации стекла, этому посвящены как целые публикации (Kadikova et al. 2020: 1–9), так и отдельные части статей (Седых, Френкель 2012: 86, табл. 3). Однако отметим факт существенного падения содержания калия и кальция в областях, подвергшихся разрушению (K₂O ≈ 4,1 %, CaO ≈ 5,2 %) (табл. 1, 1, 2)⁸.

⁷ Состав стекла-основы исследовался на торцах всех пяти образцов. Результаты анализа демонстрируют одинаковые значения. В таблице 1 помещены усредненные данные состава.

⁸ Кроме того, существует ряд особенностей анализа, актуальных, в частности, при исследовании стекла методом РСМА. Например, на получаемое значение Na и К оказывает влияние эффект миграции ионов щелочных металлов под влиянием электронного пучка (Рид 2008: 165–166).

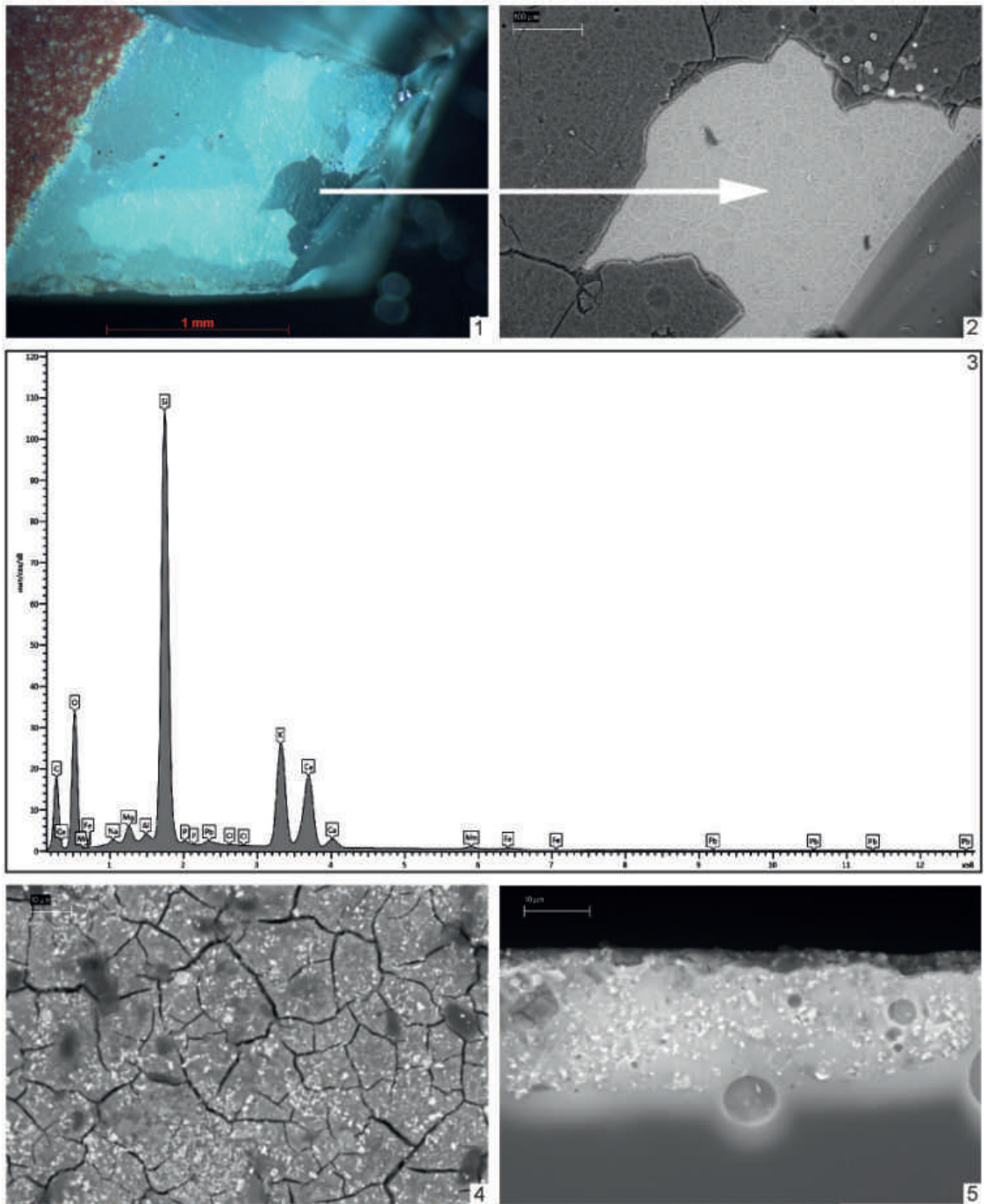

Рис. 2. Образцы стекла с красно-коричневой росписью, Рюриково городище: 1, 2 — разрушение поверхности стекла (1 — изображение в видимом свете, 2 — изображение в отраженных электронах); 3 — пример SEM-EDX спектра стекла-основы; 4-5 — красно-коричневая эмаль, изображение в отраженных электронах (4 — лицевая поверхность; 5 — торец)

Fig. 2. Rurikovo Gorodishche, samples of glass with red-brown painting: 1, 2 — decomposition of the glass surface (1 — visible light image, 2 — backscattered electron image); 3 — example of SEM-EDX spectrum of the glass base; 4-5 — red-brown enamel, backscattered electron image (4 — surface; 5 — cross section)

Цветная роспись. Толщина красочного слоя росписи крайне неравномерна. В целом можно утверждать, что для красно-коричневого и белого декора она изменяется от 10 до 200 мкм (рис. 2, 5; 3, 3).

Красно-коричневая эмаль исследовалась с лицевой поверхности фрагмента и с торца (рис. 2, 4, 5). Поверхность декора покрыта сетью трещин (рис. 2, 4), на торце отчетливо просматриваются пузыри (рис. 2, 5).

Главными стеклообразующими компонентами красно-коричневой эмали выступают оксид кремния (SiO_2) и оксид свинца (PbO). Красителем является железо (FeO), глушителем — олово (SnO_2) (табл. 1, 3, 4). Последнее присутствует в эмали в виде кристаллов касситерита (SnO_2). На изображении с электронного микроскопа частицы глушителя выглядят как взвесь белых хлопьев (рис. 2, 4, 5).

Отличие в составе на поверхности и в глубине красно-коричневой эмалевой краски прослеживается для нескольких элементов (K, Sn, Fe, P). Так, в зависимости от места проведения анализа, содержание калия в объеме составляет 8,0 %, а на поверхности — 1,5 % (табл. 1, 3, 4). По-видимому, сказывается выщелачивание. При этом процессами выщелачивания полностью не объяснить повышенное содержание олова и железа на поверхности росписи (относительно объема) (табл. 1, 3, 4). Действительно, на поверхности присутствует большое число крупных частиц касситерита (SnO_2), видимых практически невооруженным глазом, вследствие этого эмаль выглядит крапчатой (рис. 3, 1). Известно, что в качественном покрытии (например глазури) глушитель должен быть мелкодисперсным (< 1 мкм) и равномерно распределенным по толщине слоя (Штейнберг, Тюрин 1989: 34–35). На полученных нами изображениях красно-коричневой росписи встречаются конгломераты касситерита размером до 10 мкм (рис. 2, 4, 5; 3, 1). По-видимому, в недостаточно растертой и слабо перемешанной эмалевой краске отдельные частицы глушителя и пигмента переместились к поверхности.

Повышенное содержание фосфора ($\text{P}_2\text{O}_5 \approx 14,2$ %) на поверхности красно-коричневой эмали уверенно объяснить на данный момент затруднительно. Известно, что содержание фосфора в стекле в редких случаях может достигать 7 % (Галибин 2001: 47, 177, 179). В нашем образце, по-видимому, имеет место поверхностное загрязнение, неочевидное визуально (рис. 3, 1). Как следствие из всего вышесказанного, для дальнейшей работы и интерпретации корректно использовать результаты, полученные с торца фрагмента (табл. 1, 4).

Обратим внимание на наблюдение, сделанное на торцах нескольких образцов: граница эмали и стекла-основы имеет два контура (рис. 2, 5; 3, 4). Один четкий, образованный частицами глушителя, второй — размытый, обозначающий область проникновения свинца из декора в стекло. Такая двойная граница фиксируется и для красно-коричневой, и для белой росписи (желтая с торца не исследовалась).

Изучено распределение основных элементов на торце образца (с красно-коричневой эмалью) вдоль линии, пересекающей слой росписи и стеклянную массу. Профиль наглядно демонстрирует градиент распределения свинца и разницу составов декора и стекла-основы (рис. 3, 2). Так, содержание кремния, калия и кальция в стекле выше, чем в эмали. В тех местах, где линия профиля попадает на отдельную частицу касситерита (SnO_2), наблюдается закономерный всплеск содержания олова. Глубина проникновения свинца в стеклянную массу достигает 5 мкм (рис. 2, 5; 3, 2).

Белая эмаль исследовалась на трех образцах: в одном случае с лицевой поверхности и в двух — с торца (рис. 3, 3, 4). Белая эмаль так же, как и красно-коричневая,

не однородна по структуре. Имеются многочисленные пузыри и включения разного характера (например, кварц) (рис. 3, 4).

Главными стеклообразующими белой эмали выступают оксид кремния и оксид свинца. Глушителем и красителем является олово.

Количественные результаты РСМА двух образцов белой росписи демонстрируют схожие данные (они усреднены в табл. 1, 5). В третьем образце покрытие имеет несколько иной состав (табл. 1, 6). Отличие в измерениях наблюдается по содержанию калия (от 3 до 8,6 %) и кальция (от 1,6 до 6,4 %). Объяснить эту разницу исключительно выщелачиванием, по-видимому, не вполне корректно, так как пониженное содержание калия фиксируется не только на поверхности, но и внутри слоя эмали. Очевидно, нельзя полностью исключать исходную неоднородность состава эмалевой краски. Нам представляется, что для дальнейшей работы предпочтительно использовать данные табл. 1, 6.

Желтая эмаль анализировалась только с лицевой поверхности, что надо учитывать при последующем обсуждении полученного результата. В оптический и электронный микроскопы на образце наблюдаются многочисленные включения и посторонние (?) примеси (рис. 3, 5, 6).

Главными стеклообразующими желтой краски выступают оксид кремния ($\text{SiO}_2 \approx 32,4\%$) и оксид свинца ($\text{PbO} \approx 33,8\%$). Глушителем является олово ($\text{SnO}_2 \approx 7,4\%$), а красителем — сурьма ($\text{Sb}_2\text{O}_5 \approx 13,3\%$) (табл. 1, 7).

Мы уже сталкивались с информативностью отношения содержания свинца и олова в стеклообразных покрытиях, например в глазурях (Chugunova et al. 2019: 240–241, fig. 4). То, что отношение Pb / Sn неодинаково в глазурях разных цветов, нашло подтверждение в работе М. Матин. Так, по данным исследователя, отношение Pb / Sn в белых глазурях ощутимо ниже, чем в желтых (Matin 2019: 1159, fig. 2). Полученные нами результаты (табл. 1) подтверждают эту тенденцию. На основании соотношения свинца и олова М. Матин делает вывод, использовался ли в качестве глушителя исключительно SnO_2 ($\text{Pb} / \text{Sn} < 3,5$) или совместно с Pb_2SnO_4 ($\text{Pb} / \text{Sn} > 3,5$) (Ibid.: 1158). Для нашего образца отношение $\text{PbO} / \text{SnO}_2$ для красно-коричневой эмали составляет 1,5, для белой — 1,6, а для желтой — 4,6. Однако для обоснованных заключений об исходном сырье глушителя в исследуемых эмалях у нас недостаточно данных.

Обсуждение результатов анализа химического состава

Стеклообразующая масса. Итак, проведенное исследование химического состава фрагмента сосуда показало, что его стеклянная масса изготовлена с использованием золы деревьев континентальной зоны⁹. Как известно, стекло этого типа впервые достоверно отмечено на западноевропейских памятниках в конце VIII — начале IX в. В течение нескольких веков богатая калием древесная зола, в основном зола бука, постепенно вытеснила минеральную соду и стала в эпоху высокого средневековья основным щелочным сырьем при производстве стекла в мастерских Западной, Центральной и Северной Европы (Wedepohl 2000; Krueger, Wedepohl 2003: 93–95; Wedepohl, Simon 2010: 89–93; Wedepohl et al. 2011: 82, 88, 94–95, fig. 1). На памятниках Восточной Европы находки артефактов из такого стекла зафиксированы начиная с X в. Представлены немногочисленные обломки стеклянной посуды, изготовленной на основе высокощелочной

⁹ Ранее этот фрагмент был изучен в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН А. Н. Егорьковым методом оптико-эмиссионной спектроскопии. Он также пришел к заключению, что стекло сварено на основе древесной золы (Егорьков, Плохов 2022: в печати).

древесной золы и в средневековых материалах Рюрикова городища (Носов и др. 2005: 403; Егорьков 2007: 177; Егорьков, Плохов 2019: 92, 95; Плохов 2020б: 90–91).

Таким образом, найденный на Городище фрагмент действительно оказался принадлежащим сосуду, изготовленному в европейских мастерских. Однако проведенное исследование его химического состава не подтвердило венецианское происхождение находки. Стекло сосудов, украшенных полихромным декором, относимых учеными к «группе Алдревандино», неоднократно становилось объектом естественно-научных исследований. Выполненные разными методами анализы показали его принадлежность к одному химическому типу — натриево-кальциево-кремнеземному стеклу. При изготовлении стекла всех изученных сосудов в качестве щелочного сырья использовалась не древесная зола, а зола солончаковых растений (галофитов). Это сближает венецианские изделия с продукцией исламского Ближнего Востока (Щапова 1962: 232; Freestone, Bimson 1995: 417–419; Verità 1995: 89–91; 1998: 130–131, 133; Černá et al. 2012; Schüßler, Wilde 2016; Niilisk et al. 2017: 207–208; Haak et al. 2018: 60–63; Krueger 2018: 135–136). Импорт с середины XIII по конец XV в. растительной золы из Леванта в Венецию подтверждается письменными источниками (Jacoby 1993; Verità 1998: 130; Verità, Zecchin 2009: 603). Также венецианские купцы привозили с Востока песок, стеклянную массу и битое стекло, шедшее на переработку (Jacoby 1993: 76; Verità, Zecchin 2009: 603, 605; Carboni, Whitehouse 2001: 297).

Некоторые ученые предполагают, что кубки «группы Алдревандино» могли также производиться за пределами Венецианской республики в мастерских, связанных «с традицией венецианской школы стеклоделия» (Baumgartner, Krueger 1988: 126; Pause 1993: 238–239; Möller 1994: 223; Nölke 1997: 17, 21–22; Mangelsdorf 1999: 449; Крамаровский 2006: 264–268; Крамаровский, Гукин 2009: 588–591; Steppuhn 2014: 194–196; Lerma 2017: 207; Krueger 2018: 160–162). Возможно, в таких мастерских были изготовлены небольшие приземистые сосуды, найденные в Лиссабоне (Португалия), Монкальери (Италия) и Старом Крыму (Medici 2011: fig. 9; Venegoni 2012: fig. 2–5; Lerma 2017: fig. 4; 6). От большинства изделий с эмалевой росписью они отличаются не только пропорциями, но и значительно большей коррозией поверхностей, что может свидетельствовать о другом составе стекла. Если это так, то их вполне могли сделать мастера других средневековых итальянских стекольных центров, в которых использовалось различное щелочное сырье, в том числе и доступная растительная зола местного происхождения (Jacoby 1993: 68–69). К сожалению, к настоящему времени эти находки не подвергались археометрическим исследованиям.

В отличие от этих кубков, химический состав стеклянной массы и эмалей у фрагмента, найденного на Рюриковом городище, был изучен. Какую полезную информацию это дало для определения места и времени изготовления сосуда, которому он принадлежал?

Как мы уже отметили, стекло, сваренное на основе древесной золы, или так называемое лесное стекло (“Forest Glass”, “Waldglas”), являлось наиболее распространенным в средневековой Европе к северу от Альп. Немецкий геохимик К. Г. Ведеполь на основании изучения химического состава находок с территории Центральной Европы выделил пять подтипов такого стекла, а также разделил его средневековое производство на три этапа: 1) 780–1000 гг., 2) 1030–1300 гг., 3) 1300–1500 гг. (Wedepohl 2000; Wedepohl, Simon 2010; Wedepohl et al. 2011: 95). Для этих этапов характерны стекла с разным соотношением оксида кальция к оксиду калия, и исследователь полагал, что это соотношение может быть использовано для датировки находок. По результатам

анализа у фрагмента с Рюрикова городища оно около 0,9. Близкое соотношение $\text{CaO} / \text{K}_2\text{O}$ имеют стекла из древесной золы (“wood ash glass”), изготовленные в XI–XIV вв. У этих стекол, выполненных, по мнению немецких ученых, по рецепту монаха Феофила, оно в среднем равно единице (Wedepohl 2000: 256; Wedepohl, Simon 2010: Tabl. 2). Для продукции европейских стекольных заводов более позднего времени это соотношение находится в районе 3,5 (Wedepohl et al. 2011: 95)¹⁰. Однако датировать городищенскую находку эпохой высокого средневековья не позволяет существенное отличие ее химического состава от стекол этого времени, опубликованных К. Г. Ведеполем и К. Зимоном (ср. табл. 1 и Wedepohl, Simon 2010: Tabl. 2). В нашем фрагменте значительно выше доля кремнезема, а содержание оксидов калия, кальция, магния, алюминия и фосфора ниже диапазонов, данных учеными для типичных стекол из древесной золы.

Состав стекла «древесно-зольного типа» (“wood-ash type”) сильно различается. Это объясняется не только разной датировкой изученных предметов. Он зависит также от региональных различий в технологии производства стекла и от используемой мастерами растительной золы, на состав которой влияет множество факторов (Jackson, Smedley 2004; 2008; Stern, Gerber 2004; Jackson et al. 2005). Недавно вышла работа, в которой Л. У. Адлингтон с коллегами были проанализированы данные по основным химическим элементам европейских «лесных стекол» XII–XV вв. (Adlington et al. 2019). Исследователи выделили три основных типа/группы составов стекла, которые соответствуют трем известным регионам его средневекового производства: Северо-Западная Франция, район Рейна и Центральная Европа. Согласно выявленным закономерностям и тенденциям в концентрациях основных элементов в стекле разных регионов, химический состав встреченного на Рюриковом городище фрагмента находит наибольшее сходство с изделиями из Центральной Европы. Для стекол с памятников этого региона характерны: низкое соотношение кальция к магнию ($\text{MgO} / \text{CaO} < 0,24$), низкая доля фосфора ($> 2\%$) и натрия ($> 1\%$). Концентрация железа в них также обычно ниже, чем в других местах, где производилось «лесное стекло» (Ibid: 3–4). Однако для стекол Центральной Европы типичны более высокие показатели по калию и более низкое содержание кремнезема, чем у городищенской находки.

Дальнейшее сравнение результата анализа стеклянной массы фрагмента сосуда с Рюрикова городища с опубликованными данными по химическому составу центрально-европейских стекол показало ее близость образцам позднего средневековья и раннего нового времени из Богемии и Моравии. Химический состав «калиево-кальциевого стекла» (“potassium-calcium glass”) этих исторических областей Чехии отличался от стекла других европейских стран, в том числе Германии (Cílová, Woitsch 2012; Ránová et al. 2020). По данным З. Циловой и Ю. Войча, в образцах, происходящих из стекольного завода в Молдаве в Рудных горах, датируемых рубежом XIV и XV вв., в кубках XIV–XV вв. из г. Мост и находках XV — первой половины XVI в. из г. Оломоуц, относимых исследователями к средневековому «богемскому» стеклу, содержание кремнезема 55,7–58,4 %, что существенно выше, чем в двух синхронных подтипах «древесно-зольного» немецкого стекла (48,9 % для “wood ash glass” и 51,3 % для “wood ash lime glass”)

¹⁰ Сходные хронологические изменения отмечены в составе средневекового оконного стекла Бельгии. Образцы с соотношением CaO к K_2O , примерно равным одному, представлены только среди материалов XII–XIV вв. С начала XV в. содержание оксида калия в стеклах падает, а доля оксида кальция увеличивается (Schalm et al. 2007: 665–666).

(ср.: Čílová, Woitsch 2012: tabl. 4 и Wedepohl, Simon 2010: tabl. 2). В «богемском» стекле также отмечена значительно более низкая концентрация оксидов магния и фосфора, а соотношение оксида кальция к оксиду калия находится в интервале от 0,71 до 1,09¹¹. Близкий состав зафиксирован у стеклянных сосудов конца XIII — начала XV в. из Праги, отнесенных к продукции чешского стеклоделия (Zlámálová Čílová 2014: 141–146). К изделиям стекольных заводов Богемии (или Моравии) Г. Седлачкова с коллегами причислили также три стакана последних десятилетий XV — первой половины XVI в. из Братиславы. Доля SiO₂ в стекле этих сосудов — 55,7–60,5 %, а соотношение CaO / K₂O — около 0,9 (Sedláčková et al. 2016a: 376, 385, tabl. 2, A3, A5, A10)¹².

Чешские ученые считают, что основным сырьем, используемым богемскими стеклоделами в XIV — первой половине XVI в., были кварцевый песок (или галька), зола бука и поташ (Čílová, Woitsch 2012; Sedláčková et al. 2016a: 384–385; 2016b: 233; Pánová et al. 2020). З. Цилова и Ю. Войча пришли к такому заключению, основываясь на изучении стекла, сваренного по разной рецептуре из экспериментально приготовленного сырья (золы и поташа), и анализах состава исторического стекла. По их наблюдениям, соотношение кальция к калию меньше единицы возможно было получить в экспериментальном стекле только тогда, когда оно изготавливалось из трехкомпонентной шихты, включающей кроме песка поташ и буковую золу (или выщелоченную буковую золу), либо из двухкомпонентной шихты с использованием золы папоротника. При этом производство поташа из папоротника исследователи считают маловероятным по экономическим причинам (Čílová, Woitsch 2012: 377–378, tabl. 5)¹³.

Д. Роганова отметила в чешском стеклоделии эпохи средневековья и раннего нового времени три основных преобразования в составе стекольной шихты, которые соответствуют трем периодам: готики, ренессанса и барокко (Sedláčková et al. 2016b: 233–235). Рецептуры разных эпох были рассчитаны исследовательницей на основе изучения письменных источников и химического состава исторических стекол¹⁴. Д. Роганова считает, что в стеклах «поздней готики» (XIV — первой половины XVI в.) часть буковой золы была заменена поташом. Соотношение оксида кальция к оксиду калия в этом стекле меньше единицы¹⁵, а общая доля щелочных компонентов (CaO + K₂O + MgO) —

¹¹ В среднем это соотношение близко 0,9.

¹² У двух стаканов из Оломоуца, которые, по мнению чешских ученых, имеют моравское происхождение, содержание кремнезема существенно ниже — 50,9 и 54,9 (Sedláčková et al. 2016a: 376, 385, tabl. 2, A3, A5, A10). Следует также отметить в составе стекла «богемских» позднесредневековых сосудов из Оломоуца значительную концентрацию оксида алюминия (2,62–4,40 %) (Čílová, Woitsch 2012: tabl. 4; Sedláčková et al. 2016a: tabl. 2a, A20, A21).

¹³ Об использовании при изготовлении «богемского» стекла поташа говорит довольно низкое содержание фосфора в исследованных образцах. По данным швейцарских ученых В. Б. Штерна и И. Гербера, в стекле, сваренном на растительной золе, обычно содержится от 1,3 до 10,4 % P₂O₅, тогда как в стекле, созданном с помощью поташа, его практически нет. Они предполагают, что в стекле, сделанном с добавлением в шихту поташа и выщелоченной золы, доля оксида фосфора менее 1 %, а с добавлением поташа и «древесно-зольного» стеклобоя — от 0,3 до 1 %. Исследователи предложили рассмотреть содержание P₂O₅ около 1 % в качестве критерия, позволяющего различать зольное и поташное стекло (Stern, Gerber 2009: 111–117, 120).

¹⁴ Достоверность этих расчетов позднее была проверена путем экспериментального плавления модельных стекол (Pánová et al. 2020).

¹⁵ В статье Д. Рогановой с коллегами отмечено, что соотношение CaO / K₂O у «богемских» стекол начала XIV — первой половины XVI в. обычно ниже 0,6–0,8 (Pánová et al. 2020: 2, tabl. 1), тогда как

менее 50 %. По мнению исследовательницы, стекло, изготовленное с использованием «готической технологии» в разных частях Центральной Европы, имеет очень похожий состав¹⁶. Тем не менее в работе, посвященной находкам из Братиславы, на основании некоторого различия в составе (по содержанию SiO_2 и K_2O , а также по соотношению $\text{CaO} / \text{K}_2\text{O}$) Д. Рогановой было выделено четыре группы стекла, предположительно разного происхождения (Sedláčková et al. 2016a: 384–386). Стекло эпохи ренессанса (вторая половина XVI — третья четверть XVII в.), по данным исследовательницы, также в основном изготавливалось из кварца, буковой золы и поташа. Концентрация оксида кальция в этом стекле увеличилась, что объясняется введением в шихту измельченного известняка или мела. Последние, по расчетам Д. Рогановой, частично заменили золу и поташ. Соотношение $\text{CaO} / \text{K}_2\text{O}$ в стекле — около единицы¹⁷, а содержание щелочных компонентов более низкое, чем в предыдущий период (≥ 40 вес. %). Почти во всем «ренессансном» стекле Богемии и Моравии также отмечается повышенное содержание оксида натрия (более 0,5 %), что связывается с добавлением со второй половины XVI в. в шихту поваренной соли (NaCl) (Sedláčková et al. 2016a: 384, 386; 2016b: 233–234)¹⁸. В недавно вышедшей статье чешских ученых упоминается о производстве в эпоху ренессанса в Богемии «кальциево-калиевого стекла» (“calcium-potassium glass”), обычно используемого для изделий, украшенных росписью, гравировкой и филигранью. Предполагается, что это стекло изготавливалось по «готическому рецепту», но с меньшим количеством поташа. Содержание оксида калия в нем — до 10 %, а калия — около 13 %. Из-за возможной добавки в шихту NaCl концентрация Na_2O в этом стекле достигает 3 % (Pánová et al. 2020: 3).

Как уже отмечалось, у фрагмента сосуда с Рюрикова городища соотношение оксида кальция к оксиду калия равно 0,9, что характерно для «богемского» стекла, изготовленного по «готическому рецепту»¹⁹. Однако средняя концентрация K_2O в последних существенно выше, чем в городищенском обломке. Несколько больше в них также MgO , а содержание SiO_2 и Na_2O меньше (см.: Cílová, Woitsch 2012: tabl. 4 и Pánová et al. 2020: tabl. 1). Все это сближает фрагмент с Рюрикова городища со стеклами эпохи ренессанса. При этом доля CaO в нашем образце небольшая (14,2 %), что исключает введение в шихту известняка, а о добавке в нее поваренной соли не позволяет однозначно говорить относительно незначительное содержание Na_2O (около 0,6 %). Присутствие в стекле городищенского фрагмента P_2O_5 в концентрации около 0,7 % свидетельствует об использовании при его изготовлении поташа в качестве одного из компонентов.

по данным, представленным в работе 2016 г., такие соотношения имеют «готические» стекла групп I и III, отнесенные соответственно к изделиям заводов Германии и Венгрии, а у «богемских» стекол (группа II) оно около 0,9 (Sedláčková et al. 2016a: 384–386, tabl. 2; 2a).

¹⁶ В работе 2020 г. отмечается, что «калиево-кальциевые стекла», изготовленные в Богемии и Моравии, отличались от аналогичных типов стекол, произведенных в остальной части Западной Европы (как химически, так и технологически), и их нельзя помещать в одну группу (Pánová et al. 2020: 10).

¹⁷ В статье 2020 г. говорится, что соотношение $\text{CaO} / \text{K}_2\text{O}$ в «ренессансном стекле» равно 1–1,3 (Pánová et al. 2020: 2, tabl. 1).

¹⁸ В работе 2020 г. сказано, что начало использования богемскими стеклоделами на рубеже XVI и XVII вв. поваренной соли проявляется более высоким содержанием в составе археологических стекол Na_2O (от 1,0 до 1,5 %) вместе с присутствием хлора (Cl) (Pánová et al. 2020: 2–3, tabl. 1).

¹⁹ Судя по работе Д. Рогановой, среди чешского ренессансного стекла встречаются образцы с близким соотношением (см.: Sedláčková et al. 2016b: diagram 5).

Таким образом, сравнение результата анализа стеклянной массы фрагмента с Рюрикова городища с опубликованными данными по химическому составу исторического европейского стекла показало, что сосуд, по-видимому, был сделан на территории Богемии или Моравии в эпоху ренессанса. Некоторые особенности состава городищенского обломка (соотношение $\text{CaO} / \text{K}_2\text{O}$, содержание CaO), сближающие его со стеклами, произведенными по «готической технологии», позволяют предположить, что сосуд был изготовлен в начале этой эпохи, во второй половине XVI в.

Эмали. Изучение химического состава декора фрагмента с Рюрикова городища также выявило существенные отличия между этой находкой и «группой Алдревандино» (ср. табл. 1 и Freestone, Bimson 1995: 419–424; Verità 1995: 91–98; 1998: 131–133; Niilisk et al. 2017: 210–211; Naak et al. 2018: 63–64, 66; Krueger 2018: 136). Эмаль всех цветов, использованных для росписи городищенского фрагмента, является свинцовой, в качестве глушителя употреблялся оксид олова, а красящими элементами служили железо, олово и сурьма. Анализы «венецианских» кубков показали, что химический состав красной эмали в основе близок составу стекла самих сосудов, за исключением увеличения содержания оксида железа Fe_2O_3 (минерал: гематит), выступающего в качестве красителя. Белая и желтая эмали оказались приготовленными на основе свинца, причем его доля в изученных образцах (29,7–34,0 % и 48–71 %) существенно выше, чем в аналогичных покрытиях на нашем обломке. Несколько меньше в декоре проанализированных сосудов этой группы содержание оксидов калия и алюминия. Красящим пигментом в желтых эмалях «группы Алдревандино», по заключению исследователей, является станнат свинца (свинцово-оловянистый желтый пигмент) (Freestone, Bimson 1995: 422; Verità 1995: 96; 1998: 132–133), а не сурьма, как у городищенской находки. Последняя в проанализированных изделиях присутствует только в качестве примеси к свинцу²⁰. Большое количество сурьмы появляется в декоре венецианской посуды только в эпоху ренессанса. М. Т. Выпский при изучении желтой эмали на посуде конца XV — начала XVI в. зафиксировал 11,5–24,4 % Sb_2O_3 , «по-видимому, в основном в виде обильных частиц желтого антимоната свинца» (Wypyski 2009: 530–532). В двух желтых образцах, так же как и на фрагменте с Рюрикова городища, помимо сурьмы им зафиксировано большое количество олова — 8 %. Ученый предположил присутствие в составе эмали смеси антимоната и станната свинца.

Антимонат свинца (неаполитанский желтый) — это искусственно созданный пигмент, употреблявшийся в качестве глушителя и красителя для стекла уже в Древнем Египте (Lilyquist et al. 1993: 60; Mass et al. 2002; Wainwright et al. 2012: 220–221). Пигмент был также известен в месопотамской, вавилонской и ассирийской культурах, где он использовался в качестве красителя в стекле и в керамической глазури (Wainwright et al. 2012: 221). Отмечено присутствие антимоната свинца в непрозрачных желтых и зеленых римских стеклах (Mass et al. 1998). Однако в IV в. в Римской империи этот пигмент заменяется станнатом свинца (Wainwright et al. 2012: 224). В течение последнего тысячелетия антимонат свинца в европейском стеклоделии практически не встречается. Это объясняют его большой токсичностью, недоступностью основных источников, дороговизной или утратой знаний обработки сурьмы для получения красителя (Ibid: 225; Berrie 2015: 323–324). Предполагается, что вновь информация

²⁰ Следует упомянуть, что присутствие антимоната свинца в зеленой эмали на фрагменте из Майнца отмечено в неопубликованном докладе немецких исследователей, сделанном на 20-м Конгрессе Международной ассоциации истории стекла во Фрибурге в 2015 г. (Krueger 2018: 136).

об этом желтом пигменте пришла в Италию в XV в. из керамической и стекольной промышленности Ближнего Востока в результате миграции художников по стеклу (Dik et al. 2005). В последней трети XV в. отмечено применение антимоната свинца в Италии при производстве майолики (Chiarantini et al. 2015). В конце XV — начале XVI в., как уже отмечалось, этот пигмент использовался венецианскими мастерами для декорирования стеклянных сосудов (Wypyski 2009: 530–532). О производстве неаполитанского желтого сообщается в некоторых трактатах XVI в. Итальянский алхимик, металлург и архитектор Ванноччо Бирингуччо в своем труде «Пиротехника» (*De la Pirotechnia*), опубликованном в 1540 г., упоминал о применении сурьмы для изготовления желтых пигментов, использовавшихся для росписи глиняных сосудов, окрашивания эмалей и стекол. Чиприано ди Микеле Пикколпассо (1524–1579) в трактате «Три книги гончарного искусства» (*Li Tre Libri Dell'arte Del Vasaio*), созданном во второй половине 1550-х гг., записал рецепты, употреблявшиеся в Центральной Италии, которые включали сурьму для приготовления желтой и зеленой глазурей. Желтые пигменты разных типов на основе свинца и сурьмы использовались в Европе не только при производстве стекла и керамики. С начала XVI в. они появляются на картинах, а с начала XVII и вплоть до середины XIX в. неаполитанский желтый уже прочно вошел в палитру европейских художников (Dik et al. 2005; Wainwright et al. 2012: 219, 221–226; Berrie 2015). Сурьму в XVI в. добывали в разных частях Европы, в том числе и в ряде мест Италии. Бирингуччо отметил, что в Венецию ее привозили из Германии, а Пикколпассо считал именно это сырье лучшим для приготовления глазури (Wainwright et al. 2012: 229–230; Berrie 2015: 326). По данным Б. Х. Берри, в XVI в. сурьму, использовавшуюся для производства желтых пигментов, добывали в Рудных горах (Berrie 2015), которые на протяжении многих столетий являлись естественной границей между Саксонией и Богемией.

Первые украшенные полихромной эмалью сосуды местного производства появились на территории Австрии и Чехии около середины XVI в., но большинство находок датируются последними десятилетиями XVI в. и первыми десятилетиями XVII в. (Hetteš 1963; Sedláčková et al. 2016a: 255–256). В декоре некоторых изделий можно увидеть орнаментальные элементы, аналогичные представленным на фрагментах с Рюрикова городища (точки, прямые линии), выполненные эмалью тех же цветов (Jordánková et al. 2014: 23, obr. P3, 1; B4, 5; Sedláčková et al. 2016a: 19, fig. 10; Vyšohlíd, Žegklitz 2016: 204, obr. 6, a). По результатам исследований чешских ученых, соотношение $\text{CaO} / \text{K}_2\text{O}$ в стекле украшенных росписью сосудов второй половины XVI в. из Вены и рубежа XVI–XVII вв. из Брно близко к единице, тогда как у изделий из Брно, датированных третьей четвертью XVII в., оно составляет от 1,4 до 1,8. Для последних характерно также добавление поваренной соли в качестве рафинирующего агента (Sedláčková et al. 2016b: 256–257). Было установлено, что желтая поверхность у стакана рубежа XVI–XVII вв. из Брно «окрашена пигментом, содержащим Pb, Sn и Sb, вероятно, неаполитанским желтым» (Ibid.: 258). Этим же пигментом выполнена коричневая полоса на сосуде из г. Опава.

Следует отметить, что оксид сурьмы в качестве желтого красителя зафиксирован в декоре фрагмента стеклянного сосуда, найденного при раскопках замка Вильянди (Эстония) в слое XVI в.²¹ Синее «поташное стекло» (“potash glass”) этого изделия, по

²¹ Оксид сурьмы в эстонской находке присутствует в значительно меньшем количестве, чем во фрагменте с Рюрикова городища, но по остальным элементам состав желтой эмали в этих двух образцах довольно близок (ср. табл. 1 и Niilisk et al. 2017: tabl. 2, V-2).

мнению эстонских исследователей, было сварено где-то в Центральной Европе, возможно в Северной Богемии (Niilisk et al. 2017).

Наконец, нельзя не упомянуть стеклянный кубок, найденный в гробнице Ивана IV Грозного. Этот сосуд, выполненный из синего прозрачного стекла, расписан золотом и эмалями красного, желтого, зеленого и белого цветов (Художественные сокровища... 1975: 166–167). По результатам качественного спектрального анализа материал этого кубка был отнесен Ю. Л. Щаповой к классу калиево-кальциево-кремнеземных стекол, причем она отметила в его составе заметную примесь натрия. Исследовательница пришла к заключению, что стекло этого изделия «ближе всего по составу к тем богемским, которые сварены на вересковой золе» (Щапова 1993: 333). Ю. Л. Щапова связала происхождение кубка Ивана IV с мастерской, созданной императором Священной Римской империи Рудольфом II при пражском дворе (Там же: 335–337).

Выводы

Подводя итоги нашему исследованию, можно отметить, что анализ химического состава одного из двух обломков сосуда(ов) с полихромной росписью, встреченных при раскопках Рюрикова городища, подтвердил его принадлежность к изделиям западноевропейского производства. Выявленные отличия в составе стекла и эмалей кубков «группы Алдревандино» от городищенского фрагмента говорят об изготовлении сосуда, частью которого последний являлся, за пределами Венецианской республики. При этом сходство в декоре с продукцией венецианской школы стеклоделия позволяет предположить, что привезенный на берега Волхова сосуд вышел из какого-то производственного центра к северу от Альп, работающего на местном сырье и по своим технологиям, но подражающего изделиям мастеров Северной Италии. Сравнение результата исследования стеклянной массы фрагмента с Рюрикова городища с опубликованными данными по химическому составу стекол Западной и Центральной Европы показало наибольшую близость нашей находки изделиям из Богемии и Моравии, изготовленным по «ренессансной технологии». Об относительно поздней датировке городищенского фрагмента говорит также наличие на нем эмалевой росписи, искусство нанесения которой на стеклянную посуду было освоено чешскими мастерами примерно в середине XVI в. Учитывая некоторые особенности состава обломка с Рюрикова городища (соотношение $\text{CaO} / \text{K}_2\text{O}$, содержание CaO), нехарактерные для стекла «ренессансного типа», время появления на берегах Волхова украшенного полихромным декором «богемского» сосуда(ов), по-видимому, можно ограничить второй половиной этого столетия.

Литература

- Галибин 2001 — Галибин В. А. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 216 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. 4).
- Егорьков 2007 — Егорьков А. Н. Результаты эмиссионно-спектрального анализа фрагментов стеклянных сосудов Рюрикова городища // Носов Е. Н., Мусин А. Е. (отв. ред.). У истоков русской государственности: Историко-археологический сб.: ММНК (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 176–177.
- Егорьков, Плохов 2019 — Егорьков А. Н., Плохов А. В. Химический состав раннесредневековых стеклянных изделий Рюрикова городища // Белецкий С. В. (отв. ред.). Земля наша велика и обильна... 90-летию А. Н. Кирпичникова посвящается. СПб.: Невская Типография, 2019. С. 91–98.

- Егорьков, Плохов 2022 — *Егорьков А. Н., Плохов А. В.* Новые данные о химическом составе стекла средневековой посуды Рюрикова городища // *Стекло на путях Евразии в древности и средневековье*. М., 2022. В печати.
- Крамаровский 2006 — *Крамаровский М. Г.* Венецианский стеклянный кубок с полихромной эмалью из Восточного Крыма // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург: Изд-во Уральского ГУ, 2006. Вып. 37. С. 261–268.
- Крамаровский, Гукин 2009 — *Крамаровский М. Г., Гукин В. Д.* Венецианские винные кубки конца XIII — 1-й трети XIV в. из Восточного Крыма (археологический контекст и атрибуция) // Шукуров Р. М. (отв. ред.). *Море и берега*. К 60-летию С. П. Карпова от коллег и учеников. М.: Индрик, 2009. С. 575–594.
- Носов и др. 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 404 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. 18).
- Носов и др. 2017 — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 288 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. 49).
- Плохов 2007 — *Плохов А. В.* Средневековая стеклянная посуда Новгородского (Рюрикова) городища // Носов Е. Н., Мусин А. Е. (отв. ред.). *У истоков русской государственности: Историко-археологический сб.: Материалы МНК (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород)*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 166–175.
- Плохов 2020а — *Плохов А. В.* Находки «ранневенецианских» сосудов, украшенных цветными эмалями, из Великого Новгорода // Рыбина Е. А. (отв. ред.). *НиНЗИиА. Материалы XXXIII науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения В. Л. Янина (22–24 января 2019 г., Великий Новгород)*. 2020. Вып. 33. С. 196–204.
- Плохов 2020б — *Плохов А. В.* Раннесредневековые стеклянные изделия Рюрикова городища // *АВ*. 2020. Вып. 28. С. 88–108.
- Рид 2008 — *Рид С. Дж. Б.* Электронно-зондовый микроанализ и растровая электронная микроскопия в геологии. М.: Техносфера, 2008. 232 с.
- Седых, Френкель 2012 — *Седых В. Н., Френкель Я. В.* Результаты археометрических анализов стеклянных изделий XII–XIII вв. из раскопок Тимерёво // *Вестник СПбГУ. Серия 2*. 2012. Вып. 4. С. 77–104.
- Художественные сокровища... 1975 — *Художественные сокровища Государственных музеев Московского Кремля. Государственная Оружейная палата. Музей «Успенский собор». Музей «Церковь Ризоположения». Музей «Благовещенский собор». Музей «Архангельский собор». Музей искусства и быта XVII века / Ненарокова И. С., Сизов Е. С. (авторы-сост.)*. М.: Советский художник, 1975. 183 с.
- Штейнберг, Тюрин 1989 — *Штейнберг Ю. Г., Тюрин Э. Ю.* Стекловидные покрытия для керамики. Л.: Стройиздат, 1989. 193 с.
- Щапова 1962 — *Щапова Ю. Л.* Два сирийских сосуда из Новгорода // Авдусин Д. А., Янин В. Л. (ред.). *Историко-археологический сборник*. М.: Изд-во МГУ, 1962. С. 232–236.
- Щапова 1993 — *Щапова Ю. Л.* Стеклянный кубок из гробницы Ивана IV Грозного (атрибуция и история) // Князевская Т. Б. (сост.). *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология*. Ежегодник 1992. М.: Наука, 1993. С. 333–337.
- Adlington et al. 2019 — *Adlington L. W., Freestone I. C., Kunicki-Goldfinger J. J., Ayers T., Gilderdale Scott H., Eavis A.* Regional patterns in medieval European glass composition as a provenancing tool // *JAS*. 2019. Vol. 110 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/335396686_Regional_patterns_in_medieval_European_glass_composition_as_a_provenancing_tool_Adlington_et_al_2019 (дата обращения 08.12.2019).

- Baumgartner, Krueger 1988 — *Baumgartner E., Krueger I.* Phönix aus Sand und Assche: Glas des Mittelalters. München: Klinkhardt & Biermann, 1988. 459 S.
- Berrie 2015 — *Berrie B. H.* Mining for color: new blues, yellows, and translucent paints // *Early Science and Medicine*. 2015. Vol. 20. P. 308–334.
- Carboni 1998 — *Carboni S.* Gregorio's Tale; or, Of enamelled glass production in Venice // Ward R. (ed.). *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East*. London: British Museum Press, 1998. P. 101–106.
- Carboni, Whitehouse 2001 — *Carboni S., Whitehouse D.* Glass of the Sultans. The exhibition catalogue. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2001. 330 p.
- Černá et al. 2012 — *Černá E., Hulínský V., Macháček J., Podliska J.* On the Origin of Enamel-painted Glass of the 12–14th Centuries in Bohemia // Ignatiadou D., Antonaras A. (eds.). *Annales du 18e Congrès de l' Association Internationale pour l'Histoire du Verre* (Thessaloniki, 2009). Thessaloniki: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, 2012. P. 401–408.
- Chiarantini et al. 2015 — *Chiarantini L., Gallo F., Rimondi V., Benvenuti M., Costagliola P., Dini A.* Early Renaissance Production Recipes for Naples Yellow Pigment: A Mineralogical and Lead Isotope Study of Italian Majolica from Montelupo (Florence) // *Archaeometry*. 2015. Vol. 57, 5. P. 879–896.
- Chugunova et al. 2019 — *Chugunova K. S., Grigorieva I. A., Rebrova R. V.* A Multi-Analytical Comparative Examination of 18th-century Dutch Tiles and Russian Imitations. Preliminary Results // Blažková G., Matějková K. (eds.). *Europa Postmediaevalis: Post-medieval pottery between (its) borders: proceedings of the conference* (Prague, April 16–19, 2018). Oxford: Archaeopress Archaeology, 2019. P. 237–244.
- Cílová, Woitsch 2012 — *Cílová Z., Woitsch J.* Potash — a key raw material of glass batch for Bohemian glasses from 14th–17th centuries? // *JAS*. 2012. Vol. 39. P. 371–380.
- Dik et al. 2005 — *Dik J., Hermens E., Peschar R., Schenk H.* Early production recipes for lead antimonate yellow in Italian art // *Archaeometry*. 2005. Vol. 47, 3. P. 593–607.
- Freestone, Bimson 1995 — *Freestone I. C., Bimson M.* Early Venetian enamelling on glass: technology and origins // Vandiver P. B., Druzik J. R., Madrid J. L. G., Freestone I. C., Wheeler G. S. (eds.). *Materials Issues in Art and Archaeology*. Vol. IV. Pittsburgh, Pennsylvania: Materials Research Society, 1995. P. 415–431 (Materials Research Society Symposium Proceedings. Vol. 352).
- Georgopoulou 2009 — *Georgopoulou M.* Fine Commodities in the Thirteenth-century Mediterranean. The Genesis of a Common Aesthetic // Mersch M., Ritzerfeld U. (Hrsg.). *Lateinisch-griechisch-arabische Begegnungen. Kulturelle Diversität im Mittelmeerraum des Spätmittelalters*. Berlin: Akademie Verlag, 2009. P. 63–90 (Europa im Mittelalter. Bd. 15).
- Haak et al. 2018 — *Haak A., Niilisk A., Mäesalu A., Ritslaid P., Kikas J.* Tartust leitud 13.–14. sajandi emailmaalingutega klaaspeekrite elementanalüüside tulemustest // Haak A., Rennit M. (toim.). *Uurimusi Tartu linnaarheoloogias*. Tartu: Tartu Linnamuuseum, 2018. Lk. 55–66 (Tartu Linnamuuseum Aastaraamat. 2017. No. 21).
- Hetteš 1963 — *Hetteš K.* Venetian Trends in Bohemian Glassmaking in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // *JGS*. 1963. Vol. 5. P. 39–63.
- Jackson et al. 2005 — *Jackson C. M., Smedley J. W., Booth C. A.* Glass by Design? Raw materials, recipes and compositional data // *Archaeometry*. 2005. Vol. 47, 4. P. 781–795.
- Jackson, Smedley 2004 — *Jackson C. M., Smedley J. W.* Medieval and post-medieval glass technology: melting characteristics of some glasses melted from vegetable ash and sand mixtures // *Glass Technology*. 2004. Vol. 45, 1. P. 36–42.
- Jackson, Smedley 2008 — *Jackson C. M., Smedley J. W.* Theophilus and the use of beech ash as a glassmaking alkali // Martinyn-Torres M., Rehren Th. (eds.). *Archaeology, History and*

- Science. Integrating approaches to ancient materials. Walnut Creek, California: Left Coast Press, 2008. P. 117–130.
- Jacoby 1993 — *Jacoby D.* Raw materials for the glass industries of Venice and the Terraferma, about 1370 — about 1460 // *JGS*. 1993. Vol. 35. P. 65–90.
- Jordánková et al. 2014 — *Jordánková H., Rohanová D., Sedláčková H.* Renesanční a barokní sklo z Mečové ulice v Brně // *Blažek L.* (odpov. red.). Brno v minulosti a dnes: příspěvky k dějinám a výstavbě Brna T. 27. Brno: Statutární město Brno, Archiv města Brna, 2014. S. 11–48.
- Kadikova et al. 2020 — *Kadikova I. F., Morozova E. A., Yuryeva T. V., Grigorieva I. A., Yuryev V. A.* Glass depolymerization in the process of long-term corrosion: A study of deteriorating semi-opaque turquoise glass beads using micro-FTIR spectroscopy // *Materials Research Express*. 2020. Vol. 7, 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/339177342_Glass_depolymerization_in_the_process_of_long-term_corrosion_A_study_of_deteriorating_semiopaque_turquoise_glass_beads_using_micro-FTIR_spectroscopy (дата обращения 15.02.2021).
- Krueger 1998 — *Krueger I.* An enamelled beaker from Stralsund: a spectacular new find // *Ward R.* (ed.). *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East*. London: British Museum Press, 1998. P. 107–109.
- Krueger 2002 — *Krueger I.* A Second Aldrevandin Beaker and an Update on a Group of Enameled Glasses // *JGS*. 2002. Vol. 44. P. 111–132.
- Krueger 2018 — *Krueger I.* Die europäischen emailbemalten Becher des 13./14. Jahrhunderts: Eine Zusammenfassung zum Forschungsstand // *JGS*. 2018. Vol. 60. P. 129–162.
- Krueger, Schmid 2005 — *Krueger I., Schmid B.* Magister Doninus und seine Vögel. Ein Glas-Neufund aus Mainz und was damit zusammenhängt // *Mainzer archäologische Zeitschrift*. 2005. Bd. 5/6, 1998/1999. S. 275–292.
- Krueger, Wedepohl 2003 — *Krueger I., Wedepohl K. H.* Composition and shapes of glass of the Early Medieval period (8th to 10th century AD) in Central Europe // *Foy D., Nenna M.-D.* (dir.). *Echanges et commerce du verre dans le monde antique (Actes du colloque de l'Association Française pour l'Archéologie du Verre, Aix-en-Provence, Marseille, 7–9 juin 2001)*. Montagnac: Monique Mergoïl, 2003. P. 93–100 (Monographies instrumentum. 24).
- Lerma 2017 — *Lerma S. G.* Bicchieri decorati a smalto dal Piemonte medievale. I reperti dagli scavi di Moncalieri e Torino // *Ciappi S., Diani M. G., Uboldi M.* (ed.). *Vetro e alimentazione. XVIII Giornate Nazionali di Studio sul Vetro (Pavia, 16–17 maggio 2015)*. Cremona: Comitato Nazionale Italiano Association internationale IHV, 2017. P. 201–210.
- Lilyquist et al. 1993 — *Lilyquist C., Brill R. H., Wypyski M. T.* *Studies in Early Egyptian Glass*. New York: Metropolitan Museum of Art, 1993. 80 p.
- Mäesalu 1999 — *Mäesalu A.* Emailbemalte Glasbecher aus Tartu // *Vissak R., Mäesalu A.* (eds.). *The Medieval Town in the Baltic: Hanseatic History and Archaeology. Proceedings of the First and Second Seminar Tartu, Estonia 6th–7th June 1997 and 26th–27th June 1998*. Tartu: Tartu City Museum, 1999. S. 74–84.
- Mangelsdorf 1999 — *Mangelsdorf G.* Glasbecher des späten 13. Jahrhunderts mit Emailbemalung aus Greifswald // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. 1999. Heft 16, 1. S. 445–450.
- Mass et al. 1998 — *Mass J. L., Stone R. E., Wypyski M. T.* The mineralogical and metallurgical origins of Roman opaque colored glasses // *McCray P., Kingery W. D.* (eds.). *The Prehistory and History of Glassmaking Technology*. Westerville, Ohio: The American Ceramic Society, 1998. P. 121–144 (Ceramics and Civilization. Vol. 8).
- Mass et al. 2002 — *Mass J. L., Wypyski M. T., Stone R. E.* Malkata and Lisht Glassmaking Technologies: Towards a Specific Link between Second Millennium BC Metallurgists and Glassmakers // *Archaeometry*. 2002. Vol. 44, 1. P. 67–82.

- Matin 2019 — *Matin M.* Tin-based opacifiers in archaeological glass and ceramic glazes: a review and new perspectives // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2019. No. 11. P. 1155–1167.
- Medici 2011 — *Medici T.* O espólio vítreo do Núcleo Arqueológico da Rua dos Correeiros, Lisboa // *Revista Portuguesa de Arqueologia*. 2011. Vol. 14. P. 313–353.
- Möller 1994 — *Möller G.* Ein goldemailbemalter Glasbecher des frühen 14. Jahrhunderts aus der Altstadt von Stralsund // Lüth F., Schoknecht U. (Hrsg.). *Bodendenkmalpflege in Mecklenburg-Vorpommern. Jahrbuch 1993*. Lübstorf: Landesamt für Bodendenkmalpflege Mecklenburg-Vorpommern und Archäologisches Landesmuseum, 1994. S. 215–227.
- Niilisk et al. 2017 — *Niilisk A., Ritslaid P., Kikas J., Haak A., Mäesalu A.* Elemental and Raman investigation of 13th–14th and 16th century enameled glass beakers found in Estonia // *Journal of Archaeological Science*. 2017. Reports 16. P. 205–212.
- Nölke 1997 — *Nölke A.* Glasmalerei im Kleinformat: Ein emailbemalter Becher des Hochmittelalters aus Münstertal // *Denkmalpflege in Baden-Württemberg*. 1997. Bd. 26, 1. S. 17–22.
- Pánová et al. 2020 — *Pánová K., Rohanová D., Randáková S.* Modeling of Bohemian and Moravian glass recipes from Gothic to Baroque periods // *Heritage Science*. 2020. Vol. 8, 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://heritagesciencejournal.springeropen.com/track/pdf/10.1186/s40494-020-00459-z.pdf> (дата обращения 29.05.2021).
- Pause 1993 — *Pause C.* The origin of the enamelled beakers and colourless ribbed vessels of the 13th and 14th centuries north of the Alps // *Rivista della Stazione Sperimentale del Vetro*. 1993. Vol. 23, 5. P. 235–241.
- Schalm et al. 2007 — *Schalm O., Janssens K., Wouters H., Caluwé D.* Composition of 12–18th century window glass in Belgium: Non-figurative windows in secular buildings and stainedglass windows in religious buildings // *Spectrochimica Acta Part B: Atomic Spectroscopy*. 2007. Vol. 62. P. 663–668.
- Schüßler, Wilde 2016 — *Schüßler U., Wilde M.* Chemische Zusammensetzung ausgewählter Glasfunde aus der Altstadt von Lübeck // *Steppuhn P.* *Mittelalterliche und frühneuzeitliche Glasfunde aus der Altstadt von Lübeck*. Rahden-Westfalen: Verlag Marie Leidorf GMBH, 2016. S. 390–406 (Lübecken Schriften zu Archäologie und Kulturgeschichte. Bd. 30).
- Sedláčková et al. 2016a — *Sedláčková H., Rohanová D., Lesák B., Šimončíčová Košová P.* Late Gothic and Early Renaissance Glass from Bratislava, ca. 1450–1550 // *Památky archeologické*. 2016. Vol. 107. P. 353–394.
- Sedláčková et al. 2016b — *Sedláčková H., Rohanová D., Charvátová I., Tošnerová B.* Renaissance and Baroque Glass from the Central Danube Region. Brno: Archaia Brno o. p. s., 2016. 333 s.
- Steppuhn 2014 — *Steppuhn P.* Emailbemalte Gläser des 13./14. Jahrhunderts aus der Altstadt von Lübeck // Falk A., Müller U., Schneider M. (Hrsg.). *Lübeck und der Hanseraum. Beiträge zu Archäologie und Kulturgeschichte. Festschrift für Manfred Gläser*. Lübeck: Verlag Schmidt-Römhild, 2014. S. 193–206.
- Stern, Gerber 2004 — *Stern W. B., Gerber Y.* Potassium-Calcium Glass: New Data and Experiments // *Archaeometry*. 2004. Vol. 46, 1. P. 137–156.
- Stern, Gerber 2009 — *Stern W. B., Gerber Y.* Ancient Potassium-Calcium Glass and its Raw Materials (Wood-Ash, Fern-Ash, Potash) in Central Europe // *Mitteilungen der Naturforschenden Gesellschaften beider Basel*. 2009. Vol. 11. P. 107–122.
- Venegoni 2012 — *Venegoni L.* A Medieval Enameled Beaker from the Staryi Krym Area (Eastern Crimea, Ukraine) // *JGS*. 2012. Vol. 54. P. 253–256.
- Verità 1995 — *Verità M.* Analytical Investigation of European Enameled Beakers of the 13th and 14th Centuries // *JGS*. 1995. Vol. 37. P. 83–98.

- Verità 1998 — *Verità M.* Analyses of early enamelled Venetian glass: a comparison with Islamic glass // Ward R. (red.). *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East*. London: British Museum Press, 1998. P. 129–134.
- Verità, Zecchin 2009 — *Verità M., Zecchin S.* Thousands years of Venetian glass: the evolution of chemical composition from the origins to the 18th century // Janssens K., Degryse P., Cosyns P., Caen J., Van't Dack L. (eds.). *Annales du 17e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (Antwerp 3–10 septembre 2006)*. Antwerp: University Press Antwerp, 2009. P. 602–613.
- Vyšohlíd, Žegklitz 2016 — *Vyšohlíd M., Žegklitz J.* O malované číši staroměstského hrncířského cechmistra Mikuláše Měřilouky // *Archeologie západních Čech*. 2016. Čís. 10. S. 201–212.
- Wainwright et al. 2012 — *Wainwright I. N. M., Taylor J. M., Harley R. D.* Lead Antimonate Yellow // Feller R. L. (ed.). *Artists' Pigments: A Handbook of Their History and Characteristics*. Vol. 1. Washington: National Gallery of Art; London: Archetype Publications, 2012. P. 219–254.
- Wedepohl 2000 — *Wedepohl K. H.* The change in composition of medieval glass types occurring in excavated fragments from Germany // *Annales du 14e Congrès de l' Association Internationale pour l'Histoire du Verre (Italia, Venezia — Milano, 1998)*. Lochem: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, 2000. P. 253–257.
- Wedepohl et al. 2011 — *Wedepohl K. H., Simon K., Kronz A.* Data on 61 chemical elements for the characterization of three major glass compositions in Late Antiquity and the Middle Ages // *Archaeometry*. 2011. Vol. 53, 1. P. 81–102.
- Wedepohl, Simon 2010 — *Wedepohl K. H., Simon K.* The Chemical Composition of Medieval Wood Ash Glass from Central Europe // *Chemie der Erde — Geochemistry*. 2010. Vol. 70. P. 89–97.
- Wypyski 2009 — *Wypyski M. T.* Technical study of Renaissance Venetian enameled glass // Janssens K., Degryse P., Cosyns P., Caen J., Van't Dack L. (eds.). *Annales du 17e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre (Antwerp 3–10 septembre 2006)*. Antwerp: University Press Antwerp, 2009. P. 529–535.
- Zecchin 1969 — *Zecchin L.* Un decoratore di vetri a Murano alla fine del duecento // *JGS*. 1969. Vol. 11. P. 39–42.
- Zecchin 1970 — *Zecchin L.* Furnaci Muranesi fra il 1279 ed il 1290 // *JGS*. 1970. Vol. 12. P. 78–83.
- Zlámálová Cílová 2014 — *Zlámálová Cílová Z.* Chemické složtní skel // Žďárská A. *Středověké sklo z Prahy*. Praha: Národní památkový ústav, 2014. S. 139–156 (*Archeologické Prameny k Dějinám Prahy*. 7).

POLYCHROME PAINTED WEST EUROPEAN GLASS VESSEL FROM RURIKOVO GORODISHCHE

A. V. PLOKHOV, K. S. CHUGUNOVA

Keywords: *Rurikovo Gorodishche, medieval and early modern time glass and enamel, “Aldrevandini group”, “Bohemian” glass, chemical composition, electron probe microanalysis.*

The excavations at Rurikovo Gorodishche yielded two similarly looking small fragments of a vessel or vessels (fig. 1). In their outer appearance, decor and wall thickness they resemble the “Aldrevandini group” pottery, which has led to a hypothesis of their Venetian origins. The analysis of the chemical composition of glass and polychrome enamel of one of the fragments (табл. 1,

fig. 2; 3), carried out at the Department of Scientific and Technological Expertise of the State Hermitage Museum, confirmed it was manufactured in West Europe. In all likelihood, the vessel was produced using the “renaissance technology” somewhere north of Alps (Bohemia, Moravia). The presence of enamel painting, the skill of which was first mastered by Czech artisans in the middle of the XVI c., is indicative of a relatively late date of the fragment. Taking into account some peculiarities of the chemical composition of the fragment, characteristic of the glass produced in accordance with the “Gothic formula”, the arrival of the polychrome “Bohemian” vessel to the banks of the Volkhov can probably be dated to the second half of the XVI c.

ТКАНИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА, ВЫРАБОТАННЫЕ В ТЕХНИКЕ ПЕРЕБОРА (ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

М. М. САВЕНКОВА¹

Ключевые слова: *средневековый Новгород, археологический текстиль, текстильные технологии, конструкция переплетения, ткачество поясов, нит, сволочок.*

Статья посвящена одному из видов текстильных находок, обнаруженных при археологических раскопках в Великом Новгороде. Впервые исследуется технология изготовления узорных поясов, выполненных в технике перебора. Для создания узора в этой технике нити поднимаются (перебираются) руками в определенной последовательности. Каждый образовавшийся зев фиксируется уточной нитью. В статье реконструируются способы создания технологического орнамента, получаемого непосредственно в процессе ткачества, рисунок которого определяется конструкцией переплетения ткани. В исследовании используется прием сопоставления археологических находок текстильных инструментов с фрагментами текстиля. Выделяются инструменты для ткачества XIV в. — катушки-сволочки (рис. 1, 1–3). Описываются различные способы заправки цветных нитей на сволочок для получения узоров на поясах (рис. 2, 1–4). Для реконструкции тканей переплетений саржа 2/2, 3/3, 3/1 создаются схемы переплетений (рис. 2, 8; 3, 4, 8). На основе созданных схем реконструируется изготовление, выполняются текстильные образцы (рис. 2, 5, 6; 3, 3, 7). В результате технологического эксперимента было выяснено, что для ткачества поясов саржевого переплетения удобнее использовать гребень. Анализ характеристики шерстяных нитей в изделиях указывает на их местное производство. На основе проведенного исследования сделан вывод о единстве технологий ткачества поясов и текстиля, выработанного на горизонтальном ткацком станке, в XIII–XIV вв. в Великом Новгороде.

DOI: 10.31600/2310-6557-2021-25-121-129

Среди многочисленных археологических находок деревянных изделий в Великом Новгороде были выявлены инструменты для ткачества — нит, или сволочок, представляющие собой деревянные катушки. Технология изготовления поясов на сволочке хорошо известна по этнографическим материалам и описана исследователями (Тетютцкая 2004: 8–9; Осипова 2009: 158–161). Е. И. Осипова называет этот способ выработки текстиля в Новгороде ткачеством на колодочке. Колодочка, представляющая собой цилиндрическую палочку, есть не что иное как упрощенной формы сволочок. В отличие от колодочки катушка более компактна и удобна в работе. Сволочки, обнаруженные при археологических раскопках в культурных слоях XIV в. Троицкого и Кировского

¹ Факультет искусств и художественного образования, Воронежский гос. пед. университет, г. Воронеж, 394043, Россия.

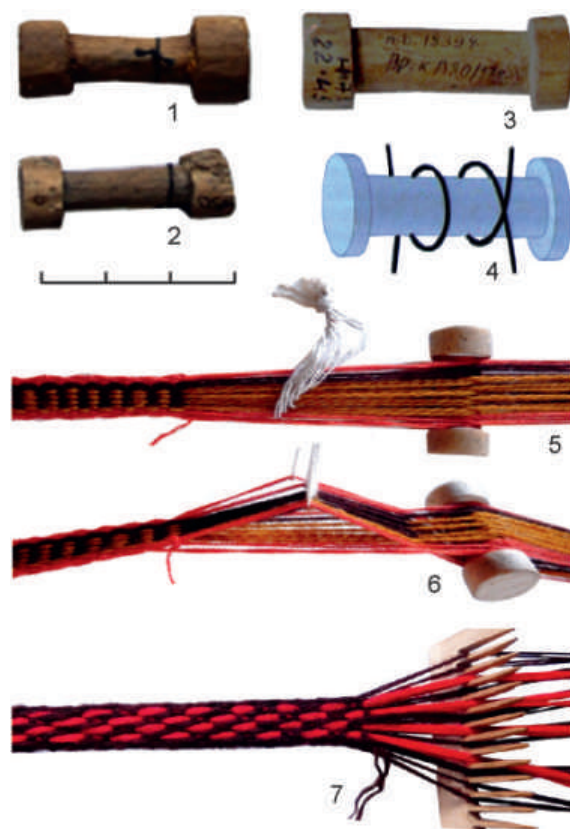

Рис. 1. 1–3 — сволочки, найденные в Новгороде (1 — Н-87, раскоп Троицкий-VIII, западная траншея, № 6; 2 — Н-87, раскоп Троицкий-VIII, 13/754, № 50; 3 — Н-72, раскоп Кировский, 22/45); 4 — снование сволочка; 5, 6 — процесс ткачества на сволочке; 7 — процесс ткачества на гребне

Fig. 1. 1–3 — *svolochyoks* found in Novgorod (1 — Н-87, Troitsky-VIII excavation, western trench, No. 6; 2 — Н-87, Troitsky-VIII excavation, 13/754, No. 50; 3 — Н-72, Kirovsky excavation, 22/45); 4 — base of a *svolochyok*; 5, 6 — process of weaving on a *svolochyok*; 7 — process of weaving on a comb

раскопов (рис. 1, 1–3), имеют соответственно длину 35, 33, 53 мм и диаметр широкой части — 12, 11, 17 мм. Длины рабочих частей катушек, предназначенных для размещения нитей, равны 20, 20, 35 мм, что соответствует ширине археологических находок фрагментов поясов. Диаметр рабочей части — 7, 6, 11 мм. Разница между размерами краев сволочка и его центральной части достаточна для того, чтобы нити основы в процессе ткачества не соскальзывали с приспособления, и в то же время позволяет образовывать зев — промежуток между четными и нечетными нитями основы, необходимый для прокидывания нити утка.

Перед началом работы требуется заправить нити основы на инструмент. Снование основы происходит следующим образом: сволочок обкручивают нитями попеременно верхним и нижним переплетом. Нижний переплет выполняется следующим образом: нить заводится под сволочок, оборачивает его и выводится снизу. Верхний переплет: нить прокладывается над сволочком, оборачивает его и выводится сверху. Переплеты чередуются: верхний и нижний до конца снования пояса, образуя первый зев (рис. 1, 4, 5). Нижние нити подвязываются нитченками — нитяными петельками. Второй зев образуется при подъеме нижних нитей вверх (рис. 1, 6). Процесс ткачества на ниту заключается в попеременном перемещении ниток верхнего слоя вниз, а нижнего — вверх, каждая смена зева фиксируется уточной нитью. В результате получается текстиль полотняного переплетения. В процессе работы сволочок передвигается двумя руками вращательными движениями от ткача.

В результате анализа археологических текстильных находок были выявлены изделия, изготовленные при помощи сволочка. Простейшие узорные пояса из Новгорода выполнены путем последовательной заправки цветных нитей на сволочок. Технологический орнамент, получаемый непосредственно от заправки, образует рисунки горизонтальными и продольными полосами (рис. 2, 1, 2), но использовались варианты и более сложных узоров (рис. 2, 3, 4).

Цветовая гамма изделий довольно скупа. Она основана на применении нитей натуральных цветов шерсти: коричневого, черного и светло-бежевого. В нескольких изделиях визуально определяется наличие красного красителя в кромке ткани. Для всех

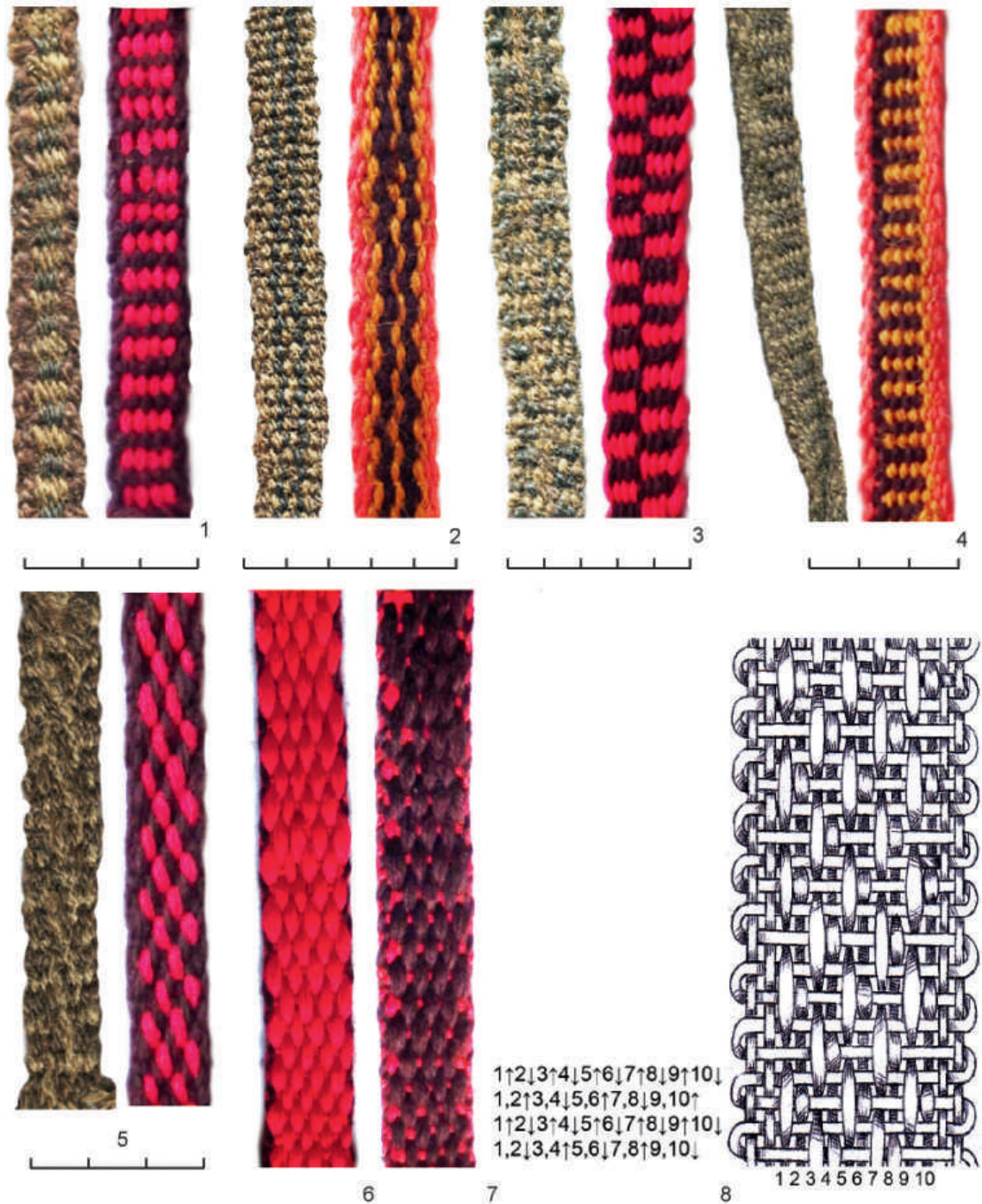

Рис. 2. Пояса в технике перебора: 1–5 — Новгород (1 — Н-53, раскоп Неревский, 11/500, № 9619; 2 — Н-78, раскоп Дубошин, 24/18, № 66; 3 — Н-73, раскоп Кировский, 27/59, № 3; 4 — Н-78, раскоп Дубошин, 25/22, № 73; 5 — Н-87, раскоп Троицкий-IX, +1/846, № 209); 6, 7 — лицевая и изнаночная стороны пояса переплетения саржа 3/1, 1/3; 8 — схема и порядок переплетения пояса саржа 3/1, 1/3

Fig. 2. Belts produced with the use of pick over technique: 1–5 — Novgorod (1 — Н-53, Nereva excavation, 11/500, No. 9619; 2 — Н-78, Duboshin excavation, 24/18, No. 66; 3 — Н-73, Kirovsky excavation, 27/59, No. 3; 4 — Н-78, Duboshin excavation, 25/22, No. 73; 5 — Н-87, Troitsky-IX excavation, +1/846, No. 209); 6, 7 — face and back sides of a twill belt, 3/1 and 1/3 twill weave; 8 — scheme and sequence of twill 3/1 and 1/3

поясов использованы нити в два сложения (крутка S), состоящие из одинарных нитей (крутка Z). В некоторых изделиях кроме шерстяных нитей применялись и растительные, которые на данный момент почти полностью утрачены (табл. 1, № 5). В основном число нитей основы в изделиях невелико — 10–14. В самых широких поясах (30–38 мм) оно достигает 24. Тонина нитей — от 0,8 до 2,0 мм, неравномерна в одном изделии (от 1,2 до 1,8 мм) и в одной нити (от 0,8 до 1,2 мм). Грубый материал низкого качества с большой вероятностью указывает на местное производство тканей.

Таблица 1

Пояса в технике полотняного переплетения

№ п/п	Раскоп	Год находки	Пласт/ярус	Квадрат	№ находки
1	Неревский	1952	15	126	11037
2	Неревский	1953	11	500	9619
3	Неревский	1955	9	12944	10194
4	Неревский	1955	9	1227	59
5	Неревский	1956	19	1289	89
6	Ильинский I В	1962	11	70	13/666
7	Ильинский II-Г	1963	16	123	28
8	Ильинский II-Г	1964	27	123	43
9	Готский	1968	13	3	8
10	Кировский	1973	27	59	3
11	Кировский	1973	26	44	39
12	Кировский	1973	28	16	13
13	Дубошин	1978	25	24	80
14	Дубошин	1978	25	22	73
15	Дубошин	1978	24	18	66
16	Дубошин	1978	24	10	51
17	Дубошин	1978	10	32	8
18	Троицкий	1977	23	243	40
19	Троицкий V	1979	1–5	Сев. тр.	21
20	Нутный	1979	13	67	66
21	Нутный	1981	31	76	1
22	Троицкий VII	–	2	575	23
23	Троицкий VIII	1984	1	774	32
24	Троицкий VIII	1984	2	774	9
25	Троицкий IX	1987	+4	872	33
26	Троицкий IX	1988	+2	899	208
27	Троицкий IX	1989	1	918	144
28	Троицкий IX	1989	+2	983	86
29	Троицкий X	1990	4	1171	118
30	Троицкий XIII-Г	–	2	1813	50

Рисунок изделия с горизонтальными полосами, обнаруженного на Неревском раскопе в культурном слое XIV в. (рис. 2, 1; табл. 1, № 2), образован путем снования

нитей в следующем порядке: одна черная, одна светлая, одна черная, одна светлая и так далее до конца изделия. Кромочные нити по две с каждого края изделия на данный момент имеют красно-коричневый оттенок.

Пояс с Дубошина раскопа XIII в. и Троицкого XIII-Г XIV в. (рис. 2, 2; табл. 1, № 15, 30) с орнаментом в продольную полоску имеет следующую заправку нитей основы: две кромочные красно-коричневые; две светло-бежевые; две черные; две светло-бежевые; две черные; две светло-бежевые; две кромочные красно-коричневые. Аналогичный рисунок имеет пояс с Кировского раскопа (табл. 1, № 11), его заправка: три кромочные нити коричневые, две черные, две коричневые, две черные, три коричневые кромочные. Ширина изделий — 15–16 мм.

Пояс с Кировского раскопа XIII в. (рис. 2, 3; табл. 1, № 10) имеет более сложный рисунок, в каждом ряду наверх выходит половина черных нитей и половина светлых. В заправке одна половина — четные нити черные, нечетные — светлые; другая половина — четные светлые, нечетные — темные: две кромочные нити коричневые; одна черная, одна светлая, одна черная, одна светлая, одна черная, одна светлая, одна черная, одна черная, одна светлая, одна черная, одна светлая, одна черная, одна светлая, одна черная, две кромочные коричневые. Ширина пояса — 20 мм.

Пояс с Дубошина раскопа XIV в. с несимметричным рисунком (рис. 2, 4; табл. 1, № 14) имеет заправку: две нити кромочные коричневые, две нити черные, одна светлая, одна черная, одна светлая, одна черная, одна светлая, одна черная, две светлые, две кромочные коричневые. Ширина изделия — 15 мм.

Узкий поясок с Готского раскопа (табл. 1, № 9) шириной 10 мм с рисунком темными штрихами на светлом фоне имеет заправку: две кромочные, две светлые, одна темная, две светлые, одна темная, две светлые, две кромочные.

Путем несложного чередования в заправке нитей двух цветов получали различные варианты узоров поясов. 27 изделий из различных археологических раскопов Новгорода выполнены способом полотняного переплетения, которое носит название основной репс, так как в структуре ткани за перекрытиями основных нитей не видно нитей утка.

Всего несколько изделий простейшего полотняного переплетения было выполнено без узора из нитей коричневого цвета. Пояса без рисунка, выполненные переплетением типа «рогожка», встречены на раскопах Ильинский II-Г и Троицкий V в слое XIV в., а также на Кировском раскопе в слое XIII в. (табл. 1, № 8, 9, 12). В основе используются две нити в два сложения (S-ZZ крутка), в утке — одинарная нить (Z крутка). Парное соединение нитей основы обеспечивает свойства поверхности ткани в виде фактурных квадратиков.

Более сложную технику изготовления имеют пояса саржевого переплетения 2/2 и 3/3. Края этих изделий, состоящие из 2–4 кромочных нитей основы, имеют обычное полотняное переплетение. Середина пояса имеет более фактурное и объемное плетение. Возможно, данное свойство было связано с особенностями использования. Для того чтобы при эксплуатации узкий пояс не скручивался, усиливалась его срединная часть. При реконструкции процесса изготовления изделий удалось выяснить, что для удобства перебора нитей в качестве приспособления лучше сволочка подходит гребень (рис. 1, 7). Подвязывание ниченок для раскрытия каждого нового зева нецелесообразно, в связи с небольшим количеством нитей основы и постоянно меняющимся количеством перебираемых нитей. В археологическом материале было выявлено шесть изделий переплетения саржа 2/2 с рисунком диагональ.

Пояс с Троицкого IX раскопа из культурного слоя XIV в. (рис. 2, 5; табл. 2, № 4) имеет в кромке полотняное переплетение 1/1, в узоре заправка: одна светлая нить, одна темная нить и т. д. по всему количеству нитей. Всего использовано 10 узорных нитей. Для реконструкции текстиля была создана схема переплетения (рис. 3, 4). На схеме первый ряд находится внизу, при ткачестве — ближе к ткачу, последний — наверху. Узор имеет четыре ряда последовательности подъема нитей в 33 раппорте, которые в результате образуют узор диагональ. В 1-м ряду наверх поднимаются пары нитей 1 и 2, 5 и 6, 9 и 10. Во 2-м ряду наверх поднимаются нити 2 и 3, 6 и 7, 10. В 3-м ряду поднимаются нити 3 и 4, 7 и 8. В 4-м ряду поднимаются нити 1, 4 и 5, 8 и 9. Затем раппорт поднятия нитей повторяется с первого ряда. Ширина пояса — 22 мм.

Таблица 2

Пояса в технике переплетения саржа 2/2 с рисунком диагональ

№ п/п	Раскоп	Год находки	Пласт/ярус	Квадрат	№ находки
1	Неревский	1953	5	707	9633
2	Торговый	1971	24	23	25
3	Дубошин	1978	26	16	12
4	Троицкий IX	1989	+1	846	209
5	Троицкий IX	1989	+1	915	206
6	Троицкий IX	1990	3	966	52

15 текстильных находок изделий, выполненных в технике перебора, имеют рисунок зигзаг. Выполнение узора зигзаг в поясах отличается от рисунка диагональ тем, что в определенный момент, через равное количество рядов, последовательность подъема нитей основы меняется в обратном порядке. Таким образом раппорт переплетения увеличивается. В местах поворотов переплетение выполняется через три и одну нить. Заправка в рисунке: одна темная нить, одна светлая по количеству нитей основы. Пояса с Ильинского раскопа XIV в. и Нутного раскопа XIII в. (рис. 3, 1, 2; табл. 4, № 14) выполнены из темных и светлых нитей с четким зигзагообразным узором. Для большей наглядности при реконструкции были использованы нити более контрастных цветов (рис. 3, 3). Раппорт поднятия нитей составляет 17 рядов (рис. 3, 4). В 1-м ряду наверх поднимаются нити 1 и 2, 5 и 6, 9 и 10. Во 2-м ряду наверх поднимаются нити 2 и 3, 6 и 7, 10. В 3-м ряду поднимаются нити 3 и 4, 7 и 8. В 4-м ряду поднимаются нити 1, 4 и 5, 8 и 9. В 5-м ряду наверх поднимаются пары нитей 1 и 2, 5 и 6, 9 и 10. В 6-м ряду наверх поднимаются нити 2 и 3, 6 и 7, 10. В 7-м ряду поднимаются нити 3 и 4, 7 и 8. В 8-м ряду поднимаются нити 1, 4 и 5, 8 и 9. 9-й ряд является поворотным, поднимаются нити 1 и 2, 5 и 6, 9 и 10. Начиная с этого ряда, работа ведется в обратной последовательности: 8-й ряд, 7-й ряд, 6-й ряд, 5-й ряд, 4-й ряд, 3-й ряд, 2-й ряд. Затем раппорт поднятия нитей повторяется с 1-го ряда. Ширина изделий — 19, 25 мм.

Второй способ выполнения рисунка зигзаг представлен в тканях с Неревского раскопа XII и XIII вв. (рис. 3, 5–7; табл. 3, № 1, 2), имеющих переплетение саржа 3/3, в местах поворота рисунка переплетение выполняется через четыре, три и одну нить. Раппорт поднятия нитей составляет 16 рядов (рис. 3, 8). В 1-м ряду наверх поднимаются нити 1, 3, 5, 6, 8, 10. Во 2-м ряду наверх поднимаются нити 1, 3, 4, 6, 8. В 3-м ряду поднимаются нити 1, 2, 4, 6, 9. В 4-м ряду поднимаются нити 2, 4, 7, 9. В 5-м ряду 2, 5, 7,

Рис. 3. Пояса в технике перебора: 1, 2, 5, 6 — Новгород (1 — Н-63, раскоп Ильинский-IA, 15/18, № 62; 2 — Н-80, раскоп Нутный, 22/34, № 33; 5 — Н-55, раскоп Неревский, 16/871; 6 — раскоп Неревский, 18/1259); 3, 7 — реконструкция пояса с рисунком зигзаг; 4 — схема и порядок переплетения пояса в технике перебора с орнаментом зигзаг саржа 2/2; 8 — схема и порядок переплетения пояса саржа 3/3 с орнаментом зигзаг

Fig. 3. Belts produced with the use of pick over technique: 1, 2, 5, 6 — Novgorod (1 — H-63, Il'insky-IA excavation, 15/18, No. 62; 2 — H-80, Nutnyi excavation, 22/34, No. 33; 5 — H-55, Nereva excavation, 16/871; 6 — Nereva excavation, 18/1259); 3, 7 — reconstruction of a belt with a zigzag pattern; 4 — scheme and sequence of twill 2/2 with a zigzag pattern; 8 — scheme and sequence of twill 3/3 with a zigzag pattern

9, 10. В 6-м ряду 3, 5, 7, 8, 10. В 7-м ряду 1, 3, 5, 6, 8, 10. В 8-м ряду поднимаются нити 1, 4, 6. В 9-м ряду поднимаются нити 1, 3, 5, 6, 8, 10. В 10-м ряду поднимаются нити 2, 3, 5, 7, 8, 10. В 11-м ряду поднимаются нити 2, 5, 7, 9, 10. В 12-м ряду поднимаются нити 2, 4, 7, 9. В 13-м ряду поднимаются нити 1, 2, 4, 6, 9. В 14-м ряду поднимаются нити 1, 3, 4, 6, 8. В 15-м ряду поднимаются нити 1, 3, 5, 6, 8, 10. В 16-м ряду поднимаются нити 5, 7, 8, 10. Затем раппорт поднятия нитей повторяется с 1-го ряда.

Таблица 3

Пояса в технике переплетения саржа 2/2 с рисунком зигзаг

№ п.п.	Раскоп	Год находки	Пласт/ярус	Квадрат	№ находки
1	Неревский	1955	16	871	Б/н
2	Неревский	1956	18	1244	21
3	Неревский	1957	19	629	9
4	Ильинский IA	1963	15	18	62
5	Ильинский	1966	28	29	6
6	Ильинский	1966	11	295	–
7	Дубошин	1978	24	9	63
8	Дубошин	1978	19	3	8
9	Троицкий V	1976	5	299	17
10	Троицкий VIII	1986	3–4	Сев. тр.	19
11	Троицкий VIII	1986	4	781	7
12	Троицкий IX	1990	3	966	52
13	Троицкий X	1988	+5	1045	65
14	Нутный	1980	22	34	33
15	Нутный	1980	17	15	19

Изделие с Троицкого раскопа из культурного слоя XIII в. в технологическом плане отличается от остальных текстильных находок (Троицкий-IV-78 12/286 № 32) — четные нити основы имеют переплетение саржа 3/1, нечетные — 1/3. На схеме переплетения (рис. 2, 8) видно, что при такой заправке четные нити основы образуют лицевую сторону изделия, нечетные — изнаночную. Для наглядности при реконструкции два слоя ткани (лицевой и изнаночный) представлены нитями разного цвета (рис. 2, 6, 7). Раппорт поднятия нитей состоит из четырех рядов. В 1-м ряду нити поднимаются парами — 3 и 4, 7 и 8. Во 2-м ряду поднимаются нечетные нити: 1, 3, 5, 7, 9. В 3-м ряду поднимаются пары нитей: 1 и 2, 5 и 6, 9 и 10. Четвертый ряд выполняется аналогично второму. Затем последовательность поднятия нитей повторяется с 1-го ряда. Полученный двухслойный текстиль не является чем-то исключительным для Новгорода. Новгородские двухосновные узорные ткани оригинальной технологии были ранее исследованы (Савенкова 2013).

Техника перебора, так же как и браное ткачество, была широко распространена у славянских народов. В этнографии браные узоры применяли для украшения предметов быта и деталей одежды. Ткани с простейшими узорами Новгорода, выполненные на сволочке, имеют аналоги в этнографическом материале. Технология изготовления поясов в технике перебора 2/2, 3/3, 3/1, так же как и некоторые ранее исследованные способы, не находит параллелей в этнографическом материале.

Грубые шерстяные нити неравномерной крутки, использованные для ткачества поясов, указывают на их местное производство. Вид переплетения, наряду с материалом нитей, является одной из важнейших характеристик строения ткани, определяющих территорию изготовления. Можно заключить, что в ткачестве поясов XII–XIV вв. саржевого переплетения использовались те же приемы, что и на горизонтальном ткацком станке в Новгороде этого периода.

Литература

- Осипова 2009 — *Осипова Е. И.* Ткачество. Новгородские традиции и современность. Искусство и ремесло. М.: Художественная школа, 2009. 216 с.
- Савенкова 2013 — *Савенкова М. М.* Ткани-рядинки (по материалам раскопок Новгорода) // НиНЗИиА. 2013. Вып. 27. С. 220–228.
- Тетюцкая 2004 — *Тетюцкая Л. В.* Ткачество поясов на нуту (сволочке). Новосибирск: Книжка, 2004. 20 с. (Библиотека сибирской старины).

MEDIEVAL NOVGOROD TEXTILES MANUFACTURED WITH THE USE OF PICK OVER TECHNIQUE (TECHNOLOGICAL ANALYSIS)

M. M. SAVENKOVA

Keywords: *Medieval Novgorod, archaeological textiles, textile technologies, fabric interlacing structure, belt weaving.*

The paper is devoted to a particular group of textiles found in the course of archaeological excavations in Veliky Novgorod. The technology of belt manufacture with the use of pick over technique is studied for the first time. To produce a weave in this technique the threads are lifted (picked over) by hands in a certain order. Each new shed is fixed with a weft thread. The author reconstructs how the technological ornament, whose pattern was predetermined by the fabric interlacing structure, could have been created directly in the course of weaving. In doing so she compares archaeologically known textile devices with textile fragments. So called spools-*svolochyoks* (fig. 1, 1–3) are identified among the weaving devices of the XIV c. Various ways of threading used to produce patterns on fabric are described (fig. 2, 1–4), as well as schemes of interlacing (fig. 2, 8; 3, 4, 8). These schemes serve as a basis for reconstructing manufacturing processes and for replicating textile specimens (fig. 2, 5, 6; 3, 3, 7). As a result of technological experiments, the author comes to the conclusion that the most convenient way to weave twill belts is to use a comb. The analysis of wool threads points to their local production.

НАХОДКА РОГОВОГО ИЗДЕЛИЯ СО ЗНАКАМИ РЮРИКОВИЧЕЙ ИЗ РАСКОПОК НА ЗАВЕЛИЧЬЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПСКОВА В 2019 ГОДУ

С. А. САЛМИН, Е. В. САЛМИНА¹

Ключевые слова: *Древняя Русь, Псков, изделие из рога, знаки Рюриковичей.*

В ходе работ на Ольгинском-9 раскопе в 2019 г. во Пскове был обнаружен роговой предмет с нанесенными на него изображениями «знаков Рюриковичей». находка происходит из слабостратифицированных отложений, относящихся к первому периоду заселения псковского Завеличья (до начала XIII в.). Основное изображение на лицевой стороне имеет сходство со знаком, интерпретируемым С. В. Белецким как личный знак Изяслава Владимировича, и может быть в этом случае связано с полоцкой ветвью династии Рюриковичей. Двухзубец на боковой стороне предмета изображен схематично, что не позволяет соотнести его с конкретным историческим лицом.

DOI: 10.31600/2310-6557-2021-25-130-134

Археологические раскопки в северной части Завеличья средневекового Пскова в 2019–2020 гг. производились на площадке строительства нового здания и прокладки коммуникаций к нему. Большая часть пятна застройки пришлась на русло оврага (бывшего рукава р. Великая, засыпанного в 1960–1970-е гг.) и на южную часть «островка», где культурный слой не сохранился, а возможно, и не сформировался из-за постоянного смыва. Сохранившийся культурный слой был обнаружен только на небольшой площади (Ольгинский-9 раскоп, 105 м²) в южной части площадки планируемого строительства. На сегодняшний день работы остановлены, поскольку обнаруженный на части площади раскопа комплекс каменных построек предположительно интерпретируется как руины зданий Немецкого/Шведского гостиного двора и должен быть сохранен, что требует пересмотра проекта сети прокладываемых коммуникаций.

Характеризуемый раскоп располагался на южном берегу оврага — старицы р. Великая. Ближайшими к нему Ольгинские-1–3 раскопы 2006 г. показали, что этот участок активно заселялся по крайней мере с рубежа XI–XII вв. и в XII в. представлял собой элитный городской район с регулярной застройкой, по которому проходила мощеная улица (дорога), шедшая от Пароменья в западном направлении (Салмина, Салмин 2010). Развитие этого района прерывается в первой четверти XIII в., скорее всего в связи с набегом саккальских эстов Лембита Леальского в феврале 1212 г. (Генрих Латвийский

¹ С. А. Салмин — Археологический центр Псковской обл., г. Псков, 180006, Россия; Е. В. Салмина — Псковский ГУ, лаборатория социогуманитарной регионики, г. Псков, 180000, Россия.

2009: 138). Из этих раскопов получена богатая вещевая коллекция, относящаяся к XI–XIII вв. Зафиксированы следы разграбления и сожжения деревянных построек.

Севернее этого участка, по данным Ольгинских-5–6 раскопов 2009 г., на территории бывшего «островка», образованного старицей р. Великая, в VIII–XI вв. существовало языческое капище, окончательно прекратившее существование в начале XII в. В XIII в. на его месте возникает девичий Ильинский монастырь. Вторичное заселение рассматриваемой территории происходит во второй половине XIV в., и в дальнейшем городская застройка на этой территории существует непрерывно (Салмин, Салмина 2011; 2016; 2017).

На площади Ольгинского-9 раскопа были выявлены горизонты XII–XIII и XIV–XVII вв., содержащие плохо сохранившиеся постройки и ямы этих периодов. В частности, в восточной части раскопа были выявлены сооружения, предварительно интерпретируемые как остатки Немецкого/Шведского гостиного двора, существовавшего на Завеличье в XVII — начале XVIII в. (Юрасов 1997). В западной части, почти не затронутой хозяйственной активностью нового времени, были зафиксированы остатки двух жилых построек, погибших в пожаре, на основании керамического и вещевого материала датированных концом XII — началом XIII в.

Особенностью, в значительной мере затрудняющей датирование горизонтов из раскопов на этом участке Пскова, является крайне сухой глинистый грунт, формирующий почвенную основу культурных напластований. Свойства его состава обусловили как нахождение крупноразмерных артефактов одновременно в нескольких разновременных прослойках, так и вертикальное перемещение предметов относительно уровня их первоначального залегания — в период увлажнения глинистые отложения перемещались уже в процессе жизнедеятельности населения.

Рассматриваемое изделие (рис. 1) происходит из отложений, относящихся к первому периоду заселения территории (до начала XIII в.), однако не может быть убедительно связано ни с одним из более узко датированных комплексов.

Предмет изготовлен из лосиного рога низкого качества, уплощен с широких сторон, обломан в нижней части (условные «верх-низ» обозначаются в соответствии с ориентировкой основных изображений), обработан грубо, фиксируются следы обстругивания и опиливания. Зашлифованность поверхностей неравномерная, что позволяет предположить, что произошла она в процессе использования.

Размеры изделия: длина — 60,6 мм, ширина — 21,4–39,3 мм, толщина — 19,6–26,2 мм. В теле предмета имеется сверленный канал диаметром 7,5 мм, расширяющийся к нижней части до 24 мм. На задней части предмета есть отверстие диаметром 4,5 мм, соединяющееся с каналом. На лицевой части предмета имеется «недосверленное» отверстие диаметром 3,4 мм, нарушившее ножку основного изображения.

Вопрос о назначении предмета остается открытым. Несмотря на определенное сходство с роговыми гирями-кистнями, функциональное назначение которых недавно убедительно подтверждено С. Ю. Каиновым (Каинов 2018), наш предмет имеет иное сечение и выполнен из значительно более низкокачественного материала. Сходство с кистнями (Двуреченский 2015: 205–210; Йотов 2004: 109–114; Кирпичников 1966: 58–65, табл. XXX; 2000: 229–235, рис. 2; Медведев 1959: 137 и др.) также представляется нам весьма условным. «Уплощенный» экземпляр кистеня, близкий по пропорциям псковскому изделию, происходит из раскопок городища Вицин (Плавинский 2013: 42–43). Роговой кистень с изображениями двух знаков Рюриковичей, происходящий из раскопок храма на Минском замчище, особенно интересен для нас, однако,

Рис. 1. Псков, Ольгинский-9 раскоп, роговое изделие со знаками Рюриковичей (фото Р. Подгорной)

Fig. 1. Pskov, Olginsky-9 excavation, an antler object with symbols of the Rurikids (photo by R. Podgornaya)

к сожалению, опубликован без информации о сечении изделия (Белецкий 2000: 98, рис. 30; Лавыш, Барвенкова 2021: 275, 283, рис. 16).

Именно уплощенность изделия заставляет подвергнуть сомнению его отнесение к кистням. Шаровидные и грушевидные образцы (составляющие большинство в коллекциях) вполне доказуемо рассматриваются в качестве ударной части гибкого оружия, «уплощенные» же предметы, подобные псковской находке, не обладают характеристиками, необходимыми для нанесения точного и быстрого удара. Точно так же не слишком убедительно предположение об использовании органических, легко изменяющих свои весовые характеристики предметов в качестве разновесов (Холден 2009).

Несмотря на сомнения в возможности однозначной трактовки назначения псковской находки, изображения на ней представляют самостоятельную ценность.

На «лицевой» части предмета (рис. 1, а) нанесено изображение лировидного трезубца со скругленным основанием и центральным зубцом в виде равноконечного креста на поперечине, проходящей параллельно основанию на высоте, примерно равной половине длины зубца. Визуально присутствующая нижняя ветвь креста не является граффито, а представляет собой скол роговой поверхности, вызванный случайным повреждением. Концы креста подчеркнуты сверлеными точками диаметром около 1 мм, ветви креста прорезаны поверх точек. Представляется, что нанесение изображения креста предшествовало изображению основного трезубца. В нижней части знака сохранился одиночный рез, возможно представляющий собой часть изображения ножки трезубца. Если это предположение верно, ножка трезубца имела вид треугольника или трапеции широким основанием вниз. Однако утверждать это затруднительно, поскольку левая сторона гипотетического изображения уничтожена сверленным отверстием. На этой же поверхности, ниже охарактеризованного граффито, размещено изображение двузубца (?), расположенного перпендикулярно первому изображению. Двузубец имеет остроконечное

основание, зубцы — вероятно, по небрежности гравера — скошены вправо. Здесь же фиксируются начерки, не складывающиеся в однозначные фигуры.

На левой боковой поверхности нанесено изображение двузубца (рис. 1, б). Основание выполнено в форме неправильного четырехугольника, зубцы — в форме вогнутых рогов. Ниже фиксируются начерки, возможно остатки изображения креста, но эта часть поверхности сильно разрушена.

На обратной стороне присутствует только изображение креста, выполненное в той же манере, что и крест в составе трезубца на лицевой стороне (рис. 1, в). Сверленные углубления имеют диаметр около 2 мм.

Основное изображение на лицевой стороне имеет сходство со знаком, интерпретируемым С. В. Белецким как личный знак Изяслава Владимировича (Белецкий 2012: 434). Вместе с этим, согласно мнению С. М. Михеева, округлая форма основы трезубца на псковской находке делает его «не синонимичным» трезубцам с прямоугольными очертаниями (Михеев 2017: 17). Двузубец на боковой стороне предмета изображен схематично, что допускает слишком широкие толкования.

Способ размещения знаков на предмете и некоторые особенности их изображения имеют явное сходство с изображениями на упоминавшемся выше кистене с Минского замчища (Лавыш, Барвенова 2021: 275, 283, рис. 16). Как отмечается в цитируемой публикации, В. Р. Тарасенко и Л. В. Алексеев приписывали оба знака минскому князю Глебу Всеславичу (1101–1119) или одному из его ближайших родственников (Тарасенко 1957: 243, 245; Алексеев 1966: 254).

Подводя итоги, мы должны подчеркнуть, что настоящая публикация является предварительной, но преследует цели возможно более скорого привлечения к обсуждению всех заинтересованных специалистов. Кроме того, работы на участке нового строительства на псковском Завеличье будут неизбежно продолжены, что, возможно, позволит соотнести контекст охарактеризованной находки с одним из узкодатируемых комплексов.

Литература

- Алексеев 1966 — Алексеев Л. В. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX–XIII вв. М.: Наука, 1966. 296 с.
- Белецкий 2000 — Белецкий С. В. Знаки Рюриковичей. Часть первая: X–XI вв. СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2000. 120 с. (Исследования и музеификация древностей Северо-Запада. Вып. 2).
- Белецкий 2012 — Белецкий С. В. Древнейшая геральдика Руси // Повесть временных лет / Пер. с древнерусского Д. С. Лихачёва, О. В. Творогова. Комментар. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А. М. Введенского, Л. В. Войтовича. Ил. М. М. Мечева. СПб.: Вита Нова, 2012. С. 431–463.
- Генрих Латвийский 2009 — Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Рязань: Александрия, 2009. 351 с.
- Двуреченский 2015 — Двуреченский О. В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2014. 534 с.
- Йотов 2004 — Йотов В. Въръжението и снаряжението. От българското средновековие (VII–XI век). Варна: Абагар, 2004. 218 с.
- Каинов 2018 — Каинов С. Ю. Кистени или весовые гири? К попытке одной переатрибуции // Двуреченский О. В. (ред.). Военная археология: Сб. материалов научн. семинара. М.: ИА РАН, 2018. Вып. 4. С. 51–57.
- Кирпичников 1966 — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966. 147 с., 34 табл. (САИ. Вып. Е1-36).

- Кирпичников 2000 — *Кирпичников А. Н.* Булавы и кистени из коллекции И. Хойновского в собрании Музея Войска Польского // *АВ.* 2000. Вып. 7. С. 229–235.
- Лавыш, Барвенова 2021 — *Лавыш К., Барвенова А.* Храмовые погребения XI–XIV вв. на территории Беларуси как источник по реконструкции костюма элиты княжеств западной Руси // *Плавінскі М. А., Сідаровіч В. М. (ред.). Экспедыцыя працягласцю ў жыццё: Зборнік навуковых артыкулаў памяці А. Плавінскага.* Минск: Колорград, 2021. С. 267–290.
- Медведев 1959 — *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого // *Арциховский А. Е., Колчин Б. А. (ред.). Тр. НАЭ. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 2. С. 121–191 (МИА СССР. № 65).*
- Михеев 2017 — *Михеев С. М.* Княжеские печати с тамгами и атрибуция знаков Рюриковичей XI–XII вв. // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2017. № 4 (70). С. 17–41.
- Плавінскі 2013 — *Плавінскі М.* Узбраенне беларускіх земляу X–XIII стагоддзяу. Мінск: Галіяфы, 2013. 106 с.
- Салмин, Салмина 2011 — *Салмин С. А., Салмина Е. В.* Исследования Ильинского девичьего монастыря на Завеличье средневекового Пскова // *Янин В. Л. (ред.). Древности Пскова: Археология. История. Архитектура: К юбилею И. К. Лабутиной.* Псков: Стерх, 2011. Вып. 2. С. 58–81.
- Салмин, Салмина 2016 — *Салмин С. А., Салмина Е. В.* Сакральный комплекс на Завеличье средневекового Пскова: от капища к монастырю // *Вестник истории, литературы, искусства.* 2016. Т. 11. С. 16–38.
- Салмин, Салмина 2017 — *Салмин С. А., Салмина Е. В.* Реликвии из раскопок Ильинского девичьего монастыря в Пскове в 2008 г. // *Мусин А. Е. (отв. ред.-сост.). В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь Анны Песковой.* СПб.: НКТ, 2017. С. 525–535 (Тр. ИИМК РАН. Т. 48).
- Салмина, Салмин 2010 — *Салмина Е. В., Салмин С. А.* Новые открытия на Завеличье средневекового Пскова: поселение или город? // *Носов Е. Н., Белецкий С. В. (ред.). Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран.* М.: Ломоносовъ, 2010. Т. 2. С. 253–265.
- Тарасенко 1957 — *Тарасенко В. Р.* Древний Минск // *Корнейчик Е. И., Поликарпович К. М. (ред.). Материалы по археологии Белорусской ССР.* Минск: Изд-во АН Белорусской ССР, 1957. Т. 1. С. 182–257.
- Холден 2009 — *Холден Л. И.* Кистени или весовые гири. Переоценка функционального назначения известной категории находок // *Мусин А. Е. (сост.). Хорошие дни: Памяти А. С. Хорошева.* Великий Новгород; СПб.; М.: ЛеопАрт, 2009. С. 576–588.
- Юрасов 1997 — *Юрасов А. В.* К истории Немецкого-Шведского гостиного двора в Пскове в XVII веке // *Гарбузов Я. Н. (ред.). Метаморфозы истории.* Вена; СПб.; Псков: Возрождение, 1997. Вып. 1. С. 119–135.

ANTLER OBJECT WITH SYMBOLS OF THE RURIKIDS FOUND DURING THE EXCAVATIONS OF ZAVELICHIE, MEDIEVAL PSKOV, IN 2019

S. A. SALMIN, E. V. SALMINA

Keywords: *Old Rus, Pskov, antler object, symbols of the Rurikids.*

An antler object with symbols of the Rurikids was found at the Olginsky-9 excavation in Pskov in 2019. The find comes from weakly stratified sediments associated with the initial stage of human habitation at Zavelichie (before the beginning of the XIII c.). The main image on the obverse shows similarity with an image interpreted by S. V. Beletsky as the personal symbol of Izyaslav Vladimirovich, and may therefore be connected to the Polotsk branch of the Rurikids dynasty. The bident on the lateral side of the object is shown too schematically, which makes it impossible to associate it with a specific historical person.

КОЖАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ТВЕРСКОГО КРЕМЛЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 1979–1984 ГОДОВ)¹

А. В. КУРБАТОВ²

Ключевые слова: *Тверской кремль, хронология вещевого комплекса, кожаные изделия, последняя четверть XIII — первая половина XV в.*

Статья вводит в научный оборот более 300 предметов из кожи, найденных при раскопках 1979 и 1983–1984 гг. на территории Тверского кремля и ныне хранящихся в фондах Тверского государственного объединенного музея.

В настоящее время в научной литературе существуют два мнения относительно времени строительства Тверского кремля и датировки на этой территории древнейших культурных слоев городской застройки. Н. В. Жилина и А. Н. Хохлов настаивают на сложении застройки Тверского кремля не позднее середины XII в., тогда как В. А. Лапшин относит это явление ко второй половине или последней четверти XIII в. Исходя из этого, комплексы находок в слоях, содержащих органику, датируются с разницей в 100 лет и более.

Изучение кожаных изделий из раскопов 1 и 3 в Тверском кремле и сравнение их с коллекцией из раскопа Тверской кремль-11 определенно указывают на их бытование в одном хронологическом интервале — в последней четверти XIII — первой половине XV в.

DOI: 10.31600/2310-6557-2021-25-135-148

Введение

К настоящему времени опубликованы кожаные предметы из раскопок 1985 г. (Курбатов 1994а; 1994б) и 1993–1997 гг. (Курбатов 2004) на территории Тверского кремля. Но пока остаются невведенными в научный оборот материалы из раскопок 1979 и 1983–1984 гг., в которых собрано более 300 кожаных предметов (Жилина 1987).

Реальное количество предметов из кожи (включая обрезки от раскроя, а также обрезки и обрывки деталей), найденных при раскопках 1979 и 1983–1984 гг., остается неясным. Это исключает возможность оценки характера и интенсивности жизнедеятельности на изученной площади Тверского кремля.

В 1979 г. шурф площадью 25 м² (раскоп ТК-1 по принятой единой нумерации раскопов Тверского кремля или ПДШ-1 по первоначальной нумерации Н. В. Жилиной) был заложен (рис. 1) в 10 м к В от северо-восточного угла здания бывшего реального училища, ныне здания Тверского государственного объединенного музея (ТГОМ). Мощность слоя составляла 3,4 м. Влажный слой со щепой и навозом начался с глубины 2 м. Прослежены три яруса деревянных конструкций: на глубине 2,2–2,3 м — настил,

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0006 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

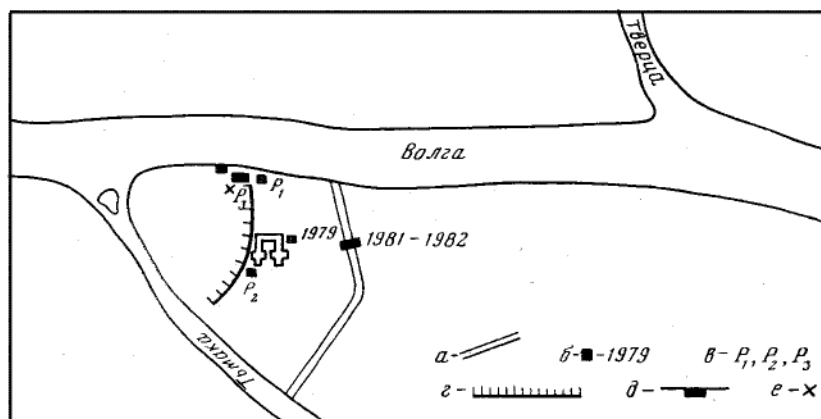

Рис. 1. Схема расположения раскопов Н. В. Жилиной 1979 и 1983–1984 гг. (по: Жилина 1987: рис. 1)
 Fig. 1. Location of N. V. Zhilina's trenches of 1979 and 1983–1984 (after Жилина 1987: fig. 1)

2,5–2,7 м — сруб и на глубине 2,85–3,00 м — частокол. Влажный слой в целом датирован концом XIII — XIV в. (Лапшин 2001: 14–15). В нем было найдено несколько десятков кожаных изделий и деталей, переданных на хранение в фонды ТГОМ (рис. 2–4).

Раскоп 3 1983–1984 гг. (ТК-4) заложен в северной части кремлевского мыса на берегу Волги, в 30 м от Староволжского моста. Площадь раскопа — 216 м², мощность слоя — 3,8–4,0 м. Во влажном слое на глубине от 3 м выделены три строительных горизонта, для которых руководитель раскопок Н. В. Жилина самостоятельно получила дендродаты — 1180-е, 1220-е и 1290-е гг. Выявлены остатки северного вала кремля, внутри насыпи прослежены срубы-городни, забитые глиной. Вероятная дата городней — 1394 г. В нижнем слое найдена первая тверская берестяная грамота. В этом же горизонте, возле сруба 2, раскрыт деревянный ящик столбовой конструкции, то есть со столбами по углам, использовавшийся для обработки кожи. Н. В. Жилина назвала его «кожевенным чаном, аналогичным новгородским» (Жилина 1986а: 54). Сколько всего таких ящиков было обнаружено в раскопках Н. В. Жилиной, остается неясным. В названной выше обобщающей статье по итогам ее работ в северной части Тверского кремля говорится об одном «чане», тогда как в сборнике ежегодных заметок об итогах археологических работ на раскопе 3 упомянуты «два деревянных чана столбовой конструкции» (Жилина 1986б: 50).

Н. В. Жилина самостоятельно провела дендрохронологические исследования полученных на раскопе 3 спилов, опубликовала результаты раскопок в нескольких статьях, а также включила их в свою кандидатскую диссертацию. Основные положения этих работ сводятся к следующему. Древнейший культурный слой в Твери находится на мысу при впадении р. Тьмака в Волгу и относится к концу XII — началу XIII в. Территория к востоку от Спасо-Преображенского раскопа была застроена в первой трети XIII в. Ядро вала, сохранявшегося до XVIII в., относится к началу XIV в. (1317), границы кремля с тех пор не менялись. Исследователь разработала типологию и хронологию основных категорий вещей, в том числе керамики, необходимые для датировки слоев (Жилина 1987). Если схема первоначального освоения территории кремля сегодня представляется обоснованной, то ранняя дата вызвала сомнения. Так, П. Д. Малыгин по распределению стеклянных браслетов в пластах датировал нижний слой раскопа 3 второй четвертью — серединой XIII в. Он предположил, что дендродата 1180-е гг., по-видимому, не связана непосредственно со вскрытым в 1983 г. древнейшим слоем (Малыгин 1989: 149–151; 1994: 124).

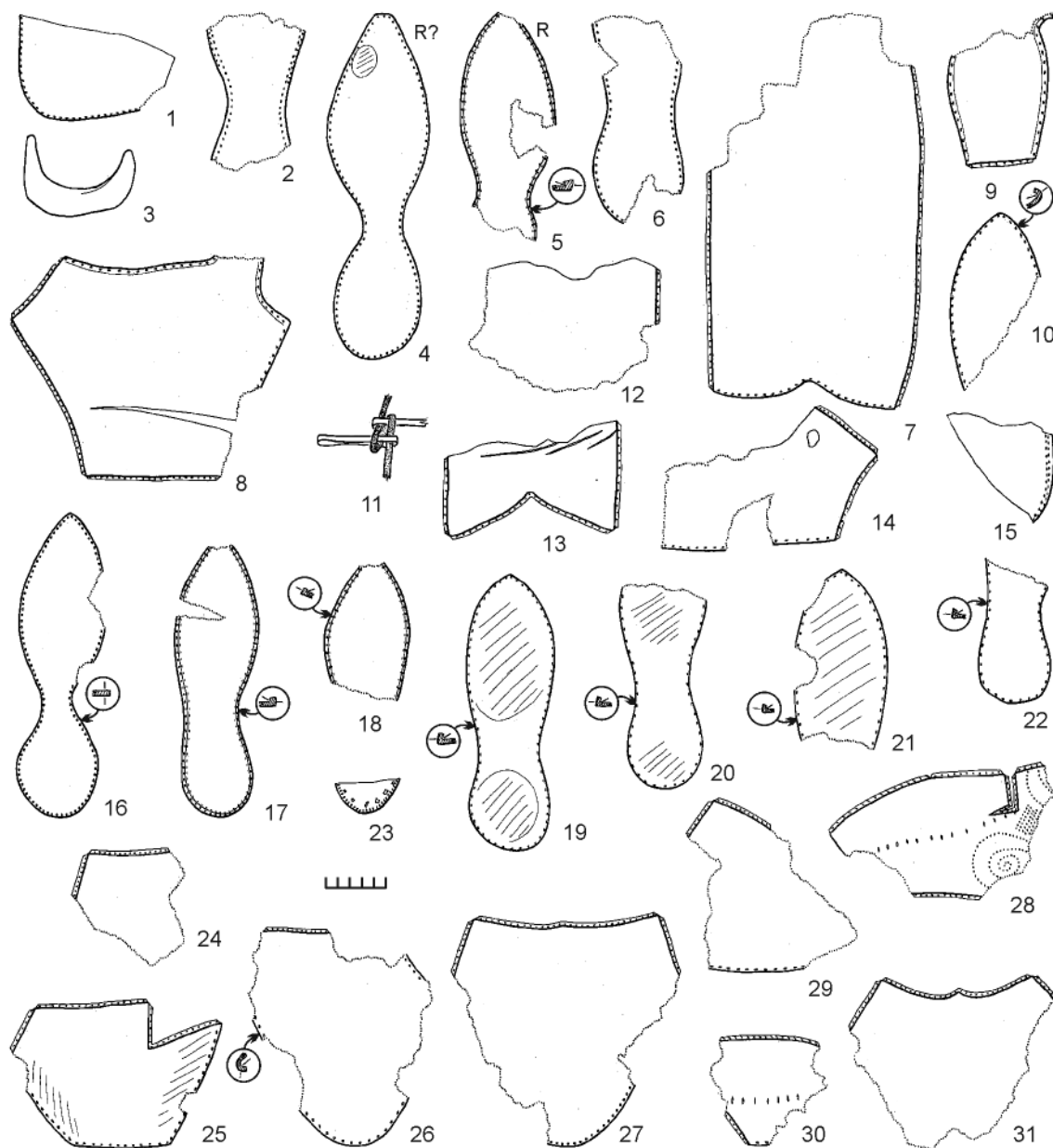

Рис. 2. Тверь, раскопки 1979 г., раскоп ТК-1 (ПДШ-1), пласты 4-5 (1-15) и пласт 6 (16-31), кожаные предметы: 1 — обрывок неопределенного изделия; 2, 15, 23 — фрагменты подошв сапог; 3 — обрезок от раскроя; 4, 6, 16 — подошвы сапог; 5 — подошва мягкой туфли; 7 — голенище сапога; 8, 26, 27, 31 — головки сапог; 9 — фрагмент подошвы; 10 — обрезок подошвы туфли; 11 — узел из двух узких полос кожи; 12 — фрагмент голенища; 13 — обрезок голенища; 14, 28-30 — фрагменты верха туфель; 17, 20, 21 — подошвы туфель; 18, 22 — фрагменты подошв туфель; 19 — подошва мягкой туфли; 24 — фрагмент головки сапога; 25 — передняя деталь верха туфли

Fig. 2. Tver, 1979 excavations, trench ТК-1 (ПДШ-1), layers 4-5 (1-15) and layer 6 (16-31), leather objects: 1 — fragment of an unidentifiable article; 2, 15, 23 — fragments of boot soles; 3 — pattern cutting waste product; 4, 6, 16 — boot soles; 5 — slipper sole; 7 — boot shaft; 8, 26, 27, 31 — boot heads; 9 — fragment of a sole; 10 — shoe sole offcut; 11 — knot of two narrow leather stripes; 12 — boot shaft fragment; 13 — boot shaft offcut; 14, 28-30 — shoe upper fragments; 17, 20, 21 — shoe soles; 18, 22 — shoe sole fragments; 19 — slipper sole; 24 — boot head fragment; 25 — toe puff

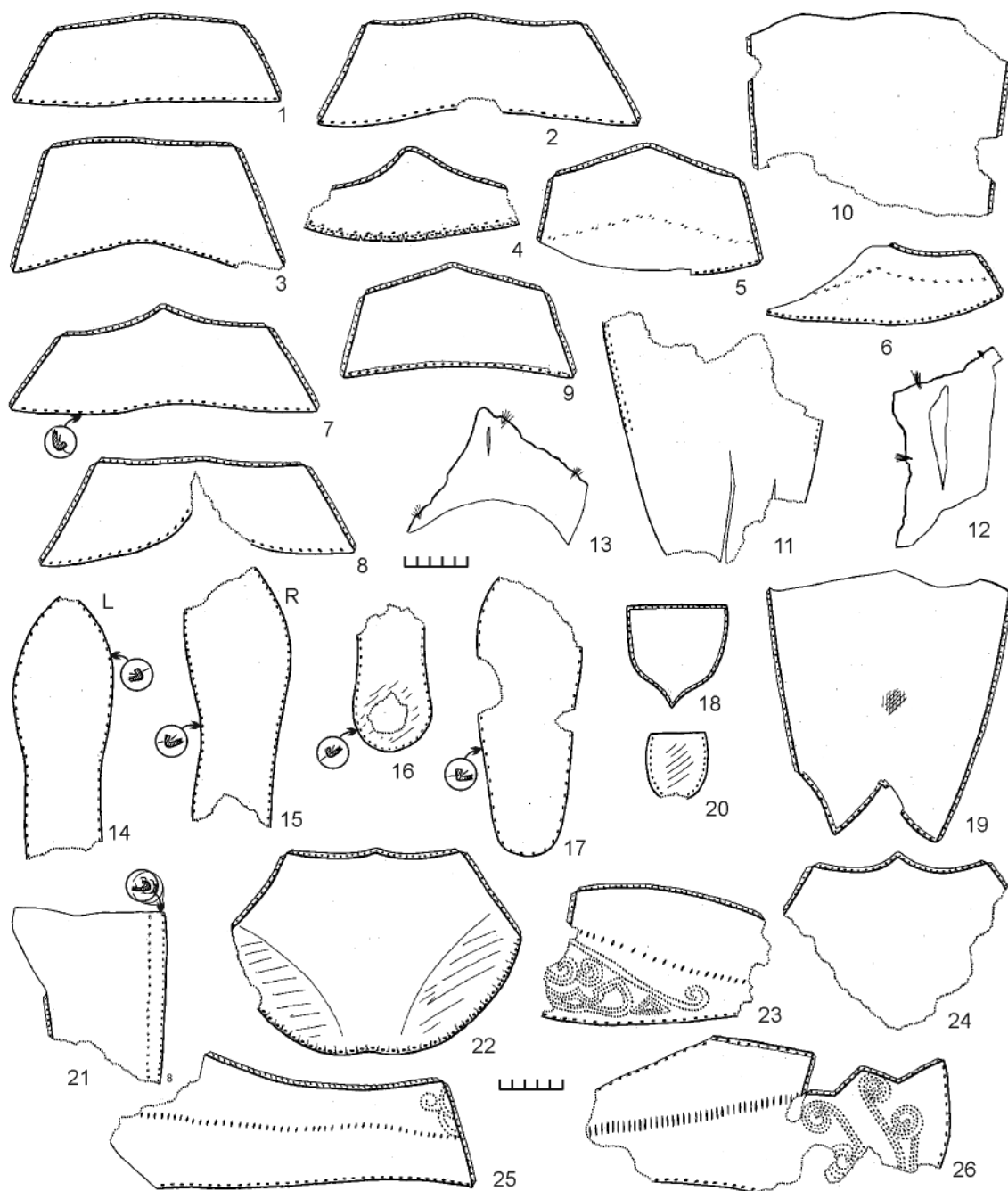

Рис. 3. Тверь, раскопки 1979 г., раскоп ТК-1 (ПДШ-1), пласты 6-7 (1-13) и пласты 7-8 (14-26), кожаные предметы: 1 — подошва сапога; 2, 3, 5-9 — задники сапог; 4 — карман задника; 10, 19 — голенища сапог; 11 — верх туфли; 12 — обрезок от раскроя с края шкуры; 13 — обрезок с края шкуры; 14, 15, 17 — подошвы туфель; 16 — фрагмент подошвы туфли; 18 — пятка подошвы туфли; 20 — пятка подошвы сапога; 21, 23 — фрагменты верха туфель; 22 — передняя деталь «комнатной туфли»; 24 — головка сапога; 25, 26 — верх мягких туфель

Fig. 3. Tver, 1979 excavations, trench ТК-1 (ПДШ-1), layers 6-7 (1-13) and 7-8 (14-26), leather objects: 1 — boot sole; 2, 3, 5-9 — boot counters; 4 — box toe room; 10, 19 — boot shafts; 11 — shoe upper; 12 — pattern cutting waste product; 13 — edge cutoff; 14, 15, 17 — shoe soles; 16 — shoe sole fragment; 18 — shoe sole heel; 20 — boot sole heel; 21, 23 — shoe upper fragments; 22 — upper part of a «slipper»; 24 — boot head; 25, 26 — soft shoe upper

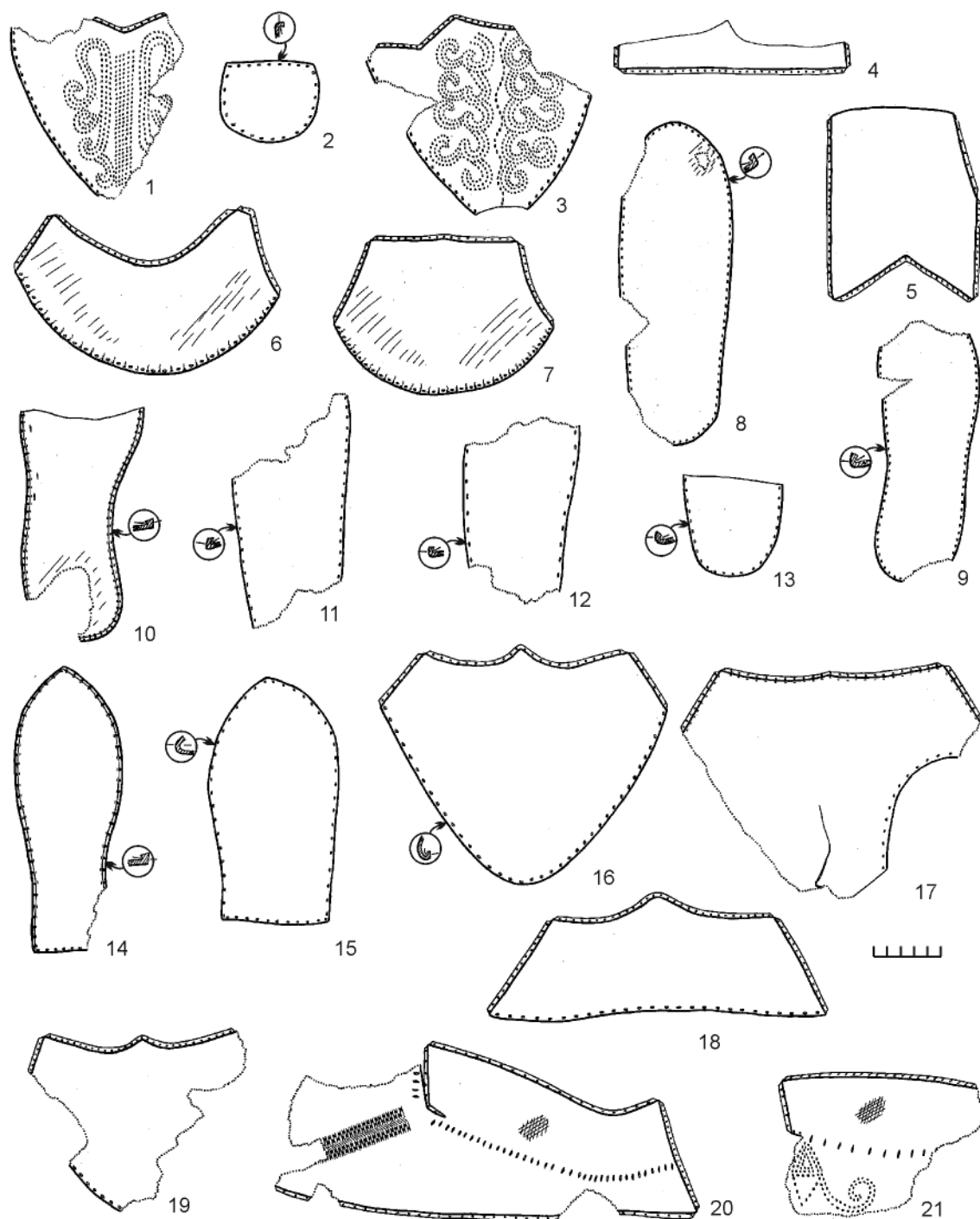

Рис. 4. Тверь, раскопки 1979 г., раскоп ТК-1 (ПДШ-1), пласт 8 (1-13) и пласты 9-10 (14-21), кожаные предметы: 1, 3 — передние части верха туфель; 2 — пятка подошвы; 4 — обрезок низа голенища; 5 — голенище; 6, 7 — передние части «комнатных туфель»; 8-11, 14, 15 — подошвы туфель; 12 — фрагмент подошвы туфли; 13 — пяточная часть подошвы туфли; 16, 17, 19 — головки сапог; 18 — задник сапога; 20 — верх туфли; 21 — фрагмент верха туфли

Fig. 4. Tver, 1979 excavations, trench ТК-1 (ПДШ-1), layers 8 (1-13) and 9-10 (14-21), leather objects: 1, 3 — shoe toe puff; 2 — sole heel; 4 — lower shaft cutoff; 5 — boot shaft; 6, 7 — “slipper” toe puffs; 8-11, 14, 15 — shoe soles; 12 — shoe sole fragment; 13 — shoe sole heel; 16, 17, 19 — boot heads; 18 — boot counter; 20 — shoe upper; 21 — shoe upper fragment

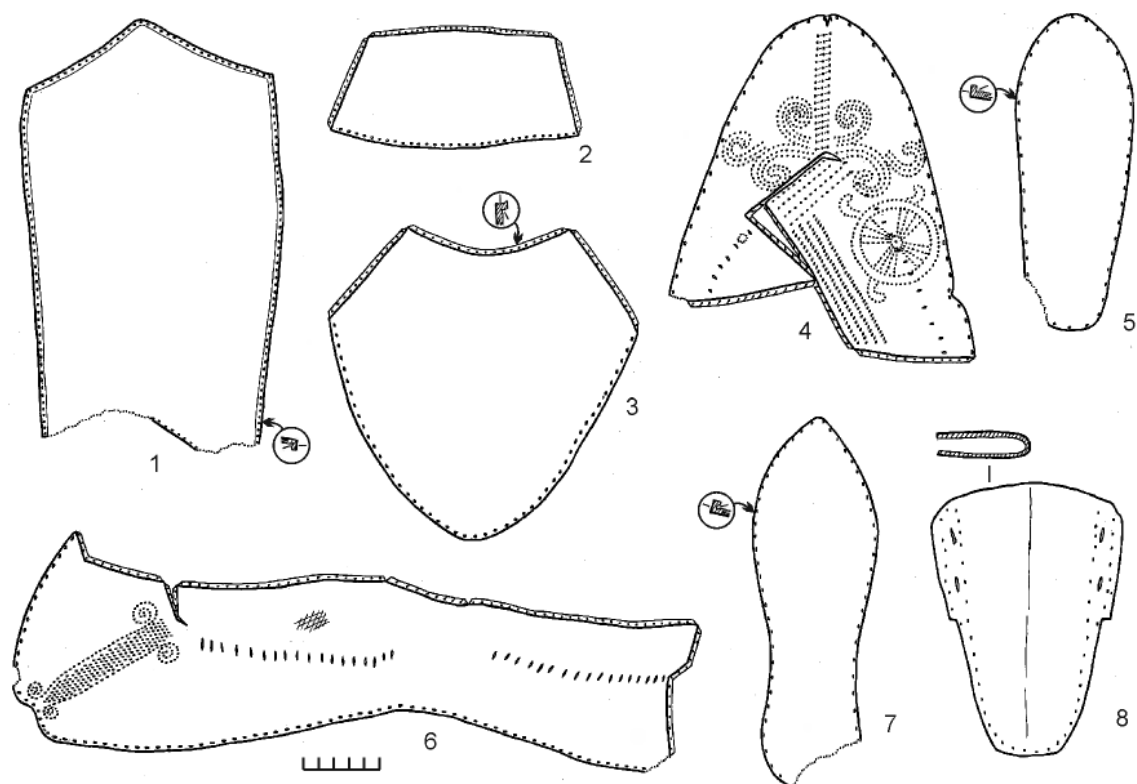

Рис. 5. Тверской кремль, раскопки Н. В. Жилиной, кожаные предметы, находящиеся в экспозиции ТГОМ: 1 — передняя деталь голенища сапога; 2 — задник сапога; 3 — головка сапога; 4 — верх мягкой туфли симметричного кроя; 5 — подошва этой же туфли; 6 — верх туфли асимметричного кроя, для левой ноги; 7 — подошва этой же туфли; 8 — чехол для ножа

Fig. 5. Tver Kremlin, N. V. Zhilina's excavations, leather objects from the Tver Museum permanent exhibition: 1 — boot sole toe puff; 2 — boot counter; 3 — boot head; 4 — soft shoe (symmetric cutout) upper; 5 — sole of the same (4) shoe; 6 — left shoe (asymmetric cutout) upper; 7 — sole of the same (6) shoe; 8 — knife sheath

Предметы из кожи, найденные в раскопках Н. В. Жилиной, до сих пор не опубликованы. Они и легли в основу настоящей работы. Остается неопределенным также происхождение нескольких предметов, находящихся в экспозиции музея. Можно только предполагать, что они найдены в раскопе 3 (рис. 5). Уточняем, что здесь представлены кожаные предметы из раскопа 3, хранящиеся в фондах ТГОМ и изученные автором (рис. 6–8; 9, 1–3, 5–7).

Кроме того, в настоящую работу частично включены и материалы раскопок 1991 г. возле Путевого дворца, проводившихся под руководством А. Н. Хохлова. Раскоп (ТК-7) представляет траншею шириной 4 м, длиной 130 м и площадью 556 м², заложенную на месте теплотрассы во дворе бывшего здания Реального училища и в сквере у здания гауптвахты Путевого дворца. Мощность слоя здесь — около 3 м. Влажный слой сохранился на отдельных участках, где выявлены несколько строительных горизонтов средневековой застройки, остатки мостовых Владимирской улицы и два участка средневековых некрополей (Лапшин 2001: 15). Полностью материалы, в том числе и коллекция кожи, из этих раскопок не опубликованы. В настоящую публикацию вошли только четыре предмета, переданные в фонды ТГОМ: кожаное налучье (?), сделанные из железа сапожный раскроечный нож, сапожное шило четырехгранного сечения и небольшой ювелирный (?) молоток (рис. 9, 21, 25–27).

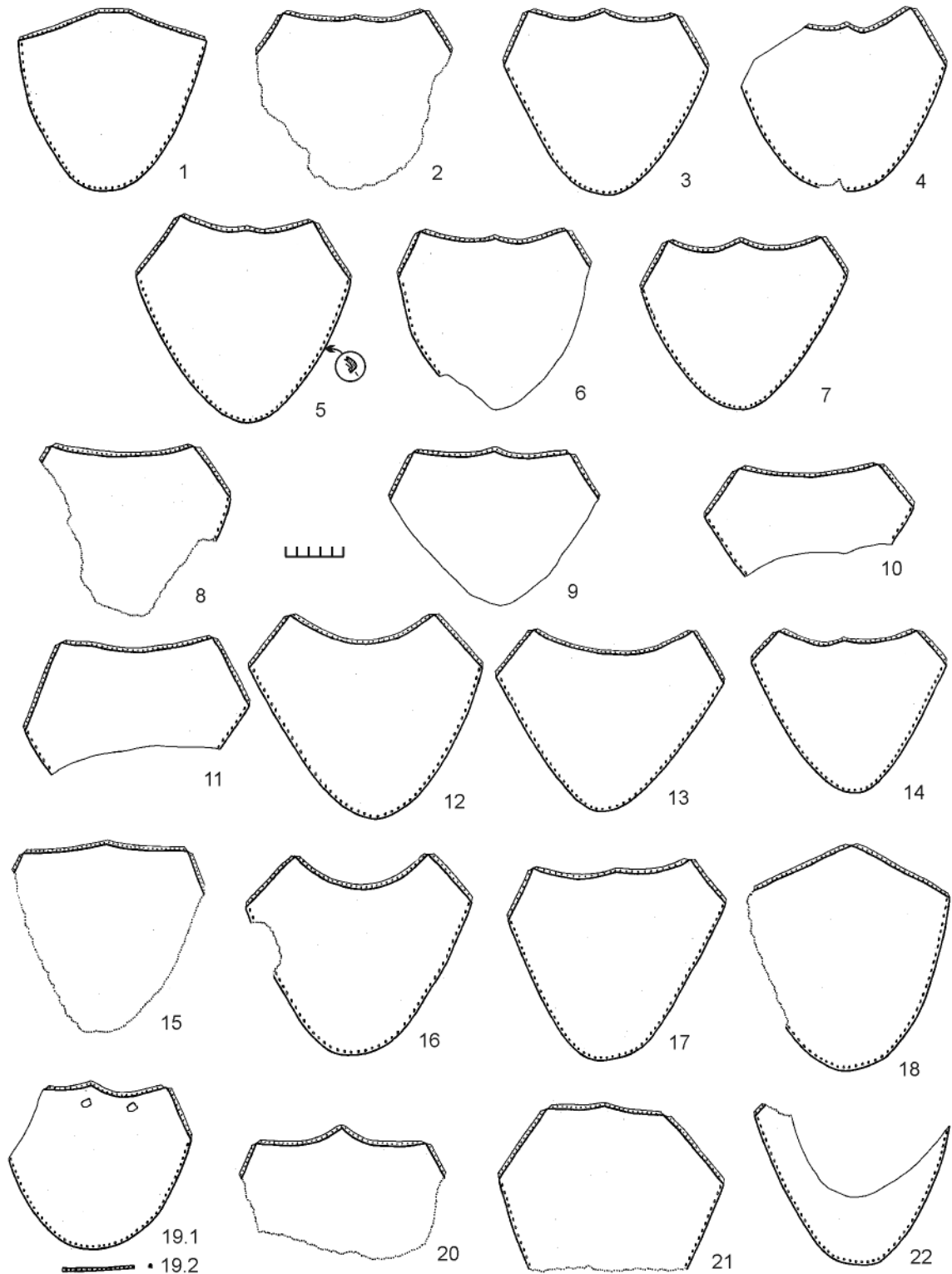

Рис. 6. Тверь, раскопки 1983–1984 гг., раскоп ТК-3, кожаные предметы: 1, 3, 5–9, 11–14, 16–18, 21 — головки сапог; 2, 4, 10, 15, 20 — фрагменты головок сапог; 19 — головка сапога (19.1) и уплотнительная прокладка в шов (19.2); 22 — обрезок головки туфли

Fig. 6. Tver, 1983–1984 excavations, trench ТК-3, leather objects: 1, 3, 5–9, 11–14, 16–18, 21 — boot heads; 2, 4, 10, 15, 20 — fragments of boot heads; 19 — boot head (19.1) and shoe seam sealer (19.2); 22 — shoe head cutoff

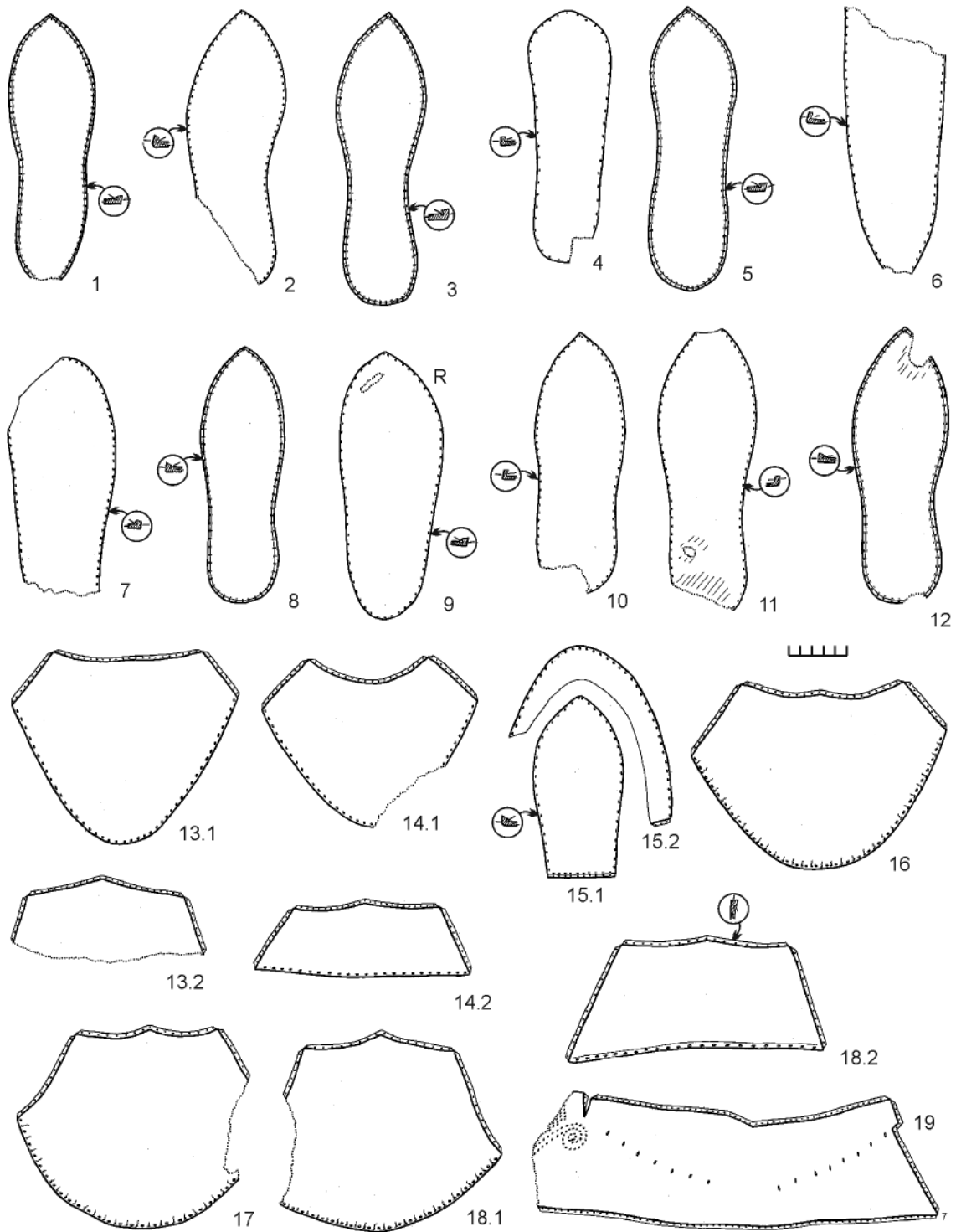

Рис. 7. Тверь, раскопки 1983–1984 гг., раскоп ТК-3, кожаные предметы: 1–9, 12 — подошвы туфель; 10, 11 — подошвы сапог; 13, 14 — головка и задник одного сапога; 15 — подошва (15.1) и головка (15.2) туфли; 16, 17 — передние детали «комнатных туфель»; 18 — передняя (18.1) и задняя (18.2) детали «комнатной туфли»; 19 — верх туфли

Fig. 7. Tver, 1983–1984 excavations, trench TK-3, leather objects: 1–9, 12 — shoe soles; 10, 11 — boot soles; 13, 14 — head and counter of the same boot; 15 — head (15.1) and counter (15.2) of a shoe; 16, 17 — “slipper” toe puffs; 18 — toe puff (18.1) and counter (18.2) of a “slipper”; 19 — shoe upper

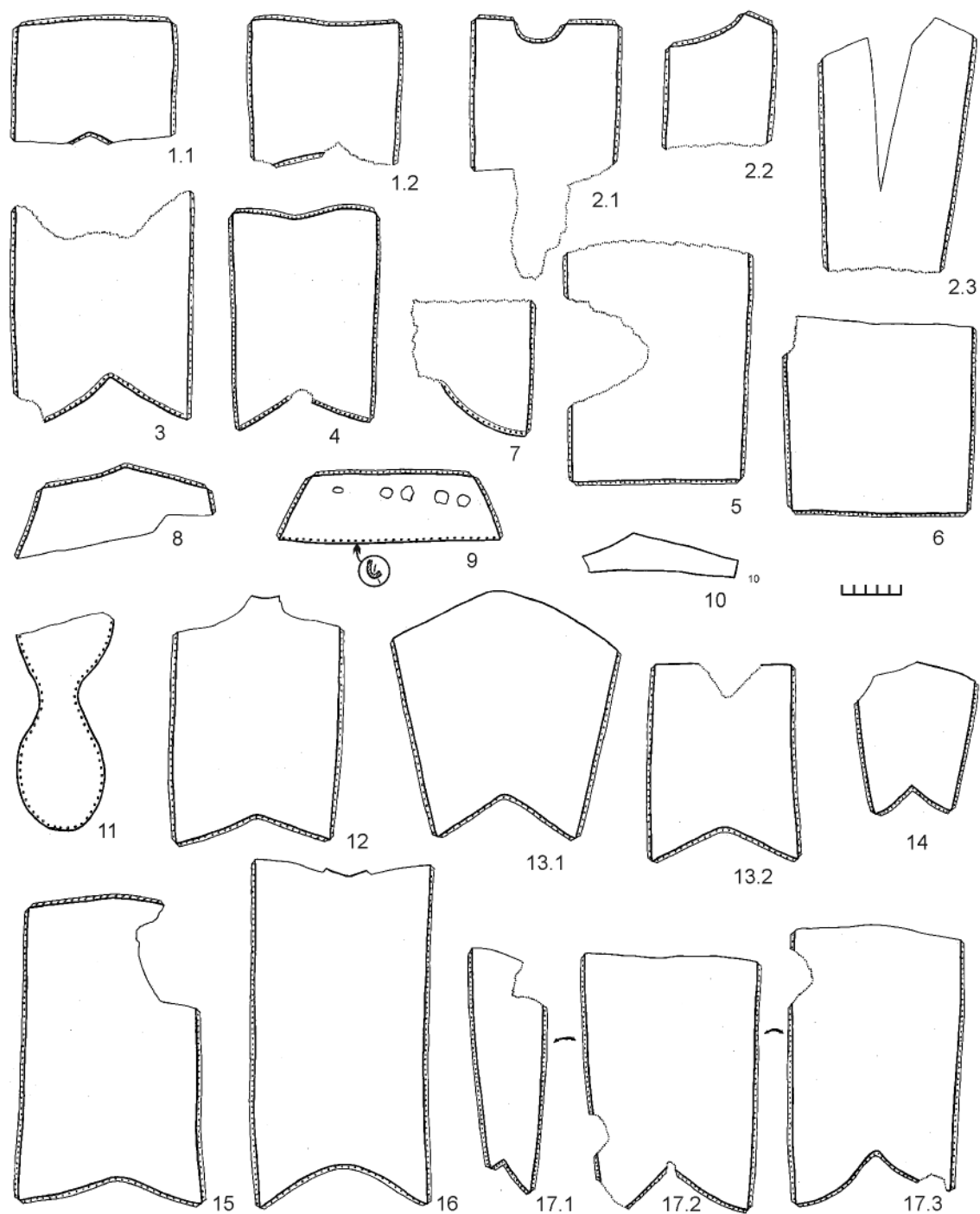

Рис. 8. Тверь, раскопки 1983–1984 гг., раскоп ТК-3, кожаные предметы: 1, 13 — по две детали одного голенища сапога; 2–7, 12, 15, 16 — детали голенищ сапог; 8 — задник сапога; 9 — задник сапога, перешитого в скрешень (рабочая обувь); 10 — обрезок кармана задника; 11 — подошва сапога; 14 — деталь голенища детского сапога; 17 — три детали одного голенища сапога

Fig. 8. Tver, 1983–1984 excavations, trench ТК-3, leather objects: 1, 13 — parts of two boot shafts; 2–7, 12, 15, 16 — boot shaft parts; 8 — boot counter; 9 — counter of a boot remodeled into a skreshen (work boot); 10 — counter cutoff; 11 — boot sole; 14 — part of a children's boot shaft; 17 — three parts of a boot shaft

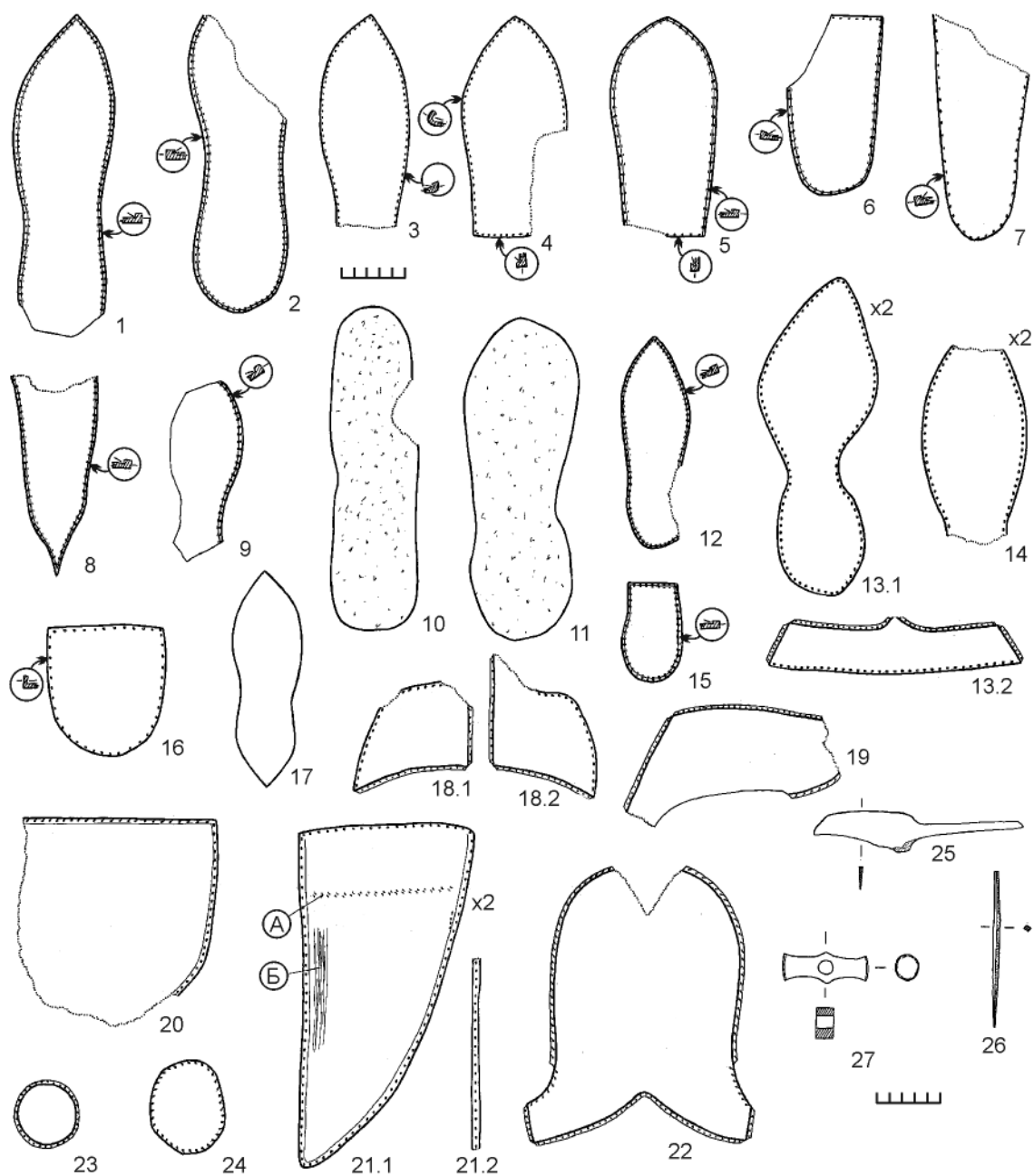

Рис. 9. Тверь, раскопки 1983–1984 гг., раскоп ТК-3 (1–20, 22–24) и раскопки 1991 г., раскоп ТК-7 (21, 25–27): 1–8, 12 — подошвы туфель; 9 — обрезок подошвы туфли; 10, 11 — стельки; 13 — два слоя подошвы (13.1) и задник (13.2) сапога; 14 — два слоя подошвы сапога; 15, 16 — пятка подошвы туфли; 17 — заготовка подошвы; 18, 19 — детали кожаных наплечников; 20 — деталь изделия (?); 21 — колчан (?) — две одинаковой формы основные детали (21.1) и прокладка в шов (21.2); 22 — наплечник; 23, 24 — заплаты вшивные; 25 — нож сапожный; 26 — шило; 27 — молоток. 1–9, 12–24 — кожа; 10, 11 — войлок; 25–27 — железо

Fig. 9. Tver, 1983–1984 excavations, trench TK-3 (1–20, 22–24), and 1991 excavations, trench TK-7 (21, 25–27): 1–8, 12 — shoe soles; 9 — shoe sole cuff; 10, 11 — insoles; 13 — two layers of a sole (13.1) and boot counter (13.2); 14 — two layers of a boot sole; 15, 16 — shoe sole heel; 17 — sole blank; 18, 19 — parts of leather shoulder straps; 20 — detail of an article (?); 21 — quiver (?) — two basic parts of identical shape (21.1) and a seam sealer (21.2); 22 — shoulder strap; 23, 24 — sewn in patches; 25 — shoemaker's knife; 26 — awl; 27 — hammer. 1–9, 12–24 — leather; 10, 11 — felt; 25–27 — iron

В 1993 г. были получены серии дендродат по раскопу ТК-9. Этот раскоп находится к В от раскопов 1991 г. (ТК-7) и 1993–1997 гг. (ТК-11). Здесь выявлены ранние порубочные даты одной из построек — 1155 и 1168 гг., что позволило А. Н. Хохлову, И. А. Дашковой и А. С. Дворникову удревнить появление Твери как города до второй половины XII в. (Хохлов, Дашкова 1996: 154, рис. 1; Дворников 1997: 95 и сл.).

Состав предметов из кожи

В тексте Отчета Н. В. Жилиной (тогда Н. В. Мясниковой) описание предметов из кожи, найденных в шурфе 1979 г. (ТК-1), достаточно общее. Отмечено, что с глубины 3-го пласта появляются обрезки кожи. При разборке слоя 4-м пластом кожа равномерно присутствует в кв. 4, 5 и 7. При этом в расчете на один квадрат (4 м²) фиксируется по шесть находок. На уровне 7-го пласта найден также инструмент для обработки кожи (?).

В музейное хранение попали исключительно детали изделий из кожи (90 экз.). Из набора обрезков в это число входят только четыре обрезка без швов, из которых один — с края кожного листа. Основная часть предметов происходит из пластов 5–8. Среди деталей определены подошвы, верх туфли, все основные детали мягких сапог (головки, задники, голенища), детали «комнатной туфли», а также узел и деталь неопределенного изделия, возможно сумки или кошелька. Статистика находок представлена в табл. 1.

Таблица 1

Тверь, шурф 1979 г. (ТК-1), состав коллекции кожаных предметов по пластам

Кожаные предметы	Пл. 3	Пл. 4	Пл. 5	Пл. 6	Пл. 7	Пл. 8	Пл. 9	Пл. 10	Всего
Подошва	–	1	8	9	7	7	2	–	34
Верх туфли	–	–	–	5	7	4	1	1	18
Головка сапога	–	–	2	4	–	1	1	2	10
Задник сапога	–	–	–	7	3	–	1	–	11
Голенище	–	–	3	1	1	2	–	–	7
«Комнатная туфля»	–	–	–	–	2	2	–	–	4
Обрезки	–	1	–	2	1	–	–	–	4
Узел	–	–	1	–	–	–	–	–	1
Неопределенное изделие	–	1	–	–	–	–	–	–	1
Итого	–	3	14	28	21	16	5	3	90

Планиграфия находок: кв. 1 — 6 предметов, кв. 2 — 5 предметов, кв. 3 — 4 предмета, кв. 4 — 22 предмета, кв. 5 — 17 предметов, кв. 6 — 7 предметов, кв. 7 — 22 предмета, кв. 8 — 7 предметов.

По общей оценке набор изделий полностью соответствует стилю деталей обуви и конструкции обувных форм, которые серийно были представлены на раскопе ТК-11 (Курбатов 2004). Так, из 18 деталей верха туфель, найденных в раскопе 1979 г., 13 имели вышитый нитью декор. Все варианты декора представлены в материалах раскопа ТК-11. Сочетание конструктивных приемов моделирования обуви, выраженных в своеобразных формах раскройки деталей и способах их сшивания, с вариантами декоративной расшивки позволяет с достаточной уверенностью соотносить по времени пошива и бытования обуви с раскопов ТК-1 и ТК-11, то есть ограничивать материалы раскопа ТК-1 последней четвертью XIII — первой половиной XV в.

Всего в составе коллекции из раскопа 1983–1984 гг. (ТК-3) при описании учтено 107 предметов, среди которых доминируют детали обуви разных видов. Единичными предметами были стельки и прокладка в обувной шов, заплаты и наплечники (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Тверь, раскоп 1983–1984 гг. (ТК-3), состав коллекции кожаных предметов по пластам

Кожаные предметы	Пл. 15	Пл. 16	Пл. 17	Пл. 18	Пл. 19	Пл. 20	Ямы	Всего
Верх туфли	1	1	–	2	–	–	1	5
Подошва (туфля/сапог)	3	6	1	9	7	2	1	29
Головка сапога	3	1	5	6	12	2	–	29
Задник сапога	3	2	–	2	–	–	–	7
Поршень	–	–	–	–	–	–	1	1
Голенище сапога	–	3	4	3	4	2	3	19
Подошва сапога	2	1	–	–	–	–	–	3
«Комнатная туфля»	–	2	1	–	1	–	–	4
Наплечники	–	–	–	3	1	1(?)	–	5
Заплаты	–	–	–	–	2	–	–	2
Стелька	–	–	–	–	–	2	–	2
Прокладка в шов	–	–	–	–	1	–	–	1
Итого	12	16	11	25	28	9	6	107

Вопросы хронологии

В монографии по археологии Твери, основой для которой стали материалы раскопок в Тверском кремле, В. А. Лапшин опирался на вещевой комплекс раскопа ТК-11. Исследователь пришел к выводу, что многие типы находок, традиционно считавшиеся домонгольскими, в быту жителей Твери надолго переживали рубеж 1237–1240 гг. (Лапшин 2009: 186–188). Это обстоятельство он посчитал результатом негативного воздействия золотоордынского ига на неравномерное развитие городской культуры. В частности, это выразилось в запаздывании на столетие моды на стеклянные браслеты в Твери по сравнению с Новгородом (Курбатов, Сакса 2011: 169).

Сегодня наблюдения В. А. Лапшина о своеобразии времени бытования изделий на территории Тверского кремля подтвердились на другом памятнике. При раскопках последних лет в Переяславле Рязанском (Житный раскоп) был выявлен участок средневековой застройки с большим количеством вещевого материала. Руководивший работами В. И. Завьялов отметил здесь временное запаздывание в распространении предметов, основанное на сопоставлении дендродат и вещей, аналогичных новгородским. При этом автор указал на такое же явление, отмеченное в Твери: «По мнению В. А. Лапшина, резкое падение количества стеклянных бус в культурном слое Твери приходится на конец XIV в. Среди материалов Житного раскопа такая ситуация наблюдается в 24 пласте (пласт 25 — 16 бусин, 24 — 5). Именно второй половиной XIV в. датируется 24 пласт» (Завьялов 2019: 21).

Заключение

В настоящее время в научной литературе имеется два взгляда на время строительства Тверского кремля и датировку на этой территории древнейших культурных слоев городской застройки, в которых хорошо сохранились разные органические материалы. Н. В. Жилина и А. Н. Хохлов настаивают на сложении застройки Тверского кремля

не позднее середины XII в., тогда как В. А. Лапшин относит это явление ко второй половине или последней четверти XIII в. Исходя из этого, комплексы находок в слоях, содержащих органику, датируются с разницей в 100 лет и более.

Изучение автором кожевенного ремесла в русских средневековых городах привело к выводу, что во всех древнерусских городах существенные изменения в организации кожевенного дела, в конструкции, формах и декоре кожевенной продукции происходили очень динамично, по поколениям. В рамках двух поколений (не более 40–50 лет) происходила полная смена в организации выделки кожи и в пошиве кожаных изделий (Курбатов 2012). Это позволяет достаточно точно датировать комплексы кожаных изделий даже в тех случаях, когда другие методы датировки невозможны, а вещевые наборы отсутствуют или имеют широкие временные рамки бытования. Примером такого датирования можно назвать материалы раскопок Кемского погоста (Курбатов 2019).

Изучение кожаных изделий из раскопок ТК-1 и ТК-3 и сравнение этих материалов с коллекцией из раскопа ТК-11 определенно показывают их бытование в одном хронологическом интервале — в последней четверти XIII — первой половине XV в.

Литература

- Дворников 1997 — Дворников А. С. К датировке древнейших отложений раскопа № 9 в Тверском кремле // Хохлов А. Н. (отв. ред.). Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: ТНИИР-центр, 1997. Вып. 2. С. 95–106.
- Жилина 1986а — Жилина Н. В. К вопросу о происхождении Твери // КСИА. 1986. Вып. 187. С. 51–55.
- Жилина 1986б — Жилина Н. В. Раскопки средневековой Твери // АО 1984 г. 1986. С. 50–51.
- Жилина 1987 — Жилина Н. В. Материальная культура Твери (по раскопкам 1979–1984 гг.) // Ольховский В. С. (отв. ред.). Социально-экономическое развитие древних обществ и археология: Сб. ст. молодых ученых. М.: ИА АН СССР, 1987. С. 69–75.
- Завьялов 2019 — Завьялов В. И. Житный раскоп в Кремле Переяславля Рязанского // Завьялов В. И. (отв. ред.). Комплексные археологические исследования Переяславля Рязанского. М.: Таус, 2019. С. 7–66 (Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 3).
- Курбатов 1994а — Курбатов А. В. Коллекция кожаных предметов из раскопок 1985 г. в Тверском Кремле в связи с вопросами совершенствования технологии ремесла в русских средневековых городах // ТАС. 1994. Вып. 1. С. 189–195.
- Курбатов 1994б — Курбатов А. В. Опыт анализа культурных отложений на территории Тверского кремля (по раскопкам Л. А. Поповой в 1985 г.) // Там же. С. 184–188.
- Курбатов 2004 — Курбатов А. В. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 312 с.
- Курбатов 2012 — Курбатов А. В. Кожевенное ремесло в средневековой России: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2012. 52 с.
- Курбатов 2019 — Курбатов А. В. Кожаные изделия и сопутствующие им предметы из раскопок Кемского погоста в 2017 г. // АВ. 2019. Вып. 25. С. 192–205.
- Курбатов, Сакса 2011 — Курбатов А. В., Сакса А. И. Столица Великого Тверского княжества: материалы новых исследований. Рец. на: В. А. Лапшин «Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.)». 2009. СПб. 534 с., 247 рис. // РА. 2011. № 4. С. 167–169.
- Лапшин 2001 — Лапшин В. А. История археологического изучения Тверского кремля и обзор источников // Лапшин В. А. (науч. ред.). Тверской кремль: комплексное

- археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997). СПб.: Европейский дом, 2001. С. 7–20.
- Лапшин 2009 — *Лапшин В. А.* Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 534 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. 30).
- Малыгин 1989 — *Малыгин П. Д.* Тверь и Новоторжско-Волоцкие земли в XII–XIII вв. // Седов В. В. (отв. ред.). Становление европейского средневекового города: Сб. ст. М.: Наука, 1989. С. 149–158.
- Малыгин 1994 — *Малыгин П. Д.* Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // ТАС. 1994. Вып. 1. С. 116–128.
- Хохлов, Дашкова 1996 — *Хохлов А. Н., Дашкова (Сафарова) И. А.* Древняя Тверь в домонгольский период (археологический комментарий к историографическим спорам) // Хохлов А. Н. (отв. ред.). Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: ТНИИР-центр, 1996. Вып. 1. С. 149–157.

LEATHER ARTICLES FROM THE TVER KREMLIN (BASED ON THE MATERIALS OF THE 1979–1984 EXCAVATIONS)

A. V. Kurbatov

Keywords: *Tver Kremlin, chronology, leather articles, last quarter of the XIII c. — first half of the XVc.*

The paper introduces more than 300 leather objects found in the course of archaeological excavations on the territory of the Tver Kremlin in 1979 and 1983–1984 and stored in the Tver State United Museum. Currently in the academic literature there are two opinions regarding the date of the Tver Kremlin construction and the age of the oldest urban cultural layers within its grounds. N. V. Zhilina and A. N. Khokhlov state that the Kremlin building system had formed by the middle of the XII c., whereas V. A. Lapshin dates this phenomenon the second half or last quarter of the XIII c. Hence, the assemblages of finds from layers with organic materials are dated differently, with the difference reaching 100 years and more. The study of the leather articles from excavation trenches 1 and 3 and their comparison with the collection from the Tver Kremlin-11 excavation definitely point to their existence within a time span from the last quarter of the XIII c. to the first half of the XV c.

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ДРЕВНОСТЕЙ (Валдай — Волго-Балтийский водораздел — Верхневолжье)

И. В. ИСЛАНОВА¹

Ключевые слова: *раннее средневековье, лесная зона Восточной Европы, культура псковских длинных курганов, предсопочные памятники, поселения типа Подол.*

В статье рассматриваются ключевые проблемы и перспективы исследований нескольких групп раннесредневековых древностей второй половины I тыс. н. э., локализуемых на южном участке Волго-Балтийского водораздела, — культуры псковских длинных курганов (восточной области), предсопочных древностей, памятников типа Подол. Создание общей классификационной схемы для массового керамического материала дает возможность корректного сопоставления наборов керамической посуды на памятниках, расположенных на разных территориях, принадлежащих к разным культурным вариантам. Это, в свою очередь, помогает проследить культурные трансформации на обширной территории лесной зоны Русской равнины в течение длительного периода. Важнейшей задачей на будущее остается выяснение исходных территорий, откуда произошла миграция нового населения, появившегося на водоразделе не позднее VI в. н. э., и исторических судеб переносимых раннесредневековых групп древностей в конце I тыс. н. э.

DOI: 10.31600/2310-6557-2021-25-149-159

Введение

Территория Волго-Балтийского водораздела, включающая часть Валдайской возвышенности и ее отрогов, верховья рек Мста и Волга и их притоки, всегда считалась окраинной, периферийной в археологическом отношении — как для Северо-Запада, так и для Северо-Востока лесной зоны Восточной Европы. На общих картах древностей середины — второй половины I тыс. н. э. этот регион вплоть до недавнего времени был представлен слабозаселенным малоподвижным массивом, являвшим собой восточную окраину ареалов культуры псковских длинных курганов (КПДК) и культуры сопков (КС) (Археология 2006: 144; Седов 1999: рис. 1; 27).

Однако именно в этой части лесной зоны многочисленные притоки р. Волга, с одной стороны, и оз. Ильмень, с другой, а также исток р. Западная Двина находятся близко друг от друга, местами они даже переплетаются. Подобная гидрологическая ситуация позволяет усомниться в периферийном характере анализируемого региона. Ведь

¹ Отдел археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья, ИА РАН, Москва, 117292, Россия.

именно здесь должны были пролегать пути, связывавшие между собой территории нескольких крупных водных бассейнов. Существование таких путей в письменную эпоху подтверждается летописным сообщением об Оковском (Воковском) лесе, в котором одновременно берут начало реки Двина и Днепр, текущие, соответственно, на север и юг (ПСРЛ 1998: стб. 6). О том же свидетельствуют многочисленные топонимы и гидронимы (г. Вышний Волочёк, д. Волок, р. Съежа, оз. Наволок и пр.). Отметим также, что для указанной территории характерны обилие водоемов и разнообразный, пестрый состав почв, сформировавшихся после отступления ледника. Последнее, несомненно, делало ее весьма удобной для расселения и ведения комплексного лесного хозяйства.

В ходе полевых и кабинетных исследований, предпринятых в последние десятилетия XX в., на Волго-Балтийском водоразделе был выявлен целый ряд ранее неизвестных культурных вариантов раннесредневековых древностей. Это позволило в настоящее время по-новому оценить степень заселенности и общую социокультурную ситуацию в регионе. Одновременно снова высветились проблемные вопросы, намеченные нами впервые еще 20 лет назад (Исланова 2001). Реконструкция культурной стратиграфии региона, начиная с неолита, обнаружила периодическую смену векторов развития и отчетливое тяготение населения то к восточным регионам (Верхнее Поволжье), то к Западу и Северо-Западу.

Источники

Источниковая база исследования была создана в основном во второй половине XX в. За последние два десятилетия она не увеличилась сколько-нибудь существенно. Проводились лишь небольшие охранные раскопки курганных могильников на оз. Волго и поселений на оз. Селигер. Исключением явились масштабные работы в зоне строительства Калининской АЭС в Удомельском Поозерье. Здесь были полностью исследованы полуразмытые культурные слои поселений Троица 1 и Ряд 3 (АКР 2012: 310–311, 356–358), что позволило дополнить представления об удомельской группе древностей и выделить группу мстинско-моложских памятников середины I тыс. н. э. К сожалению, не все материалы указанных работ ныне доступны для исследования. Результаты опубликованы лишь частично; по отдельным раскопам отсутствуют полевые отчеты и т. д.

В итоге, к примеру, судить о КПДК Верхнего Помостья приходится, как и раньше, на основании погребальных комплексов, исследованных в 1950–1960-е гг., когда еще не уделялось особого внимания стратиграфии насыпей, не изучались окружавшие их ровики и не вскрывалось межкурганное пространство. Основной массив материал этой культуры происходит с селища Городок 1 на р. Шлина. Напротив, предсопочные памятники и древности типа Подол известны, в первую очередь, по материалам поселений (за исключением археологических комплексов Юрьевская Горка и Бологое).

В начале XXI в. опорные памятники Волго-Балтийского водораздела, изученные в конце прошлого столетия, были опубликованы практически полностью. Среди них городище Варварина Гора и поселение Подол 3, ставшие эпонимными в своих группах, а также серия верхневолжских поселений, исследованных в зоне Ржевского гидроузла (Буров 2003; Синицына, Исланова 2009; Исланова 2014). Современный биоархеологический подход позволил дополнить и пересмотреть некоторые позиции по погребениям могильника Юрьевская Горка. Благодаря ему была существенно уточнена половозрастная характеристика погребенных, проведен изотопный анализ стронция (Клещенко и др. 2021).

Выяснилось также, что источники, сохраненные в музеях и архивах, не исчерпаны полностью. Представления о культурном ландшафте региона существенно дополнили скромные единичные артефакты — фотографии из фондов ТГОМ, которые удалось обнаружить в ходе обследований 1970–1980-х гг. Полученные новые сведения и выдвинутые концепции позволили по-новому взглянуть и на давно известные артефакты. Так, например, пластинчатое кресало, находящееся в фондах ГИМ и отнесенное А. В. Успенской к древнерусскому периоду, в действительности имеет аналогии в Припятском Полесье среди кресал, найденных на ранних селищах пражской культуры (Исланова 2012: 44, рис. 28, 5). Серия керамических находок с позднедьяковского городища Ловницы (фонды Государственного Эрмитажа) находит ближайшие соответствия в материалах последующего периода, отнесенных к КПДК.

Известно, что Н. Н. Гурина и Д. А. Крайнов, проводившие исследования Верхневолжского озерного края, основное внимание уделяли артефактам эпох неолита и бронзы. Однако в коллекциях, собранных ими на многослойных памятниках (например, поселениях Залесье, Ронское 1 и 3), имеются и материалы последующих периодов, дополняющие картину раннесредневековых древностей этого региона (Там же: рис. 46; 47; 57–59). Стоит отметить, что коллекции из раскопок Н. Н. Гуриной, хранящиеся в ИИМК РАН, до сих пор разобраны не полностью, так что в будущем не исключены новые «открытия»².

Керамика

Важнейшая, если не основная, роль в выяснении этнокультурной принадлежности раннесредневекового населения лесной зоны принадлежит массовому керамическому материалу. Лепная керамика, обнаруженная на поселениях Волго-Балтийского водораздела, как правило, изготавливалась на месте — жителями конкретного поселения, по принятым у данной группы традициям. С указанными традициями связаны и детали форм сосудов, наиболее распространенных в быту. При этом керамика из погребальных объектов вполне могла нести определенные «консервативные» черты и отличаться от той посуды, что использовалась одновременно для практических нужд.

Исследователи зачастую предлагают собственные классификационные схемы раннесредневековой лепной керамики изучаемого памятника или микрорайона. Наличие многочисленных схем делает невозможным корректное сравнение материалов не только различных регионов, но и соседних поселений. Ведь для выявления определенных тенденций развития культур необходимо сопоставление не единичных опубликованных сосудов, а наборов посуды, с учетом типологического состава и количественного соотношения различных типов. Наиболее перспективным для решения этой проблемы является анализ керамики по единой схеме.

Для крупного ареала, где со второй четверти I тыс. н. э. и вплоть до конца его бытовали лепные слабопрофилированные, преимущественно неорнаментированные

² Без сомнения, к сохраненным материалам еще придется возвращаться в дальнейшем не одному поколению исследователей. Поэтому было бы крайне желательно в ходе современных полевых работ на поселениях сохранять весь массовый керамический материал (идеальный вариант) независимо от размера фрагментов (помимо полной цифровой, фото- и графической фиксации). Последнее касается и тех артефактов, которые в настоящее время как будто бы не представляют интереса. Естественно, что публиковать необходимо не только целые и реконструируемые сосуды, но и все профилированные фрагменты. Никакая «статистика», требуемая для полевого отчета, с подсчетом количества венчиков, стенок и днищ разного цвета и фактуры, не сможет заменить сохраненный артефакт.

сосуды (Северо-Запад, включая Верхнее Подвинье, Поднепровье, Приильменье, Полужье, Волго-Балтийский водораздел и др.), представляется вполне допустимым использовать общую типологию лепной посуды (без мелкой детализации). Подобные работы по единой классификационной схеме были проведены для керамики древностей Заозерье-Узмень и КПДК (Лопатин 2003; Лопатин, Фурасьев 2007).

Сопоставить керамические наборы поселений территории Волго-Балтийского водораздела позволяет в настоящее время классификационная схема, предложенная Н. В. Лопатиным и дополненная несколькими локальными типами сосудов, характерными для анализируемого региона. В результате в керамических комплексах выявляется общее и особенное; доминирование керамики разных типов позволяет сделать вывод об этнокультурных особенностях населения, оставившего ту или иную группу памятников. Появление «новых» профилированных форм (в КПДК данного региона и в предсопочных древностях) могло быть обусловлено влиянием предшествующей керамической традиции, распространенной на данной территории (например, хорошо известных позднедьяковских горшков S-видной профилировки).

Расширение источниковой базы позволит в дальнейшем доработать керамическую классификационную схему; не исключена и некоторая ее оптимизация. Для широких сопоставлений артефактов крупных территорий основой может стать так называемый верхневолжский набор керамики (Исланова 2015).

Культура псковских длинных курганов

КПДК представляет собой наиболее известную группу раннесредневековых памятников Северо-Запада, хотя название этой культуры является несколько условным. На анализируемой территории длинные насыпи (более 20 м) вообще единичны (Исланова 2006: 35). Обширный ареал КПДК фактически объединяют следующие признаки: наличие определенной формы курганных насыпей в некоторых могильниках; единая ландшафтная приуроченность погребальных объектов; схожее размещение курганов внутри могильника. Важно отметить также почти одновременное появление обряда сооружения курганных насыпей, маркируемое на археологической карте находками V-образных рифленых пряжек (Седов 1974; 1999: рис. 20; Михайлова 2014: 29–34).

Памятники КПДК на Волго-Балтийском водоразделе, в верховьях Волги и в Помостье определяются в настоящий момент как «восточная область» этой культуры (Михайлова 2014: 195–199), характеризующаяся рядом особенностей погребальных инвентаря и керамики. Можно ожидать, что дальнейшее накопление информации о деталях погребального обряда дополнит список их отличий от памятников западной области. В результате раскопок поселений, пока еще мало исследованных в анализируемом регионе, также могут быть выявлены некие особые маркеры. Не исключено, что в дальнейшем восточная область КПДК (или ее часть) выделится в особую группу раннесредневековых древностей на Русской равнине.

В настоящее время наиболее распространенной является версия о восточнолитовском происхождении традиции сооружения курганов. Однако не следует забывать о курганах, существовавших уже в II–IV вв. к северо-востоку от водораздела — в Молого-Шекснинском междуречье (Башенькин 1995: 14–19). А после того, как в могильниках Шихино, Чамка, Городок 8 отдельные урны и другие сосуды были идентифицированы с дериватами керамики мощинского круга (Исланова 2020: 254, рис. 1; 4), можно было бы вспомнить и о так называемой верхнеднепровской (Носов 1974: 231–234) или верхнеокской (Лебедев 1982: 32–33) версиях появления курганной традиции.

Следует также упомянуть, что восточнолитовская традиция сооружения насыпей с характерными для этой культуры выкладками из камней неожиданно обнаружилась на оз. Волго в могильнике Колобово 1. Правда, в ходе раскопок полуразрушенного кургана не удалось установить причины и время появления здесь населения с такими элементами обряда. Возможно, аналогичные конструкции из камней, визуальнo зафиксированные в полах нераскопанных насыпей в Колобово 1 и на соседних с ним памятниках Волговерховья (Колобово 4, Климова Гора, Старый Сиг), позволят в дальнейшем выяснить истоки и хронологию данного культурного явления.

Предстоит уточнять и границы распространения КПДК. Предложение П. Д. Малыгина включить в ее ареал Волжско-Шошинский регион (Малыгин 2007: 56–62, рис. 7) не подтвердилось исследованием на местности указанных им памятников. Оказалось, что они имеют иные ландшафтную приуроченность, структуру могильника и форму насыпей. Кроме того, на двух памятниках из восьми (Мотеево-Матвеево, Якимово) были найдены захоронения по обряду ингумации.

По берегам Волги в ее верхнем течении также была выявлена серия могильников, которые О. М. Олейников отнес к КПДК (Олейников 2007: рис. 5). Однако топография, характер ландшафта и размещение курганов относительно водоема не совпадают с маркерами погребальных объектов КПДК. Поставить точку в этом споре помогут лишь раскопки.

Вопрос о культурной принадлежности указанных выше могильников напрямую связан с тем, что до сих пор нет четких критериев отличия нераскопанных объектов культуры смоленских длинных курганов (КСДК) от псковско-новгородских (КПДК) (Малыгин 2007: 52). Отсутствуют ответы на вопросы, почему в могильниках верхнего Помостья (например Шихино) вдруг появляются керамика, профилированная в верхней трети, и инвентарь, близкий КСДК (Исланова 2006: рис. 95, 2, 4; 99, 7). Связано ли это явление с общими тенденциями развития материальной культуры или с передвижением населения из Верхнего Поднепровья?

Из-за слабой исследованности памятников восточной области КПДК, по сравнению с западной, список могильников с поздними (IX–X вв.) курганами выглядит весьма предположительным. Однако только в восточной области зафиксированы случаи «прямого контакта» населения КПДК с носителями КС. Материалы могильника и селища Шитовичи 6 позволяют проследить, какое влияние оказали носители культуры сопки, появившись на берегах р. Шегра при впадении р. Плотишенка, на местное население КПДК. В этом микрорайоне выявлено на сегодняшний день пять селищ, курганно-грунтовой могильник, сопка и сопочная группа. Видимо, в результате культурного взаимодействия и «сотрудничества» различных групп населения здесь возникает древнерусский поселенческо-погребальный комплекс Шитовичи, известный по бережанным грамотам как один из новгородских погостов.

Почти аналогичная археологическая ситуация фиксируется в близости, у д. Кузнечиха на р. Садва. Здесь проходит резкая граница ландшафтных зон — северная окраина Вышневолоцко-Новоторжской гряды вплотную подходит к Вышневолоцкой зандровой низине. Именно на данном участке сосредоточены селище и цепочка из семи могильников КПДК. В 1,5 км от них (ближе к гряде) расположены памятники КС. Однако до сих пор здесь проводились только разведочные работы.

Предсопочные древности

На чересполосный характер размещения насыпей культур длинных курганов и сопок в бассейне Мсты было указано В. Я. Конечким еще в 1970-х гг. (Конечкий 1977).

Последующие полевые открытия, разработка новых материалов и уточнение хронологии КС позволили сделать вывод, что «параллельно» с КПДК в третьей четверти I тыс. н. э. в других ландшафтных зонах функционировала иная, не выделявшаяся ранее группа древностей. Следует отметить, что еще в 1974–1975 гг. при раскопках поселения Золотое Колено Е. Н. Носов столкнулся с артефактами из слоя более раннего, чем селище КС. Поэтому при публикации материалов в начале 1990-х гг. он предложил исследователям «выйти за рамки объяснения основных явлений истории взаимодействием лишь двух археологических культур: культуры сопок и культуры длинных курганов псковско-новгородского типа» и «допустить существование „третьих и четвертых“ типов памятников» (Носов, Плохов 1991: 131).

Последующие раскопки комплекса Юрьевская Горка в Верхнем Помостье подтвердили наличие на Северо-Западе Русской равнины памятников третьей четверти I тыс. н. э., хронологически синхронных КПДК, но имеющих особую культурную специфику. Изначально они получили определение «удомельский тип» (Исланова 1997: 22–55, 126–127). Позднее в исследуемом регионе была зафиксирована еще серия поселений, относящихся к той же культурной группе. В Восточном Приильменье слои V–VII и VIII–IX вв. были исследованы на городище и селище Городок на Маяте, с хорошо сохранившимися остатками застройки (Еремеев, Дзюба 2010: 57–127). Ранние материалы этих памятников представляют собой достаточно близкую аналогию удомельским.

После существенного расширения ареала подобных раннесредневековых объектов потребовалось ввести общее наименование, в противовес первоначальному узколокальному «удомельскому типу». Наиболее приемлемым, по моему мнению, является предложенный В. Я. Конечким термин «предсочные памятники» (Конечкий 2007: 266). Сейчас уже трудно сомневаться, что именно они были непосредственными предшественниками поселений КС в соответствующих микрорегионах. Естественно, нельзя исключать появления в будущем иного емкого названия, несущего более выраженную территориальную окраску.

Селище и могильник в урочище Юрьевская Горка у с. Стан были выявлены случайно в 1984 г., в ходе охранных работ в зоне строительства Калининской АЭС. Тогда пришлось перенести полевой лагерь с оз. Удомля на правый берег р. Съежа, где В. В. Сидоровым закладывались шурфы с целью локализации стоянки эпохи мезолита. Один из этих шурфов задел край грунтового захоронения с кремацией, в другом был обнаружен культурный слой с раннесредневековой керамикой. Прекрасная в целом сохранность слоя раннесредневекового поселения обусловила опорный характер этого комплекса для выявленного нового типа древностей.

Культурные остатки селища Юрьевская Горка вмещены в преимущественно слабогумусированные отложения и не несут на себе следов пожаров, свидетельствующих о насильственной гибели поселения. На окраинных участках эти напластования перекрыты естественными почвенными отложениями толщиной от 5 до 30 см, сформировавшимися более чем за 1100 лет. Собственно культурный слой имеет небольшую мощность (5–35 см); насыщенность его артефактами весьма слабая. Например, на площади 4 м² обнаруживалось в среднем 10 небольших обломков лепных сосудов. Основная масса артефактов находилась в ямах, как правило связанных с жилыми постройками.

Слои других поселений, ныне отнесенных к той же культурной группе, существенно пострадали из-за перекрывших их поселенческих объектов более позднего времени (в том числе преимущественно связанных с предсочными древностями). Однако и

на них можно ожидать выявления информативных вещевых и керамических комплексов, приуроченных к материковым ямам.

Опубликованные материалы поселений Городок на Маяте, Золотое Колено, Юрьевская Горка, Леонтьево и др. определенно указывают на культурную преемственность между ними и памятниками КС. Эти поселения локализуются в тех же микрорегионах, в тех же ландшафтах, что и объекты последующего культурно-хронологического этапа, традиционно ассоциируемые с новгородскими словенами. Вполне естественно, что в материальной культуре этого нового этапа имеются некоторые отличия от прежнего. В основе их лежат изменения в социальной и производственной сферах, сложение культурных связей с Балтийским регионом и, прежде всего, активизация Волго-Балтийского торгового пути, «рукава» которого пролегали по интересующей нас территории водораздела. Отметим попутно, что уже предсочные поселения обнаруживают тяготение к основным водным магистралям региона, проходившим по оз. Мстино, рекам Мста, Цна и Съежа. В отличие от них, памятники КПДК располагаются преимущественно в лесных «глубинках».

Погребения предсочной культуры достоверно зафиксированы лишь в одном случае — в урочище Юрьевская Горка на р. Съежа (Исланова 1997: 50–55). Здесь выявлен грунтовый могильник по обряду кремации. Аналогичные памятники еще предстоит выявить вблизи других известных поселений.

Следует остановиться на двух особенных захоронениях в этом могильнике. Здесь встречено перекрытие погребальных ям с кремациями кусками обожженной глины или обломками печины. Между тем при раскопках расположенного рядом селища не было встречено ни остатков глинобитных печей, ни деталей из глины у печей-каменок. Подобного способа перекрытия погребений не удалось обнаружить ни на ближайших, ни на отдаленных могильниках иных культур. Могильники предшествующего периода на данной территории нам неизвестны. Можно предположить, что та территория и культура, где будут обнаружены аналоги подобного обряда, сможет считаться исходным регионом, откуда осуществлялась миграция переселенцев, проживавших на селище Юрьевская Горка.

Хронологические рамки указанного опорного памятника остаются весьма приближительными, но вряд ли стоит считать его недолговечным, как полагают некоторые исследователи (Казанский 2008: 308; Михайлова 2017: 91–92). Нижняя дата (первая треть — третья четверть VI в.) определяется по вещевому материалу. Здесь найдены крапчатая бусина и пряжки — овально-рамчатая с уступом у основания язычка (железная) и с D-образной рамкой, с язычком с рифленным щитком (из цветного металла) (Исланова 1997: рис. 76, 15; 77, 5, 13). Остальные вещевые и керамические артефакты имеют широкий хронологический диапазон в рамках третьей четверти I тыс. н. э., с заходом в последнюю четверть. Исключением как будто является желтая бусина-лимонка (Там же: рис. 76, 8). Однако нижнюю границу бытования таких бус в лесной зоне (со второй половины VIII в.) мы вынуждены пока определять по материалам Старой Ладogi, где достоверные отложения более раннего времени просто отсутствуют (Львова 1970: 96, табл. 6, IV).

Постройки Юрьевской Горки, расположенные непосредственно вдоль береговой линии, судя по расстоянию между ними (Исланова 1997: рис. 41), действительно существовали в течение одного или двух строительных периодов. Однако перекрывающие друг друга многочисленные подпольные ямы и плотность застройки, зафиксированная дальше от берега (Там же: рис. 42; 43), свидетельствуют о многократных перестройках

жилых и хозяйственных строений. Это позволяет не ограничивать время функционирования селища одним веком.

Можно предполагать, что в VIII в. жители Юрьевской Горки покинули узкий береговой участок р. Съезжа, ограниченный с противоположной стороны озовой грядой и заболоченной низиной, по причине исчерпанности его хозяйственного потенциала и переселились на побережье оз. Удомля.

Отдельной проблемой является прогнозирование мест расположения аналогичных объектов. Анализ поселений, выявленных в ходе разведок, по сериям признаков, характерных для предсочных памятников, показывает, что дальнейшее пополнение их списка является вполне вероятным. На исследуемом участке водораздела предсочные объекты должны находиться: 1) в микрорегионах, где известны сопки; 2) в определенном дренированном ландшафте, включая берега водоемов с развитой пойменной террасой; 3) в микрорайонах, для которых не характерны курганные могильники с кремацией; 4) в местах находок лепной неорнаментированной керамики. В итоге, к перспективным объектам удалось отнести еще не менее 10 селищ. Подтвердить наличие на них предсочного слоя можно путем небольших стационарных исследований.

Поселения типа Подол в Верхневолжье

Третья раннесредневековая группа памятников представлена пока только поселениями. Скорее всего, в дальнейшем вблизи этих памятников будут открыты грунтовые могильники с кремацией или так называемые поверхностные захоронения.

Большинство поселений типа Подол исследовалось в 1980-х гг., во время охранных работ в зоне проектируемого Ржевского гидроузла. Основные материалы происходят из двух поселений — эпонимного селища Подол 3 и городища Осечен (Климово), подвергавшегося интенсивным грабительским раскопкам. На раннесредневековые материалы многослойного памятника Подол 3 (слой VI) обратил внимание А. Г. Фурасев, отметивший близость инвентаря к удомельскому типу древностей (Синицына 1996: 18). Поэтому данный объект и прежде всего керамика привлекли внимание автора (Синицына, Исланова 2009: 486–491). При знакомстве с керамическими коллекциями других поселений Волговерховья оказалось, что на них присутствует набор посуды, схожий с селищем Подол 3. А среди индивидуальных находок городища Осечен имеются литейные формы, близкие фрагментам формочек из Подола 3. Из-за малочисленности или отсутствия находок, служащих хронологическими индикаторами, время существования указанных поселений пока определяется широко — в рамках третьей четверти I тыс. н. э. Почти нет сведений о характере жилых и хозяйственных строений.

Из общей массы раннесредневековых древностей памятники типа Подол выделяются прежде всего особым набором керамики. Главное их отличие — это распространенность посуды, имевшей, по-видимому, прототипы среди керамики мощинской культуры. Указанные сосуды имеют уступ или удлиненный уступ, постепенно «превращающийся» в ребро на переходе от плеча в тулово. Возникновение этой традиции, возможно, обусловлено местоположением поселений на берегах Волги, по правым притокам которой проходили пути в верхнее Поднепровье, где поселения со схожей керамикой хорошо известны (Массалитина 2002). Время появления мощинского импульса еще придется уточнять. Помимо описанной посуды на ряде поселений типа Подол встречены отдельные предметы и фрагменты сосудов, имеющие прямые аналоги на памятниках типа Заозерье–Узмень. Последнее может указывать не только на тесные контакты, но и на приход сюда части населения из Верхнего Подвинья.

Можно отметить также сходство слабопрофилированных сосудов на памятниках типа Подол с изделиями, известными в КПДК и в предсочных древностях. Подобная близость отдельных частей керамических наборов скорее всего объясняется общими традициями тех новых групп населения, которые переселились на водораздел и испытали там культурное влияние со стороны неоднородного местного населения, занимавшего разные экологические ниши.

Исторические судьбы обитателей поселений типа Подол остаются неясными. Памятники культуры сопки здесь неизвестны. На большинстве памятников жизнь прекращается; они не перекрыты древнерусским слоем (Подол 3, Тёплый Ручей, Усть-Тудовка 8, Бобронники). Некоторые из них заселяются вновь уже в позднем средневековье (Осечен). Иногда на участках бывших селищ в начале II тыс. н. э. основываются курганные или грунтовые могильники (Рогово, Першино, Суходол). Не исключено, что преемственность в заселении данного региона отсутствовала, и в конце I тыс. н. э. там произошла смена населения.

Литература

- АКР 2012 — Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 4. Бологовский, Осташковский, Пенковский, Удомельский, Фировский районы / Исланова И. В., Комаров К. И., Король Г. Г., Нефедов В. С. (авт.-сост.); Король Г. Г. (ред.). М.: ИА РАН, 2012. 481 с.
- Археология 2006 — Археология: Учебник / Янин В. Л. (ред.). М.: Изд-во МГУ, 2006. 108 с.
- Башенькин 1995 — Башенькин А. Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // Дубов И. В., Фроянов И. Я. (ред.). Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 3–29 (Славяно-русские древности. Вып. 3).
- Буров 2003 — Буров В. А. Городище Варварина Гора. Поселение I–V и XI–XIV веков на юге Новгородской земли. М.: Наука, 2003. 470 с.
- Еремеев, Дзюба 2010 — Еремеев И. И., Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с.
- Исланова 1997 — Исланова И. В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 302 с.
- Исланова 2001 — Исланова И. В. Проблемы изучения древностей I тыс. н. э. (Валдай — Верхнее Поволжье — Волго-Окское междуречье) // ТАС. 2001. Вып. 4, т. 2. С. 5–13.
- Исланова 2006 — Исланова И. В. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.: Изд-во Тверского ГУ, 2006. 286 с.
- Исланова 2012 — Исланова И. В. Древности в верховьях Волги (ранний железный век и раннее средневековье). М.: ИА РАН, 2012. 218 с. (РСМ. Вып. 14).
- Исланова 2014 — Исланова И. В. Памятники типа Подол (культурные контакты населения Верхневолжья в третьей четверти I тыс. н. э.) // Обломский А. М. (отв. ред.). Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. М.: ИА РАН, 2014. С. 26–44 (РСМ. Вып. 15).
- Исланова 2015 — Исланова И. В. Верхневолжский керамический набор (к вопросу о культурной ситуации на Верхней Волге в середине — третьей четверти I тыс. н. э.) // ТАС. 2015. Вып. 10, т. 2. С. 149–155.
- Исланова 2020 — Исланова И. В. Мстинско-моложская группа древностей середины I тыс. н. э. на Волго-Балтийском водоразделе // АВ. 2020. Вып. 28. С. 249–257.

- Казанский 2008 — *Казанский М. М.* Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья // Наумов А. Н. (отв. ред.). Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула: ГМЗ «Куликово Поле», 2008. С. 304–325.
- Клещенко и др. 2021 — *Клещенко Е. А., Свиркина Н. Г., Исланова И. В., Куприянов Д. А., Смирнов А. Л., Бужилова А. П., Добровольская М. В.* Кремированные останки из грунтовых погребений могильника Юрьевская Горка в контексте проблем культурного взаимодействия на севере Восточной Европы в середине — третьей четверти I тыс. н. э. // КСИА. 2021. Вып. 263 (в печати).
- Конецкий 1977 — *Конецкий В. Я.* К вопросу о сопках и длинных курганах в бассейне р. Мсты // Мавродин В. В. (отв. ред.) и др. Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 83–85.
- Конецкий 2007 — *Конецкий В. Я.* Этнокультурные процессы второй половины I тыс. н. э. на Северо-Западе: итоги и перспективы изучения // Носов Е. Н., Мусин А. Е. (отв. ред.). У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 256–267.
- Лебедев 1982 — *Лебедев Г. С.* Археологическое изучение Новгородской земли // Новгородский исторический сборник. № 1 (11). Л.: Наука, 1982. С. 15–42.
- Лопатин 2003 — *Лопатин Н. В.* О происхождении и локальной специфике керамических наборов культуры псковских длинных курганов // КСИА. 2003. Вып. 214. С. 43–58.
- Лопатин, Фурасьев 2007 — *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.* Северо-Запад России и Север Белоруссии // Гавритухин И. О., Обломский А. М. (отв. ред.). Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. М.: ИА РАН, 2007. С. 276–300 (РСМ. Вып. 9).
- Львова 1970 — *Львова З. А.* Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. II. Происхождение бус // АСГЭ. 1970. Л.: Аврора, 1970. Вып. 15. С. 89–111.
- Малыгин 2007 — *Малыгин П. Д.* Культуры длинных курганов и сопок на территории Верхневолжья в конце I тыс. н. э. и славянское заселение бассейна р. Тверцы // Лагуткина Е. В. (ред.). Археологические памятники Тверской области и история их изучения: Учебное пособие. Тверь: Изд-во Тверского ГУ, 2007. С. 50–65.
- Массалитина 2002 — *Массалитина Г. А.* Новые керамические коллекции с памятников конца I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. на водоразделе верхних притоков Днепра и Волги // Поведская И. Н. (отв. ред.). Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: ТНИИР-центр, 2002. Вып. 4. С. 6–15.
- Михайлова 2014 — *Михайлова Е. Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 427 с.
- Михайлова 2017 — *Михайлова Е. Р.* О распространении изделий из оловянистых сплавов в лесной зоне Восточной Европы в середине — второй половине I тыс. н. э. // *Stratum plus*. 2017. № 5. С. 87–97.
- Носов 1974 — *Носов Е. Н.* Источники по славянской колонизации Новгородской земли // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1974. Вып. 6. С. 212–241.
- Носов, Плохов 1991 — *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Поселение Золотое Колено на Средней Мсте // Янин В. Л., Носов Е. Н., Гайдуков П. Г. (ред.). Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М.: ИА РАН, 1991. С. 117–149.
- Олейников 2007 — *Олейников О. М.* Культура длинных курганов Верхневолжского и Верхнеднепровского регионов // ТАС. 2007. Вып. 6, т. 2. С. 166–184.
- ПСРЛ 1998 — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 648 с.

- Седов 1974 — Седов В. В. Длинные курганы кривичей. М.: Наука, 1974. 94 с. (САИ. Вып. ЕІ-8).
- Седов 1999 — Седов В. В. Древнерусская культура: Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 320 с.
- Синицына 1996 — Синицына Г. В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. Отчет о полевой работе Тверской археологической экспедиции в 1996 году. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 52 с. (АИ. Вып. 39).
- Синицына, Исланова 2009 — Синицына Г. В., Исланова И. В. Раннесредневековые материалы с северного берега оз. Волго в Тверской области // ТАС. 2009. Вып. 7. С. 484–495.

URGENT QUESTIONS IN THE STUDY OF EARLY MEDIEVAL ANTIQUITIES (Valdai — Volga-Baltic watershed — Upper Volga)

I. V. ISLANOVA

Keywords: *Early Middle Ages, forest zone of East Europe, Pskov Long Barrow culture, Pre-Sopka sites, Podol type settlements.*

The paper provides an overview of the key issues and perspectives in the study of several groups of Early Medieval (second half of the I mil. AD) antiquities from the southern part of the Volga-Baltic watershed. The groups in question are the Pskov Long Barrow culture, Pre-Sopka sites, and the Podol type sites. The creation of a generalized classification for massive ceramic material permits to correctly compare earthenware assemblages belonging to different cultural groups, which, it turn, helps to trace cultural transformations that took place over a vast area in the forest zone of East Europe during a long period of time. The most important tasks for the future are, first, to locate the source area of the migration of the new population that appeared in the Volga-Baltic watershed not later than the VI c. AD, and, second, to study out the historical destiny of the three cultural groups listed above at the end of the I millennium AD.

ПРЕДМЕТЫ КРУГА ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ЭМАЛЕЙ С ГОРОДИЩА ОРЛОВ ГОРОДОК

С. Е. АНДРЕЕВ¹

Ключевые слова: Тверская обл., городище Орлов Городок, украшения с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля II–IV вв. н. э., бассейн Средней Мологи, Прибалтика, Верхнее Поволжье, Волго-Окский регион.

Статья посвящена материалам городища Орлов Городок, расположенного в бассейне Средней Мологи (Тверская обл.). При исследовании этого памятника были выявлены комплексы бронзолитейного производства, развивавшиеся с самого начала жизни на городище (вторая половина — конец III в. н. э.) до ее конца (конец VI в. н. э.). В статье анализируются находки, относящиеся к кругу украшений с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля. Основное внимание уделено фибуле-застежке (рис. 2, 8), ныне находящейся в экспозиции Тверского государственного объединенного музея. Эта застежка имеет развитые отростки в виде лунниц по краю рамки, как на аналогичных прибалтийских изделиях. В то же время ее округлая форма с петлей приемника находит соответствия в Волго-Окском регионе. В целом, археологический контекст предметов круга выемчатых эмалей с городища Орлов Городок дополняет имеющиеся данные по Волго-Окскому региону и позволяет уточнить место данного памятника в ряду археологических культур региона второй половины III — первой половины IV в. н. э. Не следует исключать и возможности прямой связи местных изделий этого круга с прибалтийской традицией.

DOI: 10.31600/2310-6557-2021-25-160-166

Украшения с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля представляют собой яркий культурный феномен конца II — IV в. н. э. на Восточно-Европейской равнине. В настоящей статье рассматриваются украшения этого круга с городища Орлов Городок, расположенного в 12 км к юго-западу от пос. Молоково (Молоковский р-н Тверской обл.).

Городище локализуется на правом берегу р. Могочи, правого притока р. Осень, правого притока р. Молога в ее среднем течении. Высота над уровнем воды — 14 м (рис. 1). Большая часть территории памятника (почти вся внутренняя площадка, около 330 м²) исследована А. Д. Максимовым в 1980–1982 и 1987 гг. Значительная часть материалов раскопок осталась неопубликованной, в том числе в связи со смертью исследователя в 2016 г. В своих статьях А. Д. Максимов обращался к отдельным группам артефактов с городища (керамике, ножам, сельскохозяйственному инвентарю) (Максимов 1991; 2001; Максимов, Розанова 1998), но обобщающей работы, к сожалению, так и не подготовил.

¹ Отдел археологии, Тверской государственный объединенный музей, г. Тверь, 170021, Россия.

Рис. 1. Городище Орлов Городок, вид с С, 1980 г. (фото А. Д. Максимова)

Fig. 1. Orlov Gorodok fortified settlement, view from the north, 1980 (photo by A. D. Maximova)

Ранее в коллекции городища Орлов Городок специально не выделялись предметы, относящиеся к кругу украшений с выемчатыми эмалями. А. Д. Максимов лишь упоминал в своих работах о «бронзовой фибуле с пятью Т-образными выступами и железным язычком» (Максимов 1981: 65). Эта фибула занимает видное место в экспозиции Тверского государственного объединенного музея, посвященной эпохе Великого переселения народов и раннему средневековью на территории Тверской области. Поэтому будет уместно рассмотреть ее более детально.

Как уже неоднократно отмечалось исследователями, после выхода в свет работы Г. Ф. Корзухиной (Корзухина 1978) сложились представления о трех стадиях эволюции изделий круга восточноевропейских выемчатых эмалей. Для первой стадии характерны предметы сравнительно небольших размеров, без отростков и прорезных полей. Вставки эмали, если они есть, — красного цвета и невелики по размерам. На второй стадии изделия в большинстве своем становятся крупнее; помимо красной используется эмаль и других цветов. Предметы зачастую снабжены отростками, дополнительными полями, имеют прорезную орнаментацию (за исключением подковообразных фибул). Фибулы становятся заметно более массивными, изменяется характер декорирования щитков и поля в центре корпуса. Для финала этой стадии характерно использование украшений, дополненных отростками и кольцами. На третьей (заключительной) стадии получают распространение украшения с прорезной орнаментацией, без эмалевых вставок (Обломский, Терпиловский 2007: 120–124).

В современных работах, посвященных украшениям с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля, делается вывод, что основной период функционирования изделий с эмалями, в том числе на стадии деградации, приходится на III–IV вв. н. э. Не исключаются также вторая половина — конец II в. н. э., а также раннегуннское время (Обломский 2018: 239).

Фибула с Орлова Городка (рис. 2, 8) была найдена в раскопе 1981 г. в IX фиксационном горизонте (предматерик), вне постройки (глубина 0,93 м от нулевого репера). Автор раскопок датировал этот горизонт первой половиной IV в. н. э. (строительный период II). Внутренний диаметр фибулы составляет 3,5 см; внешний — 5,5 см; диаметр с учетом отростков-лунниц — 8 см.

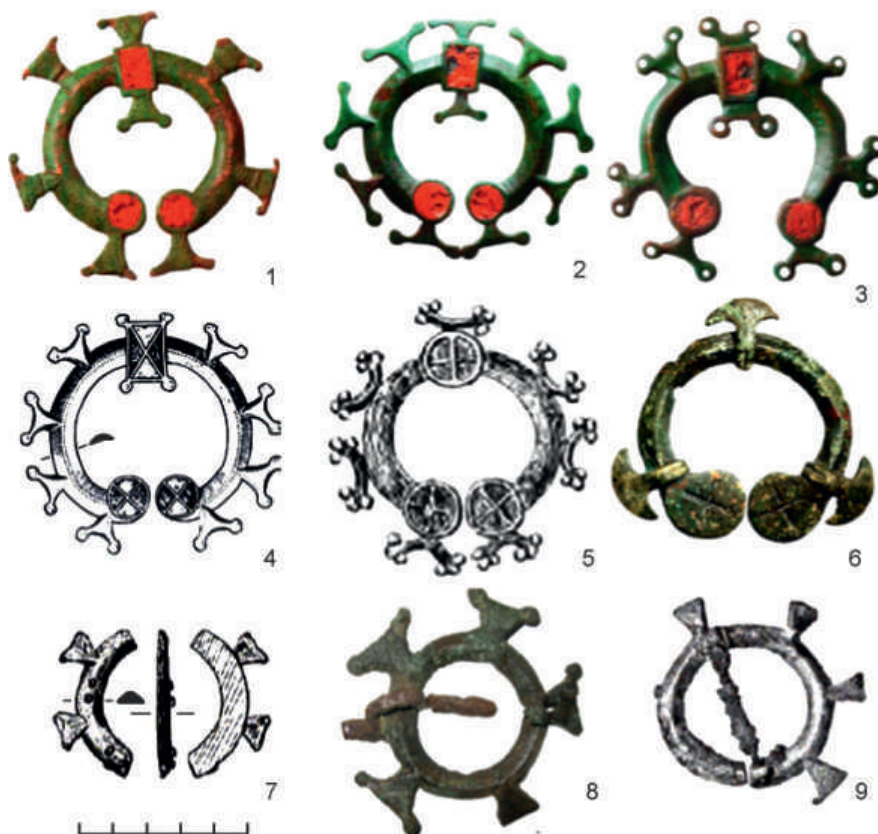

Рис. 2. Фибулы с отростками в виде лунниц и трапецевидными лопастями: 1 — Вильнюс; 2 — Рокенай; 3 — Жадавайняй (1–3 — по: Michelbertas 2016: pav. 28, 20, 31); 4 — Ябара С (по: Раззак 2020: рис. 5, 1); 5 — Кораблино, мыс 1, погр. 39 (по: Ахмедов 2018: рис. 119, 14); 6 — Большое Давыдовское 2, погр. 3-1 (по: Макаров 2010: рис. 10); 7 — Кораблино, мыс 1, пахотный слой (по: Ахмедов 2018: рис. 2, 6); 8 — Орлов Городок (публикуется впервые); 9 — Большое Давыдовское 2, погр. 3-5 (по: Ахмедов, Белоцерковская 2019: рис. 2, 5)

Fig. 2. Fibulae with lunula-shaped arms and tapered blades: 1 — Vilnius; 2 — Rokenai; 3 — Žadavainiai (1–3 — after Michelbertas 2016: pav. 28, 20, 31); 4 — Jabara C (after Раззак 2020: fig. 5, 1); 5 — Korablino, promontory 1, burial 39 (after Ахмедов 2018: fig. 119, 14); 6 — Bolshoe Davydovskoe 2, burial 3-1 (after Макаров 2010: fig. 10); 7 — Korablino, promontory 1, topsoil (after Ахмедов 2018: fig. 2, 6); 8 — Orlov Gorodok (first publication); 9 — Bolshoe Davydovskoe 2, burial 3-5 (after Ахмедов, Белоцерковская 2019: fig. 2, 5)

В ходе исследования данная находка была сопоставлена с подковообразными фибулами с эмалями из Прибалтики (рис. 2, 1–4). Близкая по типу застежка с отростками в виде лунниц обнаружена в Северо-Восточной Эстонии, в каменном могильнике Ябара С (Шмидехельм 1955: 72, рис. 15, 1). По своему происхождению она связывается, скорее всего, с Латвией или Литвой (Раззак 2020: 46).

По материалам Литвы М. Михельбертас (Mykolas Michelbertas) относит появление «варварских» эмалей к периоду от второй половины В2 до В2/С1–С1а (то есть со второй половины — конца II в. до середины III в.), а их широкое распространение — к фазам С1b–С2 (вторая половина III — начало IV в.) (Michelbertas 2016: Fig. 100–106). Исчезновение изделий приходится на фазы С3–D, с тем уточнением, что наиболее вероятной датой является прекращение поступления в Литву римских стеклянных бус, служивших сырьем для эмали, в середине V в. н. э.

Эту верхнюю дату аргументированно оспаривает А. М. Обломский, приводя в пример материалы Брянского клада. В настоящее время они уверенно датируются не позднее второй половины III в. н. э., в то время как прибалтийские исследователи по типологическим соображениям склонны относить прямые аналогии находкам из этого клада к этапу СЗ–D, то есть к IV в., исключая его начало (Обломский 2018: 240).

Рассмотрение фибулы с городища Орлов Городок в контексте аналогий из Прибалтики позволяет сделать вывод: хотя она не имеет эмалевых вставок, по общему облику и наличию отростков в виде лунниц ее можно воспринимать как подражание прибалтийским формам².

С другой стороны, наиболее близкая аналогия этой фибуле происходит из Волго-Окского региона (могильник Большое Давыдовское 2, погр. 3-5). Подобно находке с Орлова Городка она имеет круглую форму, с железной иглой застежки и петлей приемника (рис. 2, 9). Вместе с тем у фибулы из Большого Давыдовского 2 отростки по внешнему краю рамки менее развитые; они уже описываются как лопасти, на одной из которых сохранился шарик ложной зерни (Ахмедов, Белоцерковская 2019: 133).

Таким образом, застежка с Орлова Городка занимает промежуточное положение. С одной стороны, она имеет развитые отростки в виде лунниц по краю рамки, как на прибалтийских фибулах³. Однако округлая форма с петлей приемника сближает ее с аналогичными изделиями из Волго-Окского региона. Вероятнее всего, данная застежка относится ко II или III этапу бытования украшений с выемчатыми эмальями восточноевропейского стиля.

По мнению И. Р. Ахмедова, подобные фибулы без эмалей с отростками датируются на Оке, в Москворечье и на Верхней Волге концом III — началом IV в. н. э. (Ахмедов 2018: 416, рис. 119). Примерами служат находки из могильника Большое Давыдовское 2, а также из комплексов могильника Кораблино, мыс 2, погр. 39 (рис. 2, 7); погр. 3-1 (рис. 2, 2, 9).

И. Р. Ахмедов полагает, что наряду с использованием импортных предметов круга эмалей (по большей части привозных из Поднепровья) здесь встречаются и местные изделия круга восточноевропейских эмалей, хотя достаточно редко. К таковым относятся подковообразные фибулы из могильников Кораблино, погр. 39 и Большое Давыдовское 2, погр. 3-1.

Географически городище Орлов Городок располагается между Прибалтикой и Волго-Окским регионом (рис. 3). При исследовании памятника выявлены комплексы бронзолитейного производства, развивавшиеся с самого начала жизни на городище (вторая половина — конец III в. н. э.) до ее окончания (конец VI в. н. э.). Можно предположить, что фибула была изготовлена здесь, на месте, в начале — первой половине IV в. н. э. В облике ее, наряду с прибалтийской традицией, проявились определенные новшества, возникшие в финно-угорской среде Волго-Окского междуречья. Так появился вариант, сочетающий в себе местные и заимствованные черты.

Помимо описанной фибулы, с городища Орлов Городок происходит бронзовая подвеска-трискелис, также относящаяся к кругу украшений с выемчатыми эмальями восточноевропейского стиля. Это ажурная подвеска с фигурой в виде «трискелиона», вписанной в круг с тремя выступами (рис. 4, 1). Она была найдена в раскопе 1982 г.

² Автор благодарит А. М. Обломского за помощь и ценные консультации.

³ В этот ряд можно включить также фрагмент фибулы с отростками в виде лунниц из пахотного слоя могильника Кораблино (рис. 2, 7) (Ахмедов, Белоцерковская 2019: 133).

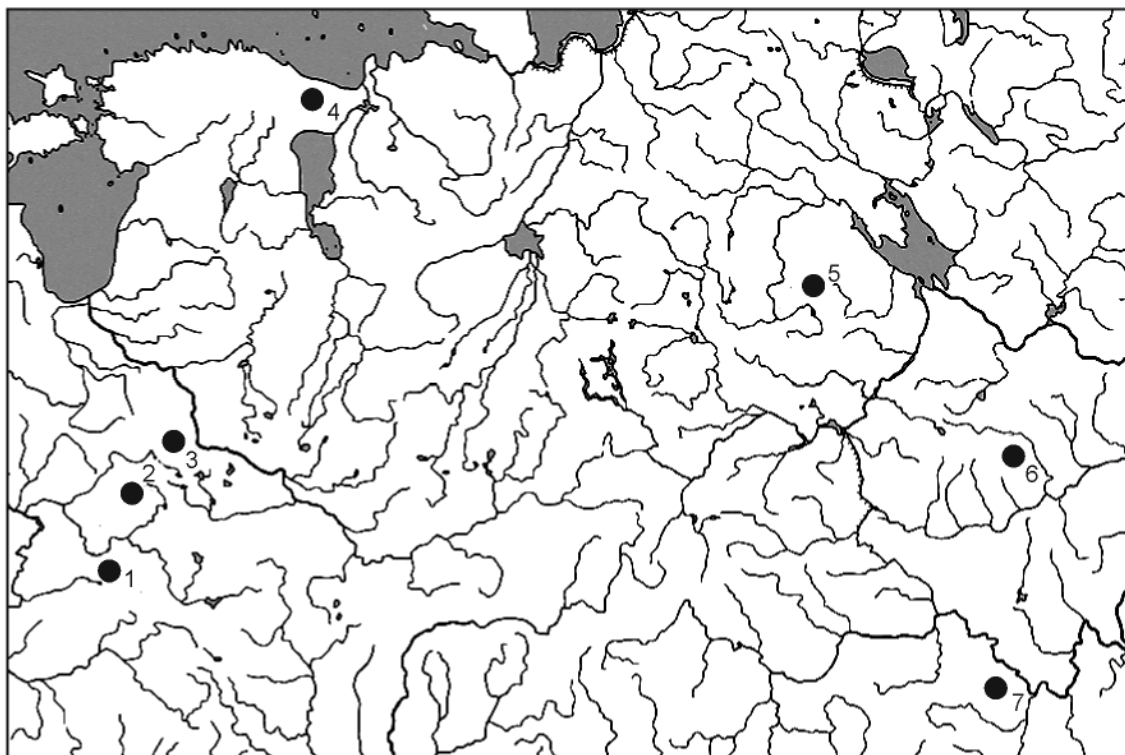

Рис. 3. Находки фибул круга украшений с выемчатыми эмалью восточноевропейского стиля с отростками в виде лунниц, карта: 1 — Вильнюс (Vilnius); 2 — Жадавайняй (Žadavainiai); 3 — Рокенай (Rokenai); 4 — Ябара С (Jabara C); 5 — Орлов Городок; 6 — Большое Давыдовское 2; 7 — Кораблино

Fig. 3. Map of finds of fibulae belonging to the circle of adornments with champlévé enamels of the East European style with lunula-shaped arms: 1 — Vilnius; 2 — Žadavainiai; 3 — Rokenai; 4 — Jabara C; 5 — Orlov Gorodok; 6 — Bolshoe Davydovskoe 2; 7 — Korablino

в VIII фиксационном горизонте, который датируется первой половиной IV в. н. э. Подвеска также относится к финальному (безэмалевому) этапу существования традиции. Обнаружена она недалеко от бронзолитейного производственного комплекса, функционировавшего на городище с первого этапа его существования.

На обоих рассмотренных предметах эмалевые вставки отсутствуют. Однако в ходе работ 1987 г., при разборке бровки между раскопами 1980 и 1981 гг., была обнаружена прямоугольная бусина из стеклянной пасты темно-красного (бордового) цвета — так называемый кирпичик⁴ (рис. 4, 2). Подобные бусы являлись сырьем для эмалевых вставок. Они в большом количестве присутствуют в Мощинском и Брянском кладах (Румянцев 2018: 123). Таким образом, на городище, в принципе, можно было бы ожидать обнаружения вещей с эмалевыми вставками. Но поскольку в настоящее время площадка раскопана почти полностью, вероятность таких находок в будущем очень мала.

И. Р. Ахмедов, характеризуя расположенный юго-восточнее участок течения р. Волга от Дубны и Кимр до Ярославля, высказал предположение, что местная традиция изготовления украшений с эмалью и их дериватов на землях восточных финнов связана с проникновением на эти территории с запада небольших групп, близких носителям

⁴ Автор высказывает большую признательность О. С. Румянцевой за консультацию.

киевской культуры (Ахмедов 2018: 158). Возможно, как раз следы этого проникновения мы наблюдаем на городище Орлов Городок. Описанные выше артефакты следует рассматривать в контексте производства дериватов украшений в стиле варварских эмалей в Верхнем Поволжье.

Анализ археологического контекста находок круга выемчатых эмалей восточноевропейского стиля с городища Орлов Городок существенно дополняет информацию об аналогичных изделиях в Волго-Окском регионе. Это позволяет уточнить место данного памятника в ряду археологических культур региона второй половины III — первой половины IV в. н. э. Не следует исключать и возможности прямой связи местных изделий этого круга с прибалтийской традицией.

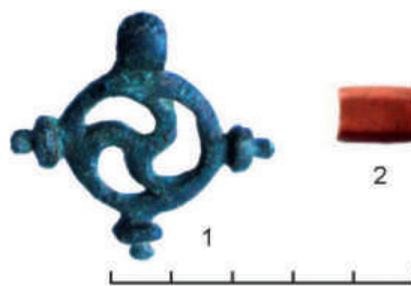

Рис. 4. Городище Орлов Городок:
1 — подвеска-трискелис, бронза;
2 — бусина, темно-красная
стеклянная паста

5 Fig. 4. Orlov Gorodok:
1 — pendant-triskelis, bronze;
2 — bead, dark red glass paste

Литература

- Ахмедов 2018 — Ахмедов И. Р. Находки круга восточноевропейских эмалей на Волге и Оке // Обломский А. М. (отв. ред.). Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.). М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2018. С. 146–158 (РСМ. Вып. 18).
- Ахмедов, Белоцерковская 2019 — Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. Находки круга «восточноевропейских» эмалей и некоторые вопросы формирования культурного комплекса рязано-окских финнов // КСИА. 2019. Вып. 254. С. 128–152.
- Корзухина 1978 — Корзухина Г. Ф. Предметы убора с выемчатыми эмальями V — первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л.: Наука. 123 с. (САИ. Е1-43).
- Макаров 2010 — Макаров Н. А. Финские древности первой половины I тыс. н. э. в Суздальском Ополье // Макаров Н. А. (отв. ред.). Институт археологии: Новые полевые исследования. М.: ИА РАН, 2010. С. 70–72.
- Максимов 1981 — Максимов А. Д. Раскопки городища Орлов городок // Археологические открытия 1980 года. М.: Наука, 1981. С. 64–65.
- Максимов 1991 — Максимов А. Д. Некоторые формы лепных сосудов с затертой поверхностью с городища Орлов городок // Седов В. В. (отв. ред.), Арсланова Ф. Х. (зам. отв. ред.). Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий: Сб. науч. тр. Тверь: Изд-во Тверского ГУ, 1991. С. 22–35.
- Максимов, Розанова 1998 — Максимов А. Д., Розанова Л. С. Результаты металлографического анализа железных изделий с городища Орлов городок // ТАС. 1998. Вып. 3. С. 367–374.
- Максимов 2001 — Максимов А. Д. Место земледелия в системе производящего хозяйства городища Орлов Городок // ТАС. Тверь, 2001. Вып. 4, т. 2. С. 42–46.
- Обломский, Терпиловский 2007 — Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Приложение 2. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского) // Обломский А. М. (отв. ред.). Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III — начало V в. н. э.). М.: ИА РАН, 2007. С. 113–141 (РСМ. Вып. 10).
- Обломский 2018 — Обломский А. М. Проблемы изучения кладов украшений с эмальями в Поднепровье и Подонье // Обломский А. М. (отв. ред.). Брянский клад украшений

- с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.). М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2018. С. 237–253 (ПСМ. Вып. 18).
- Раззак 2020 — Раззак [Юшкова] М. А. Предметы с эмальями в культуре могильников с каменными оградками // Радюш О. А., Блюэнэ А., Любичев М. В. (ред.). Германия — Сарматия III: Сб. науч. ст. по археологии народов Центральной и Восточной Европы. М.: ИА РАН, 2020. С. 44–62.
- Румянцева 2018 — Румянцева О. С. Бусы Брянского клада // Обломский А. М. (отв. ред.). Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.). М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2018. С. 115–124 (ПСМ. Вып. 18).
- Шмидехельм, 1955 — Шмидехельм М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. — V в. н. э.). Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1955. 271 с.
- Michelbertas 2016 — Michelbertas M. Romeniškojo laikotarpio emaliuoti dirbiniai Lietuvoje. Vilnius: Vilniaus universitetas, 2016. 110 p.

OBJECTS OF A CIRCLE OF EAST EUROPEAN ENAMELS FROM THE FORTIFIED SETTLEMENT OF ORLOV GORODOK

S. E. ANDREEV

Keywords: *Tver Oblast, Orlov Gorodok, II–IV cc. AD, adornments with champlévé enamels of the East European style, Middle Mologa basin, Baltic area, Upper Volga region, Volga-Oka region.*

The paper is devoted to the materials of the Orlov Gorodok fortified settlement situated in the Middle Mologa basin, Tver Oblast. The site yielded evidence of bronze-casting production that existed here from the very beginning of human habitation (the second half — the end of the III c. AD) till its end (late VI c.). The paper analyzes the finds belonging to the circle of adornments with champlévé enamels of the East European style. Particular attention is given to a fibula clasp (fig. 2, 8) from the permanent exhibition of the Tver State United Museum. The clasp has well developed arms in the form of lunules along the edge of the frame, analogous to that seen on the Baltic fibulae of this type. At the same time its round shape finds analogies in the Volga-Oka region. The archaeological context of the finds belonging to the circle of adornments with champlévé enamels from Orlov Gorodok enriches the data available for the Volga-Oka region and makes it possible to specify the place of this site among the regional archaeological cultures dating from the second half of the III — the first half of the IV c. AD.

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ КАМНЯ И БРОНЗЫ НА СЕВЕРНОМ БЕРЕГУ ФИНСКОГО ЗАЛИВА (по результатам разведочных работ 2020 г.)¹

А. Ю. ГОРОДИЛОВ, М. А. РАЗЗАК²

Ключевые слова: северный берег Финского залива, каменный курган, стоянка, каменный век, неолит, эпоха бронзы.

В статье рассмотрены результаты разведочных работ 2020 г. на северном побережье Финского залива. В ходе обследования участка к западу от Выборгского залива выявлены две новые группы каменных курганов эпохи бронзы, состоящие из двух-трех насыпей и отдельных каменных выкладок (Бычья Голова 1–2). Аналогичные памятники исследовались в этом районе в 2017–2019 гг. Кроме того, обнаружены места вероятного расположения несохранившихся курганов (у пос. Чулково и на п-ве Портовый мыс). Ныне исследуемый регион можно с уверенностью включать в ареал распространения каменных курганов эпохи бронзы.

В ходе визуального обследования местности выявлено поселение каменного века Заболотное 1 (в 2 км от оз. Заболотное). Культурный слой содержит типичную гребенчато-ямочную керамику. Сосуды орнаментированы отгисками гребенчатого штампа и коническими ямками. На участке к югу от бухты Ключевская выявлены стоянки каменного века с находками гребенчато-ямочной керамики (Глебычево 3) и кварцевой/сланцевой отщеповой индустрией (Глебычево 4). На стоянке Глебычево 4 обнаружен фрагмент фаланги кисти человека.

Результаты работ подтверждают большой потенциал разведок памятников каменного — бронзового века в прибрежной зоне к северу от Финского залива.

DOI: 10.31600/2310-6557-2021-25-167-182

Работы Ленинградской областной экспедиции ИИМК РАН по обследованию прибрежной части Финского залива (Выборгский р-н Ленинградской обл.) сосредоточились в 2020 г. на двух участках побережья: 1) к западу от Выборгского залива, в прибрежной зоне между реками Великая и Серьга (Селезневское сельское поселение) (рис. 1, I); 2) к югу от бухты Ключевская в округе пос. Глебычево (Приморское городское поселение) (рис. 1, II).

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0007 «Славяне, финны и германцы в эпоху Средневековья. Этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития» и № 0184-2019-0011 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры».

² А. Ю. Городилов — Отдел охранной археологии, М. А. Раззак — Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

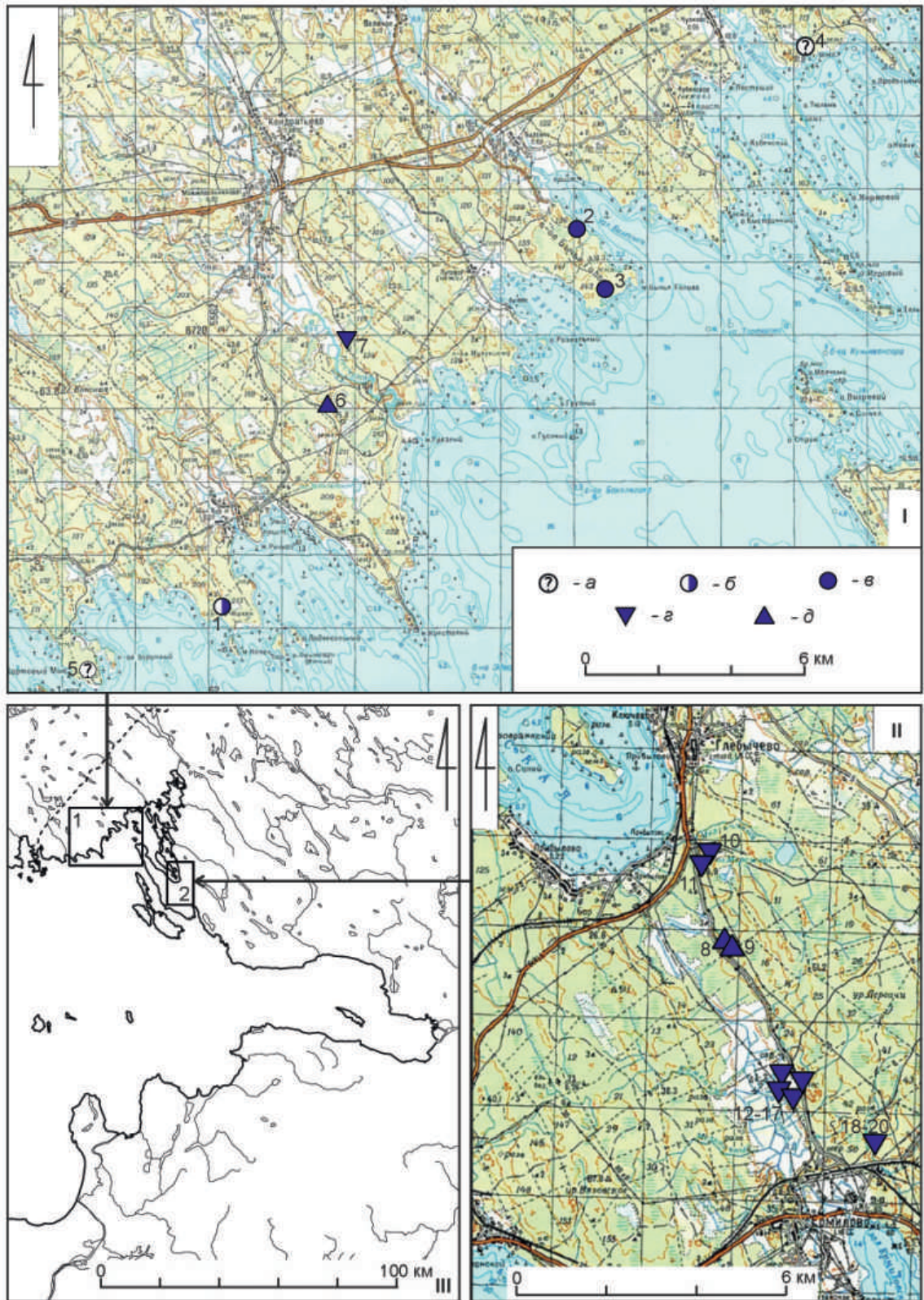

Рис. 1. I — северное побережье Финского залива (к западу от Выборгского залива): 1 — группа курганов Большой Бор 1; 2 — группа курганов Бычья Голова 1; 3 — группа курганов Бычья Голова 2; 4 — разрушенный курган (?) у пос. Чулково; 5 — разрушенный курган (?) на п-ове Портовый мыс; 6 — стоянка Заболотное 1; 7 — Саккиярви Рави 1, 2 (*a–в* — курганы: *a* — разрушенные, *б* — известные до 2020 г., *в* — выявленные в 2020 г.; *г–д* — стоянки каменного века: *г* — известные до 2020 г., *д* — открытые в 2020 г.); II — округа пос. Глебычево: 8 — Глебычево 3; 9 — Глебычево 4; 10 — Глебычево 1; 11 — Глебычево 2; 12–17 — Ермилово 1–5, 9; 18–20 — Ермилово 6–8; III — побережье Финского залива, карта-схема

Fig. 1. I — northern shore of the Finnish Gulf (west of the Vyborg Bay): 1 — Bolshoi Bor 1 group of barrows; 2 — Bychya Golova 1 group of barrows; 3 — Bychya Golova 2 group of barrows; 4 — destroyed barrow (?) near the village of Chulkovo; 5 — destroyed barrow (?) on Cape Portovyi; 6 — Zabolotnoe 1 site; 7 — Sakkijarvi Ravi 1, 2 (*a–v* — barrows: *a* — destroyed, *б* — known before 2020, *в* — discovered in 2020; *г–д* — Stone Age sites: *г* — known before 2020, *д* — discovered in 2020); II — environs of the Glebychevo village: 8 — Glebychevo 3; 9 — Glebychevo 4; 10 — Glebychevo 1; 11 — Glebychevo 2; 12–17 — Ermilovo 1–5, 9; 18–20 — Ermilovo 6–8; III — Finnish Gulf shore, schematic map

Северное побережье Финского залива

В геоморфологическом отношении северное побережье Финского залива к востоку от российско-финской границы представляет собой единое целое с прибрежными областями Юго-Восточной Финляндии. Однако по степени археологической изученности этот регион принципиально отличается от последних. Российская часть побережья до сих пор исследована очень мало в силу труднодоступности приграничной территории.

В бронзовом веке прибрежные области Финляндии входили в ареал распространения североевропейской культуры эпохи бронзы, ядро которой находилось в Южной Скандинавии. Основным маркером данной культуры в Финляндии являются каменные курганы (финск. *hiidenkiuas*). Наиболее ранние курганы распространены в юго-западной Финляндии; они появляются там во II периоде бронзового века (примерно 1500–1300 гг. до н. э.). Самые большие курганы относятся к эпохе ранней бронзы, к концу бронзового века их размеры уменьшаются. Внутри курганов прослеживаются различные каменные конструкции; самой распространенной является каменная стена по периметру (Lavento 2015: 163–166).

В прибрежной Финляндии известно около 10 000 каменных курганов, но далеко не все они относятся к бронзовому веку (Salo 1992: 6; Tuovinen 2002: 66). К 1988 г. в Финляндии было раскопано около 250 каменных насыпей, из которых 114 оказались датированы. В результате 57 % было отнесено к бронзовому веку, остальные — к железному (Vuorinen 2000: 181; Asplund 2008: 73).

Ближайшие к району обследования курганы эпохи бронзы расположены в области Кюменлаксо в Юго-Восточной Финляндии. Здесь известно около 50 курганов бронзового века (Miettinen 2012: 55). Один из них, в Саловаара под г. Котка, был раскопан в 1991–1992 гг. Исследование проводил Т. Миеттинен. В основании кургана в скопленнии пережженных костей была найдена двойная шиповидная пуговица североевропейского типа, относящаяся к IV периоду бронзового века (примерно 1100–900 гг. до н. э.) (Миеттинен 1997; Miettinen 2012).

История археологического изучения участка побережья к западу от Выборгского залива представлена в основном работами финских археологов дореволюционного и довоенного периодов, когда эта территория входила в состав Финляндии (область

Säkkijärvi)³. Результаты их работ обобщены в целом ряде изданий последних лет (Uino 1997; Huure 2003; Nordqvist et al. 2009).

Начало обследований было положено в 1885 г. работами А. Р. Блумквиста (Blomqvist 1885). В округе д. Большой Бор (Jokikylä) исследователь обнаружил две группы каменных курганов, одну — из четырех насыпей, другую — из трех. Также он сообщил о наличии каменных курганов в округе урочища Чистополье (Ristisatama).

В 1907 г. каменные курганы в округе д. Большой Бор осматривал А. М. Тальгрэн, который зафиксировал там пять насыпей (Tallgren 1907: 72). В том же году было выявлено поселение Рави, откуда происходит каменный топор с обухом, оформленным в виде головы лося. В 1920 г. исследование поселений в округе Саккиярви Рави возобновил А. Европеус-Эйряпя (Europaeus-Äyräpä), известный исследователь неолита Финляндии. На поселении Равви 2 им были открыты погребения культуры шнуровой керамики (Europaeus 1923).

Разведочные работы в прибрежных районах к востоку от г. Котка проводил в 1917–1920 гг. Р. Розен (Rosén). В 1919–1920 гг. он изучал побережье Финского залива к востоку от современной границы с Финляндией вплоть до побережья залива Мухулахти (Muhulahti), в районе современного пос. Луговое. Р. Розен отметил наличие каменных курганов бронзового века на п-ве Конёк (Kainiemi), под вопросом — на полуострове без названия, где расположено оз. Заболотное (Ristiniemi), и в районе бухты Луговое (Muhulahti) (Rosén 1936: 27).

После работ 1920 г. археологические разведки в прибрежной части Финского залива на участке между реками Великая и Серьга не проводились почти 100 лет. Каменные курганы у д. Большой Бор были открыты заново только в 2016 г. разведками А. М. Жульникова. В 2017 г. эти курганы раскапывала Ленинградская областная экспедиция ИИМК РАН под руководством А. Ю. Городилова. Группа насчитывала четыре кургана. Раскопанные насыпи имели сходные конструктивные особенности: все они были сложены на слое погребенной почвы; в основаниях курганов сооружались кольцевидные выкладки высотой в 2–3 ряда камней; внутреннее пространство также было выложено камнями. На погребенной почве находились скопления кальцинированных костей и углей, в одном из них найден бронзовый нож. По сочетанию конструктивных особенностей, топографической приуроченности и хронологии аналогичных находок в других регионах памятник был датирован концом II — началом I тыс. до н. э. (Городилов, Раззак 2020а; 2020б).

На момент раскопок курганы у д. Большой Бор являлись наиболее восточным пунктом ареала каменных курганов эпохи бронзы. Однако территория, примыкающая к нему с востока, вплоть до Выборгского залива, в ландшафтном отношении практически неотличима от него. В округе Выборга в начале XX в. была найдена очковидная фибула североευропейского типа, который встречается в Финляндии в составе погребального инвентаря каменных курганов эпохи бронзы. Поэтому закономерно было предположить, что курганы распространены и восточнее. Разведочные работы 2020 г. проводились с целью поиска новых памятников этой культуры и уточнения восточной границы их ареала.

³ Авторы благодарят коллег Пирьё Уйно (Pirjo Uino) и Керкко Нордквиста (Kerkko Nordqvist) за помощь в сборе материала.

Методика разведочных работ основывалась на пространственном анализе высотной и топографической приуроченности известных курганных групп. Все известные памятники расположены на возвышенных участках берега, экспонированы в направлении моря, часто локализуются на скальных выходах («бараньих лбах») высотой 10–13 м БС. Картографический анализ местности помог выявить участки, наиболее перспективные для поиска курганов. В ходе их осмотра были открыты две курганные группы (Бычья Голова 1 и 2) и два места возможного расположения несохранившихся курганов.

Курганная группа Бычья Голова 1 (рис. 2) расположена на северо-восточном берегу п-ва Бычья Голова в 0,15 км от уреза воды, в 1 км к ЮВ от пос. Балтиец. Памятник находится на каменной гряде, выступающей вверх над окружающей ее заболоченной низиной на высоту до 10 м. По направлению к урезу воды другие возвышенности отсутствуют. Группа состоит из трех каменных курганов, разбросанных на расстоянии 9–17 м друг от друга. Каждый из них приурочен к локальному возвышению скальной поверхности высотой до 1 м, так что абсолютная высота этих возвышений составляет около 13 м БС.

Курган 1 (в восточной части группы) имеет в диаметре ≈ 5 м, в высоту — 0,4 м. Курган 2 (в центре группы) — $8,5 \times 9,5$ м в поперечнике и 0,6 м в высоту. Курган 3 (в северо-западной части группы) — $3,5 \times 4,5$ м в поперечнике, до 0,4 м в высоту. Все три насыпи сложены из валунов средних размеров (0,3–0,4 м), уложенных не менее чем в два (№ 1, 3) или три яруса (№ 2). Вероятно, изначально курганы были выше и имели более четкую форму, о чем свидетельствует значительное количество камней, разбросанных ниже по склонам вокруг каждого из них.

Курганная группа Бычья Голова 2 (рис. 3) расположена на южной оконечности п-ва Бычья Голова, в 0,3 км от уреза воды, в 2,7 км к ЮВ от пос. Балтиец. От первой группы она отстоит на 1,8 км к юго-востоку. Памятник расположен на краю скальной возвышенности, напоминающей мыс. Абсолютная высота около 12 м БС. По направлению к урезу воды другие возвышенности отсутствуют. Группа состоит из двух курганов и одной каменной выкладки, отстоящих друг от друга на 7–12 м.

Курган 1 (западный) имеет диаметр около 9 м и расположен на склоне. Высота его от верхней отметки основания до вершины — 0,6 м, от нижней до вершины — 1,2 м. Курган 2 (восточный) — $\approx 7,5$ м в диаметре, расположен на склоне. Высота от верхней отметки основания до вершины — 0,6 м, от нижней до вершины — 1 м.

Обе насыпи состоят из средних (0,3–0,4 м) и крупных (до 0,8 м) валунов, уложенных в несколько ярусов; вершины уплощены.

На расстоянии 7 м к югу от кургана 1 обнаружена каменная подпрямоугольная выкладка, приуроченная к неглубокой скальной расселине. Размеры выкладки — $1,0 \times 4,5$ м. Сложена из камней средних размеров (0,3–0,4 м).

По ряду выявленных особенностей обе курганные группы следует отнести к эпохе бронзы. На это указывают: а) расположение на скальном выходе высотой 12–13 м БС; б) приуроченность насыпей к локальным возвышенностям (что визуально увеличивает их высоту); в) соответствующие размеры курганов.

Помимо описанных групп в ходе осмотра побережья были выявлены еще два места вероятного расположения несохранившихся памятников этого типа. Они определены на основании топографического положения (скальные выходы, обращенные к морю, высотой 10–12 м БС) и наличию скоплений перемещенных камней, сходных по размеру с камнями из насыпей известных курганов.

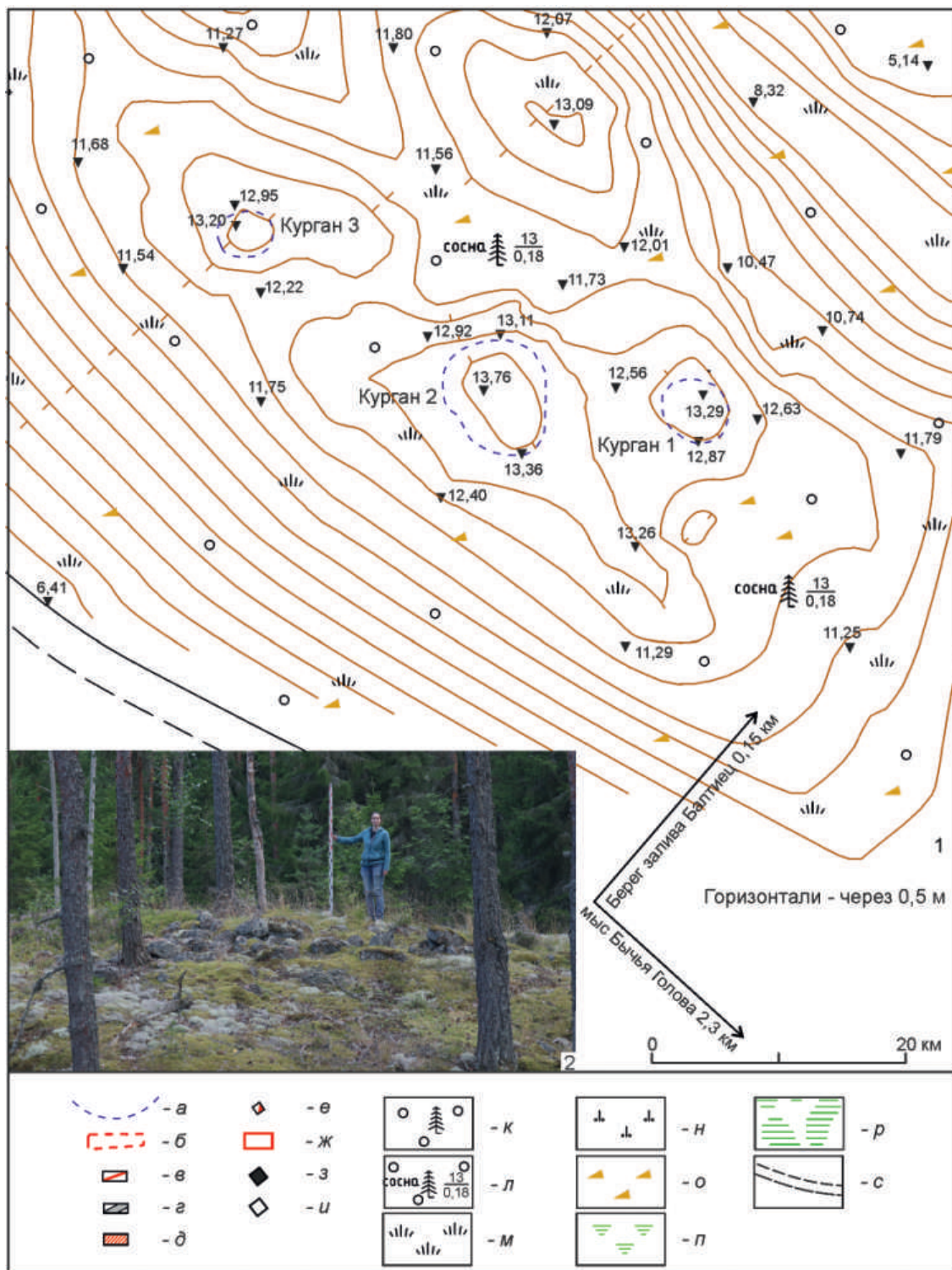

Рис. 2. Группа курганов Бычья Голова 1: 1 — план; 2 — курган 1, вид с 3. Условные обозначения для рис. 2–4, б: *a* — граница кургана; *b* — каменная выкладка; *v* — граница объекта археологического наследия; *z* — противопожарные траншеи; *d* — участки траншеи, на которых выявлен археологический материал; *e* — шурф, зачистка; *ж* — границы памятника; *з* — шурф с археологическими материалами; *и* — шурф без археологических материалов; *к* — леса естественные высокоствольные; *л* — характеристика древостоя в метрах (в числителе — высота дерева, в знаменателе — толщина, справа от дроби — расстояние между деревьями); *м* — растительность лишайниковая; *н* — растительность моховая; *о* — каменистая поверхность, выходы твердых пород; *п* — заболоченные земли; *р* — болота проходимые; *с* — дороги грунтовые полевые и лесные

Fig. 2. Bychya Golova 1 group of barrows: 1 — plan; 2 — barrow 1, view from the west. Legend for fig. 2–4, б: *a* — limits of the barrow; *b* — stone lining; *v* — boundary of the archaeological heritage site; *z* — antifire trenches; *d* — parts of the trench where archaeological material was found; *e* — nest pit; *ж* — site limits; *з* — test pit with archaeological finds; *и* — test pit without archaeological finds; *к* — natural high forests; *л* — forest stand characteristics in meters (tree height in the numerator, thickness in the denominator, distance between trees right of the fraction); *м* — lichenous vegetation; *н* — moss vegetation; *о* — stony surface, hard rock outcrops; *п* — bogged lands; *р* — passable bogs; *с* — unsurfaced field and forest roads

Одно из местонахождений расположено к востоку от пос. Чулково, на участке побережья к востоку от залива Нисалахти, севернее оз. Скалистый Мыс, в 0,15 км от уреза воды. При обследовании зафиксировано скопление хаотично разбросанных камней среднего размера (0,3–0,4 м) диаметром около 5 м. Второе местонахождение обнаружено на п-ве Портовый Мыс, на скальном выходе высотой около 10 м БС, обращенном в сторону моря, в 0,2 км от уреза воды. При обследовании здесь зафиксирована груда перемещенных камней среднего размера (0,3–0,4 м), приваленных к бетонному сооружению военного времени.

Помимо каменных курганов в ходе визуального обследования местности выявлено поселение каменного века *Заболотное 1* (рис. 4). Поселение расположено в 2,8 км к северо-востоку от пос. Большой Бор, в 2 км от оз. Заболотное (Suojärvi) и в 1 км к юго-западу от правого берега р. Песчаная (Santajoki). Памятник приурочен к основанию песчаной палеокосы, вытянутой в меридиональном направлении (высотные отметки по гребню 21–23 м БС). Песчаная коса возвышается над окружающей низиной на высоту до 5 м. В отвалах противопожарной траншеи, проложенной по гребню косы, на протяжении 230 м фиксировались археологические находки, образовавшие пять скоплений на расстоянии 15–45 м друг от друга. Зачистки бортов траншеи в местах максимальной концентрации подъемного материала выявили один участок литологически выраженного культурного слоя — серо-желтого среднезернистого песка мощностью до 0,2 м. Во всех остальных местах, в том числе в четырех шурфах (1 м²), заложенных на прилегающей территории, находки были приурочены к слою желтого среднезернистого песка, залегающего под слоем подзола. Мощность вмещающего их горизонта не превышала 0,3 м.

Несмотря на то что территория сбора археологического материала была достаточно велика, коллекция представляется морфологически однородной. Всего обнаружено 143 фрагмента керамики (из них два фрагмента венчиков); общее количество сосудов неопределимо. Тесто плотное, с примесью несортированной дресвы (размеры зерен до 0,7 см). В одном случае зафиксирована примесь выгоревшей органики. Толщина стенок — 0,9–1,0 см. Разлом по лентам не фиксируется. Внешняя и внутренняя поверхность сосудов заглажена, на внутренней поверхности некоторых фрагментов присутствуют

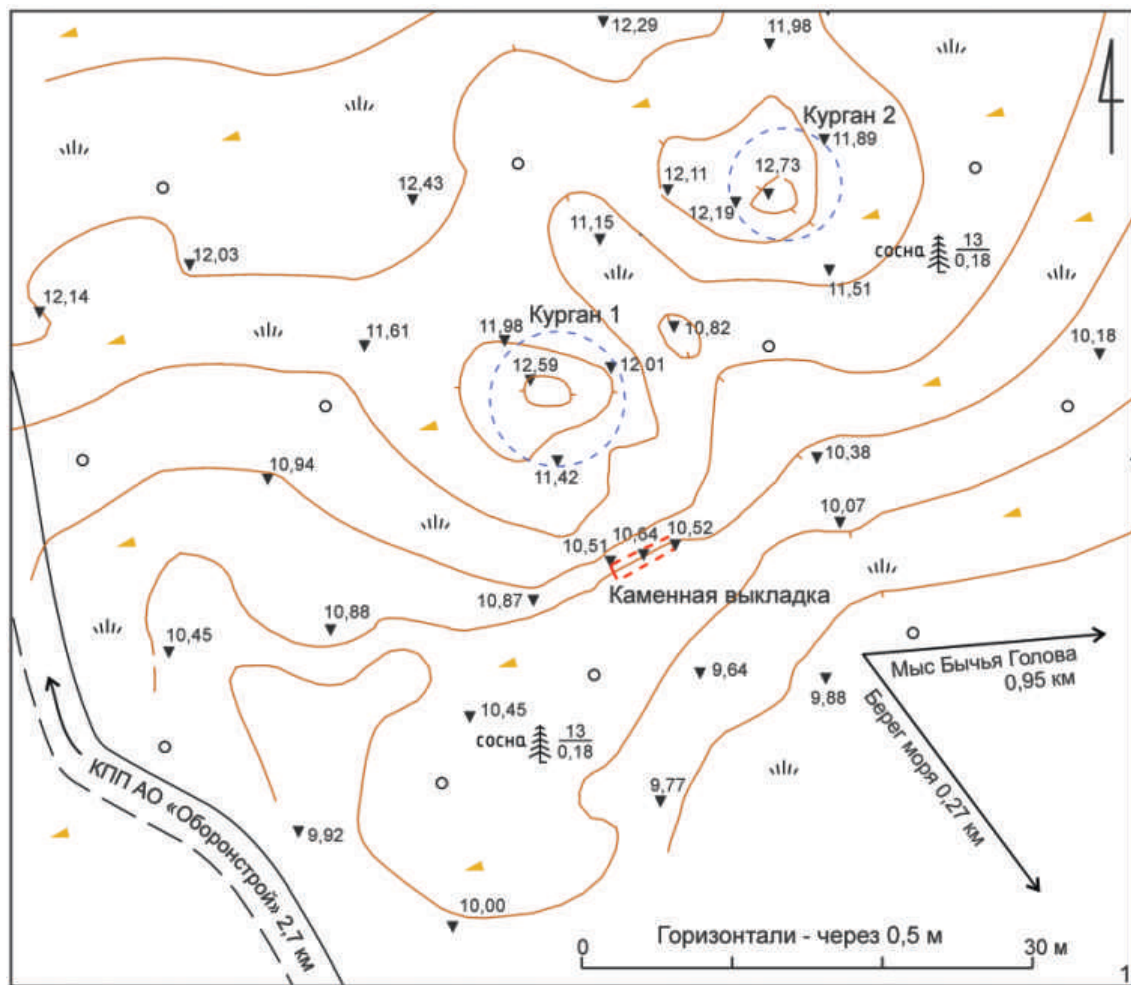

Рис. 3. Группа курганов Бычья Голова 2: 1 — план; 2 — курган 1, вид с Ю; 3 — курган 2, вид с ЮЗ
 Fig. 3. Bychya Golova 2 group of barrows: 1 — plan; 2 — barrow 1, view from the south; 3 — barrow 2, southwest view

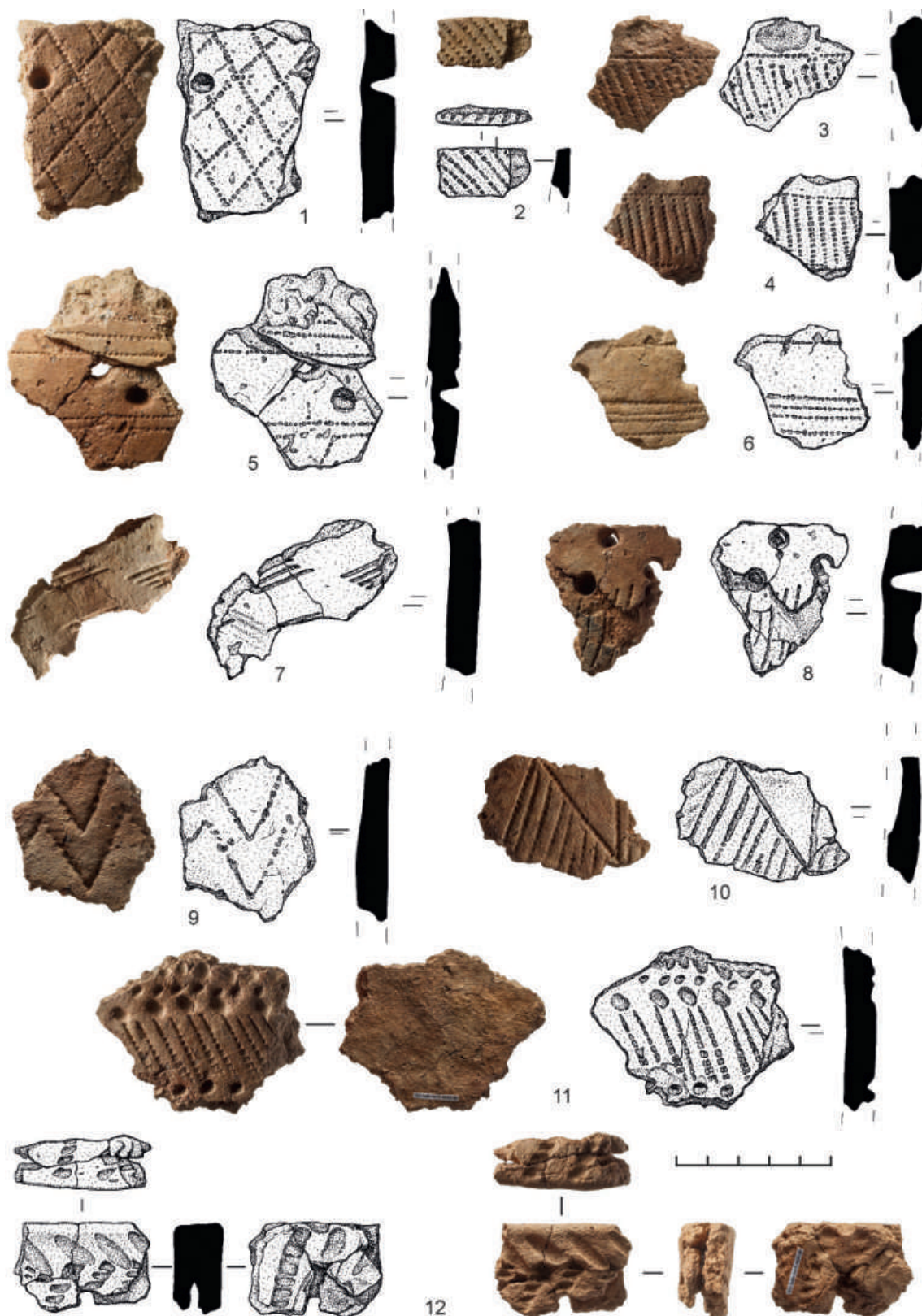

Рис. 5. Стоянка Заболотное 1, фрагменты сосудов, керамика (рисунки О. А. Наумовой)

Fig. 5. Zabolotnoe 1 site, fragments of ceramic vessels (drawings by O. A. Naumova)

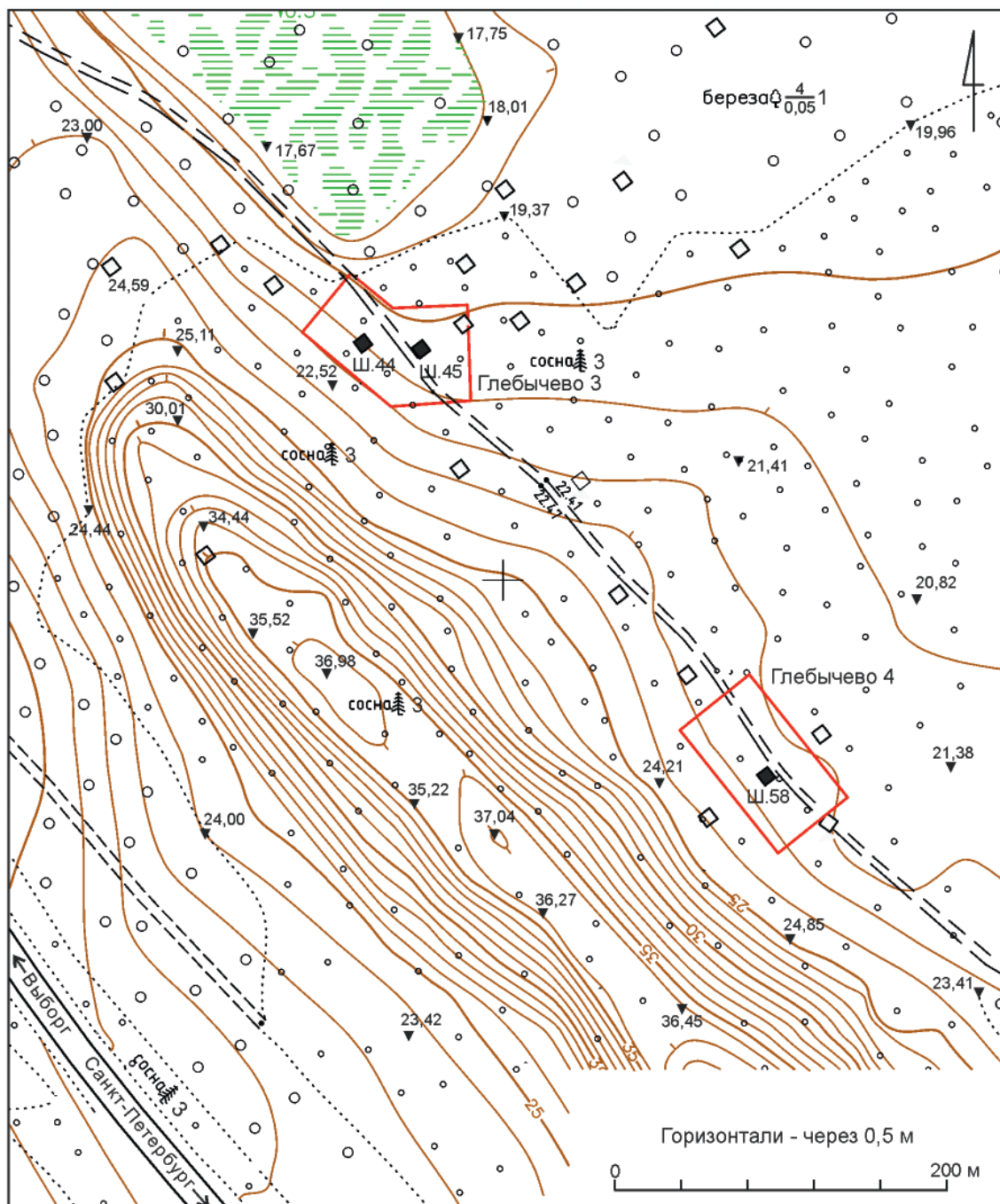

Рис. 6. Стоянки Глебычево 3 и 4, план

Fig. 6. Glebychevo 3 and 4 sites, plan

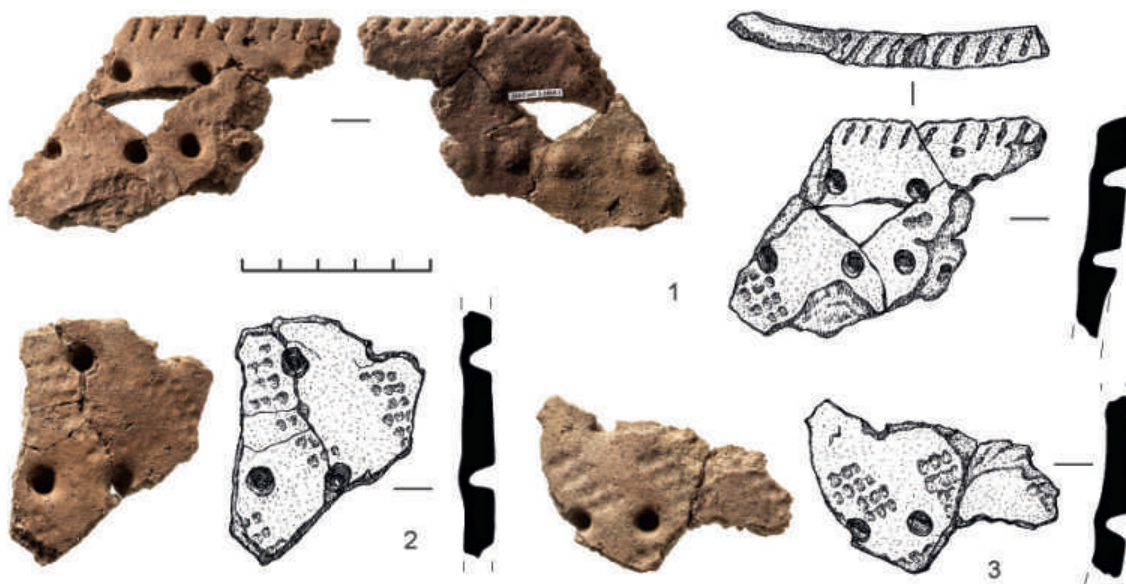

Рис. 7. Стоянка Глебычево 3, фрагменты сосудов, керамика (рисунки О. А. Наумовой)
 Fig. 7. Glebychevo 3 site, fragments of ceramic vessels (drawings by O. A. Naumova)

сетка растрескивания и следы заглаживания. Можно предположить, что фрагменты принадлежат слабопрофилированным сосудам, с П-образными венчиками, характерными для типичной гребенчато-ямочной керамики. В одном случае по срезу венчика сосуд декорирован оттисками гребенчатого штампа шириной 0,3 см, состоящими как минимум из десяти сегментов. Оттиски нанесены параллельно друг другу под углом к краю венчика (рис. 5, 12).

Орнамент зафиксирован на всех фрагментах, у которых сохранилась внешняя поверхность. Основная масса сосудов декорирована оттисками узкого (2–3 мм) гребенчатого штампа и ямками конической формы (диаметром $\approx 0,8$ мм, глубиной до 1 см), образующими «жемчужины» на внутренней стороне сосуда. Для большинства сосудов характерна и схожая орнаментальная композиция. Сосуды разделены на зоны поясками, состоящими из 1–2 рядов конических ямок; пространство между ними заполнено оттисками гребенчатого штампа, образующими различные геометрические фигуры: горизонтальные зигзаги, треугольники, ромбы, пояски из параллельных вертикальных оттисков, ограниченных горизонтальными оттисками, и др. (рис. 5, 1–11).

Найденные на поселении сосуды идентифицируются как типичная гребенчато-ямочная керамика — стиль II-1 по А. Европеусу-Эйряпя (Europaeus-Äyräpää 1930: 179–183). Ближайшей стоянкой с керамикой этого типа является Саккиярви Рави (Säkkijärvi Ravi), расположенная в 1,8 км к северо-востоку (Europaeus 1923: kuva 9–11, 13). Обнаруженные здесь сосуды были использованы А. Европеусом-Эйряпя наряду с другими в работе по выделению и характеристике керамического стиля II-1. Подобные сосуды найдены на многих стоянках Карельского перешейка, восточной Финляндии и южного берега Финского залива (Nuure 2003: 183–199; Nordqvist 2018: 98–104).

Район к югу от бухты Ключевская (пос. Глебычево)

Второй участок работ 2020 г. располагался к югу от бухты Ключевская, в округе г. Приморска, изученной значительно лучше региона, описанного выше. В результате

многолетних разведок, проводимых в последние десятилетия группами российских и финских исследователей, здесь обнаружены многочисленные стоянки каменного века: Глебычево 1–2, Ермилово 1–9, Черничное 1–2, Токарево 1–6, Советский 1–4 (Герасимов и др. 2003; 2006; Лисицын 2006). Все эти памятники приурочены к береговым формациям древней Балтики. Разведками 2020 г. были выявлены две новые стоянки: Глебычево 3 и 4 (рис. 1, II).

Стоянка Глебычево 3 расположена в 2,5 км к Ю–ЮВ от пос. Глебычево и бухты Ключевская, в 1 км от восточного берега р. Ермиловка (рис. 6). Памятник приурочен к основанию палеозалива, существовавшего здесь в период Литориновой трансгрессии. В настоящее время он представляет собой заболоченную низину. С севера территория стоянки примыкает к моренному всхолмлению, имеющему субширотную ориентировку. Памятник расположен на относительно ровной площадке, высотой около 20 м БС; площадь стоянки — $\approx 1250 \text{ м}^2$. Для поиска и локализации культурного слоя на территории памятника и прилегающих участках было заложено 14 шурфов, площадью 1 м^2 каждый; в двух из них зафиксированы находки. Культурный слой литологически не выражен, находки приурочены к слою желтого среднезернистого песка с включениями гальки; мощность вмещающих их отложений — 0,2 м.

В двух шурфах на поселении собрано 20 фрагментов керамики, происходящих, вероятно, от одного сосуда (рис. 7). Фрагменты имеют минеральную примесь, толщина стенок — 0,6–0,7 см. На всех фрагментах зафиксирован орнамент из оттисков гребенчатого штампа, разделенных рядами конических ямок. Найденная керамика аналогична керамике соседних стоянок (Лисицын 2003: рис. 5) и находкам со стоянки Заболотное 1. Она также относится к стилю II-1 по А. Европеусу-Эйрпяя.

Стоянка Глебычево 4 расположена на расстоянии 0,12 км к ЮВ от стоянки Глебычево 3 выше по склону (рис. 6). Памятник расположен на относительно ровной площадке высотой около 22 м БС; площадь стоянки $\approx 1250 \text{ м}^2$. На памятнике заложено семь шурфов, площадью 1 м^2 каждый; в одном из них найдены кварцевые и сланцевые отщепы, а также дистальная часть фаланги кисти человека⁴. Отсутствие керамики и более высокое расположение относительно уровня моря может указывать на более ранний возраст стоянки по сравнению с соседней.

Ближайшими памятниками являются Глебычево 1 и 2, открытые С. Н. Лисицыным в 2005 г. Таким образом, в настоящий момент в округе этого поселка выявлены две группы стоянок каменного века. Территория между ними и остальная часть побережья данного палеозалива не обследованы. Существует высокая вероятность выявления в ходе планомерных работ новых памятников, приуроченных к берегу палеозалива.

Заключение

Результаты исследований подтверждают перспективность дальнейшего поиска памятников каменного — бронзового века в прибрежной зоне к северу от Финского залива. Район работ 2020 г. соответствует центральной части ареала типичной гребенчато-ямочной керамики, включающего лесную зону Финляндии, Карелию, Ленинградскую области, Эстонию, Латвию. Основное время бытования гребенчато-ямочной керамики определяется IV — III тыс. до н. э.

Новые находки стоянок каменного века в районе д. Глебычево дополняют имевшуюся к началу обследования карту памятников этого участка прибрежной территории

⁴ Авторы благодарят И. Г. Широбокова (МАЭ РАН) за определение костного материала.

Финского залива. Здесь известны скопления стоянок, приуроченные к палеозаливам и низовьям впадавших в них рек Гороховка и Ермиловка.

На побережье к западу от Выборга сложилась иная исследовательская ситуация. Его территория оставалась практически необследованной; в прибрежной зоне единственной известной стоянкой каменного века к началу наших работ являлось поселение Саккиярви Рави на берегу р. Песчаная. Выявление новой стоянки Заболотное 1 имеет значение для заполнения пробела в исследованиях и определения плотности заселения региона в эпоху неолита.

В ходе поиска новых могильников с каменными курганами в 2020 г. были выявлены две неизвестные ранее группы (Бычья Голова 1 и 2), а также два вероятных местонахождения разрушенных курганов. Учитывая эти находки, а также материалы группы, исследованной у д. Большой Бор, можно заключить, что плотность расположения курганов на обследованном участке вполне сопоставима с наблюдаемой на территории соседнего региона Кюменлааксо. Это позволяет уверенно включить исследуемый регион в ареал распространения каменных курганов эпохи бронзы. Вопрос о восточной границе их распространения пока нельзя считать решенным, требуется проведение дополнительных целенаправленных разведочных исследований к востоку от района разведки 2020 г., вплоть до побережья Выборгского залива.

Литература

- Герасимов и др. 2003 — *Герасимов Д. В., Лисицын С. Н., Тимофеев В. И.* Материалы к археологической карте Карельского перешейка. СПб.: ИИМК РАН, 2003. 68 с.
- Герасимов и др. 2006 — *Герасимов Д. В., Карпелан К., Лисицын С. Н., Лавенто М., Уйно П.* Изучение стоянок в районе пос. Советский — д. Токарево на Карельском перешейке (опыт исследования микрорегиона картографическим методом) // ТАС. 2006. Вып. 6, т. 1. С. 148–154.
- Городилов, Раззак 2020а — *Городилов А. Ю., Раззак М. А.* Новые памятники эпохи бронзы в регионе Финского залива. Археологические исследования 2017–2019 гг. // АВ. 2020. Вып. 28. С. 233–248.
- Городилов, Раззак 2020б — *Городилов А. Ю., Раззак М. А.* Памятники эпохи бронзы в регионе Финского залива (Ленинградская область) // Деревянко А. П., Макаров Н. А., Мочалов О. Д. (отв. ред.). Тр. VI (XXII) ВАС в Самаре. Самара: Изд-во Самарского ГСПУ, 2020. Т. 1. С. 261–263.
- Лисицын 2003 — *Лисицын С. Н.* Стоянка Токарево 1 на северо-западе Карельского перешейка // Тимофеев В. И. (отв. ред.). Неолит — энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 152–162.
- Лисицын 2006 — *Лисицын С. Н.* Доисторические поселения на побережье Литоринового моря в восточной части Финского залива. Опыт геоморфологической периодизации // Мартынов А. Я. (отв. ред.). Первобытная и средневековая культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции: МНК; сб. трудов и докладов. Соловки: Солти, 2006. С. 112–121.
- Мьеттинен 1997 — *Мьеттинен Т.* Изменение картины железного века на северном побережье восточной части Финского залива // Кирпичников А. Н. (ред.). Славяне и финно-угры. Археология, история, культура: Доклады российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 62–70.

- Asplund 2008 — *Asplund H.* Kymittä. Sites, centrality and long-term settlement change in the Kemiönnsaari region in SW Finland. Turku: Turun yliopisto, 2008. 584 p. (Annales Universitatis Turkuensis. B 312).
- Blomqvist 1885 — *Blomqvist A. R.* Kiinteät muinaisjännökset Kymen kihlakunnassa. 1885 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kyppi.fi/palveluikkuna/raportti/read/asp/r_raportti_det.aspx?RAPORTTI_ID=146378 (дата обращения 31.03.2021).
- Europaeus 1923 — *Europaeus A.* Säkkijärven Ravin kivikautiset asuinpaikat // Suomen museo. Helsinki, 1923. 29. P. 20–31.
- Europaeus-Äyräpää 1930 — *Europaeus-Äyräpää A.* Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland // Acta Archaeologica. 1930. Vol. 1. S. 165–190, 205–220.
- Huure 2003 — *Huure M.* Viipurin läänin kivikausi // Saarnisto M. (toimittaja). Karjalan synty. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 2003. S. 151–244.
- Lavento 2015 — *Lavento M.* Pronssi- ja varhaismetallikausi // Haggrén G., Halinen P., Lavento M., Raninen S., Wessman A. Muinaisuutemme jäljet. Suomen esi- ja varhaishistoria kivikaudelta keskialjalle. Helsinki: Gaudeamus, 2015. S. 123–212.
- Miettinen 2012 — *Miettinen T.* Pronssikausi ja Varhaismetallikausi 1900 eKr. — 300 jKr. // Kumenlaakson historia. Helsinki, 2012. 1. S. 53–63.
- Nordqvist 2018 — *Nordqvist K.* The stone age of north-eastern Europe 5500–1800 calBC. Bridging the gap between the East and the West. Oulu: University of Oulu, 2018. 164 p.
- Nordqvist at al. 2009 — *Nordqvist K., Seitsonen O., Lavento M.* Waterways and the stone age and early metal period studies on the Karelian Isthmus — The pre-World War II studies and research carried out by the University of Helsinki in 1998–2006 // Quaternary International. 2009. 203. P. 25–32.
- Rosén 1936 — *Rosén R.* Vehkalanden pitäjän historia, I. Suur-Vehkalahden asutus — ja aluehistoria n. vuoteen 1610. Kustantanut Vehkalahden kunta. Helsinki, 1936. 327 S.
- Salo 1992 — *Salo U.* Projekti Lounais-Suomen rannikon varhaismetallikautiset hautarauniot // Karhunhammas. 1992. 14. P. 5–8.
- Tallgren 1907 — *Tallgren A. M.* Kivikautinen taideteos Säkkijärveltä // Suomen museo = Finskt Museum. 1907. S. 67–72.
- Tuovinen 2002 — *Tuovinen T.* The Burial Cairns and the Landscape in the Archipelago of Åboland, SW Finland, in the Bronze Age and the Iron Age. Oulu, 2002. 315 p. (Acta Universitatis ouluensis. B, Humaniora. No. 46).
- Uino 1997 — *Uino P.* Ancient Karelia. Archaeological studies. Helsinki, 1997. 426 p. (Suomen Muinaismuistoyhdistys. 104).
- Vuorinen 2000 — *Vuorinen J.-M.* Rökkiöiden inventointia lounaisessa Suomessa // Maaranen P., Kirkinen T. (eds.). Arkeologinen inventointi. Opas inventoinnin suunnitteluun ja toteuttamiseen. Helsinki: Museovirasto, 2000. P. 180–184.

NEW STONE AND BRONZE AGE SITES DISCOVERED ON THE NORTHERN SHORE OF THE FINNISH GULF IN 2020

A. YU. GORODILOV, M. A. RAZZAK

Keywords: *northern shore of the Finnish Gulf, stone barrow, site, Neolithic, Bronze Age.*

The paper presents the results of the 2020 reconnaissance works on the northern shore of the Finnish Gulf. The exploration of an area west of the Vyborg Bay revealed two new groups of stone

barrows of the Bronze Age consisting of 2–3 mounds and stone linings (Bychya Golova 1–2). Analogous sites were studied in this area in 2017–2019. In addition, some places of probable location of nonextant barrows were found (near the village of Chulkovo and on Cape Portovyi). A Stone Age site of Zabolotnoe 1 was discovered 2 km away of Lake Zabolotnoe. The cultural layer contains typical comp-pit ceramics decorated with comp impressions and conical pits. Stone Age sites with finds of comp-pit ceramics (Glebychevo 3) and a quartz-slate flake industry (Glebychevo 4) were discovered south of the Klyuchevskaya Bay. A fragment of a phalange of the human hand was found at the site of Glebychevo 4. The reported results confirm that the reconnaissance surveys in the coastal zone north of the Finnish Gulf have a great potential for the study of the Stone and Bronze Age sites.

ДРЕВНОСТИ I ТЫС. Н. Э. В ВЕРХОВЬЯХ ОРЕДЕЖА И ИЖОРЫ¹

Е. Р. МИХАЙЛОВА²

Ключевые слова: *Ижорская возвышенность (Ижорское плато), Ленинградская обл., курганы, случайные находки.*

В статье анализируются сведения о памятниках I — начала II тыс. в восточной части Ижорского плато как возможных свидетельствах ранних этапов освоения данного региона. К ним можно отнести некоторые курганы и курганные группы (Белогорка, Заозерье-1, Вырица, Тайцы-2, Дятлицы-2), а также ряд случайных находок. По мнению автора, массив курганных кладбищ Ижорского плато сформировался в основном на основе местных древностей предшествующего времени — последние очень трудно выявить в зоне интенсивного хозяйственного и рекреационного освоения, которой является западная часть Ленинградской области. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении разрозненные данные позволяют прогнозировать здесь наличие погребальных памятников с кремациями, скорее всего бескурганных, и культурных слоев поселений.

DOI: 10.31600/2310-6557-2021-25-183-193

Здесь я укажу лишь некоторые интересные детали, которые еще раз доказывают, насколько условно понятие о достаточно исследованной местности.

Н. К. Рерих (1901)

За время уже длительного археологического изучения территории Ижорской возвышенности (Ижорского плато) сложился вполне определенный взгляд на историю заселения этого своеобразного региона. Согласно распространенной точке зрения, вплоть до начала II тыс. эта зона оставалась слабо заселенной, ее освоению препятствовали природные факторы, в первую очередь малочисленность поверхностных вод и трудность обработки местных плодородных почв. Массовое освоение Ижорского плато началось не ранее XI в., а его археологическим отражением стали многочисленные курганные кладбища, оставленные земледельческим древнерусским населением. Огромный массив древнерусских курганов Ижорского плато сформировался, таким образом, в довольно короткий промежуток времени, а исходные районы колониза-

¹ Работа выполнена в рамках проекта СПбГУ «Социально-демографические и культурные процессы на территории Северо-Запада России в начале средневековья (по данным археологии) (IAS_10.52.2004.2015)».

² Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева, СПбГУ, Санкт-Петербург, 199034, Россия.

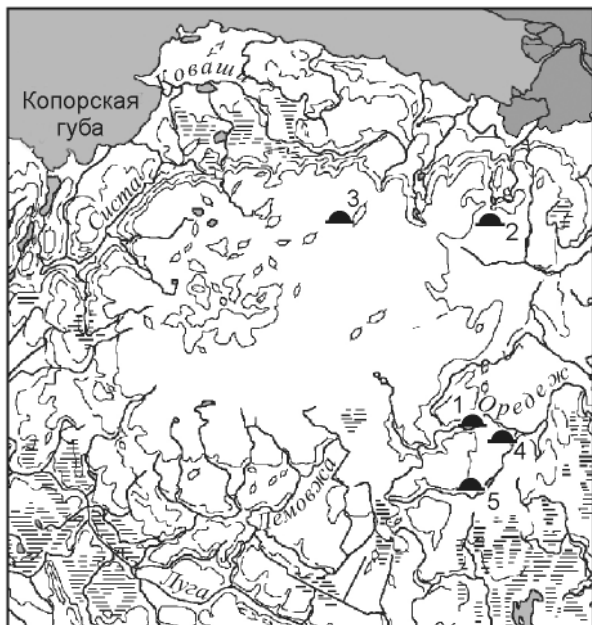

Рис. 1. Памятники I — начала II тыс. н. э. в восточной части Ижорского плато: 1 — Вырица; 2 — Тайцы; 3 — Дятлицы; 4 — Белогорка; 5 — Заозерье

Fig. 1. Sites of the I — early II millennium AD in the eastern part of the Izhora plateau: 1 — Vyritsa; 2 — Taitsy; 3 — Dyatlitsy; 4 — Belogorka; 5 — Zaozerie

Появились сведения и о других памятниках I тыс. на Ижорском плато (Стасюк 2012; Mikhaylova 2016).

Обрисовалась в целом логичная картина приуроченности древних памятников к окраинам сложенного известняками плато, то есть к источникам воды (см., напр., Стасюк 2014). Наиболее многочисленны ранние памятники на западе Ижорской возвышенности, где и само их расположение, и характер культуры позволяют предполагать непосредственную связь или интенсивные контакты с территорией Эстонии (лучше всего это видно в керамическом материале, хотя достаточно показательны, например, и украшения). О памятниках I тыс. н. э. в восточной части Ижорского плато известно гораздо меньше (рис. 1).

Восточный край Ижорской возвышенности полого спускается к низменной Лужско-Оредежской равнине с ее многочисленными болотами. Здесь берут начало приток Невы Ижора и р. Оредеж — крупнейший приток Луги. Само наличие этих рек позволяет предполагать возможность движения древнего населения.

В нижнем течении Оредежа памятники середины — второй половины I тыс. н. э. хорошо известны. В частности, непосредственно по берегам Оредежа и его притока р. Тесовая в их нижнем течении располагаются многочисленные сопки. Две из них, близ д. Пристань, были раскопаны С. Л. Кузьминым. Обе исследованные насыпи по своей структуре, особенностям погребального обряда и находкам в целом аналогичны сопкам в других регионах (на Верхней Луге, Ловати, Волхове) (Кузьмин 2010). Южнее Нижнего Оредежа, на территории так называемого Лужско-Оредежского междуречья,

ции можно назвать только предположительно (см., напр., Лесман 1982; Рябинин 2001: 102–107). Сторонники гипотезы о более раннем освоении территорий к югу от Финского залива долгое время могли указать лишь отдельные случайные находки первой половины — третьей четверти I тыс. н. э. из ближайших окрестностей Ижорской возвышенности (Моора Х., Моора А. 1965: 68–70; Конькова 1992: 95–96).

Первые каменные могильники римского времени были открыты в 1980-х гг. к северо-западу от Ижорской возвышенности, в бассейне р. Хаболовка (Рябинин 1994). В настоящее время обнаружено еще несколько погребальных памятников римского времени, все они сосредоточены на территории Кингисеппского р-на. Некоторые из них частично изучены раскопками: Керстово 1 и Керстово 2 (раскопки М. А. Юшковой), Удосолово (раскопки Е. Р. Михайловой, И. В. Стасюка) (Михайлова 2015; Юшкова 2015).

известны многочисленные памятники культуры псковских длинных курганов, активно изучающиеся уже более ста лет (Спицын 1914; Лесман 1985; Кузьмин, Михайлова 2004; Михайлова 2013; и др.).

Ю. М. Лесман в 1970-х гг. обнаружил в районе истока Оредежа насыпи, которые по внешнему виду связал с сопками (насыпь в д. Белогорка) и длинными курганами (курганная группа Заозерье-1) (Лесман 2008: 66–69). Оба памятника несколько раз обследовались позднее, и оба не вполне типичны для соответствующих культур.

Насыпь в д. Белогорка расположена на правом, коренном берегу р. Оредеж, на мысу при впадении в Оредеж ручья (на левом берегу ручья), выше плотины заброшенной Белогорской ГЭС (рис. 2, 1). Она в плане неправильной округлой формы, сильно оползшая, с разрушенной, изрытой ямами вершиной. Диаметр насыпи — около 20 м, высота в настоящее время — до 2,1 м. В стенках ям в вершине выступают блоки строительного мусора. Насыпь очень напоминает по виду останец полуразрушенной сопки, но полной уверенности в ее средневековом возрасте нет.

Курганная группа Заозерье-1 находится на территории действующего кладбища д. Заозерье, на низком песчаном всхолмлении на правом берегу р. Дивенка, в 0,4 км от ее впадения в Орлинское оз. Ю. М. Лесман в 1979 г. отметил здесь три объекта. Все они сохранились. Курган 1 по нумерации Ю. М. Лесмана представляет собой сильно поврежденную песчаную валообразную насыпь длиной 18–19 м, шириной около 6–7 м и высотой 1–1,2 м, на которой растут несколько старых сосен. Края насыпи осыпаются, вплотную к ним располагаются оградки современных захоронений, еще несколько могил расположены на вершине насыпи. Не исключено, что наблюдаемая сейчас вершина насыпи частично сложена выбросами из расположенных здесь могил, и ее первоначальная высота была несколько меньшей. Как курган 2 было обозначено низкое округлое возвышение в центральной части кладбища, также занятое современными могилами. Диаметр возвышения составляет около 10 м, высота — до 0,5 м, контуры расплывчатые и искажены существующими захоронениями и старыми деревьями. Полной уверенности в том, что это действительно курганная насыпь, нет. Курган 3 расположен в кустах на северо-восточном краю кладбища, восточная половина насыпи срезана при дорожных работах. Размер останца составляет 6,5–7,0 × 4,0 м, высота — 0,8–1,0 м (рис. 2, 2).

Форма кургана 1 и расположение памятника на поросшем соснами песчаном всхолмлении позволили связать курганную группу Заозерье-1 с культурой длинных курганов, основной массив которой расположен гораздо южнее. Однако в последние годы на южных скатах Ижорской возвышенности выявлены отдельные могильники (в том числе с валообразной насыпью в составе), которые тоже можно связать с культурой длинных курганов (подробнее см.: Михайлова и др. 2019а: 55–56). Недалеко от группы Заозерье-1, на западном берегу Орлинского оз., были собраны средневековые предметы, среди которых обращает на себя внимание небольшая пельтовидная привеска. Аналогии ей серийно представлены в памятниках культуры длинных курганов и в могильниках ольштынской группы (Михайлова и др. 2019б: 138).

Дальнейший поиск древностей I — рубежа I–II тыс. н. э. в восточной части Ижорского плато закономерно привел к необходимости вновь обследовать известные здесь немногочисленные могильники с погребениями по обряду кремации. Эти работы были проделаны автором в 2019–2020 гг. Курганы с кремациями входили в состав более поздних древнерусских курганных кладбищ, будучи самыми ранними захоронениями в их составе.

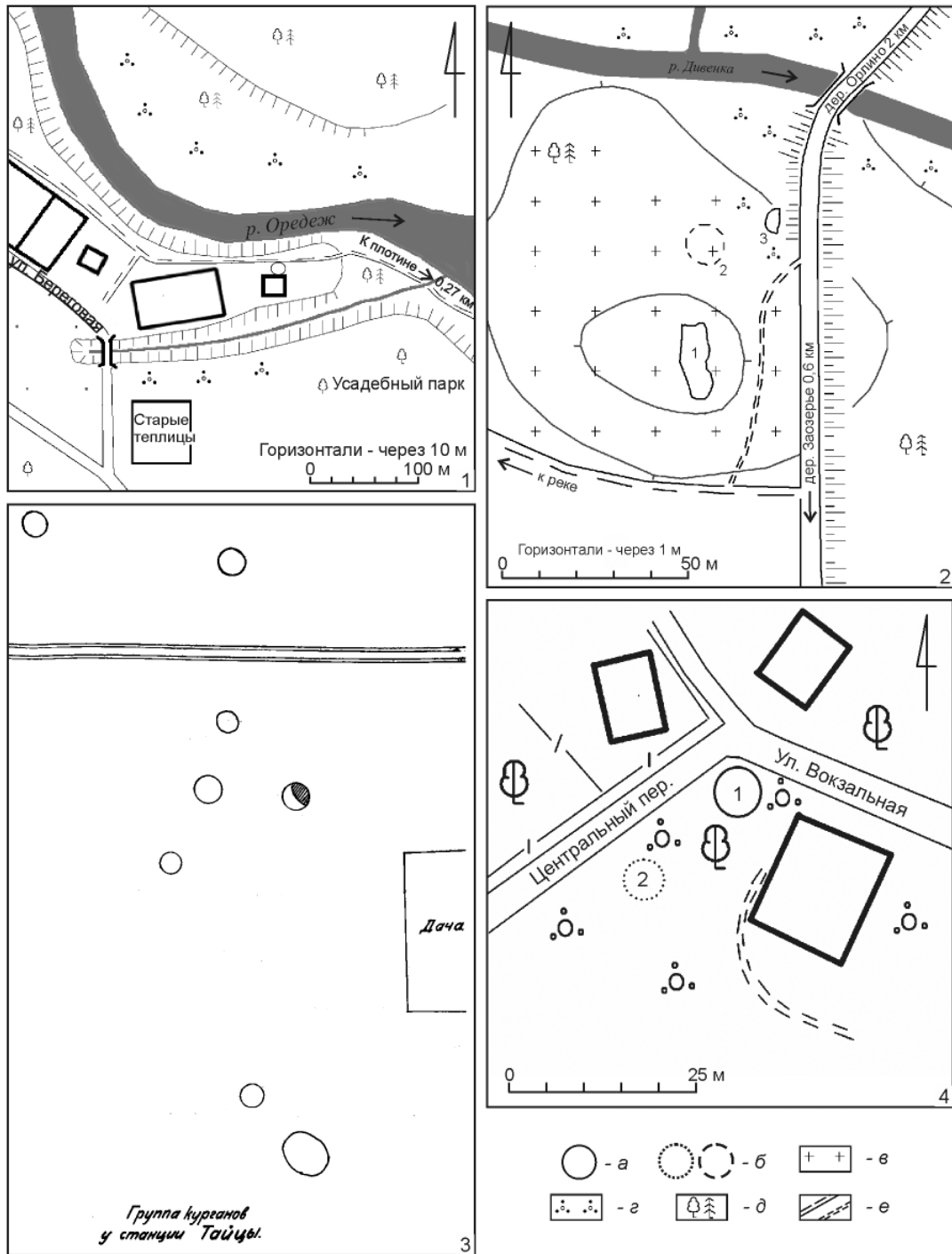

Рис. 2. Памятники I – начала II тыс., ситуационные планы: 1 — высокая насыпь в д. Белогорка; 2 — курганная группа Заозерье-1; 3 — курганная группа Тайцы-2, план 1927 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. 1931 г. Д. 70. Л. 6); 4 — курганная группа Тайцы-2, план 2020 г. Условные обозначения: а — курганная насыпь; б — предполагаемый курган; в — территория кладбища; з — кустарники; д — деревья; е — грунтовые дороги и тропы

Fig. 2. Sites of the I – early II millennium AD, layout plans: 1 — high mound in the Belogorka village; 2 — Zaozerie-1 group of barrows; 3 — Taitsy-2 group of barrows, plan made in 1927 (Scholarly Archive of IIMC RAS. Manuscript Dept. F. 2. 1931. File 70. List 6); 4 — Taitsy-2 group of barrows, plan of 2020. Legend: a — barrow embankment; б — the supposed mound; в — the territory of the cemetery; з — shrubs; д — trees; е — dirt roads and trails

В верхнем течении р. Оредеж было обследовано место расположения Вырицкого могильника. Курганная группа на территории пос. Вырица была обследована в 1974 г. Ю. М. Лесманом, работавшим в составе экспедиции Е. А. Рябина (Рябинин 1974: 22). Памятник располагался в черте поселка, на его западной окраине, на краю левого коренного берега р. Оредеж, южнее моста через Оредеж в створе Сиверского шоссе. К 1974 г. сохранялись три полуразрушенные курганные насыпи диаметром 3–4 м и высотой около 0,2 м, сложенные из песка. Предположительно с этим могильником связана коллекция металлических украшений X–XII вв., полученная при раскопках курганов в д. Вырица слушателями Санкт-Петербургского археологического института в 1907 г. и ныне хранящаяся в Эрмитаже (ОАВЕС, колл. 703). Предметы (некоторые из них оплавлены) происходят из трех-четырёх погребальных комплексов (Лесман 2008).

В 2019 г. место могильника было обследовано. Это изгиб левого коренного берега р. Оредеж, вдоль которого проходит ул. Береговая. Высота берега над уровнем реки — 12–15 м. Местное название всхолмления на повороте Береговой улицы — «Курган». Курганные насыпи, зафиксированные в 1974 г., в настоящее время не прослеживаются. Территория урочища характеризуется неровной изрытой поверхностью и поросла смешанным лесом и кустарником.

В верховьях Ижоры, близко подходящих к верховьям Оредежа, есть два погребальных памятника, которые, согласно архивным данным, можно связывать с кремационными погребениями.

Один из них — *курганная группа Тайцы-2*, располагается в пос. Тайцы. Поселок расположен на возвышенном ровном участке в междуречье р. Ижора и ее левого притока р. Веревка, естественный ландшафт на территории поселка сильно искажен существующей застройкой.

Два могильника в районе железнодорожной станции Тайцы были выявлены в 1927 г. Б. А. Коишевским и Л. С. Генераловой и вновь обследованы М. И. Артамоновым и П. Н. Третьяковым в 1931 г. (Материалы... 1931: 3–6; Артамонов, Третьяков 1931: 11–12). Северо-восточнее д. Большие Тайцы располагался курганно-жальничный могильник *Тайцы-1*. В 1931 г. он насчитывал 40 небольших округлых курганов высотой в среднем 0,3 м, с валунными обкладками по основанию; к южной части курганной группы примыкал жальник. Курганный могильник *Тайцы-2* располагался в 100 м от ст. Тайцы, в роще слева от железнодорожного полотна. Здесь было отмечено восемь округлых в плане насыпей, вытянутых редкой неровной цепочкой с севера на юг (рис. 2, 3). Диаметр меньших насыпей составлял 7 м при высоте 0,20–0,25 м; крупные насыпи имели диаметр 20–25 м при высоте 2,5 м. План могильника и значительная высота некоторых курганных насыпей позволяют предположить наличие в составе могильника высоких курганов с сожжением.

Следующее обследование памятников было предпринято В. А. Лапшиным в 1984 г., когда пос. Тайцы уже значительно разросся, включив в себя территорию к западу от железной дороги и ряд соседних деревень. Работами 1984 г. было установлено, что курганно-жальничный могильник в 200 м к В от станции (*Тайцы-1*) не сохранился, от курганной группы к З от станции (*Тайцы-2*) остался один курган (Лапшин 1990: 70).

В настоящее время остатки курганной группы *Тайцы-2* расположены на северо-западной окраине пос. Тайцы, среди жилой застройки, в запущенном сквере на углу Вокзальной улицы и Центрального переулка (рис. 2, 4). В северном углу сквера сохраняется низкая расплывчатая насыпь диаметром 6–7 м и высотой около 0,4 м, без следов обкладки или ровика по основанию. В 20 м к ЮЗ от нее, в противоположном углу

сквера, возможно, заметны остатки еще одной плохо сохранившейся насыпи высотой 0,3–0,4 м и диаметром около 5–6 м. Если обозначенная на плане 1931 г. улица или дорога в целом соответствует трассе современной Вокзальной улицы, то, следовательно, сохранились насыпи, располагавшиеся в центральной части группы. Курганы, находившиеся на северном и южном концах цепочки, в том числе высокие, уничтожены застройкой поселка.

Другой памятник в бассейне р. Ижора, включавший кремационные погребения, — курганная группа у д. Дятлицы (Дятлицы-2). О двух крупных курганных группах в районе деревни (прежде — села) Дятлицы известно с конца XIX в. В опубликованных А. А. Спицыным материалах Л. К. Ивановского могильники описаны следующим образом: «Две полевые группы курганов: одна в 1½ в. от села, другая (меньшая) в 2½ верст. Прекрасные полушаровидные насыпи, покрытые частью лесом, частью порослями, вышиной от 5 до 13 фут. Многие курганы уже были кем-то раскопаны. Насыпи основаны на кострищах, обложены по подошве валунами, грунт суглинок» (Спицын 1896: 76).

Памятники несколько раз обследовались в ходе разведочных работ: Г. Ф. Дебецем и Б. А. Коишевским в 1927 г.; В. А. Лапшиным в 1986 г.; А. Ю. Городиловым в 2019 г.; Е. Р. Михайловой в 2020 г. Итоги разведочных работ разных лет демонстрируют постепенное сокращение числа курганов и жальничных погребений, в том числе и в результате хозяйственной деятельности. Раскопки курганов у д. Дятлицы производились трижды: в 1883 г. — Л. К. Ивановским (52 кургана), в 1900 г. — слушателями Санкт-Петербургского Археологического института (22 кургана и несколько жальников), в 1927 г. — С. А. Теплоуховым (20 курганов). Во всех случаях раскопки проводились на обоих могильниках. Подавляющее большинство исследованных захоронений представляли собой ингумации XII–XIII вв. (Лапшин 1990: 80; Соболев 2014).

Сравнительно недавно в архиве Российского Этнографического музея был обнаружен неизвестный ранее отчет С. А. Теплоухова о раскопках курганов у с. Дятлицы в сентябре 1927 г. Согласно отчету, под невысоким курганом 2 группы Дятлицы-2 была расчищена безынвентарная ингумация на горизонте. Восточнее скелета, у его ног, была обнаружена линза мелких кальцинированных костей, среди которых лежали втульчатое копье, четыре наконечника стрел и фрагменты керамики. К В и СВ от кремации на уровне древней дневной поверхности располагалась однослойная каменная вымостка со следами горевшего на ней огня (Соболев 2014: 293). Точное соотношение обоих погребений неясно — возможно, полый кургана оказалась перекрыта более ранняя каменная вымостка с приуроченным к ней сожжением.

Приблизительно в 2 км к ЮЗ от Дятлиц ранее располагалась Боровская мыза (ныне это территория д. Красный Бор), в окрестностях которой в 1846 г. был найден крупный клад серебряных монет. Часть монет была отобрана владельцем мызы Денисовым у нашедшего клад крестьянина и доставлена в Академию наук. Среди них были определены: 14 дирхемов 838–1012 гг., 11 византийских монет 969–1025 гг., 264 немецких и англосаксонских монеты 936–1035 гг. Еще около двухсот монет и серебряный браслет неизвестного типа крестьянин-находчик кому-то продал (Корзухина 1954: 102³). Эта находка также косвенно свидетельствует о следах достаточно раннего заселения в районе Дятлиц.

В настоящее время близ д. Дятлицы частично сохранился только курганно-жальничный могильник Дятлицы-2, расположенный в 2 км к С от Покровской церкви,

³ В своде Г. Ф. Корзухиной местоположение Боровской мызы ошибочно указано как «между Ропшей и Дятлицами», то есть к В от Дятлиц.

на пологом западном склоне обширного оврага, тянущегося от д. Дятлицы на северо-северо-восток до д. Ильино. Курганная группа Дятлицы-1, располагавшаяся к Ю от восточной околицы д. Дятлицы, утрачена. На ее месте расположено ровное поле, на котором в нескольких местах располагаются отдельные кучи земли и валунов, сдвинутые при обработке земли. На поле, помимо обычных для окраины деревни фрагментов керамики нового времени и фаянса, весной 2020 г. были собраны мелкие фрагменты пережженных костей. Однозначно утверждать, что они связаны с разрушенными курганами, все же нельзя.

Все описанные выше памятники объединяет, среди прочего, их расположение в интенсивно застраиваемых местностях, в том числе на территории постоянно растущих крупных поселков. Везде мы видим постепенную утрату могильников вследствие хозяйственной деятельности и растущей дачной застройки. Ожидать в этих условиях открытия новых курганных памятников не приходится.

Вместе с тем число косвенных свидетельств достаточно раннего освоения и этой части Ижорской возвышенности постепенно растет. К ним, помимо перечисленных выше кремаций конца I — начала II тыс., относятся накапливающиеся находки предметов от римского времени до эпохи Меровингов. В качестве примера, помимо упомянутых выше находок с берега Орлинского озера, можно назвать случайную находку булавки со спиральным навершием из окрестностей д. Выра (рис. 3 — передана в МАЭ РАН) и не очень надежные сведения о находке сильно профилированной фибулы из окрестностей д. Дятлицы.

Многочисленные курганные кладбища, «вдруг» распространяющиеся на Ижорском плато в XI–XII вв., вряд ли связаны с массовым единовременным переселением сюда значительных масс населения, хотя и полностью отрицать возможность миграций тоже нельзя. Вероятно, погребальные памятники I тыс. н. э. не были связаны с курганным обрядом захоронения, и на территории когда-то сплошь распаханного Ижорского плато такие памятники, если они не отмечены заметными каменными конструкциями, должны сохраняться очень плохо. Тем не менее такие примеры известны. Можно упомянуть разрушенные распашкой погребения I–III вв. н. э. в могильнике Ратчино (Стасюк 2012: 66), могильник Коммунар с рассыпными кремациями VI–VII вв. (Михайлова, Федоров 2011), а также залегавшую сразу под дерном крупную линзу золы и кальцинированных костей на средневековом могильнике Урмизно (Конькова 2008: 15). Все эти памятники тяготеют к западному краю Ижорской возвышенности, однако сведения о кремации в Дятлицах позволяют надеяться на обнаружение аналогичных памятников и далее к востоку.

Еще одна разновидность объектов, обычно связываемых с глубокой древностью, — культовые камни, широко распространенные на территории Северо-Запада. Часто исследователи рассматривают их в контексте памятников эпох раннего металла — средневековья (см., напр.: Александров 1983; Шорин 1991; Курбатов 1995). Однако

Рис. 3. Бронзовая булавка — случайная находка из окрестностей д. Выра

Fig. 3. Bronze pin — a stray find from the environs of the Vyra village

Рис. 4. «Камень Лапоть» близ пос. Сиверский

Fig. 4. "Lapot rock" near the Siversky present day settlement

результаты недавних исследований показали, что среди них могут присутствовать и более поздние объекты, не связанные с историей освоения региона в глубокой древности.

На территории пос. Сиверский, на берегу Оредежа, располагается известный «Лунный камень», который принято считать древним языческим объектом. Гранитный валун высотой более 3 м лежит в овраге на территории детского оздоровительного лагеря «Адмиралтеец» и хорошо виден с пересекающей овраг ул. Саши Никифорова (бывший Береговой проспект). Первое документальное упоминание об этом камне — «План поселка Новое Дружноселье, расположенного близ ст. Сиверской Варшавской ж/д при реке Оредеж» 1908 г.: на территории общественного парка, в овраге рядом с Береговым проспектом обозначен „Большой камень“» (Лучинский, Никитин 2015: 49). Название «Лунный камень», по данным сиверских краеведов, появилось в 1930-е гг. в среде дачников, и только в 1950-х гг. краевед А. Н. Лбовский предположил, что «Лунный камень был в древности жертвенником». Эта версия нашла свое отражение и в утвержденном в советский период Паспорте памятника истории и культуры, где «Камень-жертвенник» («Лунный камень») предположительно отнесен к эпохе средневековья.

В лесном массиве к ЮВ от Сиверского расположен еще один крупный гранитный валун с собственным названием — «Камень Лапоть» (рис. 4). Он был показан мне в ходе археологической разведки К. В. Шмелёвым, которому я выражаю искреннюю признательность. Это необработанный треснувший валун размерами около 1,5 × 2,2 м по основанию и высотой до 1,0–1,1 м, с естественной выемкой на вершине. Камень лежит на участке недавней вырубki, густо заросшем молодым лиственным лесом, у обочины старой лесовозной дороги. На ровной наклонной поверхности камня белой краской нанесена надпись: «1860 / Давным-давно / здесь было дико / на этом камне дед Евсей / сидел и лапоть / плел из лыка, / и Лаптем назван / камень сей».

Судя по внешнему виду надписи, она нанесена совсем недавно. Попытки найти ее автора успехом не увенчались. По рассказам местных жителей, прогулки в лес к «Камню

Лапоть» предпринимались дачниками из Сиверского еще в 1930-е гг. Более ранних сведений об этом объекте нет. Вероятно, и «Лунный камень», и «Камень Лапоть» следует связывать с дачной культурой XX в. и не включать их в число археологических объектов.

Пласт древностей I тыс. н. э. на восточном краю Ижорского плато еще предстоит отыскать и исследовать. Имеющиеся в нашем распоряжении разрозненные данные позволяют прогнозировать здесь наличие погребальных памятников с кремациями, скорее всего бескурганых, и культурных слоев поселений, с которыми связаны отдельные находки металлических предметов римского времени и эпохи переселения народов.

Литература и источники

- Александров 1983 — Александров А. А. О следах язычества на Псковщине // КСИА. 1983. Вып. 175. С. 12–18.
- Артамонов, Третьяков 1931 — Артамонов М. И., Третьяков П. Н. Отчет по обследованию территории Большого Ленинграда в 1931 г. // Учетный каталог археологических памятников Ленинградской области. Ленинградский округ. С–Я // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. 1931 г. Д. 704.
- Конькова 1992 — Конькова О. И. Вопросы ранней истории финноязычного населения нижнего течения р. Луги // Фишман О. М. (отв. ред.). Население Ленинградской области: Материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб.: Гос. музей этнографии, 1992. С. 92–106.
- Конькова 2008 — Конькова О. И. Археологические находки на западе Ленинградской области и проблема происхождения ижоры // Сорокин П. Е. (ред. и сост.). Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2. Древности Ижорской земли. СПб.: б. и., 2008. С. 9–33.
- Корзухина 1954 — Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 156 с.
- Кузьмин 2010 — Кузьмин С. Л. Оредежские сопки // Михайлова Е. Р. (отв. ред.). Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли: Сб. науч. ст. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 119–132.
- Кузьмин, Михайлова 2004 — Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р. Памятники культуры псковских длинных курганов во Врево-Черемнецком поозерье // Мачинский Д. А. (ред.). Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской: Сб. ст. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 141–150.
- Курбатов 1995 — Курбатов А. В. Культовые камни и почитаемые источники на территории Ленинградской области // Лапшин В. А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2: Восточные и северные районы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 179–193.
- Лапшин 1990 — Лапшин В. А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 1: Западные районы. Л.: Изд-во ЛВВИСУ, 1990. 126 с.
- Лесман 1982 — Лесман Ю. М. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Столяр А. Д. (отв. ред.). Северная Русь и ее соседи: Межвуз. сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 65–74.
- Лесман 1985 — Лесман Ю. М. Памятники культуры длинных курганов в Лужско-Оредежском междуречье // Массон В. М. (отв. ред.). Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.: Наука, 1985. С. 33–37.

- Лесман 2008 — Лесман Ю. М. Вырицкий курганный могильник // Сорокин П. Е. (ред. и сост.). Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2. Древности Ижорской земли. СПб.: б. и., 2008. С. 33–74.
- Лучинский, Никитин 2015 — Лучинский А. А., Никитин Н. В. Сиверская дачная местность по Варшавской железной дороге / Степанова С. В. (предисл., примеч.). Луга: Изд-во Голубева, 2015. 84 с. (Памятники краеведческой литературы).
- Материалы... 1931 — Материалы по учету археологических памятников (выписки из дневников и чертежи) в дд. Смольково, Таровицы, Тяглино, Холоповицы, Яскелово, Тайцы Красногвардейского района. Обследование Б. Коишевского и Л. Генераловой в 1927 году // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. 1931 г. Д. 70.
- Михайлова 2013 — Михайлова Е. Р. Раннесредневековое поселение на северном берегу озера Мерево // Stratum plus. 2013. № 5. С. 73–82.
- Михайлова 2015 — Михайлова Е. Р. Древности Западной Ингрии I тыс. н. э.: Новые материалы // АВ. 2015. Вып. 21. С. 176–186.
- Михайлова и др. 2019а — Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю., Шмелёв К. В., Бехтер А. В. Разведочные работы Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им Г. С. Лебедева СПбГУ в 2017–2019 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. 2019. № 9. С. 50–60.
- Михайлова и др. 2019б — Михайлова Е. Р., Стасюк И. В., Хорошилова А. В. Комплекс случайных находок у д. Орлино // АВ. 2019. Вып. 25. С. 137–146.
- Михайлова, Федоров 2011 — Михайлова Е. Р., Федоров И. А. Случайные находки у пос. Коммунар Ленинградской области — предполагаемый могильник I тыс. н. э. // Лабутина И. К. (отв. ред.). АиИПиПЗ. Мат-лы 56-го заседания. М.; Псков: ИА РАН, 2011. Вып. 26. С. 69–77.
- Моора Х., Моора А. 1965 — Моора Х. А., Моора А. Х. Из этнической истории води и ижоры // Моора Х. А., Янитс Л. Ю. (ред.). Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost. Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Таллин: Ээсти раамат, 1965. С. 63–85.
- Рерих 1901 — Рерих Н. К. К древностям валдайским и водским (раскопки 1900 года) // ИАК. 1901. Вып. 1. С. 60–68.
- Рябинин 1974 — Рябинин Е. А. Отчет о полевых исследованиях Четвертого отряда Староладожской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1974 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. 1974 г. Д. 114 (текст), 115 (альбом).
- Рябинин 1994 — Рябинин Е. А. К проблеме этногенеза води // Фишман О. М. (отв. ред.). Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов: Памяти Д. В. Бубриха. Сб. науч. тр. СПб.: Рос. этнографич. музей, 1994. С. 23–29.
- Рябинин 2001 — Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований 1971–1991 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 261 с.
- Соболев 2014 — Соболев В. Ю. Неизвестные раскопки С. А. Теплоухова на Ижорском плато // Stratum plus. 2014. № 5. С. 287–295.
- Спицын 1896 — Спицын А. А. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб.: Тип. Гл. Упр-я Уделов, 1896. 123 с. (Материалы по археологии России. № 20).
- Спицын 1914 — Спицын А. А. Раскопки 1910 г. в Лужском уезде С.-Петербургской губернии // ИАК. 1914. Вып. 53. С. 81–94.
- Стасюк 2012 — Стасюк И. В. Население Ижорской возвышенности в I — начале II тыс. н. э. // Stratum plus. 2012. № 5. С. 65–88.

- Стасюк 2014 — *Стасюк И. В.* О родниках, мечях и погостах. Заметка к исторической географии запада Новгородской земли // *Stratum plus*. 2014. № 5. С. 297–303.
- Шорин 1991 — *Шорин М. В.* Вопросы классификации и датировки культовых камней (по материалам Новгородской области) // *КСИА*. 1991. Вып. 205. С. 77–83.
- Юшкова 2015 — *Юшкова М. А.* Новая группа памятников I–VII вв. на юго-западе Ленинградской области // *АВ*. 2015. Вып. 21. С. 187–198.
- Mikhaylova 2016 — *Mikhaylova E. R.* The population of the South-Eastern coast of the Gulf of Finland and its contacts with the regions of the Baltic Sea in the 1st millennium AD // *Archaeologia Baltica*. Klaipeda, 2016. 23. P. 181–198.

ANTIQUITIES OF THE I MILLENNIUM AD IN THE UPPER REACHES OF THE OREDEZH AND IZHORA

E. R. MIKHAILOVA

Keywords: *Izhora plateau, Leningrad Oblast, barrows, stray finds.*

The paper considers the sites of the I — early II millennium from the eastern part of the Izhora plateau as possible evidence of the early stages of human settlement in this region. The sites in question include some barrows and groups of barrows (Belogorka, Zaozerie-1, Vyritsa, Taitsy-2, Dyatlitsy-2), as well as a number of stray finds. In the author's opinion, the group of barrow cemeteries of the Izhora plateau formed mainly on the basis of local antiquities of the preceding period, though it is very difficult to reveal the latter in the zone of intensive economic and recreational. Nonetheless, the available patchy evidence suggests the presence here of both burial sites with cremations (most likely moundless) and cultural layers of settlements.

«ПРЕДСОПОЧНЫЕ» ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ВЕРХНЕМ ПОЛУЖЬЕ (по материалам Передольского археологического комплекса)¹

Н. И. ПЛАТОНОВА²

Ключевые слова: *грунтовый могильник, V–VII вв., Передольский погост, Заполье-2, предсопочные памятники, сопки, погребения, Староладожский некрополь.*

Статья содержит анализ материалов грунтового могильника Заполье-2 в Верхнем Полужье, датированного третьей четвертью I тыс. н. э. До его открытия погребальные памятники V–VII вв. были неизвестны на этой территории. Материалы рассматриваются в контексте синхронных древностей, в первую очередь предсопочного культурного типа, занимавшего на Северо-Западе ту же экологическую нишу, что и культура сопок. Погребальный обряд и инвентарь погребений могильника Заполье-2 детально проанализированы, уточнен круг их аналогий. Рассмотрена проблема преемственной связи предсопочных памятников с сопками и культурой ранней Древней Руси. Высказано предположение о принадлежности к предсопочному типу известного Никольского могильника в Старой Ладоге.

DOI: 10.31600/2310-6557-2021-25-194-214

Введение

Серия кремаций в материковых ямках, открытых под насыпью сопки на территории Передольского археологического комплекса³, представляет собой первый грунтовой могильник с трупосожжениями (Заполье-2) в регионе, примыкающем с северо-запада к Ильменскому Поозерью (Платонова 1996: 9–11; 2002; см. также: Исланова 2016: 151–152, рис. 30). Могильник и перекрывающая его насыпь локализуются на пологой нижней террасе р. Луга, менее чем в 100 м от воды (рис. 1). Такое расположение не характерно для других сопок Центральной группы (Заполье-1), приуроченных к более высокой террасе.

¹ Работа подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-40111 «Социокультурные трансформации в Восточной Европе и формирование Руси: новые материалы, интерпретации, обобщения».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Центральная группа сопок у Передольского погоста (Заполье-1) локализуется между деревнями Подгорье и Заполье Батецкого р-на Новгородской обл. Раскопки сопки № 4 производились в 1995 г. Лужским отрядом ИИМК РАН под руководством Н. И. Платоновой (Платонова 1995). Описание погребальных памятников Передольского археологического комплекса см.: Платонова 2002; Платонова и др. 2007; Носов и др. 2007.

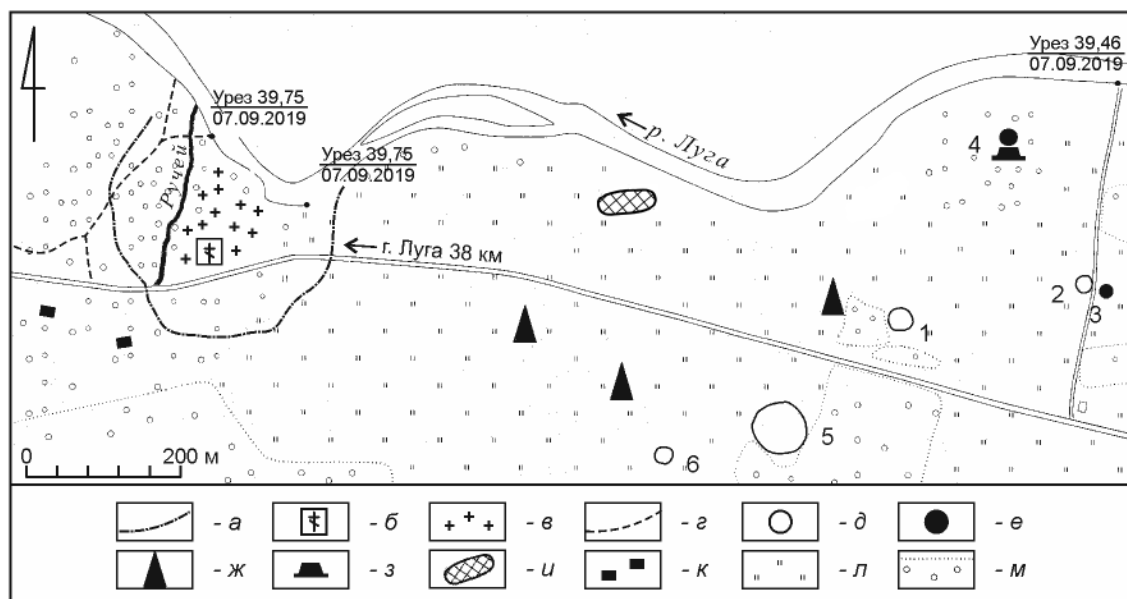

Рис. 1. Передольский археологический комплекс, план-схема расположения памятников: 1–6 — сопки. Условные обозначения: *a* — граница поселения Передольский погост; *б* — развалины церкви Воскресения Христова; *в* — кладбище; *г* — аллея старого парка д. Подгорье; *д–ж* — сопки Центральной группы у Передольского погоста (Заполье-1) (*д* — сохранившаяся сопка; *е* — сопка, раскопанная на снос; *ж* — уничтоженная сопка, локализованная по: Быстров 1880: табл. 1); *з* — грунтовый могильник и селище, перекрытые сопкой 4 (Заполье-2–3); *и* — предположительное место древнерусского могильника (по: Быстров 1880: табл. 1); *к* — постройки д. Подгорье; *л* — поле; *м* — лиственные заросли

Fig. 1. Peredolsky archaeological complex, location of sites: 1–6 — sopka barrows. Legend: *a* — limits of the Peredoldky Pogost settlement; *б* — Church of the Resurrection of Christ ruins; *в* — cemetery; *г* — old park walkway in the Podgorie village; *д–ж* — central group of sopka barrows near Peredolsky Pogost (Zapolie-1) (*д* — extant barrow; *е* — completely excavated barrow; *ж* — destroyed barrow, located after Быстров 1880: table 1); *з* — moundless cemetery and settlement overlain by sopka barrow 4 (Zapolie-2–3); *и* — supposed location of an Old Russian cemetery (after Быстров 1880: table 1); *к* — buildings of the Podgorie village; *л* — field; *м* — deciduous trees

Передольский археологический комплекс расположен в восточной части Верхнелужского региона, представляющей собой сплошной массив плодородных дерново-карбонатных почв (Схема... 2015: 9–10). Памятники окружает холмисто-моренный ландшафт с карбонатными валунными суглинками и хорошо сохранившимися ледниковыми формами рельефа (Платонова 2002: 181–183, рис. 1; Платонова и др. 2007; Протокол... 2014). На прилегающих территориях в большом количестве представлены сопки и древнерусские могильники. Памятники КПДК отсутствуют: восточная граница распространения длинных курганов проходит западнее, примерно в 20 км ниже по течению Луги (Лебедев и др. 1982: рис. 1).

Наряду с грунтовыми погребениями на площадке под сопкой 4 зафиксированы остатки культурного слоя (Заполье-3), сохранившегося в основном в ямах и материковых западинах (Платонова, Жеглова 2021: 179–182, рис. 1–2). Находки датируются серединой — третьей четвертью I тыс. н. э.; отдельные артефакты относятся, возможно, к римскому времени (Там же: 186–187). Слой можно трактовать как окраину некой жилой и/или хозяйственной зоны, а также как место регулярного отправления обрядов (граница живого и мертвого миров).

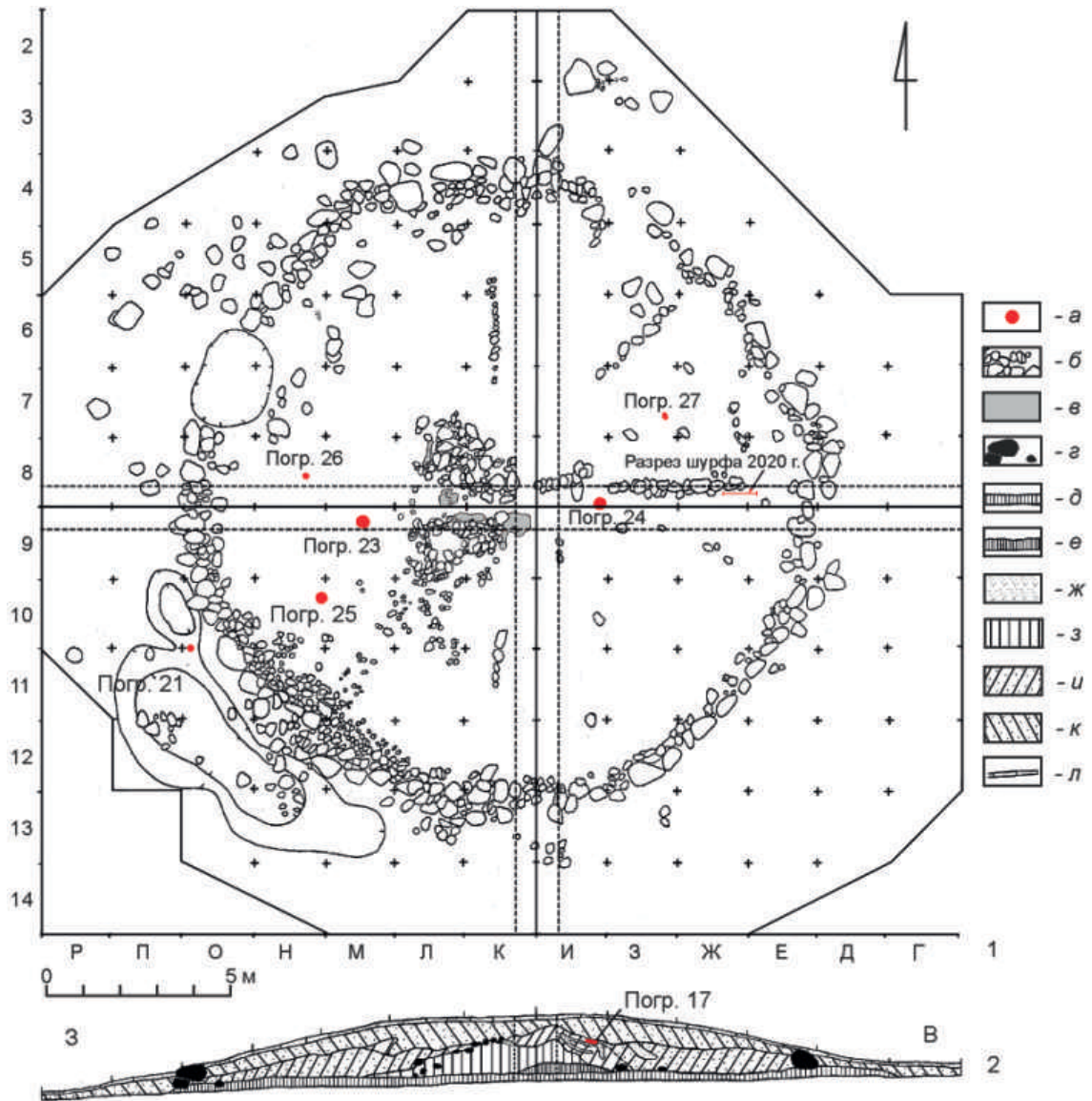

Рис. 2. Грунтовый могильник Заполье-2 и сопка 4 Центральной группы: 1 — план каменных конструкций и локализация грунтовых захоронений под насыпью; 2 — бровка по линии 3–В, южный фас. Условные обозначения: а — грунтовое погребение в ямке; б — камни на плане сопки; в — остатки древесного тлена на поверхности первичной насыпи; г — камни в разрезе сопки; д — погребенный дерн; е — холмик из гумуса и углистого слоя в основании первичной насыпи (засыпка кострища); ж — песок; з — гумусированный слой, слагающий первичную насыпь (куски дерна и темный суглинок); и — серый суглинок со щебнем (второй этап сооружения насыпи); к — серо-желтый суглинок со щебнем (покровная насыпь третьего этапа); л — современный дерн

Fig. 2. Moundless cemetery of Zapolie-2 and sopka barrow 4 of the Central group: 1 — plan of stone constructions and localization of ground burials under a mound; 2 — balk along the West–East line, southern face. Legend: а — moundless burial in a small pit; б — stones on the plan of the barrow; в — wood decay on the surface of the mound; г — stones in the barrow profile; д — buried turf; е — knoll formed by humus and coaly layer at the base of the mound (fire-pit filling); ж — sand; з — humic layer forming the mound (pieces of turf and dark loam); и — grey loam with detritus (second stage of mound construction); к — grey-yellow loam with detritus (mound of the third stage); л — modern turf

Открытие в Передольской округе памятников, синхронных раннему этапу КПДК, актуализирует вопрос об их соотношении с другими культурными традициями третьей четверти I тыс. н. э. и преемственной связи с сопками. Настоящая статья представляет собой анализ и публикацию материалов могильника Заполье-2 в контексте синхронных древностей.

Заполье-2: группировка материала и основные характеристики

Исследованная часть грунтового могильника включает четыре погребения в материковых ямках (23–26)⁴ и небольшую овальную линзу кальцинированных костей в нижней части древней почвы (27) (рис. 2; 3). В последнем случае верхнюю границу ямки проследить не удалось. Она была вырыта в погребенном дерне и не заглублена в материк.

Еще одно погребение (21) находилось за пределами площадки, перекрытой сопкой, в ямке, впущенной в заполнение ровика (рис. 2, 1). Скопление кальцинированных костей толщиной 10 см, видимо, изначально находилось в органической емкости (туеске), 20 см в диаметре. Кости мелкие, неопределимые⁵, погребальный инвентарь отсутствует. Формально этот комплекс относится к числу грунтовых, однако к могильнику Заполье-2 он не имеет отношения. Погребение располагалось на скате в ровик, уже успевший на тот момент заплывть землей. Древняя почва здесь была счищена, послужив материалом для сооружения насыпи. Таким образом, погребение 21 датируется более поздним периодом, чем строительство сопки.

Остальные пять захоронений, перекрытые сопочной насыпью, достоверно предшествовали ей по времени. Однако и эта маленькая серия не вполне однородна и распадается на две группы (рис. 3).

Группа А (23–25) представлена грунтовыми погребениями в ямках диаметром 35–40 см и общей глубиной 25–33 см. Все они впущены с древней дневной поверхности, заглублены в материк на 13–14 см. Ямки круглые в плане, в профиле — цилиндрические (погр. 23, 25) или в виде перевернутого усеченного конуса (погр. 24). Костные скопления залегали плотной массой⁶, толщина слоя кремированных костей в нижней части ямок составляла не менее 15–20 см; в верхней части кости залегали рассеянно.

Заслуживает внимания такая деталь, как вкрапления черного гумуса в кремированные остатки. Это характерно для всех трех комплексов. В одном случае (погр. 24) наблюдалась примесь черного гумуса вперемежку с угольками. Указанные примеси фиксировались, в том числе, *внутри костной массы* в нижней, материковой части погребений 23, 24. В погребении 25 вкрапления черного гумуса обнаружались только в верхней части ямки, где кости залегали дисперсно, вперемежку с грунтом. Такие примеси вряд ли можно объяснить недифференцированным «сгребанием» перегоревших остатков с кострища (особенно если гумус в погребении присутствовал, а угольки — нет). Скорее имело место сознательное добавление черной земли и/или углей в момент ссыпания кремированных костей в ямку (или в поставленную туда емкость?). Действие явно было осмысленным и имело ритуальное значение.

⁴ Номера погребений соответствуют их позициям в перечне, приведенном в полевом отчете (Платонова 1995) и включающем все захоронения, открытые в насыпи сопки и в материке под ней. Во избежание путаницы эта нумерация сохраняется во всех публикациях.

⁵ Определения кальцинированных костей выполнены С. Л. Санкиной в 1990-х гг. Антропологический материал хранится в МАЭ РАН (антропологический отдел).

⁶ Взвешивание костей в 1995 г. не производилось.

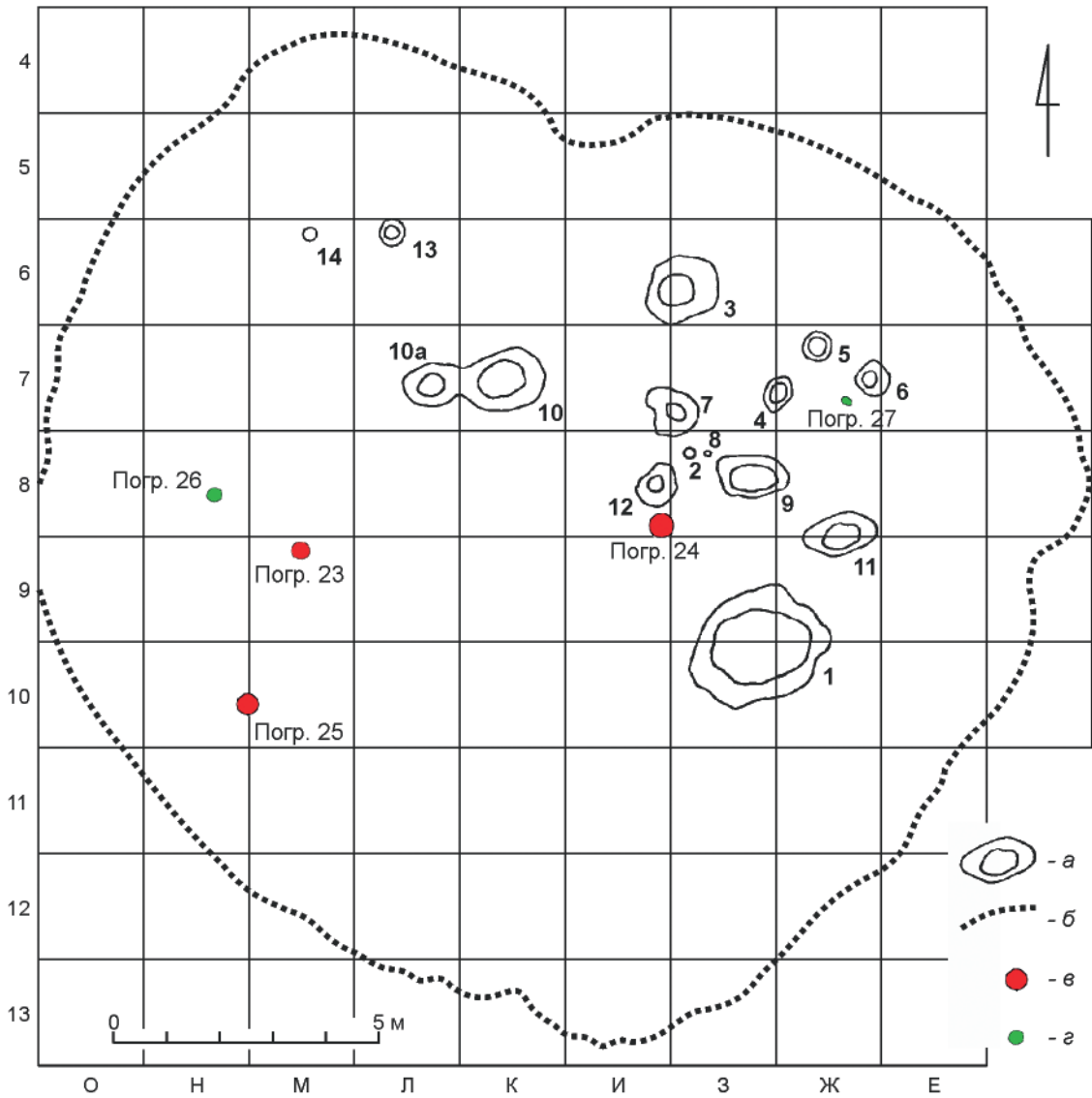

Рис. 3. Локализация грунтовых погребений (Заполье-2) и углубленных комплексов селища (Заполье-3) на подкурганной площадке сопки 4, план: а — ямы в материке; б — граница сохранившегося погребенного дерна на подкурганной площадке; в — грунтовое погребение группы А; г — грунтовое погребение группы Б

Fig. 3. Localization of moundless burials (Zapolie-2) and deepened complexes (Zapolie-3) within the sopka barrow 4 area, plan: а — pits in native soil; б — boundary of the buried turf preserved on the beneath barrow's surface; в — moundless burial of group A; г — moundless burial of group B

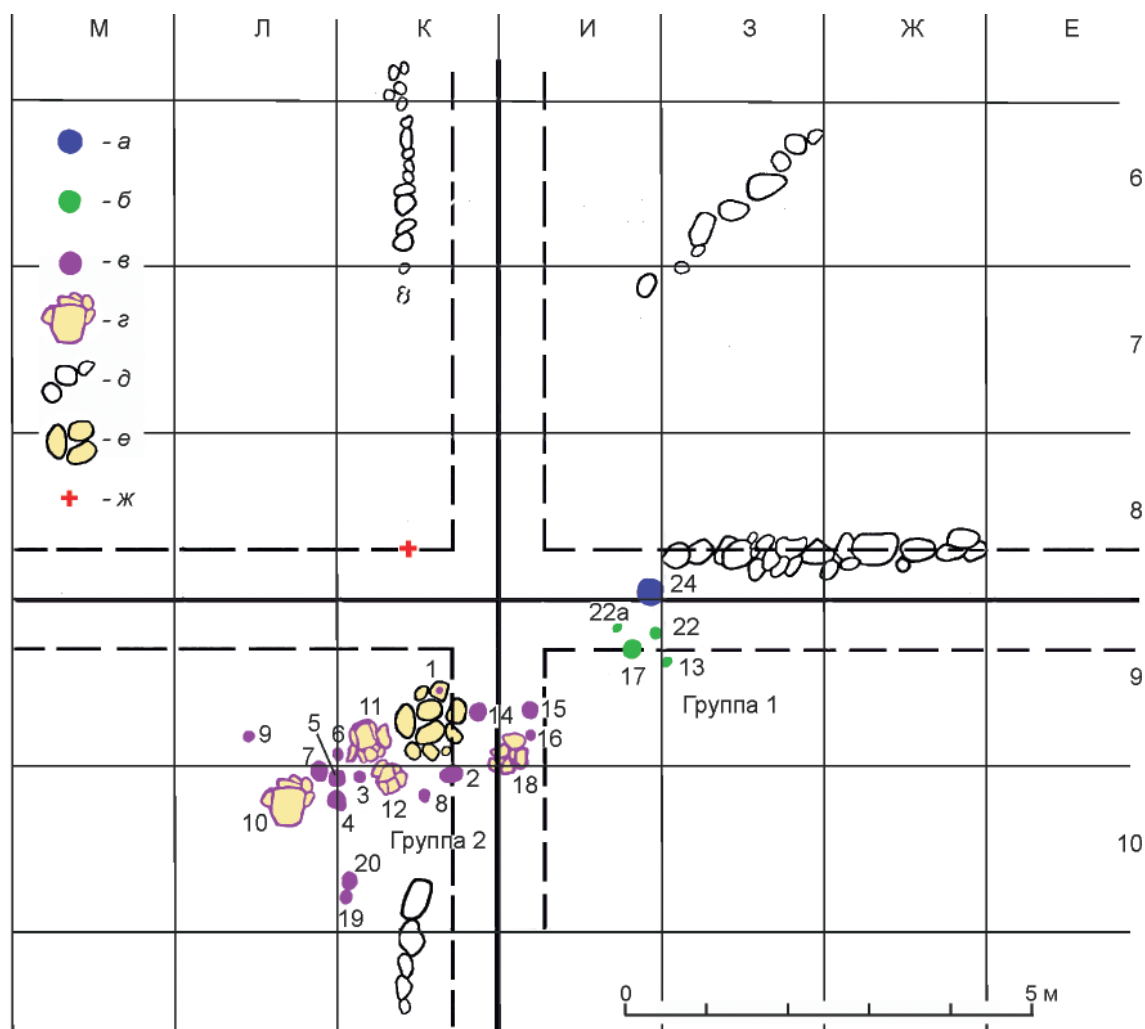

Рис. 4. Локализация отдельных групп погребений в сопке 4: *а* — грунтовое погребение; *б* — погребения, помещенные в насыпь в процессе ее сооружения (группа 1); *в* — погребение, впущенное в вершину сопки (группа 2); *з* — каменный ящик из плит, содержащий кремированные кости, в вершине сопки (группа 2); *д* — камни, образующие конструкции в основании сопки; *е* — камни, образующие вымостку в вершине сопки, на уровне каменных ящиков; *ж* — геометрический центр сопки

Fig. 4. Localization of different groups of burials in sopka barrow 4: *a* — moundless burial; *б* — burials lodged in the mound in the course of its construction (group 1); *в* — burial inserted in the upper part of the mound (group 2); *з* — box of stone slabs containing cremated bones in the upper part of the mound (group 2); *д* — stones forming constructions at the base of the barrow; *е* — stones forming a pavement in the upper part of the barrow, on the same level with stone boxes; *ж* — geometric center of the stone barrow

Сопровождающий инвентарь присутствовал в двух комплексах. В погребении 24 найден деформированный бронзовый колокольчик-колпачок на колечке. В погребении 25 обнаружены фрагменты бронзового колокольчика с прикипевшим обломком колечка; бронзовые спиральные пронизки; узкопластинчатый браслет с продольными ребрами по краям ленты; фрагменты проволочных височных колец; оплавленные кусочки металла.

Все кости в грунтовых погребениях принадлежат человеку; останков животных не выявлено. В одном случае есть вероятность, что погребен был мужчина (погр. 23), в другом — что кости принадлежат взрослому (*adultus*) (погр. 25). Судя по характеру находок (см. ранее), это была женщина.

Группа Б (погр. 26, 27) включает захоронения, малые по объему, помещенные в более мелкие углубления. В одном случае это круглая в плане ямка, заглубленная в материк на 7 см. В профиле она представляла усеченный конус диаметром 8 см по дну и 20 см на уровне материка (погр. 26). Дно другой ямки (погр. 27) находилось на 1–2 см выше материка, в погребенном дерне. Размеры его составляли 16 × 10 см в поперечнике.

На дне обеих ямок тонкими линзами залегало небольшое количество кремированных костей. Кости мелкие, неопределимые. Погребальный инвентарь отсутствует.

По ряду признаков комплексы в мелких ямках обнаруживают сходство с погребениями в сопке 4⁷, точнее — с группой захоронений, *совершенных в насыпи в процессе ее строительства* (группа 1). Эти последние (13, 17, 22, 22а) образовывали компактное скопление в 3 м к востоку от геометрического центра площадки (рис. 4). Они последовательно помещались в еще недостроенную сопку по ходу ее сооружения, на разных высотных уровнях, но в непосредственной близости друг от друга (Платонова 2002: 186–187).

Только один из четырех упомянутых комплексов (17) можно считать полноценным погребением. Скопление кремированных костей было объемным и компактным, включало останки молодого человека и овцы. Три других комплекса (13, 22, 22а) представляли собой небольшие линзы мелких пережженных костей, перемешанных с песком, без примесей угольков и гумуса. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Таким образом, признаками, общими для грунтовых погребений группы Б, с одной стороны, и первых по времени захоронений в сопке 4, с другой (13, 22, 22а), являются: малый объем костей; линзовидный характер их залегания; отсутствие костровых и грунтовых примесей; безынвентарность. По-видимому, сходство обусловлено тем, что и те, и другие не являлись полноценными погребениями. В них можно видеть отражение специфического обряда отделивания части кремированных останков (человека или животного) и их отдельного захоронения. Целью ритуала, вероятно, была сакрализация прилегающего пространства.

В антропологической литературе такие погребения определяются как «неполные» или «парциальные» — «...ничтожно малые по количеству фрагментов и массе кремации, не имеющие значительной части останков кремированного тела усопшего в погребении» и, соответственно, отражающие собой «...некие манипуляции с останками, вследствие чего часть их... не была погребена там, где обнаружено захоронение» (Клещенко 2016: 47).

⁷ Захоронения в сопке 4 также разделяются на две группы: 1 — комплексы, помещенные в насыпь по ходу ее возведения; 2 — погребения, впущенные в вершину насыпи после ее возведения. Эти группы четко прослеживаются в плане.

Отметим, что полное отсутствие костровых и грунтовых примесей характерно не только для описанных захоронений группы 1, но и для всех без исключения впускных погребений сопки 4 (группа 2), которых насчитывается около двух десятков (рис. 4). Собранные с кострищ кости и остатки инвентаря целенаправленно не смешивались с другими продуктами горения (Платонова 2002: 188–191). В этом заключается существенное отличие погребений в сопке от комплексов группы А грунтового могильника.

В свете изложенного нельзя исключать возможности, что погребения группы Б, перекрытые насыпью (26, 27), на самом деле не синхронны группе А, а связаны с ритуальными действиями, предшествовавшими сооружению сопки. Однако уверенности в этом нет: причины сходств/различий могли лежать и в чисто функциональной плоскости, не имеющей отношения к хронологии.

Радиоуглеродные даты и относительная хронология

Только одно из грунтовых погребений Заполья-2 (погр. 24) содержало достаточно материала для радиоуглеродного датирования. Для него была получена дата по древесному углю: 1640 ± 30 BP (Le-5154). Ее калиброванные значения: 350–530 cal AD (1σ); 330–540 cal AD (2σ). Таким образом, по ^{14}C комплекс датируется с середины IV до середины VI в. (рис. 5, 1).

Для одной из соседних ям с культурными остатками (10) была получена дата, практически совпадающая с датой указанного погребения: 1610 ± 60 BP (Le-5152). Ее калиброванные значения: 390–540 cal AD (1σ); 250–590 cal AD (2σ). Другая датированная яма (1) является более поздней: 1380 ± 30 BP (Le-5151). Калиброванные значения не выходят за рамки VII в. и составляют 605–685 cal AD (1σ) и 635–670 cal AD (2σ) (Платонова, Жеглова 2021: 182–184, рис. 3).

Из этого следует однозначный вывод: подкурганная площадка не была перекрыта насыпью после совершения там первых погребений в ямках. Могильник изначально являлся грунтовым и оставался таковым достаточно долго. Его функционирование шло параллельно формированию культурного слоя Заполье-3.

Terminus ante quem перекрытия грунтовых погребений насыпью сопки 4 удалось дополнительно уточнить в 2020 г. Тогда на месте бывшего раскопа был заложен геологический шурф 1×1 м, своим северным бортом прорезавший край узкого останца ненарушенной погребенной почвы (не разобранный в 1995 г.)⁸ (рис. 2, 1). По северной стенке шурфа была отобрана колонка образцов на различные виды исследований. Радиоуглеродный анализ гумусированных отложений верхней части геологического разреза показал отсутствие инверсий дат. Следовательно, пребывание вблизи дневной поверхности и влияние современных почвообразующих процессов не исказили результатов датирования.

Детальный разбор аналитики 2020 г. будет дан нами в отдельной публикации. В настоящий момент важно акцентировать внимание на датировке самого верха гумусированных отложений — то есть погребенного дерна, который оказался законсервированным в результате возведения сопки.

⁸ В 1995 г. на месте раскопа сопки № 4 целенаправленно были оставлены неразобранными каменные конструкции, выложенные на подкурганной площадке. Соответственно, сохранились и подстилающие их участки древней почвы. Делалось это в целях возможной будущей музеефикации объекта. Наличие сохранившихся конструкций позволило точно локализовать шурф 2020 г. на плане 1995 г. Шурфовка производилась инженером-геологом ВСЕГЕИ Д. В. Петровым при участии Н. И. Платоновой.

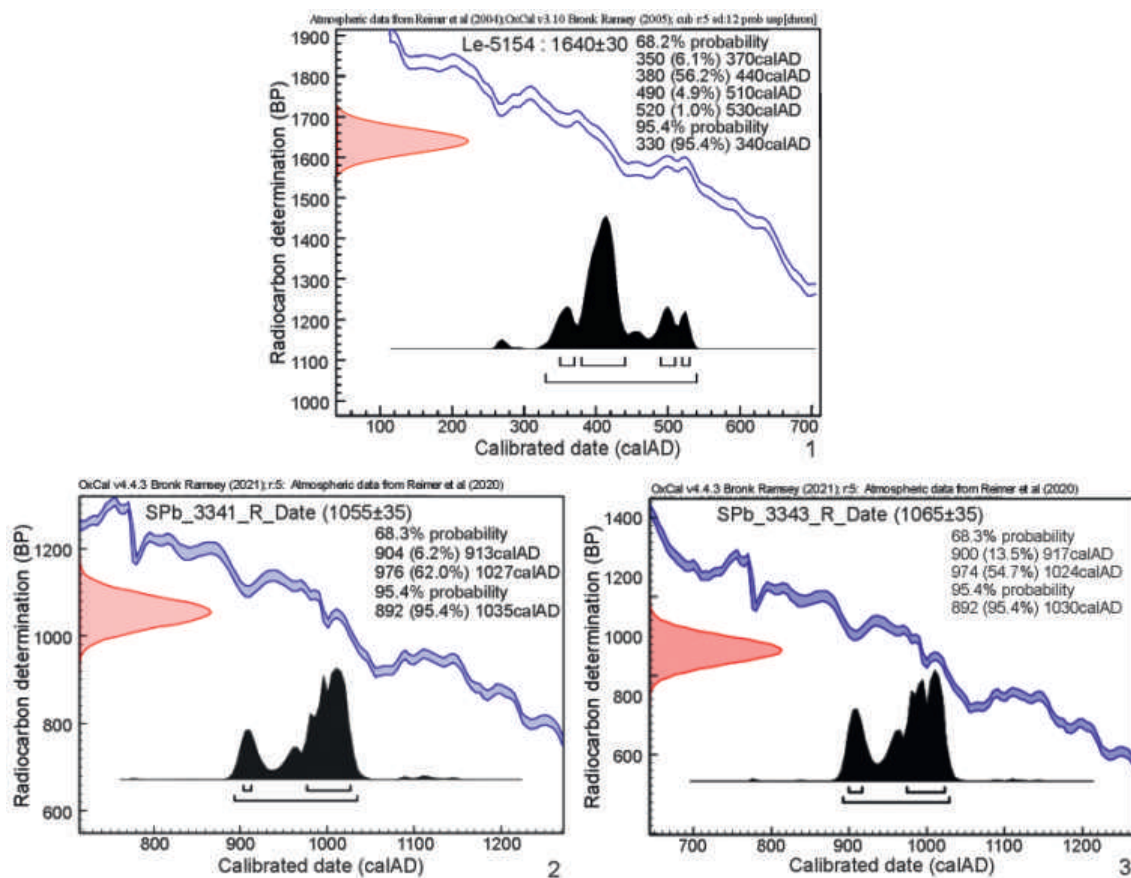

Рис. 5. Радиоуглеродные даты (калибровочные диаграммы): 1 — по древесному углю из погребения 24 могильника Заполье-2; 2, 3 — погребенного дерна под сопкой 4 (Заполье-1): 2 — образец 6/2 + 7/2 с глубины 24-19; 3 — образец 8/2 с глубины 19-17

Fig. 5. Radiocarbon dates obtained (calibration diagrams): 1 — on charcoal from burial 24 of Zapolie-2; 2, 3 — from buried turf beneath sopka barrow 4 (Zapolie-1): 2 — sample 6/2 + 7/2, depth 24-19; 3 — sample 8/2, depth 19-17

По двум верхним образцам из шурфа 2020 г. получены ^{14}C даты: 1065 ± 35 BP (SPb_3343) и 1055 ± 35 BP (SPb_3341)⁹. Их калиброванные значения составляют, соответственно, 892–1030 cal AD (2σ) и 892–1035 cal AD (2σ) (рис. 5, 2, 3). Вторую половину указанного интервала можно достоверно исключить из рассмотрения, поскольку в вершине насыпи присутствовали впускные погребения, датированные по инвентарю первой половиной — серединой X в. и серединой — третьей четвертью X в. (Платонова 2002: 191–193). Следовательно, к 950-м гг. сопка уже некоторое время функционировала как постоянное место захоронений.

Таким образом, по совокупности данных время сооружения сопки достоверно определяется не ранее 890-х гг. и не позднее второй четверти X в. Именно так датируются безынвентарные захоронения 13, 17, 22 и 22а, помещенные в насыпь по ходу строительства. Значит, хронологический разрыв между ними и погребением 24, совершенным не позднее середины VI в., составляет не менее 350 лет.

⁹ Анализ образцов произведен М. А. Кульковой в Изотопном центре на кафедре геологии и геоэкологии географического факультета РГПУ им. А. И. Герцена в 2020 г.

В свете этого представляет особый интерес пространственная локализация указанных комплексов. Грунтовое погребение 24 тесно соседствует в плане с уже описанной группой наиболее ранних захоронений в сопке (группой 1). Оно располагалось на краю «пяточка» площадью около 1 м², на котором сосредоточены эти погребения (рис. 4, группа 1), то есть именно там, где совершались ритуальные действия, направленные на сакрализацию пространства строящейся сопки. Ни новые захоронения, ни каменные конструкции сопки не потревожили древнего погребения. Оно оказалось перекрыто остатками кострища, разведенного в центре площадки и засыпанного недогоревшим. Слой этого кострища залегает в основании первичной насыпи (рис. 2, 2 (e)).

Можно высказать осторожное предположение, что, несмотря на большой хронологический разрыв, некоторые грунтовые погребения к моменту строительства сопки еще сохраняли какие-то внешние маркеры. В этом случае они могли осмысленно включаться в новый погребально-ритуальный контекст эпохи викингов, становясь его частью. Тогда получает логичное объяснение и необычная для Передольской округи привязка сопки X в. к нижней речной террасе. Если это предположение справедливо, то выбор места для сопки 4 на грунтовом могильнике можно трактовать как сознательную демонстрацию преемственности со старинными хозяевами этих мест.

Погребальный инвентарь: типология и хронология

Как уже говорилось выше, сопровождающий инвентарь зафиксирован в двух комплексах могильника Заполье-2 — 24 и 25. Представлен он исключительно предметами из цветных металлов, побывавшими в огне. Тонкость и хрупкость большинства обнаруженных предметов не позволяют считать, что они являлись элементами костюма умерших, положенных на погребальный костер. Пламя, разгоревшееся до максимума, то есть до 750–850 °С (ср.: Клещенко и др. 2021: 205), несомненно, расплавило бы подобные предметы и уничтожило их практически бесследно. По-видимому, вещи, дошедшие до нас, были брошены в уже догорающий костер, возможно, на тлеющие угли. Таким образом, они представляли собой дар умершему, а не его собственный наряд. Аналогичная ситуация была описана авторами раскопок курганно-грунтового некрополя Навры в Северной Белоруссии: «Исходя из степени повреждения огнем, можно полагать, что выявленные... остатки бронзовых украшений не находились в огне на протяжении всего времени сожжения тела... Вероятно, они были помещены на погребальный костер уже в процессе его остывания, а после перенесены и высыпаны на основание кургана вместе с кальцинированными костями...» (Плавинский, Тарасевич 2021: 303).

Привески-колокольчики найдены в обоих погребениях. В погребении 24 присутствовал деформированный смятый колокольчик с отверстием, в которое была продета проволочная бита с петелькой. Колокольчик висел на колечке с плоским спиральным концом, загнутым внутрь (рис. 6, 1). Форма изделия — низкий открытый конус, с прямыми боковыми сторонами. Диаметр его — ≈1,5 см. Высота без петельки — 1,5 см, с петелькой — 2,3 см. Материал — оловянистая бронза.

В погребении 25 найдены обломки колокольчика, отлитого из свинцово-оловянной латуни. Форма его реконструируется (рис. 6, 2a) по двум крупным фрагментам, к одному из которых прикипели остатки тонкого проволочного колечка (рис. 6, 2б, 2в). Диаметр изделия — ≈2 см, боковые стороны выпуклые, имеют в профиле плавный кололоводный изгиб.

Такие маленькие открытые колокольчики в литературе традиционно называют «колпачками» или «колокольчиками латгальского типа» в силу их популярности и

особо продолжительного бытования на территории Латвии (Михайлова 2014: 97–98). Однако ареал их распространения в Восточной Европе выходит далеко за пределы Латвии. Он включает территории Южной, Средней и Западной России, Украины, Северной Белоруссии, Северной Польши, Литвы, Эстонии и т. д. Точно соотнести отдельные варианты колокольчиков с территориальными группами и культурами весьма затруднительно. Но географическая привязка и хронология комплексов, из которых происходят их прототипы, позволяют предположить, что их распространение в Восточной Европе имело в основе импульс из сармато-аланского и позднеантичного культурного мира.

В первом приближении «колпачки» можно разделить на две основные группы: 1) конусовидные в профиле, с прямыми сторонами; 2) полусферические в профиле, с выпуклыми сторонами, часто с плавным колоколовидным изгибом и отогнутыми «полями». И в том, и в другом случае имеются варианты приземистых (низких) и вытянутых (высоких) пропорций. Находки из Заполья-2 представляют собой низкие варианты обеих групп.

Полусферические колокольчики-колпачки без отогнутых «полей» встречаются в аланских могильниках Северного Кавказа и Прикубанья, начиная с I–II вв. н. э. (Абрамова 1987: 154, рис. 62, 9–11; Гущина, Засецкая 1994: 66, 141, табл. 42, 376/1). Не позднее III–IV вв. они распространяются в Юго-Западном Крыму (Храпунов, Масыкин 1997: 180, рис. 7, 20–21; Пуздровский и др. 2001: 40, 43, рис. 2, 11; 5, 20) и на сарматских памятниках Нижнего Дуная (Градешка) (Гудкова, Редина 1999: 181, 190, рис. 3, 15). Колокольчики чаще всего подвешивались на проволочной бите, продетой в отверстие и завершающейся петелькой (как и оба экземпляра из Заполья-2). Они могли входить в состав ожерелий, крепиться к конской сбруе, использоваться в ритуальных целях в ходе различных церемоний.

В гуннское и постгуннское время колокольчики-колпачки различных вариантов широко представлены на юге Восточной Европы — в Крыму, на Северном Кавказе, в Предкавказье. В склепах Юго-Западного Крыма 450–550 гг. присутствуют как простые полусферические колпачки без «полей» (Хайрединова 2002: рис. 8, 1, 5), так и изделия с колоколовидным изгибом тулова (Там же: 66, 102, рис. 8, 2–4). Конические низкие колокольчики, близкие по форме экземпляру из погребения 24, известны на Кавказе и в Центральном Предкавказье, на памятниках, датируемых второй половиной V в. Из них можно упомянуть «вождское» погребение Былым-Кудинетово (Kazanski 2019: Fig. 1, 11–12; Казанский, Масыкова 2010: 95) и отдельные комплексы Пашковского 1 могильника (Масыкова и др. 2016: 23, 71–72, 129, табл. 21, 5–8).

Тогда же эти изделия быстро распространяются с юга на север Восточной Европы, включая Среднюю Россию и Северо-Запад. Так, например, сразу несколько вариантов колокольчиков представлено на Верхнем Дону, в материалах поселения гуннского времени Ксизово 19. Памятник датирован концом IV — V в. Здесь встречены, в частности, низкие колпачки с плавным изгибом тулова и конусовидные с прямыми сторонами, с поясками линейного орнамента и без них (Обломский, Козмирчук 2015: 157, рис. 236, 12–15). Кроме того, колокольчики периодически встречаются в V–VII вв. на памятниках пражской и колочинской культур, в курганах восточнолитовского типа, в КПДК и т. д. (ссылки см.: Михайлова 2014: 97–98). Сосуществование их различных вариантов в разных культурных контекстах объясняется как возможным заимствованием у соседей, так и наличием общих прототипов.

Отдельный интерес представляет собой колечко, на котором был подвешен колокольчик из погребения 24. На момент находки оно было разломано и сохранялось в

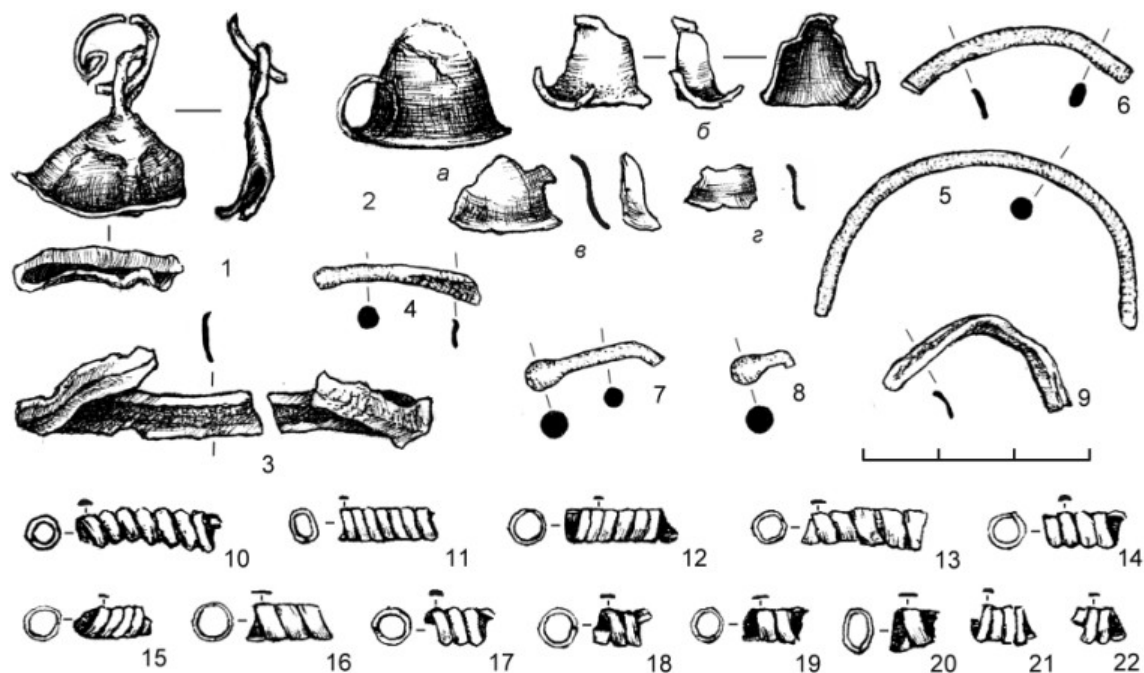

Рис. 6. Заполье-2 (1 — погр. 24; 2–22 — погр. 25), предметы из цветного металла: 1 — колокольчик; 2 — колокольчик (а — реконструкция; б–г — фрагменты); 3 — браслет; 4–9 — обломки височных колец; 10–22 — спиральные пронизки

Fig. 6. Zapolie-2 (1 — burial 24; 2–22 — burial 25), objects of non-iron metals: 1 — bell; 2 — bell (a — reconstruction; b–g — fragments); 3 — bracelet; 4–9 — fragments of temple rings; 10–22 — spiral tube pendants

двух фрагментах (рис. 6, 1). Диаметр колечка — ≈ 1 см. Один конец имел плоский завиток внутрь, в половину оборота. Петли и крючки, завернутые внутрь, встречаются на височных кольцах из длинных курганов, однако крайне редко и только на больших экземплярах (Казихи) (Михайлова 2014: 103, рис. 24, 7). Прием оформления одного из концов кольца в виде загнутого внутрь завитка или плоской спирали встречается иногда в восточной Литве, но основной ареал его распространения — Поднепровье. Колечки малого диаметра зафиксированы только на юге. Они известны в раннесредневековых кладах Поднепровья и на памятниках Днепровского Надпорожья VI–VII вв. и считаются «специфическим элементом женского костюма круга древних антов» (Родинкова 2015: 96–97, рис. 3, 5–6).

Из погребения 25 происходит деформированный узкопластинчатый браслет из тонкой металлической ленты шириной $\approx 0,7$ см. По середине ее прослеживается едва заметная выпуклость (продольное ребро) (рис. 6, 3). Браслет изготовлен из оловянистой латуни и принадлежит широко распространенному на севере Восточной Европы типу пластинчатых браслетов с продольными ребрами. Аналогии ему известны начиная с римского времени до VIII в. включительно в Прибалтике, Финляндии, на Северо-Западе России, а в VIII–IX вв. — в Верхнем Поднепровье (Михайлова 2014: 87–90).

Обломки проволочных украшений из погребения 25 частично неопределимы. Но несколько крупных фрагментов позволяют заключить, что здесь присутствовало кольцо ≈ 5 см в диаметре, с разомкнутыми, слегка утолщенными и уплощенными концами. Изготовлено оно из многокомпонентного сплава (свинцово-оловянная латунь).

Сечение проволоки круглое, толщина — 2,5 мм, на концах — около 5,0 × 2,5 мм (рис. 6, 4–6). Таких предметов в погребении 25, вероятно, было два или более. Еще два обломка проволочных колец из этого погребения имеют на концах округлые утолщения одинаковой формы (рис. 6, 7, 8). Похожая вещь, интерпретированная как браслет, была найдена в среднем течении р. Луга, в длинном кургане на могильнике Ситенка II (Там же: рис. 19, 5).

Находки из Заполья-2 с наибольшей вероятностью следует трактовать как височные кольца со слабо расширяющимися концами. Многочисленные аналогии им представлены на колочинских памятниках. Детальное описание этой категории находок дано Е. А. Шмидтом: «Размер колец с двумя утолщенными концами различен — от 3,5 см до 9,5 см в поперечнике, но толщина округлой проволоки у них примерно одинакова — около 2,5 мм. Утолщение проволоки на концах невелико и максимально достигает 4,5 мм в поперечнике. О том, что эти изделия являются височными кольцами, а не браслетами, свидетельствуют не только размеры и форма, но и факт нахождения изготовленных небольших колечек из обломков больших колец, когда у свернутого колечка один конец утолщенный, а другой — просто обломанный (табл. 22: 3, 4, 15). <...> В тех случаях, когда серебряные височные кольца были специально спрятаны и обнаружены в виде кладов, они всегда находятся в парном количестве (2, 4, 10 экз.). В пределах Смоленского Поднепровья и Подвинья кольца этого типа обнаружены в виде кладов и отдельных находок на городищах-убежищах Демидовка и Близнаки, на селище Заозерье и в погребениях могильника Акатово. Подобного типа височные кольца на других территориях Восточной Европы, видимо, не были широко распространены. В опубликованных кладах VI–VII вв. только в одном случае такие изделия названы височными кольцами. <...> Восточнее расселения тушемлинских племен подобного типа височное кольцо найдено на позднедьяковском городище Луковня, где датируется VI–VII вв. н. э. [Розенфельдт 1982, с. 13, рис. 1: 9]» (Шмидт 2003: 80–81).

В настоящее время интерпретация указанной категории находок как височных колец принята всеми исследователями раннесредневековых днепровских кладов (Родинкова 2015: 97, 102, рис. 3, 10–14, 17–19). Датировка их определяется хронологией заключительного этапа существования колочинской культуры, то есть не позднее VII в.

Спиральные пронизки и их обломки (26 экз.), найденные в погребении 25, широко распространены в Восточной Европе в середине — второй половине I тыс. н. э. Они входили (в разных сочетаниях) в состав женских уборов разных племен. У населения Балтийского побережья использование спиральных пронизок для украшения одежды, по видимому, вошло в моду с IV–V вв. (Хвоцинская 2004: 113–124; Михайлова 2014: 108).

Наборы спиральных пронизок часто встречаются в культуре смоленско-полоцких длинных курганов (КСПДК), в том числе в сочетании с обоймицами, позволяющими интерпретировать их как остатки ленточных головных венчиков. Отметим в связи с этим недавнюю находку большого количества спиралек с обоймицами в очень раннем для КСПДК комплексе некрополя Навры II в Северной Белоруссии¹⁰ (Плавинский, Тарасевич 2021: 301–304, рис. 3, 1–49). Этот комплекс (курган 12, погр. 1) датируется по инвентарю третьей четвертью I тыс. н. э. и имеет радиоуглеродную дату 1390±50 BP (Le-12092), 603–669 cal AD (Там же: 305).

В КСПДК находки спиралек также нередки, но, как отмечает Е. Р. Михайлова, обычно они встречаются в малом количестве (не более 1–3 экз. на одно погребение). Одним

¹⁰ По этой причине авторы публикации высказывают предположение о принадлежности «первого культурно-хронологического горизонта» данного некрополя не к КСПДК, а к КПДК (Плавинский, Тарасевич 2021: 320).

из немногих исключений является комплекс из могильника Куреваниха III на северо-восточной оконечности ареала этой культуры. Там найдено 24 спиральки (Михайлова 2014: 107–108, рис. 25, 3–15, 17–19, 21–29). Примерно столько же присутствует и в погребении 25 Заполья-2 (рис. 6, 10–22).

Находка спиральки в могильнике Юрьевская Горка (Верхнее Помостье) показательна тем, что на близлежащем селище обнаружилась и бронзовая обоймица от ленточного головного венчика (Исланова 2016: 158). Вероятно, такие венчики входили в состав женского убора населения, оставившего эти памятники. Последнее очень важно, ибо Юрьевская Горка является эталонным комплексом предсочного типа третьей четверти I тыс. н. э.

По совокупности данных погребение 25 датируется VI–VII вв. Часть вещей в погребении имеет широкие даты, уходящие, с одной стороны, в римское время, а с другой — в VIII–IX вв. Сузить интервал помогает присутствие проволочных колец со слабо утолщенными концами, аналогии которым связаны с заключительным этапом функционирования колочинских памятников.

Рентгено-флюоресцентный анализ металла

Рентгено-флюоресцентный анализ выборки предметов из цветного металла из погребений 24 и 25 показал, что часть изделий отлиты из многокомпонентного сплава (свинцово-оловянная латунь), который в одном случае (височные кольца из погребения 25) характеризуется относительно высоким содержанием цинка — 8–10 % (табл. 1). Такой состав характерен и для двух предметов из культурного слоя Заполье-3, датированных, предположительно, римским временем (Платонова, Жеглова 2021: 186–188, табл. 2). Кроме того, в грунтовых погребениях присутствуют изделия из оловянной латуни со значительно меньшим содержанием цинка и оловянистой бронзы (сплав меди с оловом, без других присадок).

Таблица 1

Химический состав предметов из цветного металла могильника Заполье-2 по результатам рентгено-флюоресцентного анализа, %¹¹

№ погр.	Предмет	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Zn	Fe	Сплав
24	Колокольчик (№ 88)	осн.*	–	8–9	сл.**	–	–	–	<0,5	Оловянистая бронза
25	Обломок колокольчика (№ 102)	осн.	сл.	2–4	1–2	сл.	сл.	5–7	1–2	Свинцово-оловянная латунь
25	Спиралька (№ 104)	осн.	<0,2	8–10	<0,3	–	≈1	2–3	<0,3	Оловянная латунь
25	Браслет узко-пластинчатый (№ 91)	осн.	сл.	3–5	<0,8	<0,2	сл.	2–4	<0,5	Оловянная латунь
25	Височное кольцо проволочное (№ 107)	осн.	–	2–4	3–4	–	сл.	8–10	–	Свинцово-оловянная латунь

* осн. — основной металл; ** сл. — следы.

¹¹ Анализ произведен С. В. Хавриным (Государственный Эрмитаж).

В настоящий момент однозначно интерпретировать эти данные и тем более основывать на них выводы о хронологии и культурных связях памятников рискованно. Известно, что в III–IV вв. в Римской империи был утрачен секрет выплавки латуни — золотистого металла с высоким содержанием цинка. Поэтому приток «свежего» металла на рынки ювелирного сырья прекратился (Енисова и др. 2000: 100). Вплоть до конца I тыс. н. э. европейские ювелиры повсеместно занимались переплавкой латунного лома, добавляя к нему бронзу, свинец и олово, что вело к испарению цинка и постепенной потере «золотого» цвета изделий.

Различия в составе металла, происходящего из разных памятников Восточной Европы второй половины I тыс. н. э., обусловлены разными источниками поступления цинкосодержащих сплавов, а также масштабами циркуляции сырья и готовых изделий по регионам и т. п. (ср.: Сапрыкина 2018: 285). Сейчас на повестке дня стоит дальнейшее расширение выборки материалов по Северо-Западу второй — третьей четверти I тыс. н. э., их анализ и обобщение.

Культурный контекст

Памятники предсопочного (первоначально «удомельского») типа были выделены в отдельную группу 25 лет назад (Исланова 1996). Тогда впервые было установлено, что на территориях, в дальнейшем плотно освоенных «сопочным» населением, присутствуют неизвестные ранее древности третьей четверти I тыс. н. э. Население, их оставившее, практиковало бескуржанный погребальный обряд.

Для этих памятников характерна та же ландшафтная приуроченность, что и для сопок, а именно — холмисто-моренный ландшафт, «где сосредоточены относительно плодородные (благоприятные для земледелия) аллювиальные или лессовидные почвы» (Исланова 2016: 152). Отмечается также их связь с участками, «через которые в дальнейшем — в конце I тыс. н. э. — пролегали магистральные водные и сухопутные дороги» (Там же).

На материалах Удомельского поозерья И. В. Ислановой была установлена близость предсопочной керамической традиции к достоверно славянским древностям Восточной Европы, с одной стороны, и к культуре сопок, с другой. О последнем свидетельствуют общие элементы в домостроительстве и вещевом комплексе предсопочных и сопочных селищ на востоке Новгородской земли (Исланова 1997: 25, 26, 29, рис. 109; 138, 15; 140, 7, 8; 146а; 147, 1, 2, 4, 5, 7–9, 14–19). В связи с этим отметим, что анализ материалов культурного слоя Заполье-3 в Верхнем Полужье показал отсутствие перелома в развитии керамической традиции на переходе от предсопочных памятников VII в. к периоду Начальной Руси (Платонова, Жеглова 2021: 189–192).

Эталонными комплексами, позволяющими определить основные характеристики предсопочного типа, являются ныне Юрьевская Горка в Удомельском поозерье (Исланова 1996; 1997) и Городок на Маяте в Восточном Приильменье (Еремеев, Дзюба 2010: 58–59 и след.). Ныне предсопочные горизонты выявлены на ряде хорошо известных многослойных поселений Новгородской земли (Золотое Колено, Сельцо, возможно Прость). В результате И. В. Ислановой были сведены воедино данные по 12 местонахождениям предсопочного типа¹² в бассейне Верхней и Средней Мсты, в Приильменье и Верхнем Полужье (Исланова 2016: 151–159). Список этот заведомо неполон; источниковая база исследований ограничена в силу объективных трудностей поиска в лесной зоне памятников, не отмеченных внешними маркерами.

¹² Еще около десятка местонахождений можно включить в список предположительно.

Степень единства или, напротив, вариативности культурных характеристик предсопочных древностей на разных территориях вызывает много вопросов. Проблема преемственности культурных традиций между этими памятниками и сопками (*де факто* — Начальной Русью) требует отдельного рассмотрения для каждого региона.

К сожалению, при раскопках Городка на Маяте не было обнаружено мест захоронений его насельников. Первым погребальным памятником предсопочного типа, исследованным на современном уровне, стал грунтовый могильник Юрьевская Горка, где раскопано восемь сохранившихся захоронений и три разрушенных. Как и в Заполье-2, это кремации, произведенные на стороне и помещенные в грунтовые ямки. Малые выборки сильно ограничивают возможность выводов на их основе. В подобной ситуации важно вычлениить те элементы культуры, которые уже сейчас можно считать достоверно зафиксированными.

В обоих случаях могильники функционировали по соседству с селищами. На Юрьевской Горке захоронения сначала производились у края поселения, а потом жилая зона и вовсе перекрыла часть его территории. В Заполье кладбище и культурный слой развивались как единая система: постоянная человеческая активность, наблюдаемая вблизи захоронений, обусловила появление там не вполне понятных столбовых конструкций (рис. 3) и отложение культурных остатков в ямах. Контакт между живым и мертвым мирами являлся самым прямым и тесным (что само по себе характеризует сообщества, оставившие эти памятники).

В структурном отношении могильники близки между собой: основными элементами служат грунтовые ямки как вместители погребений — полноценных или парциальных. При этом погребальные ямки на Юрьевской Горке в 1,5–2 раза крупнее, чем в Заполье-2. Стандартная глубина их — не менее 60–80 см; размеры в поперечнике составляют 43–60 см и более. Достоверных следов поверхностного размещения кремированных костей на территории могильников не зафиксировано.

Общим для погребений Заполья-2 и Юрьевской Горки является наличие в них костровых и грунтовых примесей. В Заполье-2 можно с уверенностью говорить о намеренном смешивании костей с черным гумусом (вариант: черным гумусом и углями), производившимся, скорее всего, в момент высыпания в ямку «очищенных» костей, тщательно выбранных с кострища. Не вполне идентичный, но сходный в основе своей алгоритм действий наблюдался на Юрьевской Горке. Он предполагал смешение костей, «чисто» выбранных с кострища, с грунтом (и угольками?) при высыпании в ямку. Степень дисперсности залегания костей в ямах здесь заметно выше, чем в Заполье-2. По результатам анализа материалов с помощью биоархеологического метода сделаны следующие выводы: «...фрагменты костей сразу намеренно смешивались с грунтом, в результате чего они и занимали весь объем ямки или какого-то чехла... Припекания песчинок к поверхности костей не встречено, что может быть интерпретировано как смешивание с грунтом уже остывших кремированных останков. Сам грунт, заполняющий ямку, не содержит большого количества угольков, поэтому есть основания предполагать, что кости тщательно отбирались с погребального костра... (курсив мой. — Н. П.)» (Клещенко и др. 2021: 208).

Согласно первоначальным определениям антропологических материалов Юрьевской Горки, произведенным Т. В. Томашевич, большая часть захоронений принадлежала молодым людям и детям (Исланова 2016: 158). В Заполье-2, напротив, были зафиксированы погребения взрослых людей. Однако результаты биоархеологического анализа, произведенного коллективом палеоантропологов ИА РАН, показали, что и

на Юрьевской Горке кости взрослых людей (*adultus*) доминируют. Они обнаружены в погребениях 1 (мужчина 30–50 лет), 2, 4 (мужчина?) и 8. Захоронение 6 принадлежало двум взрослым людям; один из них был, несомненно, мужчиной. Таким образом, половозрастной состав обоих могильников принципиально не отличается. Более тонких различий пока уловить нельзя в силу малых выборок.

Характерно, что в погребениях 3 и 7 Юрьевской Горки выявлены останки животных при отсутствии анатомически определимых костей человека. В погребениях 1 и 6 имеются примеси костей животного к костям человека (Клещенко и др. 2021: 203–205). Однако делать какие-то заключения о роли животных в «предсочном» погребальном обряде пока преждевременно.

Обращает на себя внимание уникальная деталь погребального ритуала Юрьевской Горки — забутовка ямок кусками обожженной глины / пачины. Данный элемент зафиксирован в двух погребениях (5 и 6), отличающихся (возможно, именно поэтому!) хорошей сохранностью. Как отмечает автор раскопок, при исследованиях соседнего селища «...не было встречено ни остатков глинобитных печей, ни деталей из глины у печей-каменок... Можно предположить, что та территория и культура, где будут обнаружены аналоги подобного обряда, сможет считаться исходным регионом, откуда осуществлялась миграция переселенцев, проживавших на селище Юрьевская Горка» (Исланова 2021)¹³.

В исследованных погребениях Заполья-2 указанный элемент, к сожалению, не встречен. Зато он отмечен на другом памятнике, который с большой вероятностью можно включить теперь в список некрополей предсочного типа — Староладожском Никольском могильнике, расположенном к югу от Земляного городища.

В 1938 и 1948 гг. на этом могильнике было вскрыто семь непогребенных погребений, помещенных в грунтовые ямки диаметром 35–40 см и заглубленных в материк на 10–12 см (Орлов 1941; 1960). По наблюдениям С. Н. Орлова, во всех случаях «в ямки ссыпались остатки трупосожжения, совершенного... на стороне. Характерно, что во всех погребениях вместе с костями имелись куски сильно обожженной глины, принесенной, очевидно, с места сожжения, так как они часто имеют вкрапления кальцинированных костей» (Орлов 1960: 252–253)¹⁴. Таким образом, уникальная черта предсочной погребальной обрядности находит аналогию в районе последующего распространения классических волховских сопок.

¹³ См. статью И. В. Ислановой в настоящем издании (Исланова 2021).

¹⁴ Автор раскопок С. Н. Орлов не сомневался, что между Никольским могильником и перекрытым им метровым слоем Ладожского посада IX–X вв. существовал хронологический разрыв. Однако аналогии этому памятнику были тогда неизвестны. Вдобавок, в отечественной науке второй половины XX в. доминировала тенденция омолаживать дату Староладожского комплекса. Поэтому С. Н. Орлов осторожно отнес могильник к периоду «не позднее VIII в.» (Орлов 1960: 253). С. Л. Кузьмин и А. И. Волковицкий предложили датировать его «не позднее IX в.», «исходя из стратиграфических условий» (Кузьмин, Волковицкий 2001: 46). Однако ни малочисленный инвентарь погребений, ни стратиграфия вовсе не дают оснований для столь поздней датировки памятника. Произвольным является и предположение о «какой-то связи этого некрополя и культуры северных (псковских) длинных курганов» (Там же). Впрочем, именно в такой редакции с ним можно согласиться, ибо общие элементы в инвентаре КПДК и предсочных памятников действительно имеются. «Какая-то связь» между ними, конечно, существовала. В свете современных данных о хронологии Ладоги было бы логично рассмотреть Никольский могильник в контексте древностей третьей четверти I тыс. н. э.

Заключение

Комплексный типологический и естественно-научный анализ находок грунтового могильника Заполье-2 и их археологического контекста позволяет датировать погребения, содержавшие инвентарь: 1) V — первой половиной VI в. (24); 2) VI–VII вв. (25).

Наличие рядом с погребениями углубленного комплекса, относящегося к VII в., свидетельствует о том, что предсопочные памятники доживают здесь как минимум до этого времени. Древностей VIII–IX вв. пока не выявлено ни в округе Передольского погоста, ни выше по течению Луги, где отсутствуют длинные курганы. Какие процессы — природные или социальные — обусловили этот *hiatus*, пока неясно.

Вещевой набор, обнаруженный в погребениях Заполья-2, достаточно эклектичен. Прототипы вещей находятся либо на степном юге, либо в Прибалтике; они явно лишь недавно распространились на Северо-Западе России. Практически каждый из найденных металлических предметов по отдельности мог бы входить в погребальный инвентарь других культур, синхронных по времени, — пражской, колочинской, КПДК, прибалтийских культурных традиций и т. д. Тем не менее определенное стилистическое единство здесь присутствует. В Заполье-2 совсем нет вычурных, массивных изделий специфического «восточно-финского» стиля. Это свидетельствует о направлении культурных связей (преимущественно юго-западном) и/или о характере запросов и предпочтений («культурных кодах»).

Вопрос о культурной преемственности предсопочных могильников и сопок в перспективе, скорее всего, будет решен положительно. Конечно, различия между этими культурными пластами должны были иметь место, хотя бы в силу изменения социальных условий в интервале с конца VII до конца IX в. Но говорить о серьезном переломе культурной традиции в данном случае не приходится.

Пока количество местонахождений (особенно — могильников) предсопочного типа исчисляется единицами, все попытки обобщения данных неизбежно будут предположительными. Однако детальная разработка материалов вкупе с дальнейшими полевыми исследованиями должны, в конечном счете, создать базу для обоснованных суждений. Публикация могильника Заполье-2 является очередным шагом на этом пути¹⁵.

Литература и источники

- Абрамова 1987 — Абрамова М. П. Подкумский могильник. М.: Наука, 1987. 182 с.
- Быстров 1880 — Быстров М. Остатки старины близ Передольского погоста, Лужского уезда, Санкт-Петербургской губернии (описание курганов и кладбищ этой местности) // Известия Императорского Русского Археологического общества. СПб., 1880. Т. 9, вып. 4. С. 381–410.
- Гудкова, Редина 1999 — Гудкова А. В., Редина Е. Ф. Сарматский могильник Градешка в низовьях Дуная // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 1999. Т. 7. С. 177–193.
- Гущина, Засецкая 1994 — Гущина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.

¹⁵ Автор выражает глубокую признательность И. В. Ислановой и Т. А. Жегловой за помощь в подборе материала и плодотворное обсуждение проблем предсопочных памятников; М. В. Шитову и Д. В. Петрову за помощь в проведении геологических изысканий по теме работы; С. Л. Санкиной, М. А. Кульковой и С. В. Хаврину — за сотрудничество в производстве естественно-научной аналитики материалов; М. В. Марунину и В. Н. Кузнецовой — за помощь в оформлении иллюстраций.

- Ениосова и др. 2000 — *Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г.* Латуни средневекового Новгорода // НиНЗИиА. 2000. Вып. 14. С. 99–111.
- Еремеев, Дзюба 2010 — *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из Варяг в Греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с.
- Исланова 1996 — *Исланова И. В.* О новом типе памятников третьей четверти I тыс. н. э. // Хохлов А. Н. (отв. ред.). Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: ТНИИР-Центр, 1996. Вып. 1. С. 11–17.
- Исланова 1997 — *Исланова И. В.* Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.: Эдиториал УРСС. 302 с.
- Исланова 2016 — *Исланова И. В.* Раннесредневековые группы памятников на Северо-Западе Восточной Европы // Обломский А. М., Исланова И. В. (отв. ред.). Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). М.: ИА РАН, 2016. С. 136–220 (РСМ. Вып. 17).
- Исланова 2021 — *Исланова И. В.* Некоторые актуальные вопросы изучения раннесредневековых древностей (Валдай — Волго-Балтийский водораздел — Верхневолжье) // ЗИИМК. 2021. № 25. С. 149–159.
- Казанский, Мастыкова 2010 — *Казанский М. М., Мастыкова А. В.* Хронологические индикаторы постгуннского времени на Северном Кавказе // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2010. Вып. 5. С. 93–104.
- Клещенко 2016 — *Клещенко Е. А.* Историческая динамика погребальной обрядности населения Молого-Шекснинского междуречья в I тыс. н. э. (опыт применения биоархеологического подхода при изучении материалов кремаций) // КСИА. 2016. Вып. 245, № I. С. 36–58.
- Клещенко и др. 2021 — *Клещенко Е. А., Свиркина Н. Г., Исланова И. В., Куприянов Д. А., Смирнов А. Л., Бужилова А. П., Добровольская М. В.* Кремированные останки из грунтовых погребений могильника Юрьевская Горка в контексте проблем культурного взаимодействия на севере Восточной Европы в середине — третьей четверти I тыс. н. э. // КСИА. 2021. Вып. 263. С. 199–218.
- Кузьмин, Волковицкий 2001 — *Кузьмин С. Л., Волковицкий А. И.* К вопросу о некрополе Старой Ладоги // Вестник молодых ученых. Серия Исторические науки. СПб., 2001. № 1. С. 44–51.
- Лебедев и др. 1982 — *Лебедев Г. С., Платонова Н. И., Лесман Ю. М.* Археологическая карта верхнего Полужья (вторая половина I — первая половина II тыс.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 45–49 и вкл.
- Мастыкова и др. 2016 — *Мастыкова А. В., Казанский М. М., Сапрыкина И. А.* Пашковский могильник № 1. В 2 т. Т. 2: Исследование материалов Пашковского могильника № 1. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2016. 372 с.
- Михайлова 2014 — *Михайлова Е. Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2014. 427 с.
- Носов и др. 2007 — *Носов Е. Н., Платонова Н. И., Кашкевич В. И., Блохин Н. Н., Шитов М. В., Кашкевич М. П., Короткевич Б. С.* Шум-гора: проблемы междисциплинарного исследования памятника // Носов Е. Н. (отв. ред.). Северная Русь и народы Балтики. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 221–231.
- Обломский, Козмирчук 2015 — *Обломский А. М., Козмирчук И. А.* Могильник гуннского времени Ксизово-19 // Обломский А. М. (отв. ред.). Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV — V в.). М.: ИА РАН, 2015. С. 134–164 (РСМ. Вып. 16).

- Орлов 1941 — Орлов С. Н. Могильник в Старой Ладогe // Ученые записки ЛГУ. Серия Исторические науки. 1941. Вып. 10, № 8. С. 115–138.
- Орлов 1960 — Орлов С. Н. О раннеславянском грунтовым могильнике с трупосожжениями в Старой Ладогe // СА. 1960. № 2. С. 251–253.
- Плавинский, Тарасевич 2021 — Плавинский Н. А., Тарасевич В. Н. Предварительные результаты раскопок некрополя второй половины I тыс. н. э. Навры II в контексте изучения погребальных памятников северных регионов республики Беларусь // КСИА. 2021. Вып. 263. С. 298–326.
- Платонова 1995 — Платонова Н. И. Отчет об археологических исследованиях в Батецком районе Новгородской области в 1995 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 19604.
- Платонова 1996 — Платонова Н. И. О «белых пятнах» на археологической карте и новом типе памятников третьей четверти I тыс. н. э. // Мачинский Д. А. (отв. ред.). Ладога и Северная Европа: Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: б/и, 1996. С. 9–12.
- Платонова 2002 — Платонова Н. И. О погребальном обряде верхнелужских сопок (по материалам Передольского погоста) // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и ее соседи в эпоху средневековья: Сб. ст. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 181–195.
- Платонова, Жеглова 2021 — Платонова Н. И., Жеглова Т. А. Заполье-3 — местонахождение «предсопочной» культуры в верхнем Полужье // АВ. 2021. Вып. 31. С. 179–195.
- Платонова и др. 2007 — Платонова Н. И., Жеглова Т. А., Лесман Ю. М. Древнерусский протгородской центр на Передольском погосте // Носов Е. Н. (отв. ред.). Северная Русь и народы Балтики. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 142–194.
- Протокол... 2014 — Протокол общественных слушаний материалов комплексного экологического обследования участков территорий, перспективных для создания памятника природы «Луга у д. Новое Овсино в долине реки Луга», обосновывающих придание им правового статуса особо охраняемой природной территории регионального значения. Батецкий. 18.12.2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://batetsky.ru/tinybrowser/files/administratciya/slushaniya/protokol-luga2.pdf> (дата обращения 09.04.2020).
- Пуздровский и др. 2001 — Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. Новые памятники III–IV вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. 8. С. 32–50.
- Родинкова 2015 — Родинкова В. Е. К проблеме выделения балтских элементов в женском уборе «мартыновского» типа // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 91–111.
- Розенфельдт 1982 — Розенфельдт И. Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука, 1982. 180 с.
- Сапрыкина 2018 — Сапрыкина И. А. Цинкосодержащие сплавы в цветной металлообработке лесной и лесостепной зон конца I тысячелетия до н. э. — первой половины I тысячелетия н. э.: «индекс романизации» // Чернецов А. В. (отв. ред.). Земли родной минувшая судьба. К юбилею А. Е. Леонтьева. М.: ИА РАН, 2018. С. 277–287.
- Схема... 2015 — Схема комплексного использования и охраны водных объектов бассейна реки Луга и рек бассейна Финского залива от северной границы бассейна реки Луги до южной границы бассейна реки Невы. Кн. 1. Утв. Приказом Невско-Ладожского бассейнового водного управления Федерального агентства водных ресурсов от 07.10. 2015 г. № 132 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nord-west-water.ru/upload/skiovo/luga_132/skiovo_luga_132_book_1.pdf (дата обращения 04.09.2020).
- Хайрединова 2002 — Хайрединова Э. А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма V — первой половины VI в. // МАИЭТ. 2002. Вып. 9. С. 53–119.
- Хвощинская 2004 — Хвощинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 290 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. 6).

- Храпунов, Масакин 1997 — Храпунов И. Н., Масакин В. В. Подбойная могила второй половины III века нашей эры из могильника Дружное // Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А. (ред.). *Stratum + Петербургский археологический вестник*: Сб. ст. к 60-летию Д. А. Мачинского и М. Б. Щукина. СПб.; Кишинев, 1997. С. 164–180.
- Шмидт 2003 — Шмидт Е. А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н. э. Тушемлинская культура. Смоленск: б/и, 2003. 296 с.
- Kazanski 2019 — Kazanski M. Les mors de cheval à décor zoomorphe de l'époque des Grandes Migrations // Desbrosse-Degobertière S., Truc M.-C. (dir.). *Cherchez la petite bête. L'animal au haut Moyen Âge: Actes des 37e Journées internationales d'archéologie mérovingienne, Saint-Dizier (Haute-Marne) 5–8 octobre 2016*. 2019. P. 63–73 (Mémoires de l'Association française d'archéologie mérovingienne. T. 34).

“PRE-SOPKA” BURIAL TRADITIONS IN THE UPPER LUGA REGION (based on the materials of the Peredolsky archaeological complex)

N. I. PLATONOVA

Keywords: *moundless cemetery, V–VII cc., Peredolsky Pogost, Pre-Sopka culture, burials, sopka barrows, metal assemblage, Staraya Ladoga necropolis.*

The paper provides an analysis of the materials from the moundless cemetery of Zapolie-2, discovered by the author in the Upper Luga region and dated to the V–VII cc. The uniqueness of Zapolie-2 consists in the fact that no burial sites dating from the third quarter of the I millennium that been known here prior to its discovery. The cemetery is considered in the context of the Pre-Sopka culture which has recently been identified in the North-West and which occupies the same ecological niche as the subsequent Sopka cultural tradition. The problem of continuity between the Pre-Sopka sites, on one hand, and the Sopka ones and the early Old Rus culture, on the other, is studied. The burial rite and not numerous inventory of the Zapolie-2 graves are analyzed in detail, and possible analogies are determined. It is suggested that the famous Nikolsky cemetery of Staraya Ladoga may belong to the Pre-Sopka culture.

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК НА Р. ЛАДОЖКА В СТАРОЙ ЛАДОГЕ (заметки на полях книги В. А. Лапшина)¹

М. С. ПАВЛОВА²

Ключевые слова: археологическая карта, Старая Ладога, курганы, сопки, р. Ладожка, р. Волхов.

Курганы, расположенные в северной части современного села Старая Ладога, впервые были зафиксированы в конце XIX в. Н. Е. Бранденбургом, который тогда же раскопал две насыпи, содержавшие труположения. Курганный могильник не сохранился. На археологической карте Ленинградской области (Ч. 2) (Лапшин 1995) этот могильник обозначен как «Старая Ладога-14» (№ 1457). По описанию В. А. Лапшина, он представлял собой курганную группу из 11 насыпей, расположенных на левом берегу р. Ладожка. Однако приведенная характеристика объекта грешит рядом неточностей. Повторное обращение к первоисточникам позволило уточнить местоположение памятника и его состав.

DOI: 10.31600/2310-6557-2021-25-215-223

В книге В. А. Лапшина «Археологическая карта Ленинградской обл. (Ч. 2. Восточные и северные районы)» (далее — АКЛО-2) под номером 1457 обозначен могильник «Старая Ладога-14». Согласно приведенному описанию, это «курганная группа в северо-западной части с. Старая Ладога, на левом берегу р. Ладожка, на месте современного кладбища. В 1884–1885 гг.³ Н. Е. Бранденбург зафиксировал 11 курганов, из которых раскопал два, содержащих труположения. Группа не сохранилась [258, л. 8–9; 363, с. 136, № 133, № 134; 364, с. 43, 125, 245; 473, с. 17, № 25]» (Лапшин 1995: 137).

Детальное изучение материалов, на которые ссылается В. А. Лапшин, заставляет внести изменения в интерпретацию данного археологического объекта. Указанные источники представляют собой: а) сведения об этом памятнике в публикациях автора раскопок (Бранденбург 1895: 136, № 133–134; 1896: 43, 125, 245); б) характеристику данного могильника в статье Г. С. Лебедева и В. Н. Седых, специально посвященной

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0006 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Следует отметить противоречивость информации о хронологии раскопок Н. Е. Бранденбургом курганов и сопок, приведенной в публикации материалов 1895 г. В Предисловии (Бранденбург 1895: II) указан период 1878–1884 гг., в заглавии «Журнала раскопок...» (Там же: 97) — 1878–1886 гг.; в названии приложенной к журналу «Схемы курганных раскопок...» — вновь 1878–1884 гг. (Там же: карта).

исторической топографии Ладоги (Лебедев, Седых 1985: 17, № 25); в) материалы разведки В. А. Назаренко в районе Старой Ладоги, использованные В. А. Лапшиным при составлении АКЛО-2 (Назаренко 1970: Л. 8–9).

Перечисленные работы разделяют между собой около ста лет, на протяжении которых погребальные древности Старой Ладоги постоянно находились в поле зрения исследователей. Информация о курганах, зафиксированных и/или раскопанных Н. Е. Бранденбургом, учитывалась в работах целого ряда археологов, занимавшихся учетом и картированием памятников Поволховья (Чернягин 1941: 122; Орлов 1949: 8, рис. 1; Корзухина 1965: Л. 2; Седов 1970: 45; Петренко 1994: 135)⁴.

Поскольку могильник Старая Ладога-14 не сохранился до наших дней, первоисточником для его характеристики, безусловно, являются публикации Н. Е. Бранденбурга — его первооткрывателя и исследователя. Описание зафиксированных им курганных групп и раскопанных насыпей содержится в «Кратком журнале раскопок», опубликованном как приложение к изданию «Курганы Южного Приладожья» (Бранденбург 1895: 97–141). Здесь приведена, в частности, характеристика двух раскопанных насыпей (№ 133–134 по нумерации Н. Е. Бранденбурга), включенных В. А. Лапшиным в состав группы Старая Ладога-14 (Там же: 135–136). По указанию автора раскопок, оба кургана находились на левом берегу р. Ладожка и числились в группе «гг». Все это вполне соответствует трактовке, данной этому памятнику в книге В. А. Лапшина.

Однако по описанию Н. Е. Бранденбурга к группе «гг» относились еще два раскопанных кургана — № 131–132, для которых уже не указано, что они находились на левом берегу р. Ладожка. Учитывая размеры этих насыпей и прочие сведения о них, приведенные Н. Е. Бранденбургом, В. А. Лапшин интерпретировал оба кургана как сопки⁵. На АКЛО-2 насыпь № 131 (по Н. Е. Бранденбургу) включена им в группу сопки Велеша-1 (№ 1471); насыпь № 132 — в группу сопки № 1 в урочище «Сопки» (Старая Ладога-22, № 1465) (Лапшин 1995: 138–139). Локализуются эти памятники на левом берегу р. Волхов, на расстоянии не менее 1,5 км к северу от упомянутых выше курганов № 133–134.

Таким образом, две насыпи с труположениями, раскопанные в 1878–1886 гг. на берегу р. Ладожка, и две сопки на р. Волхов, между с. Старая Ладога и д. Велеша, оказались объединены Н. Е. Бранденбургом в одну группу «гг». Согласно интерпретации, принятой В. А. Лапшиным, на берегу р. Ладожка в конце XIX в. находилось 11 курганов. Однако общее описание группы «гг», приведенное в «Журнале раскопок...», этому явно противоречит. Имеет смысл привести его целиком:

«Группа [«гг». — *Примеч. М. П.*] на левом берегу Волхова, между сел. Старая Ладога и дер. Велешей, состоящая из 13 насытей разной величины, частью расположенных рядом цепью вдоль берега, частью разбросанных отдельно, или парами [курсив мой. — *Примеч. М. П.*]. Почти все разорены в прежнее время...» (Бранденбург 1895: 135).

⁴ Археологические карты Старой Ладоги и ее окрестностей приведены также в статьях (Рябинин, Дубашинский 2002: 197; Кирпичников, Сарабянов 2012: 203), опубликованных уже после выхода в свет археологической карты В. А. Лапшина.

⁵ На карте длинных курганов и сопки Н. Н. Чернягина эти насыпи включены в группу сопки № 357 (Чернягин 1941: 122). В своде «Новгородские сопки» В. В. Седова они учтены в составе группы сопки № 335 (Седов 1970: 45). На археологической карте Г. С. Лебедева и В. Н. Седых эти насыпи отмечены в составе группы № 9 (Лебедев, Седых 1985: 16). В каталоге волховских сопки, составленном В. П. Петренко, насыпь № 131 по Н. Е. Бранденбургу соответствует сопке № 3-III, № 132 — № 4-I (Петренко 1994: 119, 121).

На основе этих данных можно с уверенностью утверждать, что 13 насыпей, составивших курганную группу «гг», никак нельзя интерпретировать как 11 курганов на р. Ладожка и две сопки на р. Волхов. Куда правдоподобнее выглядит обратное: 11 сопкок располагались цепочкой (иногда со значительными разрывами) вдоль берега Волхова между д. Велеша на севере и устьем Ладожки на юге. В дальнейшем эти сопки многократно фиксировались исследователями⁶.

Обращает на себя внимание и указание на разную величину курганов. По-видимому, насыпи, приуроченные к южной оконечности упомянутой цепочки, близко соседствовали с двумя курганами, расположенными на левом берегу Ладожки и также причисленными Н. Е. Бранденбургом к группе «гг» (рис. 1). Неслучайно в описании раскопанных насыпей № 133 и 134 дополнительно оговаривалась их привязка именно к берегу р. Ладожка.

Следует признать, что с картой, опубликованной в своде Н. Е. Бранденбурга («Схема курганных раскопок в Южном Приладожье. 1878–1884 г.») (Бранденбург 1895: карта), работать непросто. На нее нанесены далеко не все объекты, зафиксированные автором в ходе его научных изысканий. Так, например, в группе насыпей на правом берегу р. Паша ниже д. Новая, за вторым ручьем, Н. Е. Бранденбург насчитал, согласно журналу раскопок, более 40 насыпей, однако на «Схеме...» отмечено красными точками только 15. Отчасти это можно объяснить тем, что карта составлена по материалам 1878–1884 гг., а журнал отражает период работ до 1886 г. включительно. Однако сравнение данных, отраженных на карте, с текстом описаний выявляет и другие противоречия. Например, в журнале раскопок вообще не упомянуты нанесенные на карту одиночные насыпи у населенных пунктов Рязановщина, Рыбежна, два кургана рядом с пунктом Емское и т. д. Кроме того, сама карта местами грешит существенными искажениями масштаба.

Отметим также, что ни на карте, ни в тексте журнала раскопок Н. Е. Бранденбург не разделяет между собой курганы и сопки, хотя в действительности он осознавал различия

Рис. 1. Фрагмент «Схемы курганных раскопок в Южном Приладожье 1878–1884 г.»

(по: Бранденбург 1895: карта)

Fig. 1. Fragment of the "Scheme of barrow excavations in the South Ladoga region in 1878–1884"

(after Бранденбург 1895: map)

⁶ На участке левого берега р. Волхов от Успенского монастыря до д. Велеша после работ Н. Е. Бранденбурга разными авторами насчитывалось от 11 до 15 сопкок (включая как сохранившиеся, так и уничтоженные). По подсчетам Н. И. Репникова, там находилось 11 насыпей (Репников 1904: 57), по Н. Н. Чернягину — 11 (1941: 122), по С. Н. Орлову — 12 (1955: 191), по Г. Ф. Корзухиной — 11 (1965: Л. 4), по В. А. Назаренко — 12 (1970: Л. 6–8), по Г. С. Лебедеву и В. Н. Седых — 15 (1985: 16–17), по В. П. Петренко — 12 (1994: 7), по Е. А. Рябинину — 12 (Рябинин, Дубашинский 2002: 197), по А. Н. Кирпичникову — 13 (Кирпичников, Сарбабянов 2012: 203). Попытка установления изначального количества сопкок, последовательности их изучения и соотнесение с сохранившимися насыпями или частями насыпей требуют отдельного исследования и не входит в задачи настоящей работы.

между этими археологическими объектами⁷. Некоторые соображения на сей счет содержатся в докладе, прочитанном им на VII Археологическом съезде в Ярославле в 1887 г., а также в тексте книги «Курганы южного Приладожья».

К погребальным памятникам «языческих славян» исследователь относил «обособленную группу волховских курганов» (то есть сопки, в современном понимании) — малоинвентарные «курганы», с каменными конструкциями в насыпи, с погребениями по обряду трупосожжения и помещением костей в сосуды (урны). Данная группа целиком локализовалась Н. Е. Бранденбургом в Нижнем Поволховье. «Все остальные» раскопанные курганы он связывал с местным финно-угорским населением, испытывавшим незначительное скандинавское влияние (Бранденбург 1887: 5–7; 1895: 10, 90–92). Насыпи с трупоположением, раскопанные на берегу р. Ладожка, не выделялись автором раскопок в отдельный тип. В результате в группе «гг» оказались объединены разнородные и разновременные памятники.

Если сравнить между собой карты, опубликованные Н. Е. Бранденбургом в разные годы, то приходится констатировать: зафиксированные им насыпи «пребывают в движении». На карте-схеме 1895 г. курганы, соответствующие, по-видимому, группе «гг», отмечены равномерной цепочкой на левом берегу р. Волхов и на левом берегу р. Ладожка вблизи места ее впадения в Волхов. Еще одна точка, обозначающая курганную насыпь, локализуется также на левом берегу р. Ладожка, но со значительным отрывом от остальных курганов, выше слияния с р. Заклюка (рис. 1). Эта насыпь не получила отражения в журнале раскопок.

На карте, опубликованной Н. Е. Бранденбургом в книге 1896 г., предстает совершенно иная картина. Насыпи по берегу Волхова между Ладожским мысом и д. Велеша здесь вообще отсутствуют, как и насыпи близ устья р. Ладожка. Зато группа из трех точек показана выше слияния Ладожки с р. Заклюка, примерно в районе современного кладбища, близко от того места, где на схеме 1895 г. располагалась только одна насыпь (рис. 2)⁸.

Попытки разобраться, какие именно памятники в северной части с. Старая Ладога, зафиксированные Н. Е. Бранденбургом, получили отражение в его текстах и графическом материале, предпринимались исследователями неоднократно. Н. Н. Чернягин во время разведки 1929 г. все четыре насыпи (№ 131–134), раскопанные Н. Е. Бранденбургом, определил как сопки. Две из них располагались, по его мнению, ниже по течению р. Волхов, к северу от церкви Иоанна Предтечи (группа из двух сопок Старая Ладога-20, № 1463, по В. А. Лапшину; сопки № 6-I и 6-II по В. П. Петренко). Еще две сопки

⁷ А. А. Спицын также отмечал, что объединение материалов разнородных погребальных памятников под общим названием «Курганы южного Приладожья» «может привести читателя к недоразумениям» (Спицын 1895: 143).

⁸ Причины столь сильного расхождения в информации на картах, опубликованных одним и тем же исследователем почти одновременно, заслуживают отдельного рассмотрения. Не исключено, что на плане 1896 г., озаглавленном «Схематическая карта земельного владения ближайших окрестностей Старой Ладоги по планам Генерального межевания 1778–79 гг.», в действительности отражена ситуация XVIII в. В этом случае роль Н. Е. Бранденбурга как его составителя заключалась в том, что он просто добросовестно свел воедино данные по отдельным участкам, зафиксированные топографами 1770-х гг., не добавляя туда результатов собственных обследований, произведенных на сто лет позднее (и опубликованных годом ранее). Разумеется, топографы времен Екатерины II необязательно наносили на свои планы курганную насыпь. Скорее всего, внимание к ним в отдельных случаях было обусловлено их ролью межевых знаков. Часть курганов вполне могла остаться вне поля зрения межевщиков. Однако все, что было ими зафиксировано, требует пристального анализа (*примеч. ред.*).

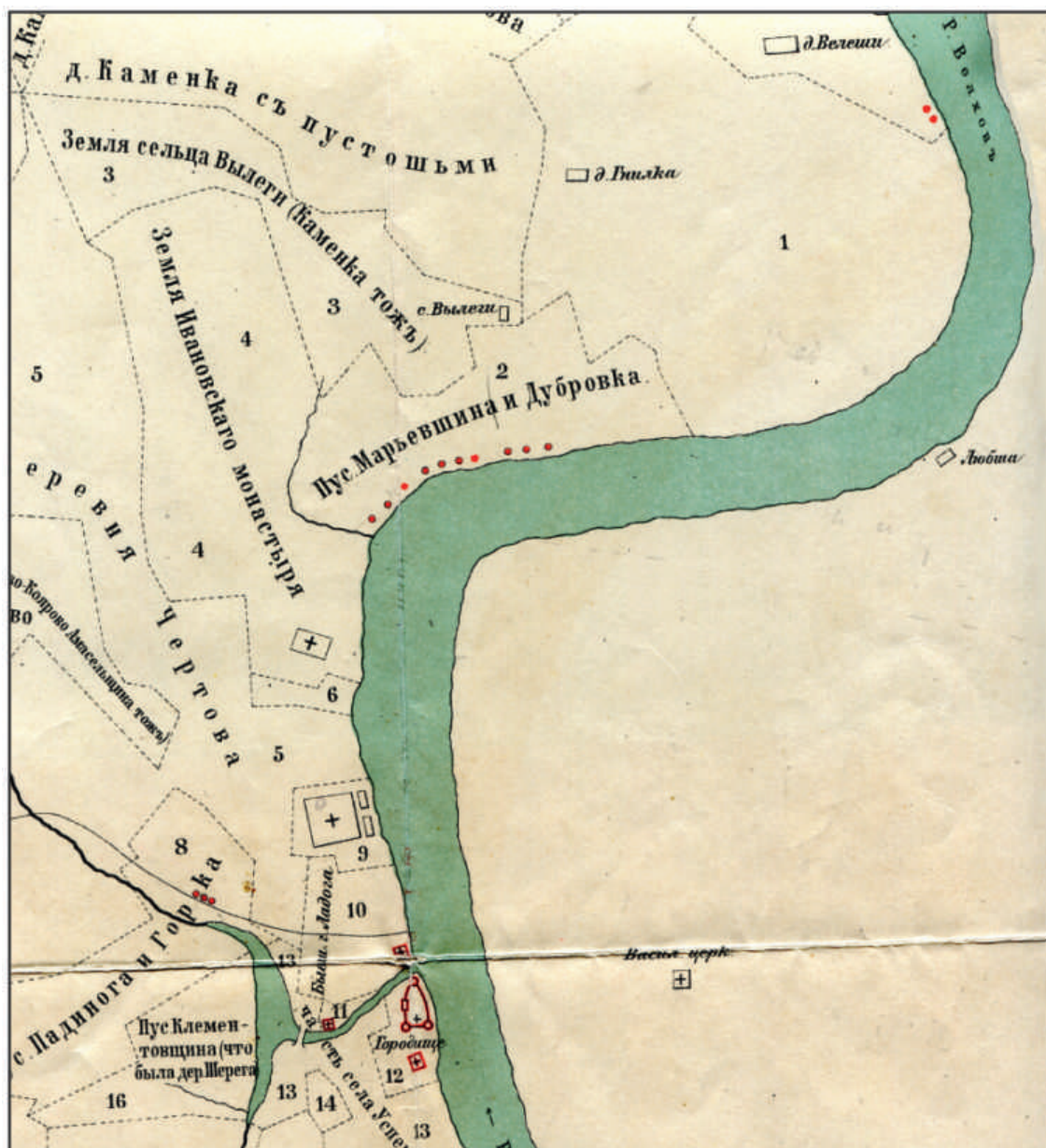

Рис. 2. Фрагмент схематической карты земельного владения ближайших окрестностей Старой Ладого по планам генерального межевания 1778–1779 гг. (по: Бранденбург 1896: табл. I)
 Fig. 2. Fragment of a schematic map of landed estates in the nearest environs of Staraya Ladoga according to the ordnance survey of 1778–1779 (after Бранденбург 1896: table I)

он локализовал на левом берегу р. Ладожка (Чернягин 1929: Л. 6). Однако в основной своей публикации исследователь пришел к заключению, что невысокие насыпи № 133 и 134 по Н. Е. Бранденбургу являлись не сопками, а древнерусскими курганами (Чернягин 1941: 122).

На карте, опубликованной в брошюре С. Н. Орлова (1949), три кургана, зафиксированные Н. Е. Бранденбургом, отмечены на берегу р. Ладожка. Однако в расширенном издании 1960 г. эти памятники отсутствуют (Орлов 1949: 8, рис. 1; 1960: 9). В неопубликованных материалах к археологической карте «Старая Ладога.

Могильники», хранящихся в Рукописном отделе НА ИИМК РАН, Г. Ф. Корзухина также нанесла на план три кургана по р. Ладожка — рядом. В ее заметках указано, что из 13 насыпей, зафиксированных Н. Е. Бранденбургом, две раскопанные являлись курганами (Корзухина 1965: Л. 2, 4).

Впоследствии Н. И. Петров предположил, что одиночная точка, показанная на карте Н. Е. Бранденбурга 1895 г. выше по течению р. Ладожка, вообще не является рукотворной насыпью. Он отождествил ее с моренным всхолмлением округлой формы, расположенным в 0,3 км к северо-западу от бывшей деревни Позем (сейчас улица Поземская в с. Старая Ладога). Местные жители называют этот холм «сопкой» (Петров 1997: 60). Однако исследователь никак не прокомментировал локализацию курганов на плане 1896 г. в свете своей гипотезы.

Таким образом, анализ публикации Н. Е. Бранденбурга (1895), на которую ссылался В. А. Лапшин, и обращение к работам других археологов позволяют более-менее уверенно говорить о наличии на левом берегу р. Ладожка на момент раскопок 1878–1886 гг. только двух или трех курганов, а никак не одиннадцати.

Упоминания об этих курганах можно найти и в монографии Н. Е. Бранденбурга «Старая Ладога» (1896). На нее, в частности, ссылаются Г. С. Лебедев и В. Н. Седых, авторы специальной работы по исторической топографии Ладоги, которую В. А. Лапшин активно использовал при составлении АКЛО-2. В их статье сведения о курганах на берегу р. Ладожка (пункт 25 по списку) интерпретированы так:

«Старая Ладога, могильник на Варяжской улице (он же — Успенский). К юго-востоку от церкви Успения, за ручьем Грубицей (ныне пересохшим), на холме находился древнерусский храм Симеона Богоприимца, а к юго-западу от него грунтовый могильник (урочище „Могильник“ 1500 г., „старинное церковное кладбище“ в документах XVIII в.). Западнее, на берегу р. Ладожки, Н. Е. Бранденбург зафиксировал 11 курганов, из которых 2 раскопал (№ 133, № 134 с труположениями). Курганы уничтожены ныне действующим кладбищем. На могильнике в 1950 г. С. Н. Орлов исследовал 10 труположений и 1 сожжение (воина с конем X в.)» (Лебедев, Седых 1985: 17).

Для подтверждения изложенной трактовки памятника, который в этом случае оказывается не курганным, а курганно-грунтовым могильником, исследователи ссылаются на три печатных издания. Первое из них (Бранденбург 1895) уже было детально проанализировано выше, причем выводы получились диаметрально противоположные тому, что утверждают Г. С. Лебедев и В. Н. Седых. В частности, авторы пишут, что Н. Е. Бранденбург зафиксировал на берегу р. Ладожка 11 курганов, в то время как в журнале раскопок речь идет о двух. На карте-схеме 1895 г. хорошо видно, что насыпи располагались цепочкой вдоль берега р. Волхов, а не компактной группой на берегу р. Ладожка (см. ранее)⁹.

Во втором источнике (Бранденбург 1896) на с. 43 дана информация о местонахождении церкви св. Симеона Богоприимца. На с. 125 представлен документ середины XVIII в. (продажная запись 1755 г. из архива староладожского мещанина В. Парфенова). Вероятно, здесь случилась путаница с номером страницы, так как на предыдущей с. 124 Н. Е. Бранденбург, действительно, приводит сведения о «старинном церковном кладбище». Наконец, на с. 245 размещен фрагмент Писцовой книги 1500 г., в котором упомянут «Могилникъ» на Варяжской улице.

⁹ Отметим, что и на карте Н. Е. Бранденбурга 1896 г. никаких следов скопления из 11 курганов на р. Ладожка мы не находим.

Анализ перечисленных источников, на которые опирались Г. С. Лебедев и В. Н. Седых, позволяет заключить следующее. Во-первых, ссылки на монографию Н. Е. Бранденбурга «Старая Ладога» приведены ими без достаточных оснований. В тексте на страницах 43, 124–125 и 245 вообще не упомянуты курганы на р. Ладожка и их раскопки. Исследованию погребальных памятников посвящен небольшой очерк в первой части этой книги, озаглавленный «Курганы» (Бранденбург 1896: 16–18). В нем автор дает лишь самое общее представление о предмете и отправляет заинтересованного читателя к своим специальным работам — своду «Курганы южного Приладожья» и тексту доклада, прочитанного на VII Археологическом съезде в Ярославле.

Во-вторых, Г. С. Лебедев и В. Н. Седых объединили в один пункт два совершенно разных археологических объекта — курганную группу «гг», описанную Н. Е. Бранденбургом, и грунтовый могильник, о котором он вовсе не ведал. Этот могильник был открыт возле южной стены Успенского монастыря в 1950 г., в ходе земляных работ по сооружению овощехранилища. Археологический досмотр и раскопки произвел С. Н. Орлов. Результаты работ он опубликовал в статье (Орлов 1956), на которую и ссылаются Г. С. Лебедев и В. Н. Седых.

В. А. Лапшин справедливо рассматривает эти погребальные комплексы как два разных археологических памятника. Грунтовый могильник, раскопанный С. Н. Орловым, имеет на АКЛО-2 собственный порядковый номер (Старая Ладога-15, № 1458) и отдельную характеристику (Лапшин 1995: 137). Все приведенные ссылки корректны и противоречий не вызывают. При этом для курганной группы (Старая Ладога-14) В. А. Лапшиным сохранены (вслед за Г. С. Лебедевым и В. Н. Седых) ссылки на с. 43, 125 и 245 монографии «Старая Ладога», логически связанные не с курганами, а исключительно с грунтовым могильником.

Последним источником, требующим освещения, является полевой отчет В. А. Назаренко о работах 1970 г. Исследователь провел сплошную разведку погребальных памятников в Старой Ладоге и ее ближайших окрестностях. Все обследованные объекты получили в отчете сплошную нумерацию. В книге В. А. Лапшина приведена ссылка на л. 8–9, с описанием результатов осмотра участка, где, по мысли В. А. Назаренко, могли располагаться насыпи, зафиксированные и раскопанные Н. Е. Бранденбургом. В отчете речь идет только о трех насыпях (№ 13–15), расположенных на берегу р. Ладожка: двух раскопанных (№ 133 и 134 по Н. Е. Бранденбургу) и одной, отмеченной им на карте, но не упомянутой в дневнике раскопок. Примечательно, что исследователь локализует курганы на левом берегу Ладожки, ниже слияния ее с Заклюкой, отмечая, что все три не сохранились, а территория, где они располагались, застроена одноэтажными деревянными домами и занята огородами (Назаренко 1970: Л. 8–9).

Обобщая сведения рассмотренных источников и интерпретации исследователей, следует констатировать: единственным основанием для размещения курганов с труположениями, исследованных Н. Е. Бранденбургом, на территории современного кладбища является карта, опубликованная в книге «Старая Ладога» (Бранденбург 1896: табл. I). Однако ее данные находятся в противоречии с более ранней схемой расположения объектов и их описанием в журнале раскопок (Бранденбург 1895: 135–136, карта). Идея локализации 11 насыпей группы «гг» (по Н. Е. Бранденбургу) в районе современного кладбища принадлежит Г. С. Лебедеву и В. Н. Седых. В дальнейшем она обусловила соответствующую трактовку данных об этом памятнике в АКЛО-2. Но эта трактовка не имеет под собой достаточных оснований. Согласно описанию, данному в журнале раскопок Н. Е. Бранденбурга, и приложенной

к нему схеме, основная часть курганов группы «гг» располагалась цепочкой, вытянутой вдоль берега р. Волхов.

На современном этапе изучения погребальных древностей Ладоги сведения о памятнике Старая Ладога-14, № 1457, можно сформулировать следующим образом: «два или три кургана в северо-западной части с. Старая Ладога, на левом берегу р. Ладожка ниже слияния с р. Заклюка. Зафиксированы Н. Е. Бранденбургом в 1878–1886 гг. Им же раскопаны два кургана, содержавшие труположения. Группа не сохранилась [258, л. 8–9; 363, с. 135–136, № 133, № 134, с. 156, карта; 364, с. 324, табл. I]».

Литература и источники

- Бранденбург 1887 — *Бранденбург Н. Е.* О признаках могил языческих славян в северной полосе России // Известия о занятиях Седьмого Археологического съезда в Ярославле 6–20 августа 1887 г. Ярославль, 1887. № 9. С. 5–9.
- Бранденбург 1895 — *Бранденбург Н. Е.* Курганы южного Приладожья. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1895. 187 с. (МАР. № 18).
- Бранденбург 1896 — *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1896. 512 с.
- Кирпичников, Сарабьянов 2012 — *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога — первая столица Руси. СПб.: Славия, 2012. 215 с.
- Корзухина 1965 — *Корзухина Г. Ф.* Старая Ладога. Могильники. Материалы к карте // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 77. Д. 56.
- Лапшин 1995 — *Лапшин В. А.* Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. Восточные и северные районы. Л.: Изд-во СПбГУ, 1995. 232 с.
- Лебедев, Седых 1985 — *Лебедев Г. С., Седых В. Н.* Археологическая карта Старой Ладоги и ее ближайших окрестностей // Вестник ЛГУ. 1985. Серия 2: История, яз., лит. № 9. С. 15–25.
- Назаренко 1970 — *Назаренко В. А.* Отчет о работе Волховского отряда Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. I. Д. 82.
- Орлов 1949 — *Орлов С. Н.* Старая Ладога. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. 48 с.
- Орлов 1955 — *Орлов С. Н.* Сопки волховского типа около Старой Ладоги (по материалам Староладожской археологической экспедиции 1940 и 1948 гг.) // СА. 1955. 22. С. 190–211.
- Орлов 1956 — *Орлов С. Н.* Вновь открытый раннеславянский грунтовой могильник в Старой Ладоге // КСИА. 1956. Вып. 65. С. 94–98.
- Орлов 1960 — *Орлов С. Н.* Старая Ладога. Исторический очерк. Л.: Лениздат, 1960. 129 с.
- Петренко 1994 — *Петренко В. П.* Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб.: Наука, 1994. 139 с.
- Петров 1997 — *Петров Н. И.* Новые сведения об археологических памятниках северного Поволжья (к археологической карте окрестностей Старой Ладоги) // Кирпичников А. Н., Носов Е. Н. (ред.). Древности Поволжья. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 58–62.
- Репников 1904 — *Репников Н. И.* Поездка Н. И. Репникова в Старую Ладогу // ЗОРСА. СПб., 1904. Т. 5. Вып. 2. С. 57–60.
- Рябинин, Дубашинский 2002 — *Рябинин Е. А., Дубашинский А. В.* Любшанское городище в Нижнем Поволжье (предварительное сообщение) // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 196–203.
- Седов 1970 — *Седов В. В.* Новгородские сопки. М.: Наука, 1970. 56 с. (САИ. Вып. Е1-8/1).
- Спицын 1895 — *Спицын А. А.* Дополнительные замечания // *Бранденбург Н. Е.* Курганы южного Приладожья. Приложение 2. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1895. С. 143–154 (МАР. № 18).

- Чернягин 1929 — Чернягин Н. Н. Отчет по маршрутной рекогносцировке по р. Волхову, произведенной Н. Н. Чернягиным в 1929 г. с приложением карты и чертежей // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 122.
- Чернягин 1941 — Чернягин Н. Н. Длинные курганы и сопки // Артамонов М. И. (ред.). Этногенез восточных славян. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 1. С. 93–148 (МИА СССР, № 6).

**BARROW CEMETERY ON THE LADOZHKA RIVER, STARAYA LADOGA
(notes on the fields of V. A. Lapshin's book)**

M. S. PAVLOVA

Keywords: *archaeological map, Staraya Ladoga, barrows, sopka barrows, Ladozhka river, Volkhov river.*

The barrows situated in the northern part of the present day village of Staraya Ladoga were first recorded by N. E. Brandenburg at the end of the XIX c. Two of them, containing inhumations, were excavated by Brandenburg immediately after the discovery. The barrow cemetery has not survived to our time. On the archaeological map of the Leningrad Oblast (Lapshin 1995) it is designated as Staraya Ladoga-14 (№ 1457). According to V. A. Lapshin's description, it represented a barrow group of 11 mounds situated on the left bank of the Ladozhka river. However, the description of the object contains a number of inaccuracies. The additional study of the primary sources has allowed to specify the location and composition of the site.

БОБРОВЫЙ ТУЛ ИЛИ БОБРОВАЯ ТУЛА? ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД¹

А. Е. МУСИН²

Ключевые слова: Древняя Русь, князь Даниил Галицкий, археология, летописи, библейские цитаты, мех и шкура бобра, барсука и волка, воинская культура, колчан, шлем, маска, скоморошество, антиповедение.

В статье критически оценивается интерпретация «бобровых тул» и «волчьих и барсуковых прилбиц», упомянутых в Галицко-Волынской летописи как бобровых колчанов и меховых шлемов или подшлемников. Выявляются библейские источники цитаты и раскрывается метод конструирования текста средневековым книжником. Анализ данных археологии и исторической лингвистики заставляет отказаться от однозначного отождествления слова «тул/тула» с колчаном. Контекст летописного сообщения и данные этнологии позволяют выдвинуть гипотезу, что эти предметы были связаны не с воинской культурой, а со скоморохами в окружении епископа Перемышля. Их упоминание в летописном рассказе служило целям социальной депривации противников князя Даниила Галицкого.

DOI: 10.31600/2310-6557-2021-25-224-233

Изделия из бобровой кожи, обладающие оригинальной текстурой поверхности и легко различимые в археологических материалах, встречаются при раскопках памятников средневековой Восточной Европы достаточно редко (Изюмова 1959: рис. 11; 13; Матехина 2008; Гайдуков и др. 2020: 27, рис. 5, 4). Очевидно, именно в силу своей уникальности эти категории находок удостоились специальных аналитических обзоров (см.: Курбатов 2010; 2018; 2020).

Владимиру Анатольевичу Лапшину повезло. Во время раскопок в Тверском кремле в 1993–1997 гг., занимающих важное место в его научной биографии, был найден наперсток из бобровой кожи (Курбатов 2004: рис. 128, 2). Этот маленький бобровый наперсток, археологически реальный, противостоит громоздким «бобровым колчанам», являющимся реалиями современных массовых представлений о средневековой культуре.

Еще А. А. Бестужев-Марлинский внедрил в широкую публику мысль о том, что в средневековье существовали «бобровые колчаны». Это словосочетание можно встретить в его «старинной повести» «Роман и Ольга» (1823 г.). Писатель так повествует

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0006 «Ремесло, торговля и международные связи Северной Руси и ее соседей».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

о встрече своего главного героя с одним из отрядов московского князя: «Двадцать всадников отдыхали на поляне; к копьям привязаны были кони; одни поили их из шишаков, другие лежали вокруг огня, смеялись и пили. Все доказывало непривычку сих новобранцев к военному делу: никто не думал о страже; кольчуги развешаны были как будто сушиться, луки распущены и сабли сброшены в одно место; сам десятник вооружен был одним только огромным ключом, который висел у него на латном поясе. Роман долго не мог понять, что за остроконечная надета на нем шапка, и с трудом разглядел, что он вместо тяжелого шлема надвинул на уши бобровый колчан свой» (ср.: Бестужев-Марлинский 1981: 65). Забавность повествовательной ситуации, превращающей колчан в шапку, как мы увидим, может расцениваться как следствие творческой интуиции или результат художественного прозрения.

Очевидно, убежденность А. А. Бестужева-Марлинского в существовании в средневековой Руси бобровых колчанов, то ли сшитых из шкуры бобра, то ли обшитых бобровым мехом, восходит к «тулам бобровым» Галицко-Волынской летописи, с которыми он познакомился у Н. М. Карамзина (Карамзин 1819: 12, прим. 20), чьими трудами, по собственному признанию, он, как и многие в России того времени, был вдохновлен. С тех пор бобровые колчаны прочно вошли в науку и обрели свое место в солидных словарях (ср.: Срезневский 1903: 1036–1037; СлРЯ XI–XVII вв. 1975: 254).

Чтобы по достоинству оценить мнение о существовании средневековых «бобровых колчанов», напомним историческую фабулу, связанную с этим словосочетанием, его контекст и детали. В летописной повести о восстановлении власти Романовичей над Галицкой землей в начале 1240-х гг. князь Даниил выступает как библейский пророк или праведный царь Ветхого Завета, на что указывает, в том числе, обилие библейских цитат и реминисценций, в целом присущих творчеству княжеского летописца (см.: Mouchard 2002; ср.: Вілкул 2015; Вілкул 2018). Оружием своего дворского Андрея он очищает «горную страну Перемышльскую» от идолослужителей и изменников, обуянных гордыней подобно галицкому боярину Григорию Васильевичу, рязанскому боярину (или служилому, кормленому князю?) Константину на службе у занимавшего галицкий стол Ростислава Михайловича, не названному по имени перемышльскому епископу и «словутному певцу» Митусе. Известно, что Андрей, преследуя бежавших из Перемышля противников князя, в число которых входил и епископ, «оудоси владыкоу и слоуги его разъграби гордые и тоулы ихъ бобровье раздра и прилбичѣе ихъ вольчѣе и боръсоуковые раздраны быша словоутного пѣвца Митоусоу древле за гордость не восхотѣста слоужити князю Данилоу раздраного икы связаного приведоша» (ПСРЛ 2: 793–794 [6749 (1241)]; ср.: Ясіновський, Кіндратюк 2008).

Повесть о возвращении Перемышля под власть Романовичей завершается сентенцией летописца, которую он вроде бы приписывает автору книги Притч царю Соломону: «сирѣчь ѡкоже рече приточникъ: „боуесть домоу твоего скроушиться; бобръ и волкъ и ѡзвѣць снѣдаться“. си же притчею речена бысть»³. Существующие в исследованиях догадки о библейских источниках этой фразы (Прит 14: 11, «домове нечестивыхъ исчезнуть»; Прит 15: 25, «Домы досадителей разоржетъ Господь») представляются

³ Ср. эту фразу в Хлебниковском списке Галицко-Волынской летописи: «тулы их[ъ] богровые, прил[ъ]бѣць ѡ их[ъ] волчѣе и босурковые» (Chronica Galiciano-Voliniana 2017: 256). Издатели отмечают многочисленные искажения этой фразы в Хлебниковском списке, что связывают с плохим состоянием ее протографа или недостаточной квалификацией переписчика (Kronika halicko-wolynska... 2017: 168, przym. 796). По нашему мнению, эти искажения свидетельствуют о том, что смысл фразы уже в XV–XVI вв. был непонятен как сводчикам, так и переписчикам.

неточными, если не неверными⁴. Невозможно здесь увидеть и контаминацию новозаветной притчи о двух домах, один из которых сооружен на камне, а другой — на песке (Мф 7: 24–27), даже если строителем дома на песке, согласно Евсеевскому Евангелию 1283 г., оказывается «мужъ боуень» (Толочко 2008: 203–204). Непонятны и причины, по которым этот летописный текст иногда сопоставляется с библейскими предписаниями ритуальной чистоты и запретами на употребление в пищу нечистых животных, среди которых ни бобр, ни волк, ни барсук не упомянуты (ср.: Лев 11: 6; Втор 14: 5–7) (*Chronica Galiciano-Voliniana* 2017: 256, *przyp.* 698). Впрочем, как мы увидим далее, связь этих животных с культурными запретами эпохи средневековья может оказаться верной.

Похоже, здесь мы сталкиваемся с особым творческим методом галицкого книжника, легко переплетающего библейские образы с привычными ему реалиями окружающего мира. Ответ на вопрос об объеме и источнике цитаты сокрыт в смысле происходящего. Он связан с уже упоминавшейся борьбой Даниила с безумной гордыней местных жителей, которых он считает своими подданными. Это вполне соотносится с содержанием книги Премудростей Иисуса, сына Сирахова, на которую как на источник летописной цитаты давно указала О. П. Лихачева, не предложив, впрочем, конкретного стиха. Славянский перевод этих Премудростей мог быть известен летописцу благодаря различным сборникам, существовавшим на Руси с конца XI в. и включавшим в себя их фрагменты⁵. По нашему мнению, наиболее близка содержанию летописи фраза «ѡкоже домъ разоренъ тако бужго премудрость» (Сир 21: 21; ср.: Сир 21: 5: «прещение и досаждение опустошать богатство: тако и домъ гордыхъ запустѣеть»).

Однако сочетание таких видов животных, как бобр, волк и барсук, Библии неизвестно. Более того, бобр и барсук вообще не упоминаются в Священном Писании (ср. славянский текст Притч 30: 26, где оставшийся без перевода «хирогрил» — вовсе не барсук Синодального перевода, а заяц, тушканчик, ср.: «οἱ χοιρογύλλιοι ἔθνος οὐκ ἰσχυρόν οἱ ἐλοίσαντο ἐν πέτρας τοὺς ἑαυτῶν οἴκους»). Упоминаемые сыном Сираховым лев и барс вряд ли могут найти здесь адекватную замену (ср.: Сир 28: 26: «оставляющие Господа впадутся въ онь [пламя], и въ нихъ возгоритсѣ и не угаснетъ: посланъ будетъ на нѣ ѡкъщъ левъ, и ѡкъщъ пардъ погубитъ жъ»).

Дополнительно отметим, что существующий русский перевод летописной фразы «Как сказал приточник: „Тщеславие твоего дома сокрушится; бобр, и волк, и барсук будут съедены“. Так в притче было сказано» представляется не вполне точным (Галицко-Волынская летопись 1981: 302, 303, 588; ср. более близкий к смыслу летописного текста украинский перевод: «Се так реченнямъ сказано було»; *Літопис Руський* 1989: 400). Вероятнее всего, упоминание животных, которые «снѣдаться», по мысли книжника, не являлось цитатой из Приточника, а имело отношение к описанным выше деталям летописного эпизода, будучи лишь формой реализации летописного пророчества, обращенного в прошлое.

Его смысл видится в следующем. Пророчество о сокрушении «буести» в приточной форме в виде библейской притчи («си же притчею речена бысть») предвозвещало поражение противников Даниила. Одним из последствий этого поражения, его знаком, стало уничтожение атрибутов перемышльского владыки, его «гордых слуг» и певца

⁴ В статье, специально посвященной использованию Библии в Галицко-Волынской летописи, этот очевидный библеизм не был удостоен внимания автора (ср.: Вілкул 2015).

⁵ См. мнения о датировке перевода в: Рождественский 1911. Ср. также: Сперанский 1904. Признаем, что в наиболее известных Изборниках 1073 и 1076 гг. такой фразы нет.

Митусы. Эти предметы могли быть изготовлены из бобровых, волчьих и барсучьих шкур. «Раздрание» этих одежд или их частей как нельзя лучше соответствует следующей далее фразе о том, что «бобръ и волкъ и гавѣць снѣдаться». Именно это, иносказательно, и предвозвестил приточник, пользуясь ассоциацией «разорение безумия» — «раздрание» одежд или атрибутов, особенности которых, а именно материалы, из которых они были изготовлены, в силу определенных причин были важны для летописца.

Если выбор животных предположительно связан с деталями конкретного события, то моральная сентенция и формально, и лексически, конечно же, зависит от Библии. В качестве ее основы опознается либо книга пророка Исаии («сокрушатсѧ беззаконніи и грѣшницы вкупѣ, и щставившии Гда скончаютсѧ», «καὶ συντριβήσονται οἱ ἄνομοι καὶ οἱ ἀμαρτωλοὶ ἅμα καὶ οἱ ἐγκαταλείποντες τὸν κύριον συντελεσθήσονται»; Ис 1: 28), либо книга Притч («путіе нечестивыхъ ѿ земли погибнуть, пребеззаконніи же изринутся ѿ неж», «ὁδοὶ ἀσεβῶν ἐκ γῆς ὀλοῦνται οἱ δὲ παράνομοι ἐξωσθήσονται ἀπ' αὐτῆς»; Притч 2: 22). Похоже, книжник князя Даниила справедливо назвал Приточника источником всего вдохновения: оставившие Господа беззаконники и грешники, символами которых стали бобр, волк и барсук, «сокрушатсѧ», «скончатсѧ», «изринутся» или же «снѣдаться».

Остается не вполне понятным, что в глазах летописца и его современников должны были символизировать меха или шкуры бобра, волка и барсука, и какие элементы одежды епископских слуг имелись в виду. Для историков эта бытовая подробность оказывается свидетельством богатства и многолюдности епископского двора как двора «крупного феодала» (Пашуто 1950: 228), слуги которого, как всякие одетые в меха слуги знатного господина, гордятся своим положением (Голубинский 1901: 559). Разграбление и изъятие брошенных епископом богатств и припасов, по мнению некоторых исследователей, напоминало не захват боевой добычи, а судебную расправу над епископом-изменником в виде «потока и разграбления» (ср.: Гайденко 2020).

Напомним, что к окружению епископа относился и Митуса-певец. Использование летописцем однокоренных слов («раздраные» прилбицы, «раздраный» Митуса) указывает на певца как на одного из ограбленных, который также был облачен в тул и прилбицу. Для правильного понимания происшедшего и вовлеченных в него категорий людей стоит обратить внимание на род занятий Митусы — пение и, стало быть, лицедейство. Это позволяет интерпретировать упомянутые летописью предметы как профессиональные атрибуты лицедея, служившие важными социальными маркерами.

Такая интерпретация входит в противоречие с устоявшимися в историографии предубеждениями. Оба упомянутых атрибута обычно рассматриваются либо в связи с престижными одеждами епископского окружения или его самого (ср.: Черная 2008), либо в контексте средневекового военного дела.

Так, тул традиционно интерпретируется как «колчан для стрел». Именно в таком значении уже в XI в. это слово замещает в переводных текстах греческий термин «фарэтра» (ср.: Срезневский 1903: 1036–1037; СЛРЯ XI–XVII вв. 1975: 254). Однако известные изделия из бобровой кожи обычно характеризуются небольшими размерами, никак не сравнимыми с колчаном для стрел, и не связаны с военным делом (см.: Курбатов 2019: 249–250; впрочем, автор убежден в существовании средневековых колчанов, обшитых бобровыми шкурами, см.: Курбатов 2020: 120). Прилбица (прилыбица) обычно интерпретируется исследователями как шлем или, чаще и предпочтительнее, как подшлемник (Срезневский 1895: 1427; СЛРЯ XI–XVII вв. 1994: 195; ср.: Кирпичников

1971: 31; Петрухин 2020), обшитый мехом или шкурой животного (ср.: Курбатов 2020: 120). Еще в XIX в. была высказана гипотеза, что мы имеем дело не с простыми слугами, а с дружинниками, имевшими за плечами колчаны, покрытые бобровым мехом, а на головах какой-то убор, тоже меховой, который назывался прилбицей и был подшлемником или чехлом на шлеме (Иловайский 1897: 62–63). Соответственно, украинский перевод упоминает «сагайдаки і прилбиці» (Літопис Руський 1989: 400). Однако вряд ли под «тулами» галицкий книжник подразумевал колчаны для лука и стрел. Средневековый славянский язык Восточной Европы мог использовать это слово в совершенно ином значении.

Обратимся к словарному запасу древнего новгородца, известному нам благодаря берестяным грамотам. Этому словарю редко употребляемое слово «туль» или «тула» было известно. Оно встречается в берестяной грамоте № 818 (Н-98, Тр.-XII-Г, пл. 10-кв. 1335-№69/152), найденной на усадьбе «Е» Троицкого раскопа в слоях, датированных дендрохронологически 1160–1170 гг. Это целиком сохранившееся завещание (Гиппиус 2004: 209), в котором, в частности, написано: «въ тоулѣ д гривнѣ серебра, се даю въхо братоу» (Янин и др. 2004: 40, 160). В номинативе это слово могло быть как мужского, так и женского рода: «туль» или «тула». Оно могло обозначать «укрытие», «тайное место», что находит соответствие в диалектах русского языка, где тула, затулье и притулье могли указывать на скрытое, недоступное место, место для защиты, приюта. Это слово связано с глаголом «тулито» в значении «укрывать», «скрывать», «прятать» (ср.: притулить, найти притулок). Однако образ тула как колчана продолжал довлеть не только над интерпретациями историков, но и лингвистов, которые не могли исключить, что деньги на черный день, упомянутые в завещании, могли прятать в «пустой колчан», который подходит для этой цели как «сакраментальный чулок нашего времени» (Зализняк 2004: 367–368).

Новое для историков летописного текста значение слова тул/тула, открытое археологами, и его связь с деньгами позволяют нам расстаться с искусственной интерпретацией «бобровых тулов» (или «тул») как колчанов. Не стоит в то же время привязываться и к пониманию этого слова как обозначения «тайного места». Тул, или тула, определенно служили вместилищем для денег, куда, как в кошелек, их можно было «спрятать», то есть просто положить. Стоит отметить, что археологии средневековья известны кошельки и мешочки из бобровой кожи. В погребениях древних марийцев IX–XI вв., исследованных в междуречье рек Ветлуга и Вятка, встречаются кошельки лировидной формы из кожи хвоста бобра (Никитина 2013), а в Старой Ладге в слоях конца IX — начала X в. найден мешочек с завязками, также изготовленный из бобровой шкуры (Курбатов 2015: 50).

Впрочем, толкование «бобровых тул» как кошельков было бы явным упрощением стоящей перед исследователем задачи. К тому же контекст летописного повествования вряд ли указывает на это значение, хотя и не исключает его. Однако известное из берестяной грамоты использование тулы, или тула, для серебряных гривен заставляет нас вспомнить еще об одном традиционном вместилище денег. Кроме чулок и кошельков, деньги могли хранить в шапках или под их подкладкой, непосредственно в тулье (ср.: «тулья, тулея, тулейка, часть шапки и шляпы, покрывающая голову сверху, кроме полей, околыша, ушей, козырька и пр. иногда подкладка под верхнюю тулью, род втулки в шляпу»; см.: Даль 1882: 453).

Полагаю, что «тулы» Галицко-Волынской летописи никак не связаны с воинским снаряжением. Их стоило бы интерпретировать как головные уборы или их части,

изготовленные из меха бобра или обшитые им. Здесь стоит отдать должное творческому воображению А. А. Бестужева-Марлинского, совместившего оба возможных значения в одном вымышленном эпизоде, с которого мы начали настоящий этюд. В то же время прилбицу, весьма редко встречающуюся в древнерусском словаре, можно понять как часть головного убора или маску-личину, изготовленную из шкуры или меха волка и барсука. Еще С. М. Соловьев предполагал, что прилбицы — это лишь «опушки у шапок подле лба» (см.: Соловьев 1960: 172; ср. современное мнение о том, что прилбица может быть «меховой опушкой шапки», не связанной непосредственно с военным делом, однако без всякой ссылки на С. М. Соловьева, в: Комаров 2019: 280–281). Напомним, что недавно авторы и комментаторы польского перевода Хроники Романовичей предположили, что термины «тулы» и «прилбѣцѣ» были использованы в летописи «в переносном значении», означая части теплой одежды, а не в их «дословном значении» — как колчаны и шлемы или их части (Kronika halicko-wołyńska... 2017: 168, przyp. 796).

Стоит обратить внимание и на форму слова, которая употреблена в Ипатьевском списке Хроники: «прилбичѣ». Некоторые исследователи полагают, что мы имеем здесь дело с искаженным «прилбѣцѣ» по аналогии с чтением Хлебниковского списка («прилбѣцѣ») (Петрухин 2020: 218). Однако очевидное временное и содержательное первенство Ипатьевской летописи по отношению к прочим сохранившимся спискам Хроники Романовичей позволяет с доверием отнести к этому словупотреблению галицкого книжника и предположить иное назначение описанного им атрибута, отличного в данном случае от воинской прилбицы и сближенного с личиной.

Этот новый подход, при котором тулы и прилбицы становятся меховыми шапками и масками, не представляется невозможным. Не имеем ли мы дело со скоморохами в окружении епископа, к которым принадлежал и певец Митуса? Письменные источники свидетельствуют, что скоморохи могли проживать при архиерейском доме и отнюдь не противопоставляться Церкви (ср.: Панченко 1984: 63 и сл.; Лихачев 1988; Власова, Фрэнсис 2007). Это уходило корнями в традиции античной и византийской аристократии, предписывавшие содержание артистов в своих покоях для выступления на публичных пирах (Симонова 2017). Епископат в средневековой Восточной Европе определенно был носителем византийских обычаев и принадлежал к аристократии (Мусин 2016: 22–24). Однако в некоторых случаях указание на связь епископа со скоморошеством и даже публичное уподобление его шуту могли быть частью гражданской казни владыки.

В частности, это имело место в антицерковной политике Ивана Грозного 1570-х гг. Архиепископ Новгородский Пимен был выставлен на всеобщее посмешище верхом на лошади с музыкальными инструментами — атрибутами скомороха — в руках, а его преемник архиепископ Леонид был отдан на растерзание собакам в медвежьей шкуре — медведь был непременным участником скоморошских представлений в позднесредневековой России (Там же: 218–219, 221; о масках в новгородской культуре см.: Овчинникова, Копнина 2000). Нельзя не заметить, что в социальном унижении новгородских владык особое место было отведено животным: лошади, медведю, собакам. Нельзя ли увидеть в упоминании Галицкой летописи о бобровых тулах и вольчих прилбичах намек на скоморохов в окружении перемышльского владыки с целью унижить одного из противников князя Даниила в глазах современников?

В связи с этим вопросом-предположением стоит вспомнить о символическом значении упомянутых летописцем животных в народных поверьях. Величественный образ московских бояр в высоких бобровых шапках, где бобровый мех, безусловно, оказывался символом престижа и богатства, не стоит линейно переносить на раннее

средневековье. В традиционной культуре не только волк ассоциировался с хтоническими и демоническими силами, а его образ мог иметь эротический смысл (Гура 1997: 122–159), подобно тому, как медведь вызывал схожие ассоциации в представлении скomorохов. К этому антимиру принадлежал и бобр, и большинство пушных зверей, в том числе барсук, мифологическая функциональность которых оказывалась взаимозаменяемой. Бобр был хтонически связан с подземным миром и душами умерших, в лечебной магии болезнь должна была покинуть больного и уйти в бобровые «исты» (Алексеева, Гиппиус 2019: 148), он упоминался в эротической женской и свадебной символике⁶, лишь позднее можно наблюдать редукцию устойчивой семантики бобра до темы бобрового меха как символа богатства (Гура 1995: 199–200; 1997: 201, 206, 212–214, 216, 217, 253). Однако и в новом контексте известны примеры, когда «бобровая шляпа» оказывалась атрибутом смехового, скomorошьего поведения (ср.: «шляпа бобровая, без тульи, без полей, шут[очное] женихово богатство»; см.: Даль 1882: 453). Таким образом все, что средневековый человек мог знать о волке, бобре и барсуке, было связано с «нехорошим» миром и антиповедением⁷, ярким примером которого было скomorошество.

Полагаю, что сказанного достаточно, чтобы иметь возможность выдвинуть гипотезу о связи части окружения анонимного перемышльского епископа со скomorохами и предложить интерпретацию «бобровых тул» и «волчьих и барсучьих прилбиц» как скomorошьих атрибутов — меховых шапок и масок. Этот нарративный прием, как и отказ назвать епископа по имени, отвечали целям летописца создать в своей повести негативный образ недругов князя Даниила, а отнюдь не сообщить нам подробности средневекового воинского снаряжения, даже если в иных контекстах термины «тул» и «прилбица» вполне могли соответствовать элементам вооружения и доспеха.

Литература

- Алексеева, Гиппиус 2019 — Алексеева А. С., Гиппиус А. А. Наблюдения над текстом Олонецкого сборника заговоров // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (76). С. 141–158.
- Бестужев-Марлинский 1981 — Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения в 2-х т. / Кулешов В. И. (сост.; подгот. текста; вступ. статья и коммент.). Т. 1: Повести; Рассказы. М.: Художественная литература, 1981. 487 с.
- Вилкул 2018 — Вилкул Т. Л. Хронографические заимствования как текстологический маркер в Галицко-Волынской летописи // Гимон Т. В., Джаксон Т. Н., Мельникова Е. А., Щавелев А. С. (ред.-сост.). Древнейшие государства Восточной Европы. 2016 год. Памяти Г. В. Глазыриной. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2018. С. 274–289.

⁶ В связи с этим стоит вспомнить двустрочное граффито последней четверти — конца XIV в. на стенах лестничной башни в церкви св. вмч. Федора Стратилата на Ручью в Новгороде. Фраза «Поиду бобромъ возлѣ рѣку» повторяется пять раз. Эти надписи традиционно интерпретировались как часть песни или загадки или же как фрагмент фольклорного текста, двустрочие которого обусловлено его структурой; см.: Медынцева 1968: 449; Рождественская 2007: 343, 344; надписи № 7, 8 (2 раза), 11, 12; ил. 362, 363, 364; Рождественская 2008: 75. В 2018 г. М. А. Бобрин на Историко-филологических чтениях в Великом Новгороде, Россия, в докладе «Надпись о бобре в церкви Федора Стратилата на Ручью» высказала обоснованное предположение о связи этой надписи со свадебными обрядами. Автор благодарит Марину Анатольевну за возможность ознакомиться с текстом еще неопубликованного доклада и за любезные консультации.

⁷ Средневековые книжные представления о бобре восходили к античной литературе, авторы которой могли считать, что бобр совершает акт самокастрации. См.: Rosa 2017.

- Вілкул 2015 — *Вілкул Т. Л.* Біблія у Галицько-Волинському літописі // Княжа доба. 2015. Вип. 9. С. 227–240.
- Власова, Фрэнсис 2007 — Скоморохи в памятниках письменности / Власова З. И., Фрэнсис (Гладких) Е. П. (сост.). СПб.: Нестор-История, 2007. 680 с.
- Гайденко 2020 — *Гайденко П. И.* О праве суда над епископством на Руси (XI–XIII вв.). Постановка проблемы // Христианское чтение. 2020. № 1. С. 90–108.
- Гайдуков и др. 2020 — *Гайдуков П. Г., Олейников О. М., Богомолов А. В., Короткова Е. В., Перейма Д. В.* Археологические исследования на Торговой стороне Великого Новгорода в 2018 г. // Рыбина Е. А. (отв. ред.). НиНЗИиА: Материалы XXXIII науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения В. Л. Янина (Великий Новгород, 22–24 января, 2019 г.). 2020. Вып. 33. С. 24–31.
- Галицко-Волынская летопись 1981 — Галицко-Волынская летопись / Лихачева О. П. (подг. текста, пер., ком.). Памятники литературы Древней Руси. Вып. 3: XIII век. М.: Художественная литература, 1981. С. 236–425.
- Гиппиус 2004 — *Гиппиус А. А.* К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте. Т. 11: из раскопок 1997–2000 годов. М.: Русские словари, 2004. С. 183–232.
- Голубинский 1901 — *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 1: Период первый киевский и домонгольский. Первая половина тома. М.: Университетская типография, 1901. XXIV, 968 с.
- Гура 1995 — *Гура А. В.* Бобр // Толстой Н. И. (отв. ред.). Славянские древности. Этно-лингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 199–200.
- Гура 1997 — *Гура А. В.* Традиционная духовная культура славян: Современ. исслед.: Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 910 с.
- Даль 1882 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. Т. 4: С–V. 688 с.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. Изд. 2. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
- Изюмова 1959 — *Изюмова С. А.* К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Арциховский А. В., Колчин Б. А. (ред.). Тр. Новгородской археологической экспедиции: Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 192–222 (МИА СССР. Вып. 65).
- Иловайский 1897 — *Иловайский Д. И.* Прилбиза // *Иловайский Д. И.* Исторические сочинения. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1897. Ч. 2: 1859–1897 гг. С. 62–63.
- Карамзин 1819 — *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. Т. 4. 556 с.
- Кирпичников 1971 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л.: Наука, 1971. 92 с.
- Комаров 2019 — *Комаров О. В.* Дискуссия о доспешной терминологии // *Novogardia*. 2019. № 1. С. 267–287.
- Курбатов 2004 — *Курбатов А. В.* Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 312 с.
- Курбатов 2010 — *Курбатов А. В.* Кожевенное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортамент кож средневековой Руси // *Stratum plus*. 2010. № 5. С. 169–218.
- Курбатов 2015 — *Курбатов А. В.* Кожаные предметы из раскопок 3–5 на Земляном городище Старой Ладogi // *Кирпичников А. Н.* (отв. ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2015. Вып. 5. С. 48–100.
- Курбатов 2018 — *Курбатов А. В.* Мех и шкура бобра в культуре средневековой Руси // *Калашникова Н. М.* (ред.). Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии:

- Материалы XXI МНК (29 мая — 1 июня 2018 г., г. Санкт-Петербург). СПб.: Изд-во С.-Петербургского ГУ промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 32–35.
- Курбатов 2019 — Курбатов А. В. Кожаные детали вооружения и амуниции в древности и средневековье по письменным и археологическим данным // Белецкий С. В. (ред.). Земля наша велика и обильна: сб. ст., посвящ. 90-летию А. Н. Кирпичникова. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 245–257.
- Курбатов 2020 — Курбатов А. В. Биоресурсы в древности: о месте бобра в материальной и духовной культуре Руси // ЗИИМК. 2020. № 23. С. 119–131.
- Лихачев 1988 — Лихачев Д. С. Скоморох Всеслава и ток на Немиге // Тимощук Б. А. (отв. ред.). Древности славян и руси: Сб. ст. М.: Наука, 1988. С. 138–140.
- Літопис Руський 1989 — Літопис Руський / Махновець Л. (пер. за Іпат. списком пер.), Мишанич О. В. (відп. ред.). Київ: Дніпро, 1989. XIV, 590 с.
- Матехина 2008 — Матехина Т. С. Археологические находки из «необычной» кожи // Янин В. Л. (отв. ред.). НиНЗИиА. 2008. Вып. 22. С. 184–203.
- Медынцева 1968 — Медынцова А. А. Древнерусские надписи из церкви Федора Стратилата в Новгороде // Крупнов Е. И. (отв. ред.). Славяне и Русь: Сб. ст. к 60-летию академика Б. А. Рыбакова. М.: Наука, 1968. С. 440–450.
- Мусин 2016 — Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2016. 240 с.
- Никитина 2013 — Никитина Т. Б. Поясные кошельки/сумочки в средневековых могильниках Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология. 2013. № 2. С. 151–161.
- Овчинникова, Копнина 2000 — Овчинникова Б. Б., Копнина Е. В. Маски и их роль в средневековой культуре Новгорода // Шашков А. Т. (ред.). Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. С. 118–134 (Проблемы истории России. Вып. 3).
- Панченко 1984 — Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 205 с.
- Пашуто 1950 — Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 331 с.
- Петрухин 2020 — Петрухин П. В. К переводу новгородской берестяной грамоты № 383 // Грамматические процессы и системы в диахронии. Памяти А. А. Зализняка. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 217–221 (Тр. Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. № 1).
- ПСРЛ 2 — Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. 938 стб., 108 с.
- Рождественская 2007 — Рождественская Т. В. Надписи и рисунки в церкви Федора Стратилата на Ручью // Царевская Т. Ю. Роспись Церкви Федора Стратилата на Ручью в Новгороде. М.: Северный паломник, 2007. С. 339–382.
- Рождественская 2008 — Рождественская Т. В. Язык и письменность средневекового Новгорода: Богослужебные надписи и берестяные грамоты XI–XV вв.: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во Факультета филологии и искусств СПбГУ, 2008. 136 с.
- Рождественский 1911 — Рождественский А. П., прот. Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова: Введение, перевод и объяснение по еврейскому тексту и древним переводам. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1911. 806, V с.
- Симонова 2017 — Симонова В. Э. Представление о быте высшего римского сословия в сатирах Ювенала // Болгов Н. Н. (отв. ред.). Классическая и византийская традиция. 2017: Сб. материалов XI науч. конф. Белгород: Изд. дом «Белгород» Белгородского ГУ, 2017. С. 114–119.
- СлРЯ XI–XVII вв. 1975 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1: А–Б. / Бархударов С. Г. (отв. ред.). М.: Наука, 1975. 371 с.

- Соловьев 1960 — *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: в 15 кн. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. Кн. 2, т. 3–4. 768 с.
- Сперанский 1904 — *Сперанский М. Н.* Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. Исследование и тексты. М.: Имп. Об-во истории и древностей российских при Московском ун-те, 1904. VI, 578, 245 с.
- Срезневский 1895 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесн. Имп. АН, 1895. 1802 стб.
- Срезневский 1903 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесн. Имп. АН, 1903. 1684, 272 стб., 13 с.
- Толочко 2008 — *Толочко А. П.* Галицкие «приточки» // *Ruthenica*. 2008. Т. VII. С. 201–209.
- Черная 2008 — *Черная Л. А.* Антропологический код древнерусской культуры. М.: Языки славянских культур, 2008. 464 с.
- Янин и др. 2004 — *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте. Т. 11: из раскопок 1997–2000 годов. М.: Русские словари, 2004. 288 с.
- Ясіновський, Кіндратюк 2008 — *Ясіновський Ю., Кіндратюк Б.* Данило Романович і літописний Митуса // *Княжа доба*. 2008. Вып. 7. С. 158–166.
- Chronica Galiciano-Voliniana 2017 — *Chronica Galiciano-Voliniana (Chronica Romanoviciana) = Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) / Dąbrowski D., Jusupović A. (eds.). Monumenta Poloniae Historica. Kraków; Warszawa: Instytut Historii PAN/Polska Akademia Umiejętności, 2017. S. N. 2. T. 16. CXXXVII, 711 s.*
- Kronika halicko-wołyńska... 2017 — *Kronika halicko-wołyńska: kronika Romanowiczów / Dąbrowski D., Jusupović A. (eds.). Kraków; Warszawa: Avalon, 2017. 327 s.*
- Mouchard 2002 — *Mouchard F.* Les citations scripturaires dans la Chronique Hypatienne // *Revue des Études Slaves*. 2002. Vol. 74, no. 2/3. P. 419–429.
- Rosa 2017 — *Rosa I.* Motyw bobra w kulturze antycznej i średniowiecznej — między toposem literackim a rzeczywistością // *Rocznik Antropologii Historii*. 2017. T. VII (10). S. 203–231.

BEAVER TUL OR BEAVER TULA? A HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL ESSAY

A. E. MUSIN

Keywords: *Old Rus, Prince Daniel of Galicia, archaeology, chronicles, biblical citations, beaver, badger and wolf skins and furs, warrior culture, quiver, helmet, mask, buffoonery.*

The paper gives a critical assessment of the interpretation of “beaver *tuls*” and “wolf and badger *prilbitsas*”, mentioned in the Galician-Volhynian chronicle, as beaver quivers and fur helmets, respectively. The author identifies biblical sources and citations and shows how a medieval scribe constructed the text. The analysis of archaeological and linguistic evidence rejects equating the words “tul/tula” and “quiver”. The context of the chronicle together with ethnological data suggest that the objects in question were rather connected with *skomorokhs* (wandering actors) in the retinue of the Bishop of Peremyshl than with the military culture. Their mention in the chronicle served the purpose of social deprivation of the opponents of Prince Daniel.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПЛОМБЫ ИЗ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ (по материалам коллекции И. Н. Парусимова)¹

С. В. БЕЛЕЦКИЙ²

Ключевые слова: Древняя Русь, княжеские знаки, пломбы, систематизация.

Статья продолжает серию публикаций, посвященных пломбам из коллекции ростовского археолога И. Н. Парусимова. В ней воспроизводятся и комментируются 20 пломб, происходящих с территории Курской области. Все эти предметы ранее уже были изданы. В настоящей статье помещены уточнения к наблюдениям, предлагавшимся И. Н. Парусимовым.

DOI: 10.31600/2310-6557-2021-25-234-242

Статья продолжает серию публикаций, посвященных пломбам из коллекции ростовского археолога И. Н. Парусимова (Белецкий 2019; 2020)³. В ней воспроизводятся и комментируются 20 пломб, происходящих с территории Курской области. Все эти предметы ранее уже были изданы (Парусимов 2016). В настоящей статье приводятся уточнения к наблюдениям, предлагавшимся И. Н. Парусимовым.

КАТАЛОГ

Разряд II/2. Крест — святой

№ 1 (рис. 1, 1). *Ав.*: четырехконечный крест с точками в средокрестии. *Рв.*: голова кудрявого святого в точечном нимбе. *Д.*: 13,1 × 16,2 мм. *В.*: 2,22 г. *М. н.*: Курская обл., Глушковский р-н, с. Будки. *Пр.*: коллекция И. Н. Парусимова⁴. *Изд.*: Парусимов 2016: 229–230, рис. 3, 39.

№ 2 (рис. 1, 2). *Ав.*: четырехконечный крест с точками в средокрестии. *Перечеканка*: двузубец прямоугольных очертаний, левый зубец отогнут наружу, завершение правого зубца осталось за пределами оттиска, на правом зубце отрог внутрь, ножка вертикальная. *Рв.*: святой (?) погрудно. *Д.*: 8,3 × 10,4 мм. *В.*: 1,64 г. *М. н.*: Курская обл., Глушковский р-н, с. Будки. *Пр.*: коллекция И. Н. Парусимова. *Изд.*: Парусимов 2016: 229–230, рис. 3, 40.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0006 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ В настоящее время коллекция находится у автора статьи. После полной публикации пломбы будут переданы в Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа.

⁴ Принятые сокращения: *Ав.* — аверс; *Рв.* — реверс; *Д.* — размеры (мм); *В.* — вес (г); *М. н.* — место находки; *Пр.* — происхождение; *Изд.* — издание.

№ 3 (рис. 1, 3). *Ав.*: шестиконечный процветший (?) крест с расширяющимися концами. *Рв.*: поясное изображение святого. *Д.*: 12,2 × 12,6 мм. *В.*: 2,32 г. *М. н.*: Курская обл., Суджанский р-н, г. Суджа. *Пр.*: коллекция И. Н. Парусимова. *Изд.*: Парусимов 2016: 230, рис. 4, 50.

№ 4 (рис. 1, 4). *Ав.*: четырехконечный (?) процветший крест. *Рв.*: кудрявый безбородый (?) святой в линейном нимбе погрудно. *Д.*: 9,9 × 12,4 мм. *В.*: 1,52 г. *М. н.*: Курская обл., Суджанский р-н, г. Суджа. *Пр.*: коллекция И. Н. Парусимова. *Изд.*: Парусимов 2016: 229, 230, рис. 3, 47.

№ 5 (рис. 1, 5). *Ав.*: процветший крест. *Рв.*: изображение святого оплечно, нимб линейный. *Д.*: 10,5 × 12,1 мм. *В.*: 1,92 г. *М. н.*: Курская обл., Суджанский р-н, г. Суджа. *Пр.*: коллекция И. Н. Парусимова. *Изд.*: Парусимов 2016: 230, рис. 4, 51.

Разряд II/7. Крест — эмблема

№ 6 (рис. 1, 6). *Ав.*: четырехконечный крест. *Рв.*: двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов остались за пределами оттиска, на левом зубце перекрестие, ножка вертикальная. *Д.*: 10,7 × 11,2 мм. *В.*: 1,78 г. *М. н.*: Курская обл., Суджанский р-н, г. Суджа. *Пр.*: коллекция И. Н. Парусимова. *Изд.*: Парусимов 2016: 226, 227, рис. 1, 16.

№ 7 (рис. 1, 7). *Ав.*: шестиконечный процветший крест. *Рв.*: трезубец прямоугольных очертаний, правый зубец отогнут наружу, центральный зубец вертикальный, левый зубец попорчен повторным оттиском той же (?) матрицы, ножка вертикальная (?). *Д.*: 11,9 × 13,7 мм. *В.*: 1,66 г. *М. н.*: Курская обл., Суджанский р-н, г. Суджа. *Пр.*: коллекция И. Н. Парусимова. *Изд.*: Парусимов 2016: 229, 230, рис. 3, 49.

Разряд IV/1. Эмблема — эмблема

№ 8 (рис. 1, 8). *Ав.*: трезубец колоколовидных очертаний, без ножки, боковые зубцы отогнуты наружу. Ободок точечный. *Рв.*: трезубец прямоугольных очертаний, ножка вертикальная, боковые зубцы отогнуты наружу, вершина центрального зубца раздвоенная. Ободок точечный. *Д.*: 12,4 × 14,2 мм. *В.*: 2,01 г. *М. н.*: Курская обл., Суджанский р-н, г. Суджа. *Пр.*: коллекция И. Н. Парусимова. *Изд.*: Парусимов 2016: 230, рис. 4, 54.

№ 9 (рис. 1, 9). *Ав.*: двузубец прямоугольных очертаний, на правом зубце перекрестие, ножка вертикальная. *Рв.*: фрагмент знака (?), большая часть которого осталась за пределами оттиска. *Д.*: 8,8 × 14,7 мм. *В.*: 1,63 г. *М. н.*: Курская обл., Суджанский р-н, г. Суджа. *Пр.*: коллекция И. Н. Парусимова. *Изд.*: Парусимов 2016: 226, 228, рис. 2, 21.

Разряд IV/2. Эмблема — святой

№ 10 (рис. 1, 10). *Ав.*: знак в виде треугольника. *Рв.*: святой в точечном нимбе оплечно. *Д.*: 10,4 × 11,2 мм. *В.*: 1,28 г. *М. н.*: Курская обл., Суджанский р-н, г. Суджа. *Пр.*: коллекция И. Н. Парусимова. *Изд.*: Парусимов 2016: 226–227, рис. 1, 12.

№ 11 (рис. 2, 11). *Ав.*: трезубец прямоугольных очертаний, боковые зубцы отогнуты наружу, центральный зубец вертикальный, ножка вертикальная (?). *Рв.*: голова святого в линейном нимбе. *Д.*: 10,1 мм. *В.*: 1,18 г. *М. н.*: Курская обл., Суджанский р-н, г. Суджа. *Пр.*: коллекция И. Н. Парусимова. *Изд.*: Парусимов 2016: 229, 230, рис. 3, 44.

№ 12 (рис. 2, 12). *Ав.*: знак в виде треугольника, увенчанного крестом. *Рв.*: кудрявый безбородый святой оплечно. *Д.*: 8,9 × 10,3 мм. *В.*: 1,67 г. *М. н.*: Курская обл., Суджанский р-н, г. Суджа. *Пр.*: коллекция И. Н. Парусимова. *Изд.*: Парусимов 2016: 226, 227, рис. 1, 10.

№ 13 (рис. 2, 13). *Ав.*: знак (?), оттиснутый частично. *Рв.*: погрудное изображение святого в линейном нимбе. *Д.*: 12,3 × 13,1 мм. *В.*: 1,97 г. *М. н.*: Курская обл., Суджанский р-н, г. Суджа. *Пр.*: коллекция И. Н. Парусимова. *Изд.*: Парусимов 2016: 230, рис. 4, 55.

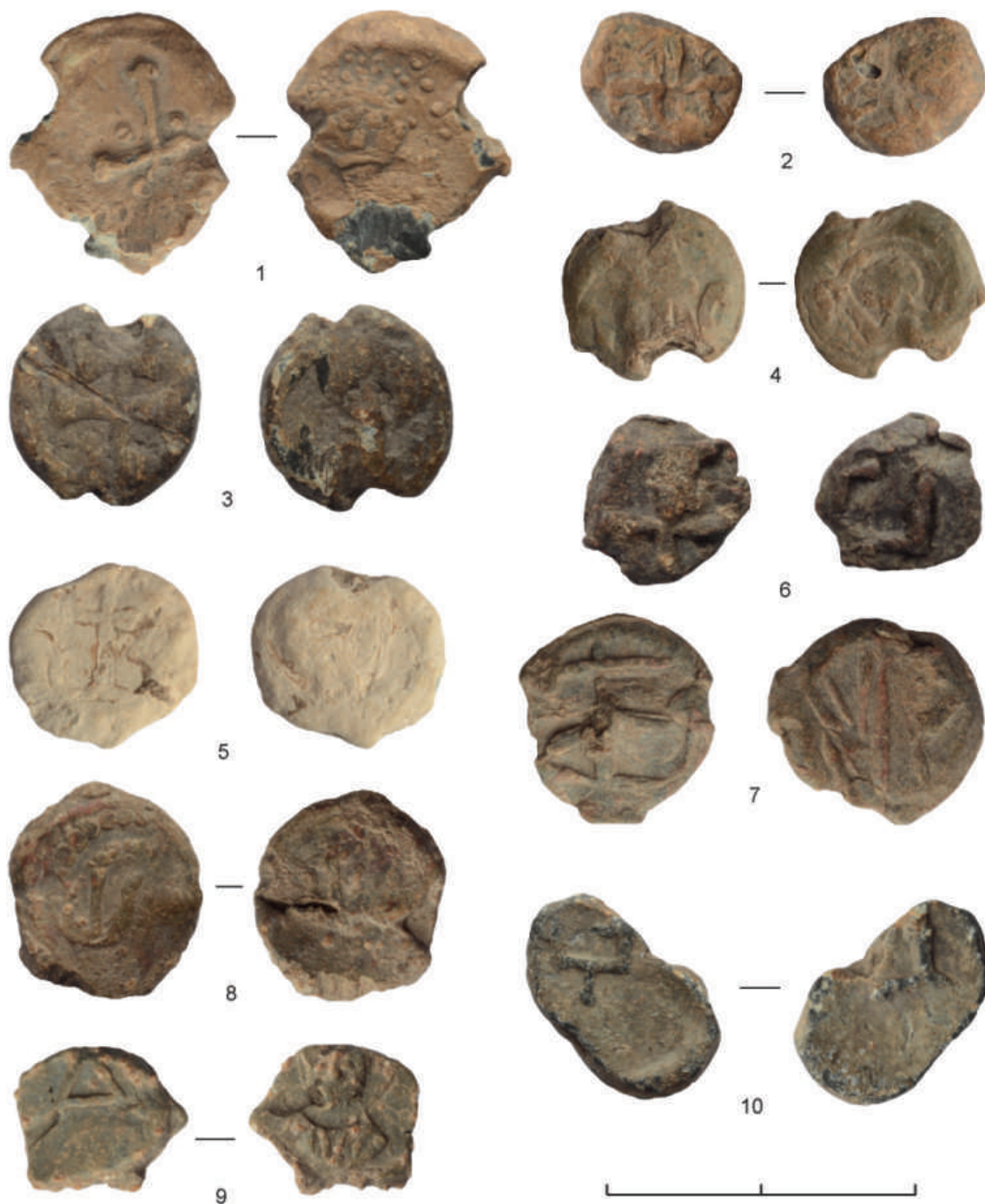

Рис. 1. Пломбы с территории Курской обл. из коллекции И. Н. Парусимова. Номера на рис. 1, 2 соответствуют номерам в каталоге

Разряд IV/4. Эмблема — буква

№ 14 (рис. 2, 14). *Ав.*: знак в форме буквы И, левая мачта которой увенчана крестом. *Рв.*: буква Л. *Д.*: 14 × 14,6 мм. *В.*: 2,95 г. *М. н.*: Курская обл., Суджанский р-н, г. Суджа. *Пр.*: коллекция И. Н. Парусимова. *Изд.*: Парусимов 2016: 225, 227, рис. 1, 4.

Разряд IV/5. Эмблема — группа точек

№ 15 (рис. 2, 15). *Ав.*: двузубец прямоугольных очертаний, левый зубец отогнут наружу, на правом вертикальном зубце отрог внутрь, ножка вертикальная. *Рв.*: кружок с точкой в центре. *Д.*: 8,7 × 10,1 мм. *В.*: 0,96 г. *М. н.*: Курская обл., Суджанский р-н, г. Суджа. *Пр.*: коллекция И. Н. Парусимова. *Изд.*: Парусимов 2016: 226, 228, рис. 2, 22.

Разряд VI/1. Святой — святой

№ 16 (рис. 2, 16). *Ав.*: кудрявый святой с короткой раздвоенной бородой оплечно, в линейном нимбе. *Рв.*: голова безбородого святого, следы точечного нимба. *Д.*: 12,7 × 13,3 мм. *В.*: 1,94 г. *М. н.*: Курская обл., Суджанский р-н, г. Суджа. *Пр.*: коллекция И. Н. Парусимова. *Изд.*: Парусимов 2016: 229, 230, рис. 3, 46.

Дефектные пломбы

№ 17 (рис. 2, 17). *Ав.*: знак в форме багра. *Рв.*: изображение стерто, следы точечного ободка. *Д.*: 12,3 × 14,8 мм. *В.*: 1,62 г. *М. н.*: Курская обл., Глушковский р-н, с. Будки. *Пр.*: коллекция И. Н. Парусимова. *Изд.*: Парусимов 2016: 226, 228, рис. 2, 23.

№ 18 (рис. 2, 18). *Ав.*: крест в квадрате (?). *Рв.*: изображение отсутствует (стерто?). *Д.*: 8,5 × 10,0 мм. *В.*: 0,35 г. *М. н.*: Курская обл., Суджанский р-н, г. Суджа. *Пр.*: коллекция И. Н. Парусимова. *Изд.*: Парусимов 2016: 229–230, рис. 3, 48.

№ 19 (рис. 2, 19). *Ав.*: перечеканка. От первоначального оттиска остался фрагмент линейного ободка, переходящего в точечный. Повторный оттиск: знак в форме треугольника, увенчанного крестом. *Рв.*: перечеканка. От первоначального оттиска остались фрагменты точечного ободка в низком рельефе. Повторный оттиск: фрагмент неясного изображения в высоком рельефе. *Д.*: 13,3 × 14,5 мм. *В.*: 2,81 г. *М. н.*: Курская обл., Суджанский р-н, г. Суджа. *Пр.*: коллекция И. Н. Парусимова. *Изд.*: Парусимов 2016: 226–227, рис. 1, 11.

№ 20 (рис. 2, 20). *Ав.*: голова кудрявого святого (святой оплечно?) в линейном нимбе. *Рв.*: изображение (знак ?) разрушено трещиной по каналу. *Д.*: 13,8 × 16,3 мм. *В.*: 2,1 г. *М. н.*: Курская обл., Суджанский р-н, г. Суджа. *Пр.*: коллекция И. Н. Парусимова. *Изд.*: Парусимов 2016: 230, рис. 4, 53.

Знаки

Тип I/2/28⁵ (рис. 3, 9). Двузубец прямоугольных очертаний, ножка и зубцы вертикальные, на правом зубце перекрестие. Аналогичные знаки зафиксированы на пломбах из Дрогичина (Musianowicz 1982: 135, ill., седьмой сверху ряд, правая пломба), Чернигова (Коваленко, Молчанов 1993: 213–214, рис. 2, 11), Сакор-горы (Трутовский 1926: 9, рис. 6, верхний ряд, левая пломба), с территории Брянской обл. (Белецкий 2019: 223, рис. 2, 86), а также из коллекций В. В. Нечитайло (Белецкий 2018: рис. 14, 7, 8) и А. А. Алфёрова (1000 років... 2013: 79. № 53).

⁵ Типы знаков указаны в соответствии с ранее разработанной типологией (Белецкий 2001).

Рис. 2. Пломбы с территории Курской обл. из коллекции И. Н. Парусимова

Тип I/2/34 (рис. 3, 6). Двухзубец прямоугольных очертаний, ножка и зубцы вертикальные, на левом зубце перекрестие. Аналогичные знаки зафиксированы на пломбах из Новгорода (Лихачёв 1930: 68, четвертый сверху ряд, правая пломба), Белоозера (Макаров, Чернецов 1988: 234, рис. 1, 11, 3, 4), Ратмино (Белецкий 2001: 69, табл. 54, 3), с территории Брянской обл. (Белецкий 2019: 223, рис. 2, 3, 4), из коллекций В. В. Нечитайло (Белецкий 2018: рис. 14, 9–10) и А. А. Алфёрова (№ 1064⁶), а также на печати из собрания музея Шереметевых (1000 років... 2013: 66, № 32).

Тип I/2/35 (рис. 3, 15). Двухзубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца отогнуто наружу, на правом вертикальном зубце отрог внутрь, ножка вертикальная. Среди зафиксированных к настоящему времени геральдических памятников двухзубцы прямоугольных очертаний с отогнутым наружу завершением левого зубца и отрогом внутрь на правом вертикальном зубце неизвестны, однако подобный двухзубец колоколовидных очертаний зафиксирован на пломбе из Новгорода (Лихачёв 1930: рис. 191). Фрагментарно оттиснутый на пломбе № 2 двухзубец прямоугольных очертаний (рис. 3, 2), возможно, относится к этому же типу, однако не исключено, что он принадлежит к типу I/2/43. Такие знаки зафиксированы на печатях № 283, 284 и 285а (Янин 1970: 217, № 283, 284; Янин, Гайдуков 2006: 89–91, рис. 14), а также в рисунке по сырой штукатурке из ц. Успения в Старой Ладоге (Белецкий 2017: 11, ил. 6, 1).

Тип II/2/15 (рис. 3, 7, 11). Трезубец прямоугольных очертаний, боковые зубцы отогнуты наружу, центральный зубец и ножка вертикальные. Аналогичные знаки зафиксированы на пломбах из коллекций В. В. Нечитайло (Белецкий 2018: рис. 21, 1–3) и А. А. Алфёрова (№ 531, 740, 853), на печати № 283б по Корпусу актовых печатей Древней Руси (Янин, Гайдуков 2002: 165, 172, рис. 11), в гончарных клеймах из Владимира, Суздаля, Киева, Путивля (Белецкий 2014: рис. 9, 6–11, 15, 17), в клеймах на кирпичах из храма в Детинце большого собора Бельчицкого монастыря и храма на Рву в Полоцке, а также из так называемого двухкамерного терема в Чернигове (Белецкий 2017: 14, ил. 8, 5–12, 14).

Тип II/2/16 (рис. 3, 8R). Трезубец прямоугольных очертаний, боковые зубцы отогнуты наружу, завершение центрального зубца раздвоенное, ножка вертикальная. Аналогичные знаки зафиксированы на пломбах из коллекции А. А. Алфёрова (№ 336, 949), а также в гончарных клеймах из Звенигорода и Киева (Белецкий 2014: 376, рис. 10, 1–3).

Тип II/7/6 (рис. 3, 8A). Трезубец колоколовидных очертаний, завершения боковых зубцов отогнуты наружу, центральный зубец вертикальный, ножка отсутствует. Аналогичный знак зафиксирован в клейме на кирпиче из Борисоглебского собора в Чернигове (Белецкий 2017: 14, ил. 9, 38).

Тип VI/1/2 (рис. 3, 17). Знак в виде вертикальной мачты с отрогом вправо. Аналогичные знаки зафиксированы на пломбах из Новгорода (Лихачёв 1930: 85, 207, рис. 69, второй сверху ряд, левая пломба, рис. 186, правая и левая пломбы; ЛСА: табл. VIII, № 22–26; XLVII, № 17; Янин 1970: 220, 221, 236, № 305; Янин, Гайдуков 1998: 151, № 305; Ершевский 1978: табл. 1, № 11), а также из коллекций В. В. Нечитайло (Белецкий 2018: рис. 24, 1–3) и А. А. Алфёрова (№ 681, 860, 1108), на печати из собрания музея Шереметевых (1000 років... 2013: 73, № 40), на щитке перстня из Киева (Макарова 1986: 131, № 82), в гончарном клейме из Суздаля (Белецкий 2014: 379, рис. 12, 7), на крышке каменного саркофага из Василёва (Белецкий 2006: 88, рис. 4, 5), а также в клеймах на кирпичах из ц. Петра и Павла в Смоленске (Белецкий 2017: 16, ил. 12, 9–11).

⁶ Здесь и далее ссылки даются на инвентарные номера коллекции А. А. Алфёрова.

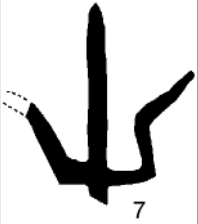

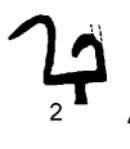

Знаки	Схемы	Знаки	Схемы
 9	 1/2/28	 7	 II/2/15
 6	 1/2/34	 11	 II/2/16
 15	 1/2/35	 8Rv	 II/2/16
 2 ?	 1/2/43	 8Av	 II/7/6
 17		 VI/1/2	

Рис. 3. Древнерусские княжеские знаки на пломбах с территории Курской обл. из коллекции И. Н. Парусимова

Заключение

В рассматриваемой коллекции представлены пломбы семи разрядов. Все они принадлежат к уже известным сфрагистическим разрядам, в том числе выявленным и среди пломб, происходящих из Курской обл. (табл. 1).

Знаки также принадлежат к числу известных древнерусских княжеских знаков. Однако подавляющее большинство этих знаков ранее на курских пломбах встречено не было. Исключение составляют двузубцы на пломбах № 6 и 9, аналогичные знакам на пломбе, происходящей с поселения Гочево под Курском⁷.

Большинство знаков на курских пломбах из коллекции И. Н. Парусимова не имеет узких дат. Можно лишь утверждать, что предметы, несущие изображения аналогичных знаков, как правило, относятся к домонгольскому времени. Более или менее определенно можно датировать только трезубцы на пломбах № 7, 8Av. и 11, а также знак

⁷ Пользуюсь случаем поблагодарить Г. Ю. Стародубцева, сообщившего мне об этой находке.

в форме багра на пломбе № 17. Трезубцы типа II/2/15 зафиксированы на кирпичках из Большого собора Бельчицкого монастыря в Полоцке, датированного первой половиной XII в. (Раппопорт 1982: 98), а также полоцкого храма на Рву, датированного XII в. (Там же: 95). Трезубец типа II/7/6 выявлен на кирпиче из Борисоглебского собора в Чернигове, датированном XII в. (Там же: 41–43). Багровидный знак типа VI/1/2 отмечен на кирпиче из храма Петра и Павла в Смоленске, датированном серединой XII в. (Там же: 86).

Т а б л и ц а 1

Курские пломбы

Разряд	Коллекция Парусимова	Белецкий и др. 2017а	Белецкий и др. 2017б
II/2. Крест — святой	5	–	–
II/3. Крест — композиция	–	1	–
II/7. Крест — знак	2	4	3
IV/1. Знак — знак	2	13	6
IV/2. Знак — святой	4	1	–
IV/4. Знак — буква	1	1	1
IV/5. Эмблема — точки	1	–	–
IV/7. Знак — розетка	–	1	–
VI/1. Святой — святой	1	–	–
XII/1. Личина — личина	–	3	1
Дефектные пломбы	4	11	3
Заготовки	–	5	–
Всего	20	40	14

Таким образом, в настоящее время известно (без учета находок, упомянутых в публикациях Г. Ю. Стародубцева) 74 пломбы и заготовки для пломб, происходящие из Курска и с территории Курской обл. Можно ожидать, что со временем появятся и новые находки. Но, в любом случае, коллекция курских пломб уже сейчас становится одним из количественно заметных собраний пломб домонгольского времени на территории Древней Руси.

Литература и источники

- 1000 років... 2013 — 1000 років української печатки. Київ: Інститут історії України, 2013. 503 с.
- Белецкий 2001 — Белецкий С. В. Знаки Рюриковичей. Часть вторая: Знаки XII–XIII вв. на памятниках сфрагистики (материалы к своду). СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2001. 187 с. (Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 3).
- Белецкий 2006 — Белецкий С. В. Кто был похоронен в Василёвском саркофаге? // Кашкин А. В. (ред.). Археология Верхнего Поволжья. К 80-летию К. И. Комарова. М.: ИА РАН, 2006. С. 68–91.
- Белецкий 2014 — Белецкий С. В. Древнерусские княжеские знаки в гончарных клеймах // Лопатин Н. В. (ред.). АиИПиПЗ. Материалы 59 заседания. Апрель 2013 г. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 358–387.
- Белецкий 2017 — Белецкий С. В. Древнерусские княжеские знаки в памятниках архитектуры // Иоаннисян О. М. (ред.). Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи средневековья. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. С. 7–26 (Тр. Гос. Эрмитажа. Т. 86).
- Белецкий 2018 — Белецкий С. В. Древнерусские пломбы в публикации В. А. Анохина // *Stratum plus*. 2018. № 5. С. 311–332.

- Белецкий 2019 — *Белецкий С. В.* Древнерусские пломбы из Брянской области (по материалам коллекции И. Н. Парусимова) // *Stratum plus*. 2019. № 6. С. 221–226.
- Белецкий 2020 — *Белецкий С. В.* Древнерусские пломбы с территории Украины (по материалам коллекции И. Н. Парусимова) // *ЗИИМК*. 2020. № 23. С. 132–143.
- Белецкий и др. 2017а — *Белецкий С. В., Веретюшкин Р. С., Горлов К. В.* Свинцовые пломбы из раскопок в Курске в 2015 г. // *Stratum plus*. 2017. № 6. С. 347–360.
- Белецкий и др. 2017б — *Белецкий С. В., Веретюшкин Р. С., Горлов К. В.* Свинцовые пломбы из раскопок в Курске в 2016 г. // *ЗИИМК*. 2017. № 16. С. 146–159.
- Ершевский 1978 — *Ершевский Б. Д.* Об атрибуции новгородских печатей и пломб XII — начала XIII в. с изображением княжеских знаков // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л.: Наука. 1978. Т. 10. С. 38–55.
- Коваленко, Молчанов 1993 — *Коваленко В. П., Молчанов А. А.* Древнерусские сфрагистические материалы домонгольского времени из Чернигова // *РА*. 1993. № 4. С. 208–216.
- Лихачёв 1930 — *Лихачёв Н. П.* Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Вып. 2. 279 с.
- ЛСА — *Лихачёв Н. П.* Сфрагистический альбом // *НА ИИМК РАН*. РО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 444.
- Макаров, Чернецов 1988 — *Макаров Н. А., Чернецов А. В.* Новые сфрагистические материалы из Белоозера // *Тимощук Б. А.* (ред.). *Древности славян и Руси*. М.: Наука, 1988. С. 230–241.
- Макарова 1986 — *Макарова Т. И.* Черневое дело древней Руси. М.: Наука, 1986. 156 с.
- Парусимов 2016 — *Парусимов И. Н.* Пломбы дрогичинского типа: новые находки // *Чубур А. А.* (ред.). *Русский сборник*. Брянск: РИО Брянского ГУ, 2016. Вып. 8, т. 1. С. 225–230.
- Раппопорт 1982 — *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. Л.: Наука, 1982. 136 с. (САИ. Вып. Е1-47).
- Трутовский 1926 — *Трутовский В.* Рязанские пломбы // *Некрасов А. И.* (ред.). *Отчет этнографо-археологического музея I МГУ*. М.: Изд-во I МГУ, 1926. С. 58–60.
- Янин 1970 — *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X–XV вв. М.: Наука, 1970. Т. 1. 326 с.
- Янин, Гайдуков 1998 — *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 3. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М.: Интрада, 1998. 502 с.
- Янин, Гайдуков 2002 — *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2001 г. // *НиНЗИиА*. 2002. Вып. 16. С. 154–173.
- Янин, Гайдуков 2006 — *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2005 г. // *НиНЗИиА*. 2006. Вып. 20. С. 77–97.
- Musianowicz 1982 — *Musianowicz K.* Drohiczyn od VI do XIII wieku. Dzieje i kultura. Olsztyn; Białystok: Muzeum Okręgowe w Białymstoku, 1982. 102 s.

**OLD RUSSIAN SEALS FROM THE KURSK OBLAST
(based on the materials of I. N. Parusimov's collection)**

S. V. BELETSKY

Keywords: *Old Rus, princely symbols, seals, systematization.*

The paper continues a series of publications devoted to the seals from the collection of I. N. Parusimov. The author describes and analyzes 20 seals from the territory of the Kursk Oblast, all of which have already been published, and provides some refinements of I. N. Parusimov's observations.

ПАЛОМНИЧЕСКИЕ МОРСКИЕ РАКОВИНЫ НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ И В СОСЕДНИХ ЗЕМЛЯХ¹

А. А. ПЕСКОВА²

Ключевые слова: западные паломнические инсигнии, морские раковины св. апостола Иакова, пограничные города, Древняя Русь, Польша, Венгрия, Ливония.

В статье предлагается обзор находок двенадцати паломнических морских раковин — инсигний св. апостола Иакова Компостельского, выявленных за последние двадцать лет на территории Древней Руси. Анализ находок проведен в сопоставлении с аналогичными предметами в сопредельных землях. Установлено, что большинство паломнических раковин происходит из культурного слоя XII–XIII вв. крупных городских центров, зачастую пограничных, поддерживавших активные и многосторонние контакты с западными соседями. Территориально выделяются две группы находок — новгородско-полоцкая (5 экз.) и галицко-волынская (7 экз.). Появление их в этих землях обусловлено культурно-историческими, политическими, династическими и конфессиональными контактами с ганзейскими городами, Ригой и Ливонией, с одной стороны, и Польшей, Чехией и Венгрией, с другой.

DOI: 10.31600/2310-6557-2021-25-243-259

Комплексное изучение паломнических древностей, обнаруженных на территории Древней Руси, рассматриваемых в историческом и археологическом аспектах, началось сравнительно недавно — в конце прошлого и начале нынешнего столетий (Беляев 1996; Мусин 1999; 2006; 2009). Немногим ранее появились публикации, касающиеся отдельных категорий предметов, связанных с паломническими традициями — свинцово-оловянных ампул, жетонов, стеклянных литиков с изображениями святых, каменных иконок с образом Гроба Господня, раковин святого апостола Иакова Компостельского и др. (Седова 1981: 173; Гуревич 1982; Рындина 1994; Беляев 1998; Пескова 1997: 50; 2001: 123–124, ил. 7; Мусин и др. 2002: 175, 178, рис. 2, 2). Часть их связана с основным направлением древнерусского паломничества — культовыми местами поклонения в Святой Земле. Другая часть, тоже значительная, — с крупнейшими центрами

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0006 «Ремесло, торговля и международные связи Северной Руси и ее соседей».

Настоящая работа не могла бы состояться без дружеской профессиональной помощи коллег, которым приношу глубокую благодарность. За предоставленные к публикации материалы благодарю Е. В. Торопову и С. Е. Торопова, А. А. Башкова, Т. С. Бубенько, за помощь в ознакомлении с венгерской и прибалтийской литературой по теме — Марию Варга и Роберта Спиргиса. Особая благодарность А. Е. Мусину за большую многостороннюю помощь и ценные замечания по тексту.

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

европейского паломничества, в первую очередь с Римом и Сантьяго-де-Компостела на побережье Атлантического океана в Испании.

Паломнические раковины, связанные с культом гробницы св. апостола Иакова в Сантьяго-де-Компостела, изначально служившие его атрибутом (наряду с дорожным посохом), постепенно становились универсальным христианским символом паломничества, символом принадлежности человека к паломническому братству, покровителем которого и был св. Иаков. Поэтому их можно было встретить на одежде и паломника, посетившего Сантьяго, и крестоносца, направлявшегося ко Гробу Господню в Палестине (Wyrwa 2015; Ktalav 2016). Такие раковины, как правило, имеют два отверстия для подвешивания к чему-либо или три — для пришивания к верхней одежде (плащу или шляпе) и сумке паломника. В большинстве случаев находки раковин двустворчатых моллюсков исследователи связывают именно с культом св. апостола Иакова. Начало паломничества в Сантьяго относят к IX в., с XI в. отмечается значительная его активизация с кульминацией в XIV в., когда наряду с натуральными морскими раковинами паломникам предлагали и их копии, отлитые из металла, и не только в Сантьяго-де-Компостела, но и в монастыре Сент-Мишель на побережье Нормандии (Köster 1983: 141–143; Stopford 1994: 59).

В природе известны два вида морских гребешков рода *Pecten* (Bivalvia: Pectinidae) — *Pecten maximus* L. и *Pecten jacobaeus* L., отличия между которыми вполне понятны только малакологам, изучающим морскую фауну, но и они еще обсуждают вопрос, являются ли *P. m.* и *P. j.* представителями разных видов (Wilding et al. 1999). К какому виду принадлежат мелкие фрагменты паломнических раковин, не всегда могут точно определить даже специалисты. По основной среде обитания моллюсков *Pecten maximus* обычно называют атлантическим морским гребешком, раковины которого продавались у стен кафедрального собора в Сантьяго-де-Компостела, а *Pecten jacobaeus* — средиземноморским, хотя наблюдается и небольшое наложение ареалов их обитания в западной части Средиземного моря. На паломнических путях встречаются оба вида раковин, насколько можно судить по опубликованным определениям находок³ (Vitola 2005: 40–41; Gryc, Wyrwa 2010: tabl. 1; Wyrwa 2015: 39–54; Ose 2015: 78–79, att. 6, с; Ktalav 2016: 331, tabl. 17; здесь см. также табл. 1). По-видимому, их не различали и сами паломники, косвенным указанием чему могут служить совместно нашитые на одеяния паломников раковины *Pecten maximus* и *Pecten jacobaeus*, например на шляпе из Этнографического музея в Познани (Wyrwa 2007: 17, рис. 21, 22; 2015: 27, рис. 12). Раковины *Pecten jacobaeus* некоторые исследователи рассматривают как свидетельство незаконной торговли средиземноморскими раковинами на южном пути к Сантьяго-де-Компостела (Vunk 2002: 47–48; Ktalav 2016: 333, 336).

В настоящее время ученые не могут ответить на вопрос, почему К. Линней (1758) дал название *Pecten jacobaeus* средиземноморскому морскому гребешку, а не атлантическому (*Pecten maximus*), который считается эндемиком северо-восточной Атлантики. Возможно, в будущем в результате совместной работы малакологов, археологов и историков и только на основе большой общеевропейской базы источников будет найден ответ на этот и другие вопросы, связанные с паломническими инсигниями

³ Не исключено, что в качестве паломнического знака использовались и похожие по очертаниям (сердцевидные) раковины двустворчатого моллюска рода *Cardium*. Одна такая раковина (определение М. А. Долголенко) была обнаружена на Троицком X раскопе в Великом Новгороде (Мусин 2002: 489–490, рис. 93, 8).

св. Иакова. А пока обратимся к рассмотрению небольшой группы древнерусских находок паломнических раковин в сопоставлении их с аналогичными находками на сопредельных территориях.

Первой древнерусской находкой, опознанной как паломническая инсигния св. Иакова, оказалась раковина, обнаруженная в 1964 г. при раскопках на территории окольного города Большого Шепетовского городища (Хмельницкая обл., Украина) (Пескова 1997: 50; 2001: 123–124, ил. 7). Публикация этой находки, казавшейся тогда уникальной, послужила выявлению аналогичных предметов как в материалах уже раскопанных древнерусских городов, так и в процессе новых исследований. К настоящему времени на основе публикаций, полевых отчетов и сообщений коллег удалось собрать сведения о находках двенадцати паломнических раковин XII–XIII вв. в древнерусских городах (Новгород (2 экз.), Руса, Витебск, Лукомль, Волковыск, Берестье, Холм, Звенигород (2 экз.), Пересопница, Большое Шепетовское городище) (табл. 1, там же см. ссылки на литературу). Четыре из них принадлежат к виду *Pecten maximus*⁴, одна — к роду *Cardium*, остальные не имеют строгого видового определения (рис. 1). В большинстве случаев эти находки связаны с городским культурным слоем, датированным широко от X до XV в., чаще всего с участков с нарушенной стратиграфией и из неясного археологического контекста. В тех случаях, когда они происходят из ненарушенного слоя или объекта, датировка находок сужается до XII–XIII вв. (Новгород (2 экз.), Руса, Берестье, Волковыск, Звенигород (2 экз.), Пересопница). Не выходит за границы XIII в. и датировка находки на городище близ Шепетовки. Особенно важны самые ранние из них — новгородские раковины, надежно датированные первой половиной XII в.⁵

Археологический контекст находок показывает, что в большинстве своем они происходят с территории богатых усадеб. При раскопках в Старой Руссе паломническая раковина была обнаружена «на усадьбе феодала Демьяна» (Медведев 1972). Новгородская раковина (близкая к роду *Cardium*) с боярской усадьбы П Троицкого X раскопа была обнаружена рядом со срубами, представлявшими собой «остатки неординарного хоромного комплекса» (Гайдуков и др. 1997: 49; Мусин 2002: 489–490, рис. 93, 8). Обе звенигородские находки оказались связаны с ремесленными комплексами: первая (1954) обнаружена среди материалов косторезной мастерской, вторая (1986) — около строения, интерпретированного как мастерская по изготовлению металлических изделий, располагавшаяся на территории боярской усадьбы (Гупало 2017: 117–118). Не исключено, что эти раковины к моменту выпадения в культурный слой уже утратили первоначальное значение и могли быть предназначены для использования в качестве поделочного материала (?). В Пересопнице фрагмент раковины с тремя отверстиями, названный подвеской из раковины моллюска, был обнаружен при раскопках сооружения, определяемого автором раскопок как жилище дружинника, из заполнения которого происходили также шпора, пластина от панциря ламеллярного доспеха и другие предметы XII–XIII вв. (Терський 2003: 59, рис. 30, б). В то же время раковина, обнаруженная на Ильинском раскопе в Великом Новгороде, происходила из городского района, где располагались сравнительно небольшие усадьбы свободных новгородских

⁴ Промелькнувшее в литературе безапелляционное замечание об ошибочности отнесения раковины из Старой Руссы к виду *Pecten maximus* (Юдин 2017: 311) ничем не аргументировано.

⁵ Благодарю О. А. Тарабардину за сообщение об уточненной датировке раковины с усадьбы П Троицкого X раскопа.

Древнерусские находки паломнических раковин

№ п/п	Место и время находки, место хранения	Контекст находки	Размеры, см. Определение раковины, данное в публикации	Источник сведений	Датировка
1	Великий Новгород, Россия, 1964 г., А. В. Арциховский, НГОМЗ, КП-18203, А-99/294	Ильинский раскоп, усадьба А, рядом со срубом № 81, 1102 г., жилищно-производственная зона, Н-64-Ил.-26-117-№ 86	5,0 × 4,8. Паломническая раковина	Арциховский и др. 1964: 23. Сообщение А. Е. Мусина	Нач. XII в.
2	Великий Новгород, Россия, 1990 г., НГОМЗ	Троицкий X раскоп, усадьба П, Н-90-Тр-X-7-1184-№ 125	Раковина моллюска рода <i>Cardium</i> , М. А. Долголенко (ЗИН РАН)	Янин и др. 1991: 90, 157–159, 1520; Мусин 2002: 489–491, рис. 93, 8. Уточнение О. А. Тарабардиной	Кон. XII — нач. XIII в. 1-я пол. XII в.
3	Старая Русса, Россия, 1971 г., А. Ф. Медведев, НГОМЗ, НВ 19240/192	Раскоп XI (XI-9-56), пласт 9, на территории «ус. феодала Демьяна»	5,3 × 4,0. Морская раковина-подвеска, <i>Pecten maximus</i> , М. А. Долголенко (ЗИН РАН)	Медведев 1972: 17–24. Мусин 2002: 801, 802, 810–811, рис. 125, 15; 134, 1; 2009: 252, рис. 12, 1; Мусин и др. 2002: 175, 178, рис. 2, 2. Уточнение Е. В. Тороповой (25.02.2021)	XIII в. 2-я пол. XIII в. 1-я пол. XIII в.
4	Витебск, Белоруссия, 1983–1984 гг., Т. С. Бубенько, Витебский областной краеведческий музей, Витебск, Беларусь, КП 26608/1	Нижний замок (посад), раскопки около ц. Благовещения, из слоя середины XII — XIII в.	4,0 × 4,0. Створка раковины морского гребешка (паломническая)	Бубенько 2004: 141, рис. 100, 16. Сообщение Т. С. Бубенько	Сер. XII — XIII в.
5	Лукомль, Чашкинский р-н Витебской обл., Белоруссия	Городище, раскоп 3	6,0 × 6,0 (по фото). Раковина	Штыхов 2014: рис. 31, 4	X–XIII вв.
6	Волковыск, Гродненская обл., Беларусь	Замчище (окольный город), в слое XII в.	4,0 × 3,7. Раковина морского моллюска семейства двустворчатых	Зверуго 1975: 80, рис. 21, 7	XII в.
7	Брест, Беларусь (летописный Берестье), 1976 г., П. Ф. Лысенко, Археологический музей «Берестье», КП 12263/13	Пласт 20, кв. 270	2,3 × 1,6. Фрагмент паломнической раковины	Мусин 2019: 86–87, примеч. 77. Выявлена и визуально определена А. Е. Мусиным и А. А. Башковым в экспозиции музея 05.05.2016	XII в.
8	Хелм, Польша (летописный Холм), 2015 г., Замковая гора	В погребении в саркофаге второй половины XIII в., в храме Рождества Богородицы	Паломническая раковина, следы раковины прослежены при разборке погребения; не сохранилась	Гупало 2017: 122; Мусин 2019: 86–87, прим. 77	2-я пол. XIII в.

Таблица 1. Окончание

№ п/п	Место и время находки, место хранения	Контекст находки	Размеры, см. Определение раковины, данное в публикации	Источник сведений	Датировка
9	Звенигород, Львовская обл., Украина, 1954 г., И. К. Свешников, ЛИМ	Рядом с косторезной мастерской	Паломническая раковина	Гупало 2014: 141–143; 2017: 117–118, рис. 1	XII — 1-я пол. XIII в.
10	Звенигород, Львовская обл., Украина, 1986 г., И. К. Свешников	Рядом с ювелирной мастерской	<i>Pecten maximus</i> , К. Татаринов (Львовский медицинский институт, Украина)	Гупало 2017: 118	Сер. XII в. — 1241 г.
11	Пересопница, уроч. Пастовник, Ровненская обл., Украина, 1994 г., С. Терський, ЛИМ, КР-42493	Сооружение № 2 («жилище дружинника»)	3,5 × 3,0. Подвеска из раковины моллюска семейства пектен	Терський 2002: 81–82, кат. 111; 2003: 59, рис. 30, 6	XIII в.
12	Большое Шепетовское городище, Хмельницкая обл., Украина, 1964 г., М. К. Каргер, Гос. Эрмитаж, эксп. № ГП-64/114 (пол.)	Окольный город, кв. ГД в кв. 69-70, глубина — 0,6 м; рядом с объектом № 432-мз (массовое захоронение)	6,0 × 6,0. <i>Pecten maximus</i> (?) (А. А. Пескова)	Пескова 1997: 50; 2001: 123–124, ил. 7; Мусин 2009: 254–255, рис. 13, 3	Кон. XII — XIII в.

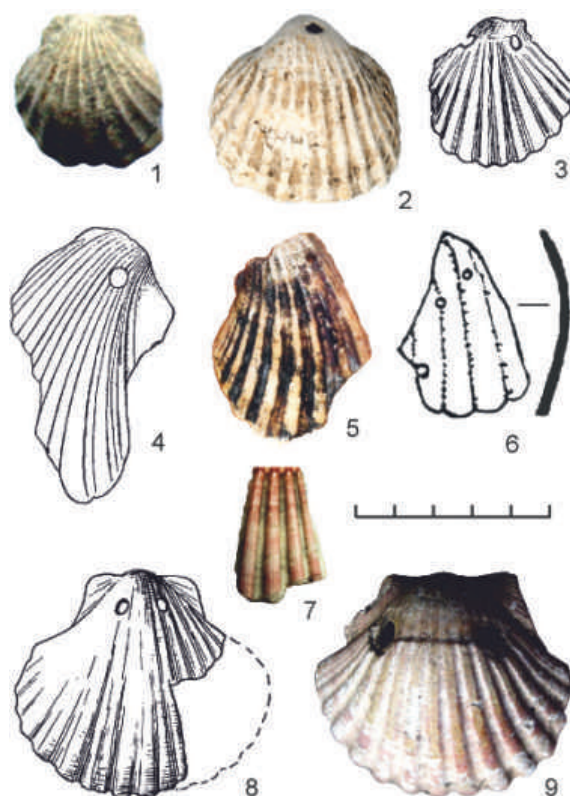

Рис. 1. Древнерусские находки паломнических раковин св. апостола Иакова Компостельского: 1 — Витебск (по: Бубенько 2004: 141, рис. 100, 16); 2 — Новгород, Ильинский раскоп (фото К. Б. Храмова); 3 — Волковыск (по: Зверуго 1975: рис. 21, 7); 4 — Лукомль (по: Штыхов 2014: рис. 31, 4); 5 — Старая Русса (фото С. Е. Торопова); 6 — Пересопница (по: Терський 2003: рис. 30, 6); 7 — Берестье (фото А. А. Башкова); 8 — Шепетовское городище (рисунок А. А. Песковой); 9 — Звенигород (по: Гупало 2017: рис. 1)

Fig. 1. Old Russian finds of pilgrim scallops of St. Jacob of Compostella: 1 — Vitebsk (after Бубенько 2004: 141, fig. 100, 16); 2 — Novforod, Il'insky excavation area (photo by K. B. Khramov); 3 — Volkovysk (after Зверуго 1975: fig. 21, 7); 4 — Lukoml (after Штыхов 2014: fig. 31, 4); 5 — Staraya Russa (photo by S. E. Toropov); 6 — Peresopnitsa (after Терський 2003: fig. 30, 6); 7 — Berestie (photo by A. A. Bashkov); 8 — Shepetovskoe settlement (drawing by A. A. Peskova); 9 — Zvenigorod (after Гупало 2017: fig. 1)

граждан со строго регламентированной земельной площадью от 420 до 465 м² (Колчин, Черных 1978: 110–112, 116). Шепетовская раковина была найдена на территории окольного города среди фрагментов керамики, стеклянных браслетов, железных предметов домашнего обихода рядом с большой грудой человеческих останков, которая интерпретируется как одно из многих массовых санитарных захоронений, совершенных здесь через некоторое время после гибели города. И только в одном случае паломническая раковина была обнаружена в погребении в саркофаге второй половины XIII в., открытом в крипте церкви Рождества Богородицы, построенной князем Даниилом Романовичем близ своей резиденции в Холме (Польша), то есть могла принадлежать лицу, занимавшему высокое положение в обществе и совершившему паломничество к святым местам. Раковины, обнаруженные при раскопках на посаде средневекового Витебска около церкви Благовещения в слое середины XII — XIII в. и на Ильинском раскопе Великого Новгорода, отличаются от всех остальных отсутствием отверстий, предназначавшихся для крепления к одежде.

Картирование древнерусских находок паломнических раковин показывает, что большая их часть локализуется в городах Галицко-Волынской земли (6 экз.) и близком к ним Волковыске (1 экз.), немного меньшая (5 экз.) — в Полоцкой и Новгородской землях (рис. 2). В первой группе три города расположены на западном пограничье Галицко-Волынской земли — в бассейне Западного Буга (Звенигород, Холм, Берестье), а четвертый — в Верхнем Понеманье (Волковыск), то есть в зоне постоянных контактов и конфронтации с соседями — венгерскими королями и польскими князьями на западе, ятвягами и литвой на севере, а со стороны Польши еще и с рыцарскими орденами, базировавшимися некоторое время в Мазовии (Тевтонским и Добжиньским) (Матузова, Назарова 2002: 347–383). Пересопница и укрепленное поселение близ Шепетовки (Шепетовское городище) расположены на восточной границе Галицко-Волынского княжества, но и их население, видимо, было активно вовлечено в дипломатические мероприятия и военные действия князя Даниила Романовича, в том числе на западных границах. Подтверждением этому служат найденные на Шепетовском городище и другие предметы западноевропейского происхождения (бронзовая романская чаша с аллегорическими изображениями и меч, обе находки с латинскими надписями; геральдическая накладка), а также реликвии Святой земли, связанные с культурой крестоносцев (серебряный реликварий с частицами Крестного древа и мощей св. Стефана и свинцово-оловянистая паломническая инсигния со сценой Воскресения и куполом Гроба Господня, обе с латинскими надписями) (рис. 3, 5) (Пескова 2001; Медведев, Пескова 2008). Эти исключительные по значимости и редкости предметы могли попасть на городище разными путями, как паломническими или миссионерскими, так и в результате военных столкновений.

Говоря о паломнических раковинах на Руси, нельзя обойти вниманием найденные в рассматриваемых регионах четыре паломнические нашивные иконки (значки/жетоны) с литыми низкорельефными изображениями святых апостолов Петра и Павла, которые изготавливались под патронажем каноников собора св. Петра в Риме — одного из крупнейших центров паломничества в католическом мире (Spencer 1998: 248; Imperiale 2012). Три из них были обнаружены в летописных городах Червене и Галиче (один целый и два фрагмента от другого)⁶, четвертый — в Усвяте (Musin 2012: 253, рис. 1; Коваль,

⁶ В Галиче, помимо целого значка, было найдено еще три фрагмента, два из которых тоже являлись частями значка со св. апостолами Петром и Павлом, но иного иконографического варианта,

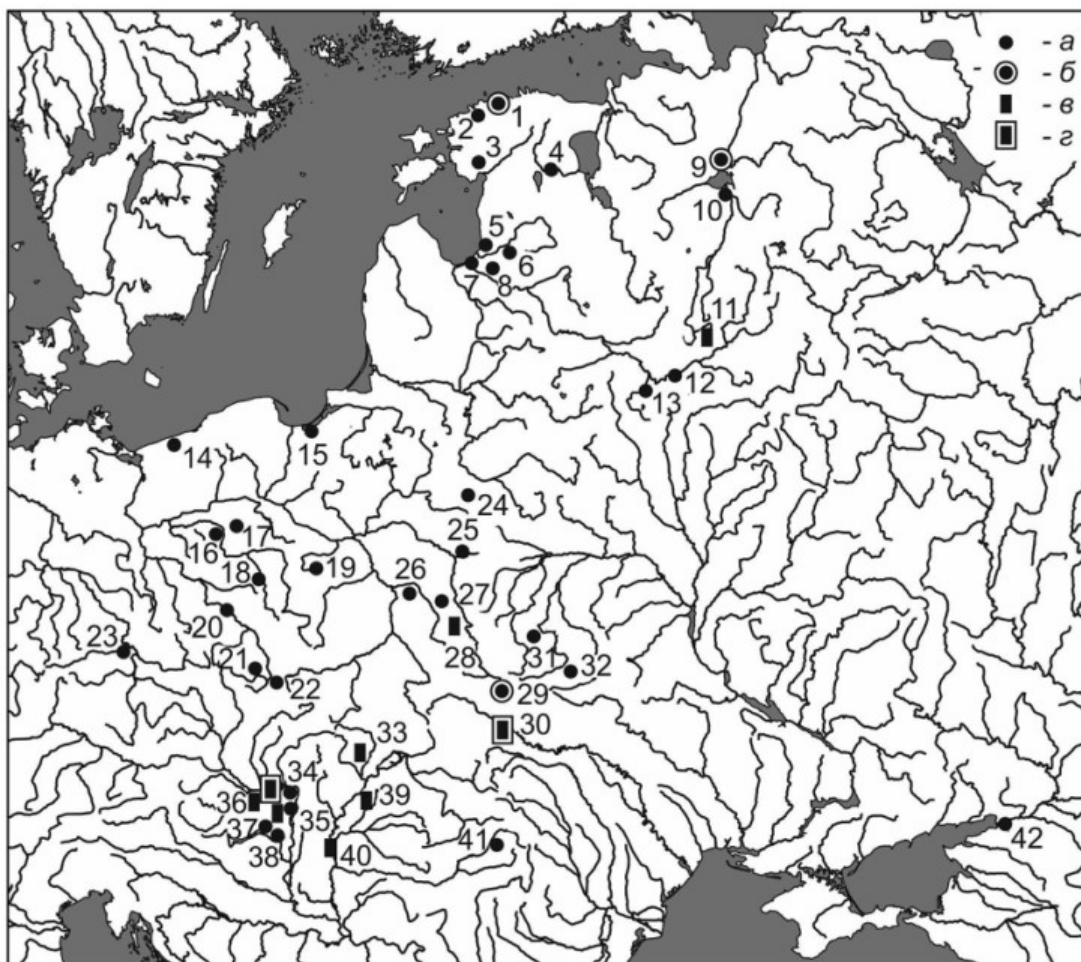

Рис. 2. Карта распространения находок паломнических раковин св. апостола Иакова Компостельского и инсигний собора св. апостола Петра в Риме, найденных на исторической территории Ливонии (по: Ose 2015: 83, att. 8), Польши (по: Wyrwa 2015: рyc. 33), Венгрии, Чехии и Древней Руси (составитель — А. А. Пескова): 1 — Пирита; 2 — Таллин; 3 — Пярну; 4 — Тарту; 5 — Турайда; 6 — Цесис; 7 — Рига; 8 — Икшкиле; 9 — Великий Новгород; 10 — Старая Русса; 11 — Усвят; 12 — Витебск; 13 — Лукомль; 14 — Колобжег; 15 — Эльблонг; 16 — Познань; 17 — Остров Ледницкий; 18 — Калиш; 19 — Лович; 20 — Вроцлав; 21 — Рацибож; 22 — Цешин; 23 — Мост; 24 — Волковыск; 25 — Брест; 26 — Люблин; 27 — Холм; 28 — Чермно; 29 — Звенигород; 30 — Галич; 31 — Пересопница; 32 — Большое Шепетовское городище; 33 — Славец; 34 — Эстергом; 35 — Буда; 36 — Часар; 37 — Секешфехервар; 38 — Так; 39 — Дебрецен; 40 — Бугац; 41 — Тыргу-Муреш; 42 — Азов. Условные обозначения: *a* (1 экз.) и *б* (2 экз.) — паломнические раковины; *в* (1 экз.) и *г* (2 экз.) — знаки собора св. апостола Петра

Fig. 2. Map showing the distribution of pilgrim scallops of St. Jacob of Compostella and insignia of St. Peter's Basilica in Rome found in the historical territory of Livonia (after Ose 2015: 83, att. 8), Poland (after Wyrwa 2015: рyc. 33), Hungary, Czech lands and Old Rus (compiled by A. A. Peskova): 1 — Pirita; 2 — Tallinn; 3 — Pärnu; 4 — Tartu; 5 — Turaida; 6 — Cēsis; 7 — Riga; 8 — Ikšķile; 9 — Veliky Novgorod; 10 — Staraya Russa; 11 — Usvyat; 12 — Vitebsk; 13 — Lukoml; 14 — Koiobrzeg; 15 — Elbląg; 16 — Poznań; 17 — Ostryw Lednicki; 18 — Kalisz; 19 — Łowicz; 20 — Wrocław; 21 — Raciborz; 22 — Cieszyn; 23 — Most; 24 — Volkovysk; 25 — Brest; 26 — Lublin; 27 — Kholm; 28 — Chermno; 29 — Zvenigorod; 30 — Galich; 31 — Peresopnitsa; 32 — Bolshoe Shepetovskoe settlement; 33 — Szalyc/Slavec; 34 — Esztergom; 35 — Buda; 36 — Császár; 37 — Székesfehérvár; 38 — Tac; 39 — Debrecen; 40 — Bugac; 41 — Târgu Mureş; 42 — Azov. Legend: *a* (1 item) and *б* (2 items) — pilgrim scallops; *в* (1 item) and *г* (2 items) — insignia of St. Peter's Basilica

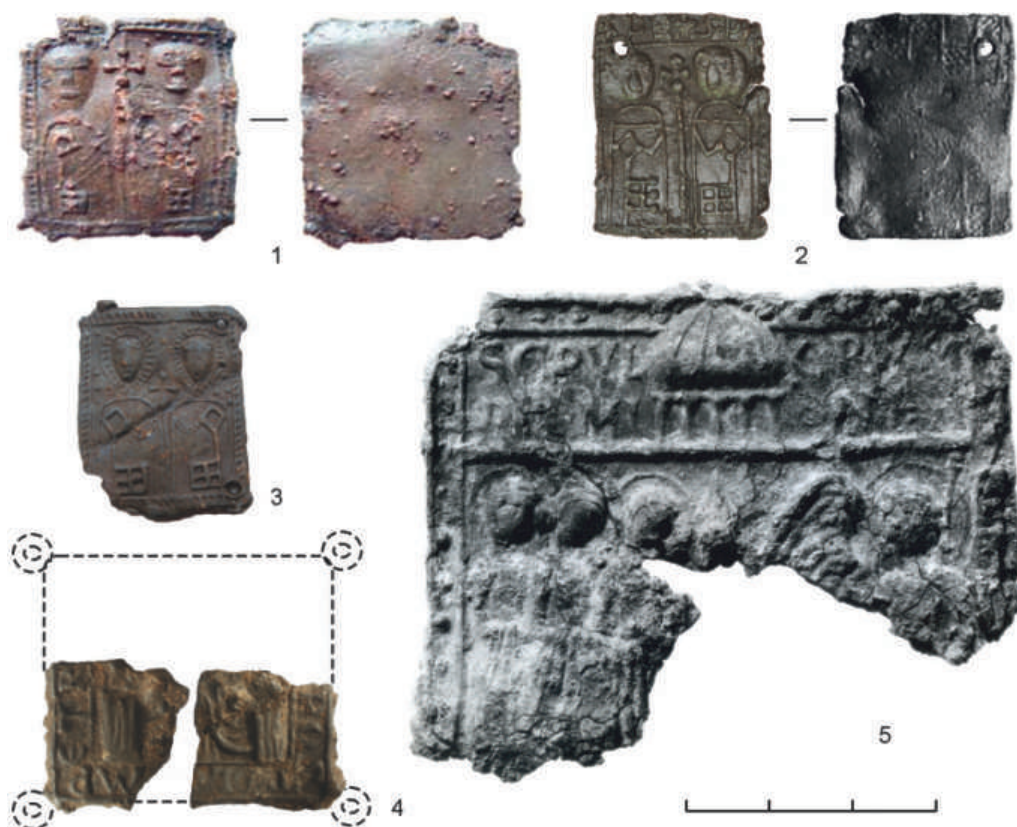

Рис. 3. Древнерусские находки металлических знаков пилигримов собора св. апостола Петра в Риме и храма Гроба Господня в Иерусалиме: 1 — Усвят (по: Еремеев 2015: 501, рис. 451, 1); 2 — Чермно (по: Musin 2012: 253; rys. 1); 3, 4 — Галич (г. Ивано-Франковск; Украина; частная коллекция; фото И. М. Коваля); 5 — Шепетовское городище (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.2573)

Fig. 3. Old Russian finds of metal pilgrim insignia of St. Peter's Basilica in Rome and the Church of the Holy Sepulchre in Jerusalem: 1 — Usvyat (after Еремеев 2015: 501; fig. 451, 1); 2 — Chermno (after Musin 2012: 253; rys. 1); 3, 4 — Galich (private collection, photo by I. M. Koval); 5 — Shepetovskoe settlement (Scholarly Archive of ИИМК RAS. Photographic Division. Print O.2573)

Миронюк 2015: 297; Еремеев 2015: 501–511, 529, рис. 451, 1) (рис. 3, 1–4). Галицкие и червенская находки вписываются в границы галицко-волынской локальной группы паломнических раковин, усвятская — новгородско-полоцкой.

Вторая группа раковин состоит, как уже упоминалось, из двух находок, обнаруженных в верховьях Западной Двины (в Витебске и Лукомле, входивших в Полоцкую землю), и трех находок в Новгородской земле (в Великом Новгороде (2 экз.) и Старой Руссе). Проникновение в эти земли паломнических морских раковин и вышеупомянутого значка с изображениями апостолов Петра и Павла могло быть обусловлено отчасти соседством с Ригой и Орденом меченосцев / Ливонским орденом (с 1237), с которыми Полоцк и Новгород постоянно соперничали в борьбе за пограничные территории. Но еще большее значение могли иметь налаженные торговые отношения Новгорода с Западной Европой.

реконструируемого по аналогии со значком с пос. Кана (Будапешт) (Terei 2017: fig. 1) (рис. 3, 3, 4); третий маленький фрагмент атрибутировать не удалось. В публикации целый экземпляр ошибочно определен как «бронзовая икона „Святые Константин и Елена“» (Коваль, Миронюк 2015: 297).

В землях, находившихся во владении Рижского епископа и Ливонского ордена, к настоящему времени зафиксировано девять натуральных паломнических раковин и три металлические копии. Две раковины принадлежат к виду *P. j.* (Турайда и Таллин), три — к *P. m.* (Пирита (2 экз.), Рига), остальные не определены (Vunk 2002: 30–36, fig. 1–2; Vītola 2005: 40–41; Ose 2015: 83, att. 8; Lēgere, Ušpelis 2020: 95, att. 2). Все находки связаны с крупными административными и экономическими центрами, в том числе рыцарскими замками, монастырями, и найдены, как правило, в переотложенных слоях, под стенами крепости (Турайда) или церкви (Цесис), на территории жилой застройки города (Рига). Паломнические раковины в этих землях принадлежали скорее крестоносцам — рыцарям орденским или светским, участвовавшим в крестовых походах по обету, нежели представителям коренного населения Ливонии, в значительной части остававшегося еще языческим. К сожалению, среди них нет находок с четкой стратиграфической датой, датировки памятников широки — XIII–XVII вв., но в ряде случаев исследователи датируют их предположительно XIII–XVI вв. (Турайда, Икшкиле, Цесис), XV–XVI вв. (Пярну и Таллин). Напомним, что раковины, найденные в Новгороде, датированы первой половиной XII в., следовательно, предполагать влияние со стороны Ливонии в данном случае не приходится.

Редкие для Руси находки латинских паломнических инсигний могли попасть в Новгород, Русу, Усвят, Витебск, Лукомль, вероятнее всего, по рекам и морским путем. Путники, отправлявшиеся в плавание из Новгорода и Русы, в основном выходили на Балтику по Волхову, Ладожскому озеру и Неве. Из Усвята, Витебска и Лукомля можно было плыть и по Западной Двине, что представляется более рациональным. Однако расположение названных полоцких городов на стыке еще и с Днепровским участком пути «из варяг в греки» позволяет предполагать также возможность использования южного направления на Киев и далее через Волынь, Галицию и Центральную Европу. Такой маршрут рассматривается как весьма вероятный (Мусин 2019: 86–87). Подкрепляется такая возможность археологическими находками южнорусского происхождения в Усвяте, такими редкими здесь, как бронзовое писало с прорезным крестом на щитке, характерное для галицко-волынских земель, или створка креста-энколпиона, украшенная перегородчато-выемчатыми эмальями, изготовленная предположительно в Киеве или Галиче, или своеобразная пряжка, какие представлены серийно в Галицко-Волынской земле, в том числе 15 экз. на Шепетовском городище⁷ (Еремеев 2015: 344–345, 465–466, 512–513, рис. 288, 1, 448, 5; 449, 9).

Красноречивым свидетельством возможности совершения столь далеких «хожений» служат древнерусские паломнические граффити, обнаруженные недавно во Франции на стенах церквей, расположенных на традиционных путях, ведущих в Сантьяго-де-Компостела (Гордин, Рождественская 2016; Гордин 2017). В одной из них, церкви Сен-Вивьен середины XII в. на западном пути (Via Turonensis) в городе Пон (*фр.* Pons), примечательном также тем, что в нем находился госпиталь для пилигримов второй половины XII в., сохранилась надпись, сделанная от лица некоего Ивана Завидовича, прямо указывающая на цель паломничества: «Иван писал Завидович, идя ко святому Иакову». Ее наиболее вероятная палеографическая датировка — 1160–1180-е гг. Исследователи обоснованно находят весьма вероятной связь Ивана Завидовича с Новгородом (Гордин, Рождественская 2016).

⁷ Пряжки из раскопок Шепетовского городища готовятся к публикации.

Другая древнерусская типичная молитвенная надпись, обнаруженная в аббатстве Сен-Жиль-дю-Гар на юге Франции, датированная временем не позже конца XIII в., не содержит прямого упоминания св. Иакова. В аббатстве не было госпиталя пилигримов, но оно лежало у начала одной из основных дорог на Сантьяго-де-Компостела. На этом основании исследователи предположили, что автор надписи Семка Нинославич оказался здесь по пути ко гробу святого Иакова или на обратном пути (Brun et al. 2014: 111–112, 123; Гордин, Рождественская 2016: 135).

Появление паломнических раковин в Галицко-Волынских землях неудивительно, поскольку взаимоотношения южнорусских князей, и особенно галицко-волынских, с западными соседями были не просто соседскими со всеми вытекающими отсюда перипетиями, но и дополнены междинастическими браками с представителями венгерских и польских правящих домов, что создавало особые условия для культурного обмена и межконфессиональных контактов. Поэтому для правильной оценки комплекса древнерусских находок паломнических раковин этого региона полезно обратиться к появившимся в недавнее время сводным работам, выявляющим и анализирующим аналогичные находки на сопредельных территориях — в Польше, Венгрии, а также в Чехии. В данном случае наибольший интерес представляют выдержавшая уже два издания книга А. Вырвы «Святой апостол Иаков. Малакологические и исторические следы паломничества из польских земель в Сантьяго-де-Компостела» (Wyrwa 2009; 2015) и статья Б. Худзинской, в которой анализируются пилигримские знаки разного рода, в том числе и раковины, и приводится их сводка (Chudzińska 2012). Венгерские находки паломнических раковин наряду с другими символами пилигримов в основном были собраны и опубликованы в 2008 г. Э. Бенко (Benkó 2008: 176–180; Benda 2010: 42–43). В Чехии известна пока только одна раковина *P. m.*, обнаруженная в г. Мост у подножия Рудных гор при раскопках на дне колодца, функционировавшего во второй половине XIII в. (Velínský 1998: 448).

На территории современной Польши исследователями на 2015 г. выявлено десять находок натуральных раковин. Из них пять принадлежат к виду *P. m.*, три — к виду *P. j.*, две — определить не удалось (Grys, Wyrwa 2010: 447, pl. 1; Wyrwa 2015: 56, рис. 33)⁸. Датируются польские находки раковин XII(?)–XV вв., но преимущественно, по мнению А. Вырвы, первой половиной XIII — концом XIV в. — временем наивысшего подъема движения пилигримов в Компостелу (Wyrwa 2015: 56). На карте Польши они распределены неравномерно и, как и на Руси, связаны в основном с крупными культурно-историческими и экономическими центрами (Chudzińska 2012: fig. 2; Wyrwa 2015: рис. 33). Встречаются такие находки понемногу в разных исторических областях страны: в Поморье (Колобжег, Эльблонг), в Великопольше (Остров Ледницкий, Познань, Калиш), в Силезии (Вроцлав, Рацибуж, Цешин), на юго-западе Мазовии (Лович), на востоке страны (Люблин). При этом в восточных областях, непосредственно соседствующих с Древней Русью, их нет совсем, на карте здесь наблюдается обширное пустое пространство. Исключением является Люблин — самое восточное место находки раковины, расположенное на значительном расстоянии от остальных польских пунктов, но довольно близко к древнерусской галицко-волынской локальной группе (Wyrwa 2015: 45–46, рис. 25, 33). Таким же образом распределяются на карте Польши находки и других разнообразных инсигний пилигримов, собранных и проанализированных Б. Худзинской (Chudzińska 2012: fig. 2). Они концентрируются в северных и западных

⁸ Одна из раковин (из Люблина) в тексте отнесена к *P. j.*, а на карте обозначена как *P. m.*

областях страны, где, по наблюдениям исследовательницы, ощущается сильное влияние германской культуры, а почти полное отсутствие таковых в восточных областях объясняется низким уровнем урбанизации этих земель (Ibid: 215–216).

На территории средневековой Венгрии выявлено не менее четырех паломнических раковин (Эстергом, Буда, Секешфехервар, Так), и одна раковина обнаружена в исторической области Трансильвания, ныне находящейся в Румынии (Тыргу-Муреш/ Marosvásárhely), а также семь металлических значков с изображениями святых апостолов Петра и Павла (Будапешт (средневековое пос. Кана), Эстергом (2 экз.), Славец, Часар, Бугац, Дебрецен) (Benkő 2008: 176–180; Venda 2010: 42–43; Prohászka, Szende 2011; Terei 2017: 157–158, fig. 1, 2). Из пяти находок раковин (целых и фрагментов) четыре концентрируются в или около крупнейших культурно-исторических и экономических центров страны. Места концентрации венгерских инсигний, как и польских, находятся на значительном расстоянии от мест концентрации древнерусских находок. Археологический контекст и датировки конкретных находок весьма неопределенные. Общим для них является то, что все они найдены на поселениях, как и древнерусские. Однако в Секешфехерваре раковина была обнаружена при раскопках церкви Девы Марии (1936), а в Тыргу-Муреш — в бывшем францисканском монастыре, то есть они могут происходить из разрушенных погребений (?). Самая крупная (10 × 10 см) и лучше всех сохранившаяся раковина (*P. m.*), найденная в Буде при аварийных раскопках под строительство в 2004 г., была извлечена из верхнего перемешанного слоя (Venda 2010: 39).

По отношению к Сантьяго-де-Компостела польские, венгерские и тем более древнерусские земли были крайней восточной периферией⁹. Поэтому сравнительно небольшое количество находок паломнических раковин в этих землях при такой дальности расстояния вполне объяснимо. При этом на территории Древней Руси, наиболее удаленной от центра паломничества, на сегодняшний день раковин найдено 12 экз., даже больше, чем в Польше (10 экз.) или Венгрии (5 экз.). Для сравнения: количество находок паломнических раковин, происходящих из погребений XI–XVII вв., на территории Дании и на юге Швеции достигало 140 экз.; на территории Франции было выявлено свыше 40 раковин, происходящих из 20 местонахождений, обнаруживаемых иногда вместе с металлическими наконечниками посохов, также имевшими погребальный контекст в широком диапазоне IX–XVI вв. (Мусин 2006: 191–192, рис. 41). Важно подчеркнуть, что в обоих случаях западно- и североевропейские находки связаны в основном с погребениями.

На территории Древней Руси, так же как в Польше и Венгрии, в рассматриваемое время в отличие от Западной Европы, по-видимому, еще не было налаженных внутренних паломнических путей, в том числе и к мощам св. апостола Иакова. Во всяком случае, письменные свидетельства на этот счет неизвестны. По-разному паломники из этих земель выходили на дороги Германии и Франции, откуда только и начинались организованные маршруты, ведущие «ко святому Якову». Для подавляющего большинства паломников, отправлявшихся из Польши, местом, где они вступали на «великие» паломнические пути к Сантьяго-де-Компостела, была

⁹ Точности ради надо сказать, что самой восточной находкой паломнической раковины на сегодняшний день является фрагмент раковины, найденной при раскопках золотоордынского города Азака «на территории усадьбы венецианского купца» (Азов, Ростовская обл.) (Юдин 2017: 311, рис. 2, 1).

Германия (Wyrwa 2015: 57). Возможные маршруты движения паломников в пределах территории Польши исследователи реконструируют на основании размещения находок атрибутов пилигримов на карте страны, например, от Гданьска через Познань к Вроцлаву и далее через Южную Европу, второй вариант — от Кракова к Вроцлаву (Chudzińska 2012: 216). А. Вырва выделяет Цешин и Рацибуж как своего рода ворота на юг польских земель, а затем на запад Европы, не исключая, однако, и возможного морского пути по Балтике (Wyrwa 2015: 58). Какими маршрутами в польских или венгерских землях пользовались древнерусские паломники до выхода на «великие» пути, можно только предполагать. Вероятно, это были общеизвестные средневековые пути сообщения, единые для паломников, торговцев и воинов. Среди тех, кто совершал «хождение» к культовым местам, могла сложиться и передаваться устно традиция в выборе конкретных дорог, но убедительных подтверждений этому пока не найдено. Карта распределения находок символов пилигримов также не дает ответа на этот вопрос, так как может отражать как вехи на общем паломническом пути, так и частные случаи (конечные пункты вернувшихся домой паломников).

Движение паломников к культовым центрам Запада на территории Польши, Венгрии и Чехии находилось в русле собственного внутреннего развития церковной жизни. На Руси западное направление паломничества, казалось бы, не должно было иметь поддержки. Однако присутствие здесь заметного количества находок такого рода может рассматриваться как еще одно подтверждение того, что, несмотря на схизму 1054 г., на Руси в это время продолжали почитать святыни Западной Церкви (Musin 2012: 249). Напомним при этом, что к востоку от обозначенной территории паломнические раковины пока не выявлены, а находки других западных значков пилигримов чрезвычайно редки¹⁰. Но в том, что для галицко-волынских земель это утверждение особенно верно, не приходится сомневаться. Более того, в свете приведенных данных паломнические раковины св. апостола Иакова на рассматриваемой территории воспринимаются как естественный элемент культуры личного благочестия для определенной части общества. Чем это могло быть обусловлено? Глядя на карту распределения находок, трудно объяснить появление группы находок инсигний пилигримов в Галицко-Волынской земле, а также в Берестье и Волковыске непосредственным влиянием со стороны Польши и Венгрии на уровне прямых контактов широких слоев населения, то есть прямой передачей традиции. Польскую, венгерскую и галицко-волынскую группы на карте разделяют значительные территории, своеобразные «нейтральные полосы»; одна из них, как выше упоминалось, отмечена низким уровнем урбанизации. В то же время широкая вовлеченность Галицко-Волынского княжества в культурную, политическую и династическую жизнь не только Польши и Венгрии, но и вообще Центральной Европы общеизвестна (Пашуто 1950; Назаренко 2001; Матузова, Назарова 2002). Участниками и творцами этой динамичной жизни были главным образом князья, представители военного и торгового сословий, духовенство. На вопрос, кто из них мог принести в эти земли паломнические раковины, нынешнее состояние выявленных археологических материалов не позволяет дать определенный ответ. Это мог быть и паломник, совершивший «хождение» ко святому Иакову, например погребенный в саркофаге в крипте церкви Рождества Богородицы в Холме. Это мог

¹⁰ К таким редким находкам относится металлический крест с Распятием в образе *Volto Santo* (знак пилигримов из Лукки, Италия), происходящий из раскопок на неординарном сельском поселении Ходосовка-Рославское (Киевская обл., Украина) (Готун 2017: 67, рис. 5, 1).

быть и воин, участвовавший в дальних походах и вернувшийся с необычным трофеем, как, например, в Пересопнице. Роль военного сословия в данном случае, видимо, была немалой, судя по тому, что почти все города, в которых были найдены обсуждаемые паломнические инсигнии, были пограничными и должны были иметь постоянный военный гарнизон, что убедительно подтверждается археологическими материалами, обнаруженными в названных выше городах.

Представленный обзор новых находок паломнических раковин св. апостола Иакова Компостельского и знаков собора св. апостола Петра в Риме, обнаруженных на древнерусской территории, показывает, что часть их попадала сюда с большой вероятностью через ганзейские города или через территорию Ливонии, другая часть (большая) — через Польшу, Венгрию и Центральную Европу. Очевидная приуроченность всех рассмотренных находок к западному пограничью свидетельствует о существовании традиции паломничества к названным культовым местам именно на данной территории Древней Руси. Однако нельзя отрицать возможность отдельных случаев паломничества православных верующих к крупным латинским культовым центрам и из любого другого древнерусского города. Вопрос о путях поступления на Русь паломнических инсигний Запада остается дискуссионным (Мусин 2019: 87). Можно ли рассматривать древнерусские города, в которых выявлены раковины св. Иакова и знаки пилигримов собора св. апостола Петра, вехами на внутреннем паломническом пути, подобном западноевропейским дорогам пилигримов, покажут будущее накопление и анализ новых находок такого рода.

Литература

- Арциховский и др. 1964 — *Арциховский А. В., Колчин Б. А., Янин В. Л., Авдусина Г. А.* Отчет Новгородской экспедиции за 1964 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 2985.
- Беляев 1996 — *Беляев Л. А.* Паломнические реликвии средневековой Руси (Археологический аспект) // Сб. докл. IV Междунар. Рождественских образовательных чтений. М.: Изд-во Московского Патриархата, 1996. С. 453–461.
- Беляев 1998 — *Беляев Л. А.* Московские литики // Кукушкин Ю. С. (ред.), Князевская Т. Б. (сост.) и др. Культура славян и Русь. М.: Наука, 1998. С. 316–327.
- Бубенько 2004 — *Бубенько Т. С.* Средневековый Витебск. Посад — Нижний замок (X — первая половина XIV в.). Витебск: Изд-во Витебского ГУ им. П. М. Машерова, 2004. 277 с.
- Гайдуков и др. 1997 — *Гайдуков П. Г., Фараджева Н. Н., Дубровин Г. Е.* Динамика застройки новгородской усадьбы X–XV вв. (По материалам усадьбы П Троицкого раскопа) // НиНЗИиА. 1997. Вып. 11. С. 42–54.
- Гордин 2017 — *Гордин А. М.* Заметки о паломнических граффити аббатства Сен-Жиль // Мусин А. Е. (отв. ред.-сост.). В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб.: НКТ, 2017. С. 95–103 (Тр. ИИМК РАН. Т. 48).
- Гордин, Рождественская 2016 — *Гордин А. М., Рождественская Т. В.* «Идя ко святому Иакову»: древнерусское граффито XII в. в Аквитании // Slověne-Словѣне. М., 2016. Т. 5, № 1. С. 126–147.
- Готун 2017 — *Готун І. А.* Середньовічне селище Ходосівка — Рославське (до десятиріччя розкопок пам'ятки) // Археологія і давня історія України. Київ, 2017. Вип. 1 (22). С. 61–90.
- Гупало 2014 — *Гупало В.* Звенигород і Звенигородська земля у XI–XIII століттях (соціоісторична реконструкція). Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2014. 532 с.

- Гупало 2017 — *Гупало В.* Христианские реликвии паломников из княжеского Звенигорода // Мусин А. Е. (отв. ред.-сост.). В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб.: НКТ, 2017. С. 117–123 (Тр. ИИМК РАН. Т. 48).
- Гуревич 1982 — *Гуревич Ф. Д.* Новые данные о стеклянных иконках-литиках на территории СССР // Византийский Временник. 1982. Вып. 43. С. 178–182.
- Еремеев 2015 — *Еремеев И. И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 696 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. 44).
- Зверуго 1975 — *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск X–XIV вв. Минск: Наука и техника, 1975. 144 с.
- Коваль, Миронюк 2015 — *Коваль І., Миронюк І.* Сучасна археологія княжого Галича і Галицької землі. Івано-Франківськ: Нова Зоря, 2015. 320 с.
- Колчин, Черных 1978 — *Колчин Б. А., Черных Н. Б.* Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология) // Колчин Б. А., Янин В. Л. (ред.). Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978. С. 57–116.
- Матузова, Назарова 2002 — *Матузова В. П., Назарова Е. Л.* Крестonosцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002. 488 с.
- Медведев 1972 — *Медведев А. Ф.* Отчет об археологических раскопках в г. Старой Руссе в 1970–1971 гг. Москва, 1972 // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 5126, 5126а. Л. 17–24.
- Медведев, Пескова 2008 — *Медведев М. Ю., Пескова А. А.* Геральдическая накладка из раскопок М. К. Каргера на городище близ Шепетовки: к вопросу о времени гибели поселения // Коцур В. П. (гол. ред.). Наукові записки з української історії. Вип. 20: Присвячений пам'яті О. В. Сухобокова. Переяслав-Хмельницький: Видавництво Астон, 2008. С. 305–318.
- Мусин 1999 — *Мусин А. Е.* Археология древнерусского паломничества в Святую Землю в XII–XV вв. // К 150-летию Русской Духовной миссии в Иерусалиме (1847–1997). М.: Изд-во Московской патриархии, 1999. С. 92–110 (Богословские труды. Т. 35).
- Мусин 2002 — *Мусин А. Е.* Христианская община средневекового города Северной Руси XI–XV вв. по историко-археологическим материалам Новгорода и Пскова: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2002. 927 с.
- Мусин 2006 — *Мусин А. Е.* Археология «личного благочестия» в христианской традиции Востока и Запада // Мусин А. Е. (ред.). Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. С. 163–222.
- Мусин 2009 — *Мусин А. Е.* Паломничество в Древней Руси: исторические концепции и археологические реалии // Беляев Л. А. (ред.-сост.). Archeologia Abrahamica: Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М.: Индрик, 2009. С. 231–272.
- Мусин 2019 — *Мусин А. А.* Зимненская икона Божией Матери, ее первоначальный убор и украшения из коралла в европейской религиозной культуре // Александрович В. (упор.). Культура і мистецтво західноукраїнських земель: Матеріали конф. пам'яті В. Вуйцика, проведених у 2011 та 2012 рр. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАНУ, 2019. С. 55–104.
- Мусин и др. 2002 — *Мусин А. Е., Торопова Е. В., Торопов С. Е.* Христианские древности Старой Руссы (вопросы топографии и археологического контекста) // НиНЗИиА. 2002. Вып. 16. С. 175–187.

- Назаренко 2001 — Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с. (Studia historica).
- Пашуто 1950 — Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 332 с.
- Пескова 1997 — Пескова А. А. Паломнические древности в древнерусском городе // Мачинский Д. А. (науч. ред.). Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 20–22 декабря 1997 г. Материалы к чтениям: сб. ст. СПб.: б. и., 1997. С. 48–50.
- Пескова 2001 — Пескова А. А. Паломнические реликвии Святой Земли в древнерусском городе // Залеская В. Н. (науч. ред.). Пилигримы: историко-культурная роль паломничества. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 113–126.
- Рындина 1994 — Рындина А. В. Древнерусские паломнические реликвии. Образ Небесного Иерусалима в каменных иконках XIII–XV вв. // Баталов А. Л., Лидов А. М. (сост. и отв. ред.). Иерусалим в русской культуре. М.: Наука, 1994. С. 63–77.
- Седова 1981 — Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Терський 2002 — Терський С. Археологія доби Галицько-Волинської держави. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАНУ, 2002. 108 с.
- Терський 2003 — Терський С. Пересопниця. Краєзнавчий нарис. Рівне: Азалія, 2003. 160 с.
- Штыхов 2014 — Штыхов Г. В. Лукомль: Археологический комплекс железного века и средневековья. Минск: Беларуская навука, 2014. 167 с.
- Юдин 2017 — Юдин Н. И. Необычные находки из раскопок золотоордынского Азака // Крадин Н. Н. (отв. ред.). III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй». Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 309–313.
- Янин и др. 1991 — Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С. и др. Отчет Новгородской археологической экспедиции за 1991 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 16459. С. 90, 157–159, 1520.
- Benda 2010 — Benda J. Pecten Maximus, Avagy egy Santiago de Compostelai zárandokjelvény Budán // Tanulmányok Budapest múltjából. Budapest, 2010. Vol. 35 (2009). P. 39–54.
- Benkő 2008 — Benkő E. Pilgerzeichenforschung und Pilgerzeichenübelieferung in Ungarn und in Siebenbürgen // Kühne H., Lambacher L., Wajna K. (Hrsg.). Das Zeichen am Hut im Mittelalter. Berlin: Peter Lang Publishing, 2008. S. 167–184 (Europäische Wallfahrtsstudien. 4).
- Brun et al. 2014 — Brun A.-S., Hartmann-Virnich A., Ingrand-Varenne E., Mikheev S. M. Old Russian Grafto Inscription in the Abbey of Saint-Gilles, South of France // Slověne. 2014. 3/2. P. 110–129.
- Chudzińska 2012 — Chudzińska B. Archaeological Evidence from today's Poland on Personal Piety during the Late Middle Ages // Salamon M. et al. (eds.). Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence. Kraków; Leipzig; Rzesów; Warszawa, 2012. Vol. 2. P. 203–223.
- Gryc, Wyrwa 2010 — Gryc J., Wyrwa A. M. Muszla pielgrzymia z Góry Zamkowej w Cieszynie — nowy punkt na mapie dróg do grobu św. Jakuba w Composteli // Archaeologia Historica. Brno, 2010. 35/10. P. 443–449.
- Imperiale 2012 — Imperiale M. L. Signa Apostolorum Petri et Pauli. Note sulla produzione delle quadrangulae di pellegrinaggio a Roma // Redi F., Forgiione A. (publ.). Atti di 6. Congresso nazionale di archeologia medievale, L'Aquila, 12–15 settembre 2012. Firenze, 2012. P. 698–703.

- Köster 1983 — *Köster K.* Pilgerzeichen und Pilgermüscheln von mittelalterlichen Santiagostrasen. Neumünster, 1983. 176 s. (Ausgrabungen in Schleswig. Berichte und Studien. Bd. 2).
- Ktalav 2016 — *Ktalav I.* A Tale of a Pilgrim Badge during the Crusader Period // Marom N., Yeshurun R., Weissbrod L., Bar-Oz G. (eds.). *Bones and Identity. Zooarchaeological Approaches to Reconstructing Social and Cultural Landscapes in Southwest Asia.* Oxford: Oxbow Books, 2016. P. 323–338.
- Lēģere, Ušpelis 2020 — *Lēģere L., Ušpelis O.* Arheoloģikā uzraudzība Cēsu Sv. Jāņa baznīcas viduslaiku kapsētā // *Arheologu pētījumi Latviā 2018.–2019. gadā.* Rīga: NT KLASIKA, 2020. Lp. 93–96.
- Musin 2012 — *Musin A.* Z wiecznego Rzymu nad Bug: znaki pielgrzymie z Czeramna // Bagińska J. et al. (red.). *Czerwień — gród między Wschodem a Zachodem.* Katalog wystawy. Leipzig; Lublin; Rzeszów: Tomaszów Lubelski, 2012. S. 243–255.
- Ose 2015 — *Ose I.* Dažas liecības par viduslaiku svētceļojumiem un svētceļnieku zīmēm Rīgā un citur Livonijā // *Senā Rīgā.* Rīgā, 2015. 8. S. 62–91.
- Prohászka, Szende 2011 — *Prohászka P., Szende L.* Egy középkori zárandokjelvény Esztergom-Szentkirályról // *Numizmatikai Közlöny.* 2009–2010. Budapest, 2011. Nr. 108–109. P. 199–208.
- Spencer 1998 — *Spencer B.* Pilgrim souvenirs and secular badges. Medieval finds from excavations in London. London, 1998. Vol. 7. 349 p.
- Stopford 1994 — *Stopford J.* Some Approaches to the Archaeology of Christian Pilgrimage // *World Archaeology. Archaeology of Pilgrimage.* Vol. 26, No. 1. June, 1994. P. 57–72.
- Terei 2017 — *Terei G.* Zárandokjelvény az Árpád-kori Kána faluból // *Budapest Régiségei.* 2017. 50. P. 151–158.
- Velímský 1998 — *Velímský T.* K nálezům středověkých poutních odznaků v českých zemích // *Archaeologia historica.* Brno; Praha, 1998. Vol. 23. P. 435–455.
- Vītola 2005 — *Vītola G.* Turaidas pili atrastās liecības par svētceļojumiem // *Beitiņa L.* (sast.). *Kristietības ienākšana Līvzemē. Zinātniska konference, veltīta Krimuldas baznīcas astoņsimtgadei 2005. gada 9. jūnijā.* Turaida: Tapals, 2005. Lp. 38.–41.
- Vunk 2002 — *Vunk A.* Eesti arheoloogilised palverändurimärgid // *Eesti Arheoloogia Ajakiri.* Tallinn, 2002. 6 (1). P. 25–49.
- Wilding et al. 1999 — *Wilding C. S., Beaumont A. R., Latchford J. W.* Are *Pecten maximus* and *Pecten jacobaeus* different species? // *Journal of the Marine Biological Association of the UK.* October 1999. 79 (05). P. 949–952.
- Wyrwa 2007 — *Wyrwa A. M.* Ad limina apostolorum. Patron pielgrzymów — św. Jakub Starszy, apostoł i pielgrzymki do jego “grobu” w Santiago de Compostela. Szkice do problemu. Poznań, 2007. S. 7–32 (“*Studia Periegetica*”. Zeszyty Naukowe Wielkopolskiej Wyższej Szkoły Turystyki i Zarządzania w Poznaniu. 1).
- Wyrwa 2009 — *Wyrwa A. M.* Święty Jakub Apostoł. Malakologiczne i historyczne ślady peregrynacji z ziem polskich do Santiago de Compostela. Lednica; Poznań: Muzeum Pierwszych Piastów na Lednicy, 2009. 91 s. (Biblioteka studiów Lednickich. T. 13. Seria C — *Dissertationes ad fontes spectantes.* T. 1. Wydanie 1, 2009).
- Wyrwa 2015 — *Wyrwa A. M.* Święty Jakub Apostoł. Malakologiczne i historyczne ślady peregrynacji z ziem polskich do Santiago de Compostela. Lednica: Muzeum Pierwszych Piastów na Lednicy, 2015. 112 s. (Biblioteka studiów Lednickich. T. 13. Seria C — *Dissertationes ad fontes spectantes.* T. 1. Wydanie 2, 2015).

PILGRIM SCALLOPS FROM OLD RUS AND NEIGHBORING LANDS

A. A. PESKOVA

Keywords: *western pilgrim insignia, pilgrim scallops of St. Jacob of Compostella, frontier towns, Old Rus, Poland, Hungary, Livonia.*

The paper provides an overview of twelve pilgrim scallops (insignia of St. Jacob of Compostella) that have been found in the last twenty years on the territory of Old Rus. These finds are compared with analogous objects from adjacent lands. It turns out that the majority of pilgrim scallops can be dated to the XII–XIII cc. and comes from big urban centers, often frontier ones, which maintained active and diverse contacts with western neighbors. The finds can be divided into two geographical groups — the Novgorod-Polotsk (5 items) and Galich-Volyn' (7 items) ones. Their appearance in these lands was conditioned by cultural-historical, political, dynastical and confessional contacts with Hanseatic towns, Riga and Livonia on one hand, and Poland, Czechia and Hungary on the other hand.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РУЧНОМ ОГНЕСТРЕЛЬНОМ ОРУЖИИ XVI В. НА РУССКО-ЛИТОВСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ¹

П. А. МИЛЯЕВ²

Ключевые слова: *Усвяты, ручное огнестрельное оружие, XVI в., пищаль, ручница, Московское государство, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая.*

В статье рассматривается железный ствол ручной пищали XVI в., найденный в г. Усвяты Псковской обл. Подробно исследуются его конструкция, особенности изготовления, выделяются технологические приемы, характерные для указанного периода. Уточняется датировка «усвятского» ствола и хронология бытования подобных ружейных деталей. Данная находка сравнивается с аналогичными изделиями из коллекций российских и европейских музеев. Ствол ручной пищали из Усвят отражает общие тенденции в изготовлении, распространении и использовании ручного огнестрельного оружия на территории Московского государства, Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в XVI в.

DOI: 10.31600/2310-6557-2021-25-260-275

Полностью сохранившиеся образцы ручных пищалей (ручниц) XVI в. представлены в коллекциях российских музеев единичными экземплярами. Все они были скрупулезно изучены, датированы и введены в научный оборот (Денисова и др. 1953: 96–97, 110, табл. XXII, 136; XXV, 152; Мышковский 1959; 1961: 226–233; Маковская 1992: 31–32, 103, рис. 44–46; Ефимов 2012: 74). Аналогичные предметы вооружения, которые синхронно использовались на территориях сопредельных государств — Великого княжества Литовского и Речи Посполитой — известны в основном по письменным и изобразительным источникам. Выявление новых сведений об особенностях конструкции ручниц, их хронологии, а также пополнение базы вещественных источников происходят сейчас, в первую очередь, по материалам археологических раскопок. Однако фрагменты и детали ручного огнестрельного оружия XVI столетия являются нечастыми находками в культурных слоях городов и крепостей. В данном случае каждый обнаруженный экземпляр имеет высокую научную ценность и нуждается в подробной публикации.

Одним из таких предметов является железный кованый ствол ручной пищали, который был случайно обнаружен в г. Усвяты (Псковская обл.), предположительно на одном из трех городищ, расположенных на его территории³. Более точно место

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0006 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Автор выражает сердечную благодарность И. И. Еремееву за помощь в исследовании данной находки.

обнаружения данного предмета установить не удалось. Изображение изделия с предварительной датировкой публиковалось ранее, однако подробного рассмотрения данной находки в контексте аналогий с территории Московского государства и сопредельных земель еще не проводилось (Еремеев 2015: 539, рис. 455, 1). Кроме того, при проведении реставрации ствола были выявлены новые интересные особенности и ранее неизвестные детали его конструкции⁴.

Городища, расположенные непосредственно в черте г. Усвяты, пока не подвергались планомерным раскопкам, что усложняет выяснение контекста находки ствола ручницы. С военными событиями XVI–XVII вв. доподлинно связано лишь одно из них — Замковая гора, расположенное на северном берегу оз. Городечное (Малое Усвятское). Именно здесь при Иване IV Грозном в 1566 г. была возведена деревянная крепость, которую штурмовали войска Стефана Батория во время похода в пределы Московского государства. Однако более ранние укрепления, возведенные, вероятно, во второй трети XVI в. (так называемый город Воловича), могли вполне располагаться и на другом городище — Бугор, находящемся в юго-восточной части современного г. Усвяты. Кроме того, на нем было выявлено кладбище с погребениями в гробах, возможно, позднего средневековья — Нового времени. Третье городище — Прудок в XVI–XVII вв. было за чертой города и вряд ли может являться местом обнаружения ствола ручной пищали (Еремеев 2015: 243–248, 275–281). Таким образом, контекст находки не позволяет судить о ее хронологии, однако датировка может быть произведена по особенностям ее изготовления и конструктивным элементам, характерным для определенных временных периодов.

Ствол ручной пищали из Усвят сохранился в виде двух отдельных, но совмещающихся друг с другом фрагментов: на расстоянии 97–120 мм от края казенной части имеется разлом с рваными краями (рис. 1, 1). Вероятно, этот разрыв произошел при неудачном выстреле, когда заряд пороха оказался слишком велик. Края слома в целом совпадают, хотя на некоторых участках между ними есть щель шириной около 4–5 мм, возможно, часть вырванной стенки ствола была утрачена. Несмотря на это, следует констатировать, что совмещенные друг с другом фрагменты корректно отражают начальные размеры изделия, погрешность в данном случае невелика.

Длина находки (без учета головки казенного винта) — 885 мм, общий вес — 3,65 кг, ширина в среднем составляет около 30 мм, наименьшее значение — 28 мм, фиксируется в последней четверти длины ствола. На концах изделия хорошо заметны утолщения: в казенной части — до 34 мм, у дульного среза — до 30 мм. По всей своей длине ствол ручной пищали из Усвят откован на восемь граней.

Канал ствола диаметром 13 мм несколько смещен вбок, его внутренняя поверхность гладкая, следов обработки сверлом не заметно. Толщина стенок изделия — от 9 до 11 мм, особенно значительная там, где находится сварной шов. На противоположной стороне она меньше и составляет около 6–8 мм. В казенной части ствольный канал заперт прямым винтом с нарезкой на стержне и выступающей уплощенной головкой прямоугольного сечения размерами 26 × 17 мм и толщиной 10 мм (рис. 1, 1–2). Под ней, на участке длиной около 4 мм, четко видны два витка резьбы, выполненных с шагом примерно 1–1,5 мм.

⁴ Реставрация железного ружейного ствола из г. Усвят была произведена в лаборатории ИИМК РАН Н. С. Кургановым и К. В. Горловым. Автор выражает им благодарность за помощь в работе с находкой.

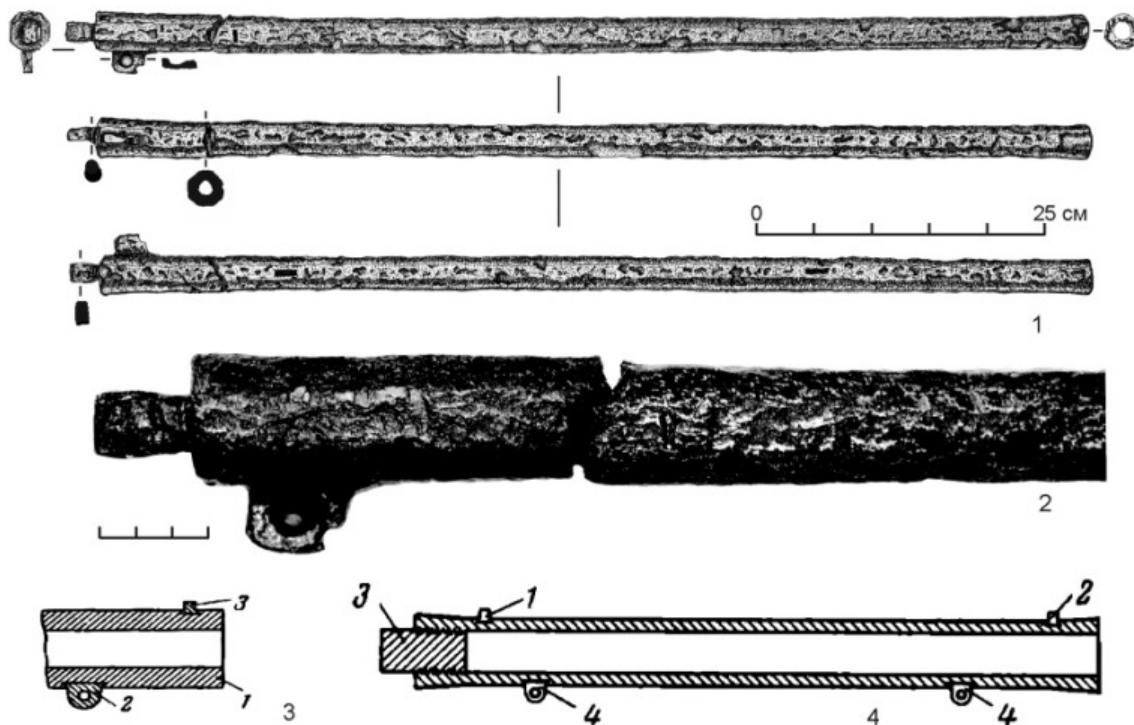

Рис. 1. 1 — ствол ручной пищали, г. Усвяты (Псковская обл.), случайная находка; 2 — казенная часть ружейного ствола из г. Усвяты; 3 — технологическая схема монтажа прицельных приспособлений и ушек к стволам XVI в. (1 — ствол, 2 — ушко, 3 — мушка); 4 — схематический чертеж ружейного ствола XVI в. (1 — целик, 2 — мушка, 3 — казенный винт, 4 — ушки) (3, 4 — по: Мышковский 1961: рис. 3, IV; 4, I). 1-2 — железо

Fig. 1. 1 — pishchal barrel from Usvyaty, Pskov Oblast, a stray find; 2 — breech piece of the gun barrel from Usvyaty; 3 — assembly drawing for the gun sighting gear of the XVI c. (1 — barrel, 2 — lug, 3 — front sight); 4 — schematic drawing of a gun barrel of the XVI c. (1 — back sight, 2 — front sight, 3 — breech screw, 4 — lugs) (3, 4 — after Мышковский 1961: fig. 3, IV; 4, I). 1-2 — iron

Справа на боковой грани ствола закреплена пороховая полка подпрямоугольной формы размерами $26 \times 16 \times 8$ мм (рис. 1, 2). В ее центре имеется полусферическая выемка для затравочного пороха диаметром 12 и глубиной 5 мм. Деталь присоединена к стволу способом «ласточкин хвост», то есть вставлена в горизонтальный паз трапециевидного сечения и в нем заклепана. Соответствующий шов отчетливо заметен в месте примыкания ее нижней плоскости к поверхности изделия. Непосредственно над пороховой полкой, на расстоянии 25 мм от среза казенной части пробито запальное отверстие круглой формы воронкообразного сечения. Его диаметр — от 5 мм с внешней стороны до 3 мм у внутренней части стенки ствола. Выемка для пороха соединена с ним короткой канавкой шириной 4 мм. На переднем обломанном углу пороховой полки имеются остатки отверстия диаметром 5 мм для вертикального штифта, крепившего несохранившуюся крышку.

Для увеличения точности стрельбы на верхней грани ствола имелся целик — железная колодка с прорезью или сквозным отверстием, которая не сохранилась. При реставрации изделия на расстоянии около 124 мм от среза казенной части была выявлена поперечная канавка-паз для закрепления этой детали методом «ласточкин хвост» (рис. 1, 2). Длина выемки составила 10 мм, ширина — 3 мм, сечение трапециевидное.

На верхней плоскости ствола из Усвят непосредственно у дульного среза имеются следы небольшого выступа-«прилива» шириной около 7–8 мм. Вероятно, это могут быть остатки мушки, хотя говорить об этом уверенно нельзя. Сам дульный срез изделия обработан грубовато, имеется заметный скос к одной из сторон, его края неровные.

Ствол ручной пищали чаще всего закреплялся в деревянной ложе при помощи двух-трех железных полукруглых ушек, находившихся на его нижней плоскости (рис. 1, 3, 4). Через них и отверстия в цефье продевались сквозные горизонтальные металлические штифты. На изделии из Усвят ушки не сохранились, однако при реставрации было выявлено два прямоугольных паза для присоединения их методом «ласточкин хвост». Стоит отметить, что чаще всего данные углубления пробивались поперек стволов (Мышковский 1961: 231, рис. 4, I), а на «усвятском» образце они расположены вдоль его центральной оси. Один паз находится на расстоянии 157 мм, а второй — на расстоянии 603 мм от края казенной части, расстояние между местами расположения ушек составляет 450 мм. На данный момент их сечение плавное, округлое, без острых углов, однако изначально оно было ближе к трапецевидному. Длина пазов — 19–20 мм, ширина — 4–5 мм, пробиты на глубину около 2–3 мм.

Орнаментации или клейм на ружейном стволе не выявлено, изготовлен он грубовато. Сейчас на поверхности имеется множество следов коррозии, западины и каверны, но на сохранившихся участках заметно, что отделка поверхности изделия была невысокого качества.

Для выяснения датировки ствола из Усвят наиболее важными признаками являются: способ запирания ствольного канала с казны и форма винта, соотношение длины изделия, толщины его стенок и калибра. Характерными чертами при этом являются массивность и несовершенство внешней обработки. Применение казенных винтов, в частности с квадратными и прямоугольными головками, фиксируется в Европе на рубеже XV–XVI вв., возможно, и несколько ранее (Held 1957: 27–28; Essenwein 1877: tab. В VIII, a; Бехайм 1995: 338). На территории Московского государства данное техническое новшество стало использоваться в первой половине XVI в. (Мышковский 1961: 231; Маковская 1992: 22) (рис. 1, 4). Толщина стенок ствола из Усвят, достигающая 11 мм, при небольшом калибре в 13 мм подтверждает время его изготовления в конце XV — XVI в., об этом свидетельствует и незначительная длина этого экземпляра. Массивность изделия отчасти объясняется его изготовлением из сырого железа, на сломе у его казенной части в стенках металл зернистый, вероятнее всего довольно плохого качества. Данное обстоятельство, характерное для ружейных стволов XVI в., не раз отмечалось исследователями, так же как низкий уровень отделки и ее простота (Гордеев 1954: 8–10; Мышковский 1959: 227–228; 1961: 234; Векслер, Двуреченский 2000: 171–173). Позже, в XVII в., качество этих изделий значительно возрастает, их длина и калибр увеличиваются, а толщина стенок становится гораздо меньше, повсеместно применяются более совершенные казенные винты с хвостовиками. Заметным хроноиндикатором является также пороховая полка с полусферической выемкой, характерная для изделий XVI в. Таким образом, железный ствол ручной пищали, обнаруженный в г. Усвят, вероятнее всего был изготовлен в первой половине XVI в. и относится к одному из ранних этапов использования ручного огнестрельного оружия в Московском государстве и сопредельных странах Европы. Такие изделия могли служить в течение всего XVI и даже начала XVII в., позже они хранились в крепостных и монастырских арсеналах. Однако принимая во внимание хронологию исторических и военных событий, происходивших в Усвятах, вряд ли верхнюю границу использования

данного ружейного ствола можно определить позднее конца XVI в. Был он изготовлен русскими или европейскими мастерами — установить невозможно. Конструктивные особенности и параметры деталей ручного огнестрельного оружия того времени были весьма схожи на обширной территории как Западной, так и Восточной Европы. Кроме того, в Московское государство поставлялись импортные образцы данного вооружения (Пенской 2019: 194–195).

По своим параметрам ствол ручной пищали из Усвят полностью совпадает с группой аналогичных изделий первой половины XVI в. из фондов ВИМАИВ и ВС (Артиллерийский музей) (Мышковский 1961: 232, табл. 1). Длина указанных экземпляров — 720–880 мм, калибр преимущественно около 13 мм, толщина стенок — 9–11 мм, казенные винты прямые с гранеными головками (рис. 2, 1, 1а). На стволах имелись прицельные приспособления — целики и мушки, а также пороховые полки с правой стороны, большая часть которых была сбита при установке на ручницы новых кремневых замков. В качестве аналогий «усвятской» находке можно привести и стволы пищалей из Троице-Сергиевой лавры, хранящихся в Государственной Оружейной палате (Москва). Они также довольно массивны, невелики по длине, со стенками толщиной 10 мм, несовершенны по отделке, однако калибр некоторых экземпляров больше — около 16 мм (Гордеев 1954: 6–10). К сожалению, в публикации почти не сказано о форме казенных винтов данных изделий, часть которых определено имеет хвостовики (Ульянов 2014: 270). Считается, что эти стволы были произведены во второй половине XVI в., однако среди них могут оказаться и более древние образцы. Примечательно, что пороховые полки на них также сбиты при установке ударно-кремневых замков.

В процессе археологических раскопок ружейные стволы, изготовленные в XVI в., и их фрагменты были найдены в ряде городов и крепостей на территории России. Однако у многих отсутствует или повреждена казенная часть, что не позволяет полноценно сравнивать их с находкой из Усвят (Кирпичников 1971: л. 2; Векслер, Двуреченский 2000: 173; Зыков и др. 2017: 190–191; Двуреченский 2018: 17; Миляев 2018: 221–224). Лучше сохранился ствол ручной пищали, обнаруженный на Биржевой площади в Москве (Векслер, Двуреченский 2000: 171–172, рис. 4, 1; Векслер 2015: 231, илл. 231, 1). Изделие, откованное и опиленное по всей длине на восемь граней, сохранилось в двух крупных фрагментах (263 и 328 мм), имеется незначительная утрата в центральной части (рис. 2, 3). Его особенностями являются массивность и толстые стенки, достигающие 8–11 мм, при калибре в 12–13 мм. На верхней плоскости имеются целик и мушка, на нижней сохранилось одно полукруглое ушко, на месте второго имеется поперечный паз для его закрепления способом «ласточкин хвост». С казенной части канал ствола заперт винтом с уплощенной головкой прямоугольного сечения. Пороховая полка была сбита, видимо, при установке кремневого замка. На поверхности данного ствола был выявлен декор в виде параллельных линий, зигзага и насечек. Как видно, параметры и особенности изготовления описанного выше изделия, датированного XVI в., почти полностью идентичны «усвятской» находке.

В коллекции Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника также имеются несколько стволов ручных пищалей XVI в., запертые с казны прямыми винтами с гранеными головками (рис. 2, 2; 3, 4). Часть их была найдена при раскопках в самом монастыре, некоторые обнаружены на прилегающей к нему территории (Балан 2006: 146, 153; 2013: 11, 47–55). Их длина составляет 630–970 мм, толщина стенок весьма значительна и достигает 11–12 мм, что вполне сопоставимо с находкой из Усвят. Калибр «соловецких» стволов — 12–16 мм, для них

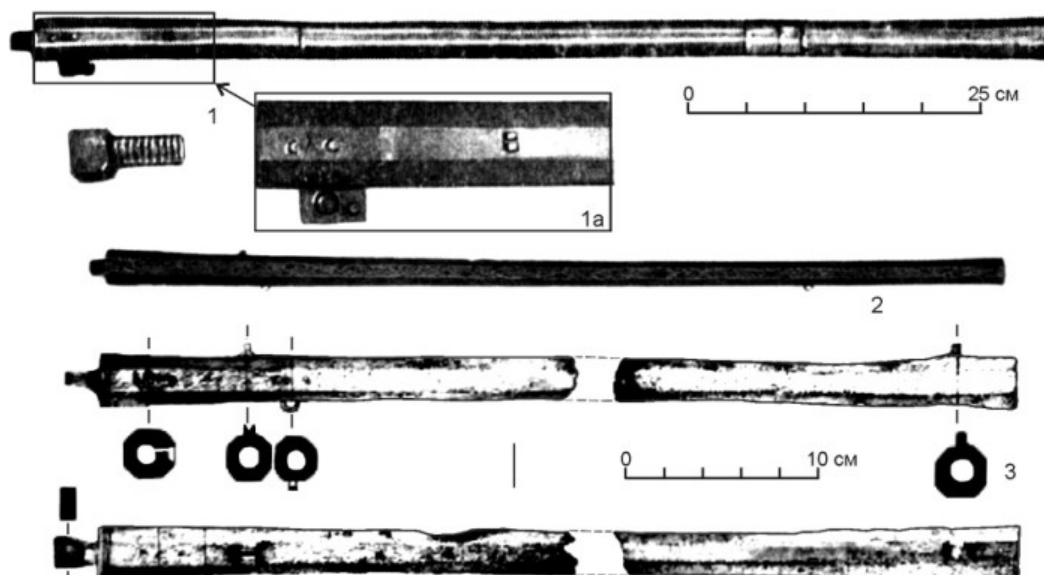

Рис. 2. Стволы ручных пищадей XVI в.: 1, 1а — ВИМАИВ и ВС (Артиллерийский музей), общий вид и казенная часть с выкрученным винтом (по: Маковская 1992: рис. 38) ; 2 — Соловецкий музей-заповедник (по: Балан 2013: рис. 6); 3 — Москва, Биржевая площадь (по: Векслер 2015: илл. 231, 1). Все — железо

Fig. 2. Barrels of hand-held pishchals of the XVI c.: 1, 1a — Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps (St. Petersburg), general view and breech piece with the screw taken out (after Маковская 1992: fig. 38); 2 — Solovki State Museum-Reserve (after Балан 2013: fig. 6); 3 — Moscow, Birzhevaya square (after Векслер 2015: fig. 231, 1). Everything of iron

характерны целики и мушки, закрепленные на верхних гранях методом «ласточкин хвост», а также два, реже три полукруглых ушка на нижних плоскостях. На всех изделиях пороховые полки отсутствуют, однако хорошо просматриваются следы от них под запальными отверстиями. Данные детали, вероятнее всего, были сбиты при установке кремнёвых ружейных замков на ручные пищади.

Целый ружейный ствол XVI в., схожий по параметрам с вышеперечисленными находками, имеется в фондах Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Изделие сохранилось целиком, его длина — 720 мм, ширина в казенной части — 4 мм, на концах заметны утолщения. Канал ствола заперт винтом с прямоугольной уплощенной головкой, на правой боковой грани под запальным отверстием сохранилась пороховая полка подпрямоугольной формы с полусферической выемкой. Казенная часть изделия граненая, в середине и у дульного среза сечение круглое, на верхней плоскости имеются целик и, вероятно, мушка⁵.

Фрагменты казенных частей разорванных железных стволов ручных пищадей, а также отдельные казенные винты от них были обнаружены на городище Искер, где в позднем средневековье располагалась столица Сибирского ханства. Интересно, что части ручного огнестрельного оружия здесь имеют довольно узкую датировку. Они, несомненно, относятся ко времени захвата города отрядом атамана Ермака и последующего нахождения здесь русских казаков и стрельцов в 1582–1585 гг. (Балюнов 2013: 49, рис. 1, 2–4; Зыков и др. 2017: 189–190, рис. 21, 1–3). Данные находки принадлежат

⁵ Госкаталог РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=6452021> (дата обращения 18.04.2021).

к коллекции М. С. Знаменского, собранной в конце XIX в., и были зарисованы им без масштаба. Однако очевидно, что на изображениях представлены два фрагмента казенных частей массивных стволов небольшого калибра с толстыми стенками. Наиболее крупный из них, скорее всего восьмигранный в сечении, заметно расширяется к концу. В его разломе хорошо виден казенный винт с прямоугольной головкой и крупной резьбой на стержне (рис. 3, 3). Характер внешней поверхности второго, меньшего, фрагмента не ясен, но на рисунке четко показан канал ствола, внутри которого имеется винтовая нарезка (рис. 3, 2). Указанные находки полностью схожи с казенной частью ствола из Усвят и позволяют отчетливо представить его конструкцию как будто в продольном разрезе. Кроме того, в альбоме М. С. Знаменского представлен отдельный массивный винт с четырехгранной прямоугольной головкой и резьбой на стержне от еще одного ствола ручной пищали (рис. 3, 1).

Рассмотрев аналогии с территории России, следует отметить, что целиком граненые стволы, такие как находка из Усвят, встречаются довольно редко. При этом почти в каждой упомянутой выше коллекции имеются такие отдельные экземпляры (Гордеев 1954: 10; Мышковский 1961: 232, табл. 1; Балан 2013: 51, 53). Есть мнение, что нанесение граней по всей длине является характерным признаком ранних изделий первой половины XVI в. (Маковская 1992: 31), однако этот тезис требует дополнительного подтверждения. На подавляющем большинстве имеющихся в нашем распоряжении стволов русских ручных пищалей XVI в. пороховые полки сбиты при установке ударно-кремнёвых замков, у которых данная деталь была закреплена непосредственно на замочной доске. На изделии, обнаруженном в Усвятах, она сохранилась, что позволяет судить о ее облике, конструкции и изначальном виде оружия. Для сравнения у нас имеются схожие детали на стволах из коллекции ВИМАИВ и ВС (Артиллерийский музей), Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, а также на находке из состава клада 1969 г., обнаруженного в Ипатьевском переулке в Москве (Маковская 1992: 101, рис. 38; Кутасов 2010: 304–306, рис. 2). Они свидетельствуют о том, что для русских ручных пищалей XVI столетия были характерны пороховые полки с полусферической выемкой, соединенной с запальным отверстием короткой канавкой. Они были прямоугольные или с фигурным внешним краем и снабжались крышкой, откидывающейся движением вправо. Подобные детали устанавливались и на ранних ударно-кремнёвых замках конца XVI — начала XVII в. русского и карельского типов (Гордеев 1954: 12; Двуреченский 2018: 16, рис. 11–12, 89; Миляев 2019: 451, рис. 2, 4).

Аналогичные находки стволов ручного огнестрельного оружия XVI в. имеются и на сопредельных с Россией территориях, входивших в состав Ливонского ордена и Великого княжества Литовского, а позже — Речи Посполитой. При раскопках замка Цесис (Венден) в Латвии был найден железный ствол аркебузы (ручной пищали) (Barišņikovs 2017: 136, att. 5–7). Предмет был обнаружен в 2006 г. на внутреннем дворе, у стены западного корпуса. Длина находки — 620 мм, ширина в казенной части — 30 мм, на ее концах имеются довольно значительные утолщения. Ствол целиком восьмигранный, на его правой стороне под запальным отверстием закреплена пороховая полка с прямоугольной выемкой. В нижней части предмета имеются два крупных полукруглых ушка для закрепления его в деревянной ложе, на верхней плоскости прицельные приспособления отсутствуют. Канал ствола калибром 14–15 мм в казенной части заперт винтом, головка которого обломана, но вероятнее всего она также была уплощенной, прямоугольного сечения. Время изготовления данного изделия было определено

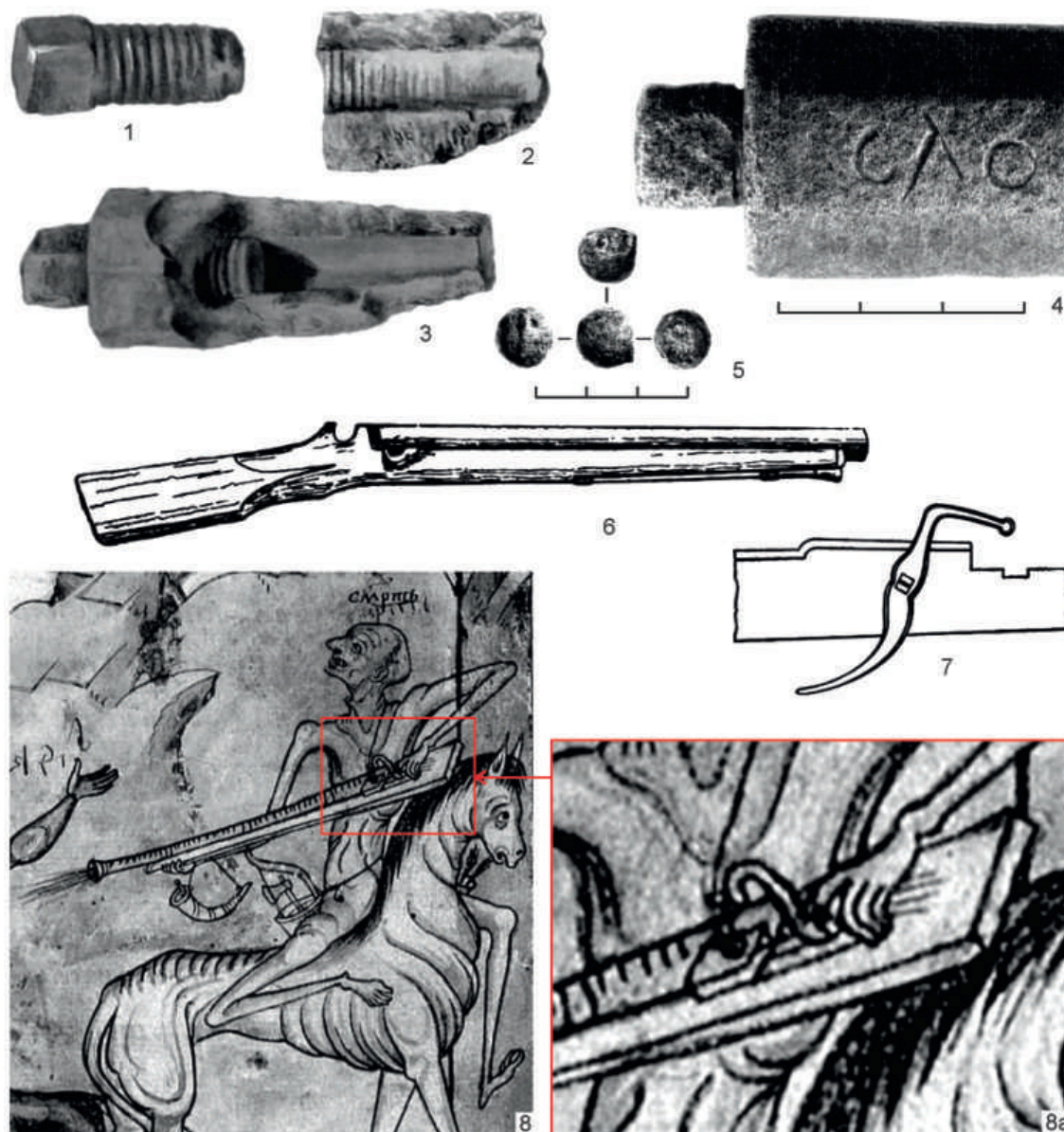

Рис. 3. 1–3 — казенный винт и фрагменты ружейных стволов. Городище Искер, конец XVI в. (по: Балюнов 2013: рис. 1, 2–4); 4 — казенная часть ствола ручной пищали, XVI в., Соловецкий музей-заповедник (по: Балан, 2006: 153, рис. 263); 5 — пуля, уроч. Юрьевы Горы (по: Еремеев 2015 рис. 455, 5); 6 — ручная пищаль XV в. (по: Schmidt 1867: taf. X, 1); 7 — фитильный ружейный замок ручного действия (по: Müller 1979: 21); 8, 8a — всадник Апокалипсиса с ручной пищалью, миниатюра XVI в., общий вид и ружейный замок крупным планом (по: Библия 1499 года... 1992: 442). 1–4 — железо; 5 — свинец

Fig. 3. 1–3 — breech screw and fragments of gun barrels, Isker settlement, late XVI c. (after Балюнов 2013: fig. 1, 2–4); 4 — breech piece of the barrel of a hand-held pishchal, XVI c., Solovki State Museum-Reserve (по: Балан, 2006: 153, рис. 263); 5 — bullet, Yurievyy Gory tract (after Еремеев 2015: fig. 455, 5); 6 — hand-held pishchal, XV c. (after Schmidt 1867: taf. X, 1); 7 — manual match lock (after Müller 1979: 21); 8, 8a — Horseman of the Apocalypse with a hand-held pishchal, miniature of the XVI c., general view and a close-up view of the gun lock (after Библия 1499 года... 1992: 442). 1–4 — iron; 5 — lead

в пределах 30–50-х гг. XVI в., находка может быть связана со штурмом замка войсками Ивана IV Грозного в 1577 г.

Стволы ручного огнестрельного оружия, каналы которых заперты с казны винтами с прямоугольными или квадратными головками, были обнаружены и на территории современной Белоруссии. Однако они принадлежат не ручным пищалям или аркебузам, а более тяжелым и крупнокалиберным гаковницам (затинным пищалям). Длина подобных изделий — около 1500 мм, калибр — 20–23 мм, среди них представлены целиком граненые экземпляры. На верхней плоскости имеются целики и мушки, на нижней — обычно одно-два ушка и вертикальный крюк — «гак», с отверстием. Пороховые полки закреплены с правой стороны, некоторые из них имеют выемки полусферической формы. Описанные изделия по большей части входили в состав арсенала замка Несвиж и датируются XVI в. (Бохан 2012: 68–69; Волкаў 2015: 66–67). Ряд схожих деталей, в частности пороховые полки с полукруглыми углублениями, имеется на стволах гаковниц XVI–XVII вв. из фондов Национального музея Республики Беларусь, предположительно обнаруженных под Барановичами (Зімніцкі 2019: 56–58). Известен аналогичный ствол тяжелого крепостного ружья 1500–1510 гг. из Германии, канал которого заперт с казны винтом с прямоугольной головкой (Essenwein 1877: tab. V VIII, a).

Приведенные аналогии свидетельствуют, что в разных государствах на обширном пространстве Европы технологические приемы в изготовлении ручного огнестрельного оружия, их совершенствование и развитие были во многом сходны при несомненном наличии местных особенностей. Они убедительно подтверждают указанную выше датировку находки из Усвят.

Железные кованые стволы, аналогичные «усвятскому», устанавливались на ручные пищаля (ручницы), которые были известны на Руси с конца XV в. и использовались исключительно пехотинцами. Их конструкция и внешний вид известны по сохранившимся экземплярам из фондов русских и европейских музеев, а также материалам изобразительных источников. Это были короткоствольные ружья небольшого калибра с грубоватыми, почти прямыми ложами, имевшими обычно многогранный приклад сложного профиля. Вес ручницы позволял стрелять из нее без применения подсошка. Наличие на стволе из Усвят пороховой полки не является свидетельством обязательного использования на данном оружии фитильного замка (рис. 3, 6). Воспламенение заряда ручной пищаля могло производиться вручную, причем не только в XV, но и в XVI в., особенно в первой половине этого столетия, о чем свидетельствует ряд подробных изображений (Schmidt 1867: taf. X, fig. 1; Essenwein 1877: tab. V XVI a, e; Lindsay 1967: 27–28; Миляев 2018: 224). Для этого применялся фитиль, иногда вставленный в пальник — раскаленный железный стержень или тлеющий трут. В то же время для этой цели широко использовали и механизмы различных конструкций. Одним из них мог быть простой S-образный двуплечный рычаг с трубочкой для фитиля на одном из концов, спуск которого производился вручную (рис. 3, 7). Подобные серпентины имеются на некоторых европейских образцах ручного огнестрельного оружия XV–XVI вв. (Held 1957: 26, fig. 36; Müller 1979: 21; Бехайм 1995: 341; McLachlan 2010: 54). Аналогичное приспособление, вероятнее всего, было известно в Московском государстве с конца XV столетия. Об этом может свидетельствовать изображение на одной из миниатюр XVI в. в печатном издании Геннадиевской Библии 1499 г. Ручная пищаля находится в руках четвертого всадника Апокалипсиса — Смерти, причем показан процесс непосредственно производства выстрела. Ручница прорисована довольно подробно, видна деревянная ложа с длинным цевьем и прямым многогранным прикладом, ствол

с характерным утолщением у дульного среза, S-видный курок-серпентин ручного действия без каких-либо пружин (Библия 1499 года... 1992: 442) (рис. 3, 8, 8а). В то же время, с конца XV столетия, широкое распространение по всей Европе получил более сложный фитильный замок с боковым спуском-кнопкой. Почти все его детали крепились на внешней стороне деревянной ложи, курок также представлял собой S-видный серпентин с трубочкой на верхнем рычаге, кроме того, имелось две пружины — боевая и спусковая с круглой площадкой, при нажатии на которую производился спуск (Мышковский 1959: 228–229, рис. 2–3; 1965: 189, рис. 1; Hoff 1969: 14–15; Müller 1979: 22; Маковская 1992: 22, 31, рис. 5, 41). Детали подобных механизмов были обнаружены на территории России и сопредельных государств в нескольких городах и крепостях, однако эти находки нельзя назвать частыми или обычными. Подавляющее их большинство относится ко второй половине XVI в. Судя по всему, действительно массовое распространение фитильных замков с боковым спуском-кнопкой на Руси началось ближе к середине столетия, что могло быть обусловлено увеличением количества пехоты и основанием Иваном IV стрелецкого войска. Хотя, несомненно, данная конструкция была известна русским оружейникам и ранее. Об использовании ручниц в конфликтах Московского государства с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой свидетельствуют находки подобных деталей на территории крепости Сокол, возведенной Иваном IV (1566–1579) в Мстиславле (совр. Республика Беларусь) и Пскове (Салмин 2017: 229; Миляев 2018: 228; Клімаў 2019: мал. 4, 18–19; 6, 30) (рис. 4, 1–4). Это S-видные курки-серпентины и их фрагменты, замочная доска и спусковая пружина с круглой кнопкой на конце. В XVI в. на ручные пищали также устанавливались фитильные замки со спуском-стержнем, при этом на территории Руси они чаще всего были иностранного производства (Маковская 1992: 22). Целое изделие со спусковым механизмом такой конструкции на внутренней стороне длинной замочной доски было обнаружено при раскопках в Пскове, аналогичная находка происходит из замка Цесис (Венден) (Barišņikovs 2017: 136; Салмин 2017: 229) (рис. 4, 4). Обе они датированы второй половиной XVI столетия.

Стрельба из ручных пищалей производилась свинцовыми сферическими пулями, отлитыми в пулелейках или каменных формах. В урочище Юрьевы Горы, где изначально располагался средневековый город Усвят, при раскопках в верхних мешанных напластованиях был обнаружен подобный боеприпас. Изделие относится к группе 1 варианту 2 по типологии О. В. Двуреченского, изготовлено без смещения половинок формы, литник ровно обрублен (рис. 3, 5). Диаметр пули — 12 мм, что вполне сопоставимо с калибром ружейного ствола, найденного на одном из городищ в пределах современного г. Усвяты (Двуреченский 2005: 266; Еремеев 2015: 260, рис. 455, 5).

Ручницы широко использовались в Московском государстве пищальниками Василия III, а во второй половине XVI в. являлись основным вооружением стрелецких полков. Позже они стали активно вытесняться пищальями с ударно-кремнёвыми замками, однако старые образцы еще применялись в боях начала XVII в., в Смутное время (Маковская 1992: 13, 22; Миляев 2018: 231–232; Пенской 2019: 192, 197–200).

Сохранившиеся до наших дней образцы русских ручниц XVI в. хранятся в фондах ВИМАИВ и ВС. Данные ручницы происходят из арсенала Соловецкого монастыря (Мышковский 1959: 228–229; Маковская 1992: 31, рис. 41, 45–46; Ефимов 2012: 74) (рис. 4, 5–6). Две ручные пищали датированы серединой — второй половиной XVI в., один образец относится к первой половине XVI в. Все они снабжены фитильными замками с боковым спуском-кнопкой. Аналогичный экземпляр ручной пищали известен

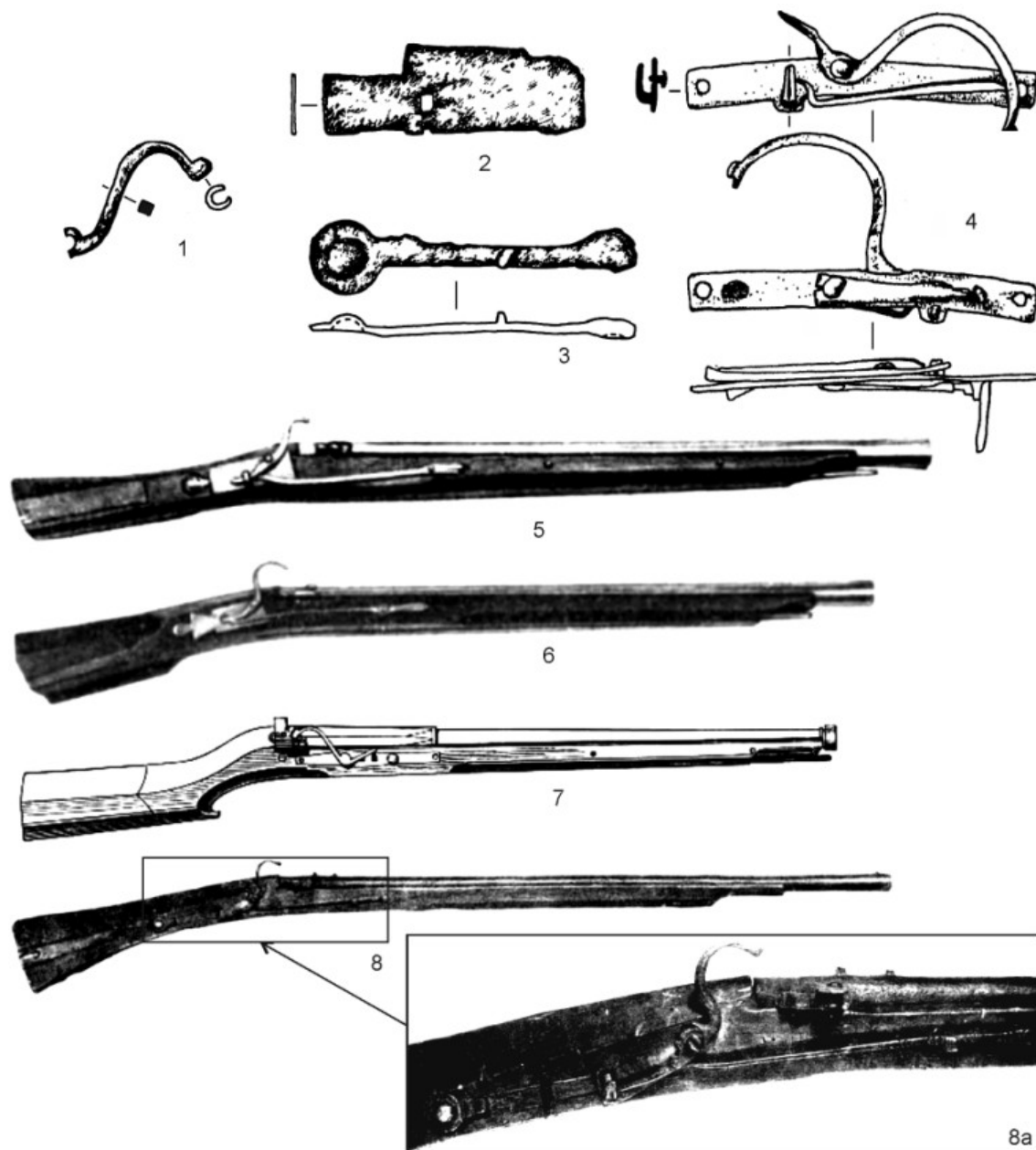

Рис. 4. 1–3 — детали фитильных ружейных замков (фрагмент курка, замочная доска, спусковая пружина с кнопкой), крепость Сокол (по: Климаў 2019: мал. 4, 18, 19; 6, 30a); 4 — фитильный ружейный замок, Псков (по: Салмин 2017: рис. 2, 14); 5–6 — ручные пищали, Оружейная палата Соловецкого монастыря, ВИМАИВ и ВС (по: Маковская 1992: рис. 45; 46); 7 — аркебуза, Швейцария, Базель, ок. 1510 г. (по: Essenwein 1877: tab. V. VIII, c); 8, 8a — аркебуза, Румыния, музей Брукенталь (по: <http://www.vikingsword.com/vb/showthread.php?t=7503&highlight=landsknecht+harquebus>)

Fig. 4. 1–3 — details of match locks (fragment of a gun hammer, lock sheet, gun hammer spring), Sokol fortress (after Климаў 2019: мал. 4, 18, 19; 6, 30a); 4 — match lock, Pskov (after Салмин 2017: рис. 2, 14); 5–6 — hand-held pishchals, Solovki State Museum-Reserve, Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps (after Маковская 1992: fig. 45; 46); 7 — arquebus, Basel, Switzerland, ca. 1510 (after Essenwein 1877: tab. V. VIII, c); 8, 8a — arquebus, Romania, Brukenthal Museum (source: <http://www.vikingsword.com/vb/showthread.php?t=7503&highlight=landsknecht+harquebus>)

в собрании Государственного исторического музея в Москве (Денисова и др. 1953: 110, табл. XXII, 136). Характеристики, конструкция и внешний вид подлинных предметов вооружения находят отражение и в письменных источниках. Иностранцы второй половины XVI — начала XVII в. отмечают у стрелецких пищалей прямые ложи и грубовато изготовленные тяжелые стволы небольшого калибра (Пенской 2019: 201–202).

В Европе ручным огнестрельным оружием, аналогичным русским ручным пищалям, были аркебузы, которые использовались в течение всего XVI в. На них устанавливали не только железные, но и бронзовые литые стволы. Для воспламенения заряда применяли все те же механизмы, описанные выше, при этом в европейских странах большее распространение, чем в Московском государстве, имели фитильные замки со спуском-стержнем. Данное вооружение массово применялось немецкими ландскнехтами, швейцарцами, испанскими войсками, а также пехотой большинства европейских государств (Essenwein 1877: tab. V XVII; Held 1957: 37, 57; Graham 1972: 219; Konstam 1998: 17–21). В Великом княжестве Литовском аркебузами и ручницами были вооружены пешие воины-«драбы», а также отряды наемников из Чехии, Польши, Германии. Позже, с 1578 г., ручные пищали стали основным оружием подразделений выбранецкой пехоты, организованной по польскому образцу (Саганович 1994: 10–11, 18, 26; Бохан 2003: 72; 2008: 258–260). Широко распространены были аркебузы и ручницы в армиях Польши, позже — Речи Посполитой и Венгрии (Wimmer 1978: 139; 142–143; 2006: 20; Brzezinski, McBride 1987: 20–22, 42, 44).

Сохранившиеся до наших дней экземпляры аркебуз имеются в фондах ряда музеев и частных коллекциях. Их отличием от русских ручных пищалей является использование бронзы и медных сплавов для изготовления стволов и некоторых деталей фитильных ружейных замков. Кроме того, часто в европейских механизмах воспламенения зарядов движение курка осуществлялось в сторону лица стрелка, что ни разу не зафиксировано на ручницах Московского государства. В Государственном Эрмитаже хранится аркебуза с подобным ружейным замком, датированная временем около 1500 г., предположительно изготовленная в Нюрнберге (Тарасюк 1971: 155). Ручная пищаль с бронзовым стволом, изготовленная для арсенала г. Базель около 1510 г., хранится в собрании Германского национального музея в Нюрнберге, схожее оружие начала XVI в. находилось в довоенной частной коллекции Карла Гимбеля (*Waffen- und Kunstsammlung...* 1904: 48, taf. 25, 913; Müller 1979: 29, fig. 10) (рис. 4, 7). В Румынии, в собрании музея Брукенталь, есть несколько аркебуз и крепостных ружей с железными стволами, аналогичных немецким и русским пищалям⁶ (рис. 4, 8, 8a). Причем почти на всех образцах в щелях между срезами казенных частей стволов и уступами деревянных лож просматриваются прямые запирающие винты без хвостовиков. Эти экспонаты могут свидетельствовать о том, что подобным оружием были снаряжены пехотинцы Трансильвании и Венгрии, отряды которых принимали участие в штурме крепости Усвят армией Стефана Батория. Большое количество аналогичных изделий находится в музее г. Пльзень в Чехии⁷.

Железный ствол ручной пищали, обнаруженный в г. Усвят, мог принадлежать оружию как русских, так и европейских воинов. Вероятнее всего, он был утрачен в ходе

⁶ Ethnographic Arms & Armour Forum [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vikingsword.com/vb/showthread.php?t=7503&highlight=landsknecht+harquebus> (дата обращения 22.04.2021).

⁷ Zapadoceske-muzeum [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.virtualtravel.cz/plzen/zapadoceske-muzeum/mestska-zbrojnice.html> (дата обращения 22.04.2021).

многочисленных боевых действий, разворачивавшихся в XVI в. на границе Московского государства и Великого княжества Литовского, а затем и Речи Посполитой. Всю первую половину указанного столетия Витебское воеводство не раз было под ударами московских войск, которые сильно разоряли Усвятскую волость. Потерю ствола можно связать с событиями Ливонской войны, когда в первой половине 1560-х гг. Усвят был захвачен русскими войсками и в 1566 г. Иваном IV на Замковой горе была основана крепость (Еремеев 2015: 233–239). Однако наиболее вероятна связь данной находки с походом Стефана Батория в пределы Московского государства. В августе 1580 г. армия короля Речи Посполитой осадила крепость Усвят. Известно, что при переправе к городу через протоку между озерами королевская армия несла потери от огня русских. Считается, что обстрел производился из крепости на Замковой горе, но в непосредственной близости с этим местом также находится городище Бугор. Каких-либо укреплений на нем к тому времени уже определенно не было, однако стрельба могла вестись и с этой господствующей над местностью высоты с целью помешать переправе. Таким образом, предположительно, ружейный ствол мог быть найден и на территории данного археологического памятника. У стен самой крепости велись активные боевые действия с применением артиллерии, ручного огнестрельного оружия, сооружением польской и венгерской пехотой батарей и траншей. Посад вокруг укреплений был сожжен. После взятия Усвята в числе трофеев армии Речи Посполитой досталось 143 пищали, судя по количеству, в документе имелись в виду именно ручницы, а не артиллерийские орудия, которые были перечислены отдельно (Гейденштейн 1889: 97, 123; Осада Пскова... 2005: 137–138, 188; Еремеев 2015: 249–260, 263–266; Пенской 2019: 204). Ствол ручной пищали, обнаруженный в Усвятах, дает нам представление о совершенствовании технологий, внедрении новшеств в оружейном ремесле и уровне развития военного дела в Московском государстве, Польше и Великом княжестве Литовском.

Литература и источники

- Балан 2006 — *Балан С. Б.* Арсенал Соловецкого монастыря XVI–XVIII веков // Наследие Соловецкого монастыря в музеях Архангельской области. Каталог выставки / Кольцова Т. М. (сост.). М.: СканРус, 2006. С. 143–156.
- Балан 2013 — *Балан С. Б.* Арсенал Соловецкого монастыря XVI–XVIII веков. Каталог оружия в собрании Соловецкого музея-заповедника. Архангельск: Соловецкий гос. историко-архитектурный и природный музей-заповедник, 2013. 82 с.
- Балюнов 2013 — *Балюнов И. В.* Ручное огнестрельное оружие конца XVI–XVII вв. (по материалам фондов ТИАМЗ) // Реликвариум. Тобольск: ТИАМЗ, 2013. № 4. С. 49–51.
- Бехайм 1995 — *Бехайм В.* Энциклопедия оружия. СПб.: Санкт-Петербург оркестр, 1995. 576 с.
- Библия 1499 года... 1992 — Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. С иллюстрациями. В десяти томах. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета: Деяния святых Апостолов; Послания святых Апостолов Иакова, Петра, Иоанна, Иуды; Послания святого Апостола Павла; Апокалипсис. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1992. Т. 8. 511 с.
- Бохан 2003 — *Бохан Ю. М.* Зброя Вялікага княства Літоўскага 1385–1576. Мінск: Беларусь, 2003. 88 с.
- Бохан 2008 — *Бохан Ю. М.* Вайсковая справа ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV — канцы XVI ст. Мінск: Беларуская навука, 2008. 449 с.

- Бохан 2012 — *Бохан Ю. М.* Узбраенне насельніцтва Беларускіх зямель у XIV–XVI стагоддзях. Мінск: Беларусь, 2012. 151 с.
- Векслер 2015 — *Векслер А. Г.* Москва. Раскопки на Великом посаде. Улица Ильинка, Биржевая площадь, Старый Гостиный двор. Материалы исследований. М.: ООО ТМ Продакшн, 2015. 456 с.
- Векслер, Двуреченский 2000 — *Векслер А. Г., Двуреченский О. В.* Комплекс вещей из сооружения первой половины XVII в. на Китайгородском подворье Троице-Сергиева монастыря // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. 3. Материалы научно-практического семинара «Проблемы археологии и истории Москвы и Подмосковья». М.: МИГМ, 2000. С. 166–181 (Тр. МИГМ. Вып. 10).
- Волкаў 2015 — *Волкаў М. А.* Артылерыя Нясвіжскага замка. Мінск: А. М. Янушкевіч, 2015. 188 с.
- Гейденштейн 1889 — *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578–1582). Издание Археографической комиссии. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1889. 312 с.
- Гордеев 1954 — *Гордеев Н. В.* Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII в. // Богоявленский С. К., Новицкий Г. А. (ред.). Государственная Оружейная палата Московского кремля: Сб. науч. тр. по материалам Государственной Оружейной палаты. М.: Искусство, 1954. С. 1–58.
- Двуреченский 2005 — *Двуреченский О. В.* Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV — начала XVIII в. // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2005. Вып. 2. С. 264–295.
- Двуреченский 2018 — *Двуреченский О. В.* Тушинский лагерь (Публикация коллекции В. А. Политковского из собрания ГИМ). М.: ИА РАН, 2018. 196 с.
- Денисова и др. 1953 — *Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н.* Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков. М.: Госкультпросветиздат, 1953. 168 с.
- Еремеев 2015 — *Еремеев И. И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 696 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. 44).
- Ефимов 2012 — *Ефимов С. В.* Европейская охота и охотничье оружие в XVI–XVIII веках: Каталог выставки. СПб.: Изд-во ИПЦ СПбГУТД, 2012. 115 с.
- Зімніцкі 2019 — *Зімніцкі А. А.* Тры ўзоры ручной агнястрэльнай зброі з Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь // Беларускі гістарычны часопіс. Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2019. № 8. С. 55–61.
- Зыков и др. 2017 — *Зыков А. П., Косинцев П. А., Трепавлов В. В.* Город Сибир — городище Искер (историко-археологическое исследование). М.: Наука; Восточная литература, 2017. 559 с.
- Кирпичников 1971 — *Кирпичников А. Н.* Рисунки находок оружия в Оружейной палате и остроге Кирилло-Белозерского монастыря в 1971 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1971 г. Д. 146.
- Клімаў 2019 — *Клімаў М. В.* Вызначэнне дакладнага месцазнаходжання фартэцыі Сокал (па выніках археалагічных прац 2016 г.) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі: Зборнік навуковых артыкулаў. Мінск: Беларуская навука, 2019. С. 191–206 (Даследаванне беларускіх старажытнасцей. Вып. 30).
- Кутасов 2010 — *Кутасов П. А.* Вещевой клад 1969 года из Ипатьевского переулка в Москве // Энговатова А. В. (отв. ред.). Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2010. Вып. 6. С. 303–321.
- Маковская 1992 — *Маковская Л. К.* Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV — XVIII в. Определитель. М.: Военное издательство, 1992. 200 с.

- Миляев 2018 — *Миляев П. А.* Находки деталей ручного огнестрельного вооружения второй половины XV–XVI в. из Старой Ладogi и крепости Орешек в свете восточно- и западноевропейских аналогий // *АВ.* 2018. Вып. 24. С. 218–238.
- Миляев 2019 — *Миляев П. А.* Детали ручного огнестрельного вооружения конца XVI — XVII в. из Старой Ладogi // *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья.* Тверь: ТНИИР-Центр, 2019. Вып. 12. С. 447–471.
- Мышковский 1959 — *Мышковский Е. В.* Соловецкая ручница // *Варенцов С. С.* (отв. ред.). Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Л.: Изд-во Артиллерийского исторического музея, 1959. Вып. 4. С. 227–233.
- Мышковский 1961 — *Мышковский Е. В.* Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV–XVI вв. // *СА.* 1961. № 1. С. 225–235.
- Мышковский 1965 — *Мышковский Е. В.* Замки русского огнестрельного оружия XVI–XVII вв. // *СА.* 1965. № 4. С. 186–198.
- Осада Пскова... 2005 — *Осада Пскова глазами иностранцев: Дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.).* Псков: Псковская обл. тип., 2005. 504 с.
- Пенской 2019 — *Пенской В. В.* «Янычары» Ивана Грозного: стрелецкое войско во 2-й половине XVI — начале XVII в. М.: Эксмо; Яуза, 2019. 320 с.
- Сагановіч 1994 — *Сагановіч Г. М.* Войска Вялікага княства Літоўскага ў XVI–XVII стст. Мінск: Навука і тэхніка, 1994. 79 с.
- Салмин 2017 — *Салмин С. А.* Комплекс вооружения XVI–XVII веков из раскопок псковского Окольного города // *Татаурова Л. В.* (ред.). Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. ст. Омск: Наука, 2017. С. 296–303.
- Тарасюк 1971 — *Тарасюк Л. И.* Старинное огнестрельное оружие в собрании Эрмитажа. Европа и Северная Америка. Л.: Искусство, 1971. 223 с.
- Ульянов 2014 — *Ульянов О. Г.* Оружейные мастерские Троице-Сергиевой Лавры в XVI–XVII веках (Троицкие пищали в собрании Оружейной палаты Московского кремля) // *Война и оружие: Новые исследования и материалы.* Тр. Пятой Междунар. научно-практ. конф. 14–16 мая 2014 года. СПб.: ВИМАИВ и ВС, 2014. Ч. 4. С. 258–274.
- Barišņikovs 2017 — *Barišņikovs K.* Liecības par ugunsieroīu izmantošanu Cēsu pilī 15.–16. gadsimtā // *Cēsu pils raksti: arheoloģija, arhitektūra, vesture.* Cēsis: Cēsu pils saglabāšanas fonds, 2017. T. 1. L. 129–141.
- Brzezinski, McBride 1987 — *Brzezinski R., McBride A.* Polish Armies 1569–1696. London: Osprey Publishing, 1987. Pt. 1. 47 p.
- Essenwein 1877 — *Essenwein A. von.* Quellen zur Geschichte der Feuerwaffen. Facsimilierte Nachbildungen alter Originalzeichnungen, Miniaturen, Holzschnitte und Kupferstiche, nebst Aufnahmen alter Originalwaffen und Modelle. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1877. 178 S.
- Graham 1972 — *Graham W.* The Spanish Armadas. New York: Doubleday & Company Inc., 1972. 288 p.
- Held 1957 — *Held R.* The Age of Firearms. A Pictorial History. New York: Harper & Row Publishers Incorporated, 1957. 192 p.
- Hoff 1969 — *Hoff A.* Feuerwaffen. Braunschweig: Klinkhardt & Biermann, 1969. T. 1. 421 S.
- Konstam 1998 — *Konstam A.* Pavia 1525. The Climax of the Italian Wars. Oxford: Osprey Publishing, 1998. 94 p.
- Lindsay 1967 — *Lindsay M.* One Hundred Great Guns. An illustrated History of Firearms. New York: Walker & Co., 1967. 378 p.

- McLachlan 2010 — *McLachlan S.* Medieval Handgonnes. The first black powder infantry weapons. Oxford: Osprey Publishing, 2010. 80 p.
- Müller 1979 — *Müller H.* Gewehre, Pistolen, Revolver. Hand- und Faustfeuerwaffen vom 14. bis 19. Jahrhundert. Leipzig: Union Druckerei (VOB), 1979. 231 S.
- Schmidt 1867 — *Schmidt R.* Die Entwicklung der Feuerwaffen und anderer Kriegswerkzeuge seit Erfindung des Schiespulvers bis zur Neuzeit. Schaffhausen: Brodtmann'sche Buchdruckerei, 1867. 355 S.
- Waffen- und Kunstsammlung... 1904 — Waffen- und Kunstsammlung Karl Gimbel: Baden-Baden. Auctionskatalog. Rudolph Lepke's Kunst-Auctions-Haus. Berlin: A. Seydel & Cie. G. m. b. H., 1904. 70 S.
- Wimmer 1978 — *Wimmer J.* Historia piechoty polskiej do roku 1864. Warszawa: Wyd-wo Min. Obrony Nar., 1978. 615 s.
- Wimmer 2006 — *Wimmer J.* Dawne Wojsko Polskie XVII–XVIII w. Warszawa: Bellona, 2006. 133 s.

NEW DATA ON HAND-HELD FIREARMS OF THE XVI CENTURY ON THE RUSSIAN-LITHUANIAN BORDER

P. A. MILYAEV

Keywords: *Usvyaty, hand-held firearms, XVI century, pishchal, ruchnitsa, Moscow state, Grand Duchy of Lithuania, Polish-Lithuanian Commonwealth.*

The paper deals with the iron pishchal (arquebus) gun barrel of the XVI century, found in the town of Usvyaty, Pskov region. Its design, manufacturing features are studied in detail, and technological techniques characteristic of the specified period are highlighted. The dating of the “usvyat” barrel and the chronology of the existence of such weapons parts is being clarified. This find is compared with similar items from the collections of Russian and European museums. The pishchal (arquebus) gun barrel from Usvyaty reflects the general trends in the manufacture, distribution and use of hand-held firearms on the territory of the Moscow State, the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian Commonwealth in the XVI century.

ЧТО БЫВАЛО, ИЛИ О ТОМ, КАК НЕ СЛЕДУЕТ ПОПУЛЯРИЗИРОВАТЬ АРХЕОЛОГИЮ¹

Ю. А. ВИНОГРАДОВ²

Ключевые слова: *верховья Невы, история науки, Петербургский археологический институт.*

В Научном архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург) хранится немало документов о научной деятельности полковника Н. М. Печёнкина. В первую очередь он известен своими раскопками в районе Херсонеса (Маячный п-ов и др.). В Архиве, в частности, хранится заметка Н. М. Печёнкина «Об археологической экскурсии по Неве». В ней рассказывается о поездке в Островки преподавателей и слушателей Петербургского археологического института в июле 1904 г. Там они зачем-то раскопали часть старого христианского кладбища. «Археологические экскурсии» такого рода, конечно, заслуживают осуждения.

DOI: 10.31600/2310-6557-2021-25-276-282

В Научном архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (НА ВИМАИВиВС) хранится немало документов, связанных со служебной деятельностью полковника Николая Михайловича Печёнкина, который, как известно, внес крупный вклад в археологическое изучение окрестностей Херсонеса. Личности этого человека уделяется немалое внимание в современной научной литературе (Рудакова 2003; 2012; 2014; Непомнящий 2019), но его археологическое наследие изучено еще далеко не в полной мере. В описи дел, находящихся в НА ВИМАИВиВС, мое внимание привлекло одно из сочинений Н. М. Печёнкина, озаглавленное «Об археологической экскурсии по Неве, организованной Петербургским археологическим институтом для производства раскопок вблизи паровой пристани „Островки“» (НА ВИМАИВиВС. Ф. 32. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–4). Как-то сразу подумалось, что заслуженный человек подготовил эту заметку не просто так, а с целью рассказать о некоем важном мероприятии, опыт которого стоило бы поддержать в наши дни. Теперь, когда мы все чаще обращаемся к делам давно минувших лет, желая в них найти что-нибудь полезное и перенести это в современность (пусть чаще в мыслях, чем на деле), такое свидетельство невозможно не заметить. Действительно, а почему бы и нам, когда материальное положение археологии и археологов станет лучше, не ввести практику коллективных поездок

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Древности» № 18-09-40037 «Неопубликованное научное наследие и современные исследования хоры Херсонеса Таврического».

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

на раскопки, скажем, в Новгород, Псков или хотя бы Выборг? Вредного в них, конечно, ничего нет, а польза вполне очевидна.

Островки — селение, находящееся в излучине Невы, в живописной местности на правом берегу, напротив города Отрадное. Селение это в окрестностях Петербурга очень примечательно. Когда-то оно было знаменито дворцом, принадлежавшим Г. А. Потёмкину-Таврическому (Пыляев 1994: 88–90). Дворец, вокруг которого располагался пейзажный парк, был спроектирован архитектором И. Е. Старовым. К началу XX в. эта местность стала очень популярной у петербургских дачников, хотя и не сразу. В газете «Петербургский листок» за 1878 г. (№ 108 от 3 июня, с. 3) имеется заметка о путешествии по Неве из Петербурга в Шлиссельбург. В ней, в частности, сказано: «В различных пунктах есть отдельно стоящие дачи, но ни в отношении пейзажа, ни в отношении архитектуры не представляют они собою ничего замечательного. Есть исторический памятник: дворец Екатерины II и Потёмкина — памятник у трех сосен и только».

Через 10 лет положение сильно изменилось, и в том же «Петербургском листке» (1888 г., № 163 от 17 июня, с. 2) была напечатана заметка такого содержания: «Известные своим живописным положением Островки текущим летом стали, по-видимому, одним из главных пунктов художественных экскурсий. Любители и любительницы живописи чуть ли не ежедневно отправляются сюда, выражаясь технически, „на натуру“, и проводят здесь, снимая виды, по несколько дней. Немало посещает Островки также и приезжих в Петербург иностранцев, которые отзываются о названной местности самым восторженным образом».

Н. К. Рерих в описании путешествия «из варяг в греки» тоже не обошел эти места своим вниманием: «За всю дорогу от Петербурга до Шлиссельбурга выделяется лишь одно характерное место — старинное потёмкинское имение Островки. Мысок, заросший понурыми, серьезными пихтами, очень хорош; замкоподобная усадьба вполне гармонирует с окружающим пейзажем» (Рерих 1899: 720–721). Правда, Н. Н. Врангель в очерке «Помещичья Россия» писал, что «некогда великолепные Островки стоят сирые и разоренные». Он же отметил: «От старины здесь остались лишь маленькая хорошенькая церковь 1808 года при старом кладбище, да покосившийся, неприветливый бывший <...> помещичий дом» (Врангель 1910: 59).

Местность, как видим, весьма интересная, и студентам Археологического института посетить ее, конечно, имело смысл, тем более что поездка предполагала проведение раскопок. Теперь стоит обратиться к самой записке Н. М. Печёнкина:

«25 июля состоялась под руководством директора СПб Археологического Института Н. В. Покровского археологическая экскурсия для производства раскопок вблизи паровой пристани „Островки“ по Неве, в 1,5 час. езды от Петербурга. В экскурсии приняли участие многие члены и слушатели Института. Предполагалось вскрыть несколько курганов, обнаруженных вблизи селения, но предварительными, веденными накануне действ. членом Института Л. Н. Целепи раскопками выяснилось, что принятые за курганы насыпи не содержат погребений, а образовались от выемок песку в давнее время. Таким образом, цель экскурсии выполнена быть не могла, и проф. Н. В. Покровский предложил экскурсантам доследовать обнаруженное несколько времени назад погребение тут же на берегу Невы, в нескольких шагах от пристани. Погребение это было открыто случайно копавшимися в песке мальчишками. Ими был обнаружен склеп, заключающий скелет, облаченный в шитый мундир, с лентой через плечо, шитый

золотом, серебром и шелками орден, ленточка и крест ордена св. Георгия, пряжки от башмаков и пуговицы. Вещи были тогда же отобраны полицией, а склеп вновь зарыт.

Проведенная при самом горячем участии экскурсантов траншея длиной 4–5 сажень, шириной 1,5 саж. на глубине 1,5 аршин обнаружила, кроме обвалившегося склепа, еще два цельных костяка без вещей, лежавших на спине с протянутыми вдоль тулова руками, головой на восток. Нижние оконечности ног костяка, находившегося на востоке от склепа, помещались над кирпичной стенкой склепа, ясно показывая, что погребение его было совершено уже в то время, когда склеп находился в земле, т. к. при обратном условии постройка склепа неминуемо должна была потревожить костяк. Кроме того, в разных местах, без всякого порядка было найдено еще 2 черепа и много человеческих костей. Склеп длиной около 2,5 арш. и шириной около 1 арш. (обмеры внутренней пустоты) состоит из четырех стенок, сложенных из кирпича на извести, толщиной 6–7 верш. <Он> завален землей и кирпичами, положение некоторых из них давало основание полагать, что склеп был покрыт сводом. При очистке склепа среди большого количества сильно истлевшего дерева от гроба найдена одна большая плоская пуговица, лицевая сторона которой была вызолочена, несколько кусков хорошо тканного серебряного позумента от гроба и много разбросанных человеческих костей, в том числе два черепа. Дно склепа выложено кирпичом. Кирпич хорошо обожженный, красный, больших размеров, формован не совсем правильно.

Склеп ориентирован с востока на запад. Подобный склеп, разрушенный и без вещей, обнаружен несколько восточней.

Сажень в 10, несколько дальше от склепа на запад, у дорожки с берега Невы обнаружены на глубине 1,5–2 арш. черепки стеклянной, глиняной посуды, кирпич, кафели с глазурью, скелет собаки и <скелет> лошади крупных размеров, подкованную на 4 подковы больших размеров, весом задние две около 5 фунтов.

Главный интерес сосредотачивается, конечно, на шитом ордене, найденном в склепе раньше, до производства раскопок. Интерес этот вызывается надписью, вышитой серебром внутри его. Орден вышит на шелке. В верхней части его — шитая корона с крестом, которую поддерживают два летящих ангела по сторонам. Ниже, в центре ордена, золотом вышит четвероконечный крест, вокруг которого помещена надпись, ясно написанная, но весьма трудно читаемая».

Вот такой документ, точная дата (точнее, год) составления которого в нем не указана. К счастью, в знакомой нам газете «Петербургский листок» от 24 июня (6 июля) 1904 г. была опубликована заметка, в которой говорится об «открытии», сделанном мальчишками. Она озаглавлена «Островки. Историческая находка», и можно с уверенностью считать, что археологическая поездка была проведена 25 июля 1904 г., т. е. через месяц после описанных в газете событий. Приведу эту заметку полностью:

«Почти ежегодно у нас на самом берегу Невы, вследствие обвалов берега и выемки песка, находили черепа и кости человеческие, но этому обыкновенно не придавали никакого значения, но вот на этих днях наши „археологи“ — дети дачников и крестьян, копаясь в песке, наткнулись на кирпичную стенку. Продолжая копать дальше, обнаружили вторую стенку, а затем три человеческих черепа, массу костей, орденскую звезду и три ленты — две георгиевские и одну аннинскую, а также галуны. Немедленно был составлен о находке протокол. Прибывший вскоре директор С.-Петербургского археологического института Н. В. Покровский, осмотрев место находки, высказал предположение, что откопанные стенки из хорошо сохранившегося кирпича — остатки склепа,

в котором, очевидно, был похоронен один из сподвижников „славного князя Таврического“ Потёмкина, дворец которого, как известно, до сих пор сохранился у нас. Найденная звезда в виде круга матерчатая, какие нашивали в те времена на мундир, с крестом посередине, вокруг креста надпись, которую прочесть не удалось».

Итак, имеются два документа, которые освещают историю раскопок в Островках. Газетная заметка появилась 24 июня 1904 г., а записка Н. М. Печёнкина датирована 25 июля, и, повторюсь, почти нет сомнения, что она относится к тому же 1904 г. В заметке ни слова не сказано о раскопках, проведенных студентами Археологического института, и это надо объяснять тем, что они были предприняты приблизительно на месяц позднее. Оба документа рассказывают о находке мальчишек несколько по-разному. У Н. М. Печёнкина сказано о находке ленточки и ордена св. Георгия, во втором — о двух георгиевских лентах и одной аннинской, но не будем акцентировать внимание на этих несущественных несоответствиях, а обратимся к более пространному и подробному рассказу Н. М. Печёнкина.

Все начиналось вполне благополучно — группа энтузиастов из Петербургского археологического института (о нем см.: Тихонов 2003: 131–144) во главе с его директором Н. В. Покровским (о нем см.: Профессор Николай Васильевич Покровский 1909; Жервэ 1998; Мусин 1999) отправилась на раскопки, которые проводил Л. Н. Целепи на берегу Невы. Об этом человеке необходимо сказать несколько слов. Из записки Н. М. Печёнкина мы знаем, что он был действительным членом Института археологии. Более того, Николай Михайлович и Леонид Николаевич были прекрасно знакомы, и Н. М. Печёнкин в письме Д. П. Струкову от 9 января 1910 г. называл Л. Н. Целепи компетентным специалистом в области истории Новгорода и Пскова, который «неизменно руководит раскопками слушателей Института». Н. М. Печёнкин очень просил Д. П. Струкова действовать избранию Л. Н. Целепи членом Военно-исторического общества, председателем которого тот являлся. Письмо завершалось словами: «Нет сомнений, что он окажет большую пользу и помощь нашему Обществу» (Ф. 31. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–2). Сразу отмечу, что избрание Л. Н. Целепи прошло вполне успешно.

В Островках этот археолог был намерен раскопать курганы, и в его исследованиях должны были принять участие приехавшие по Неве члены и слушатели Петербургского археологического института. Можно понять обиду приехавших, когда они узнали, что никаких курганов здесь нет, а имеются лишь насыпи, образовавшиеся в результате добывания песка. Чтобы поездка не оказалась совсем напрасной, было решено «доследовать» склеп с погребением нового времени, обнаруженный и разграбленный местными мальчишками. Эти действия археологов следует признать правильными — и сейчас одной из первых задач исследователей, приступающих к раскопкам любого памятника, является выявление следов его разрушения, грабительских раскопок и т. п.

«Доследование» склепа было начато по инициативе самого директора института. Для этого был заложен раскоп (8,5–10,7 × 3,2 м), углубленный на 1 м (1,5 арш.). Во время этих работ было обнаружено много человеческих костей, два черепа и два непотревоженных захоронения, в которых погребенные лежали головой на восток с руками, вытянутыми вдоль туловища. Последние частично перекрывали конструкцию склепа, что позволило Н. М. Печёнкину сделать правильное заключение, что эти погребения являются относительно поздними по сравнению со склепом.

Уверен, что экскурсанты сразу поняли, что они раскапывают заброшенное христианское кладбище, но это их почему-то совсем не смутило. Ими был полностью раскрыт

Рис. 1. Орден св. Анны 1-й степени
Fig. 1. Order of St. Anna, 1st Class

мусора (обломки кирпичей, керамической и стеклянной посуды и т. д.) и углубились в нее на 1,0–1,5 м. В результате этих работ выяснилось, что здесь были закопаны собака и крупная лошадь, имевшая подковы на всех четырех копытах.

Н. М. Печёнкин отметил, что из сделанных в склепе находок «главный интерес сосредотачивается, конечно, на шитом ордене», и в этом он не ошибся. Современному человеку представляется, что ордена всегда были металлическими. В действительности же в XVIII в. звезды к орденам изготавливались шитыми — на кожаной основе толстыми серебряными или позолоченными нитями вышивалось нужное изображение. Такая практика завершилась в России только с 1854 г. (Кузнецов 1999: 35), а ранее даже полностью металлические звезды по традиции пришивались к платью (Спасский 1993: 11–12). К примеру, относительно главной награды Российской империи, ордена Андрея Первозванного, было постановлено: «Орденскую восьмиконечную звезду должно пришить на кафтан и епанче» (Исторический очерк 1892: 103).

Теперь несколько слов о вышитом ордене, найденном в Островках. Н. М. Печёнкин заметил, что в его верхней части изображена «шитая корона с крестом, которую поддерживают два летящих ангела по сторонам». Такое изображение больше всего подходит к ордену св. Анны (рис. 1). Отмеченная в газетной заметке находка аннинской ленты является подтверждением такого предположения. Этот орден был учрежден в честь дочери Петра I Анны, надпись на нем, которую не смогли прочесть археологи, является орденским девизом *Amantibus Justitiam Pietateret Fidem*, то есть «Любящим правду, благочестие и верность» (Дуров 1997: 42). В общем, есть основания согласиться с Н. В. Покровским и признать, что в открытом мальчишками склепе «был похоронен один из сподвижников „славного князя Таврического“ Потёмкина».

В остальном действия известного ученого и его последователей заслуживают осуждения. Еще раз отмечу, что в какой-то степени было оправдано «доследование» склепа, все остальное — чистой воды преступление. Археологи с непонятным для меня энтузиазмом начали раскапывать православное кладбище. Может быть, они были нацелены на решение какой-то научной проблемы, или их действия были вызваны насущными объективными обстоятельствами (осыпанием берега, масштабными строительными

склеп, ориентированный широтно, сложенный из кирпичей на известковом растворе; размеры его внутреннего пространства составляли приблизительно 1,8 × 0,7 м, толщина стен — 27–36 см. Склеп имел сводчатое перекрытие, пол выложен кирпичами. Никаких ценных предметов обнаружить не удалось, что и неудивительно. Любопытно, что в нем находились два человеческих черепа.

Восточнее этого склепа было обнаружено еще одно подобное сооружение, но полностью разрушенное и не содержащее находок. Однако и на этом раскопки не были завершены. Приблизительно в 20 м к западу от первого склепа, как следует предполагать, был заложен еще один раскоп, размеры которого остаются неизвестными. В этом месте археологи, видимо, наткнулись на свалку обычного бытового

работами, угрожающими погосту разрушением)? Нет, раскопщики принялись за дело из праздного любопытства, чтобы как-то провести время. Чем же они отличались от глупых мальчишек, разграбивших склеп? Да и откуда это неуважение, эта нелюбовь к «отеческим гробам»? Ведь событие имело место в стране, в которой православная религия была одной из основ государственной идеологии. Стоит ли удивляться варварскому отношению к нашим кладбищам в советское время?

По меткому выражению И. Л. Тихонова, Петербургский археологический институт был учреждением, мало соответствующим своему названию (Тихонов 2002; 2003: 131). Варварские раскопки в Островках являются подтверждением такого заключения. И такой опыт нам, конечно, никак не следует перенимать.

Литература и источники

НА ВИМАИВиВС. Ф. 32. Оп. 1. Д. 32.

Врангель 1910 — *Врангель Н.* Помещичья Россия // Старые годы. 1910. Июль–сентябрь. С. 5–79.

Дуров 1997 — *Дуров В. А.* Русские награды XVIII — начала XX в. М.: Просвещение, 1997. 159 с.

Жервэ 1998 — *Жервэ Н. Н.* Н. В. Покровский и новгородские древности // София. 1998. № 4. С. 24–25.

Исторический очерк 1892 — Исторический очерк российских орденов. Сборник основных орденских статусов. СПб.: Тип. С. В. Балашева, 1892. 349 с.

Кузнецов 1999 — *Кузнецов А. А.* Награды: Энциклопедический путеводитель по истории российских наград. М.: Современник, 1999. 478 с.

Мусин 1999 — *Мусин А. Е.* 150 лет со дня рождения Н. В. Покровского // Новгородский исторический сборник. 1999. № 7 (17). С. 262–266.

Непомнящий 2019 — *Непомнящий А. А.* Николай Михайлович Печёнкин // Гераклейский сборник 1936 г. СПб.: Алетейя, 2019. С. 49–52 (Гераклейский сборник. Вып. I).

Пыляев 1994 — *Пыляев М. И.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб.: ЛИГА, 1994. 550 с.

Профессор Николай Васильевич Покровский 1909 — Профессор Николай Васильевич Покровский. Директор Императорского Археологического Института. 1874–1909. Краткий очерк ученой деятельности. СПб.: Синод. типография, 1909. 118 с.

Рерих 1899 — *Рерих Н. К.* По пути из варяг в греки // Искусство и художественная промышленность. 1899. № 9–10. С. 719–730.

Рудакова 2003 — *Рудакова Л. П.* Николай Михайлович Печёнкин: штрихи к портрету // Маковская Л. К. (отв. ред.). Бранденбургские чтения. Вып. 1. СПб.: ВИМАИВиВС, 2003. С. 28–32.

Рудакова 2012 — *Рудакова Л. П.* Полковник Николай Михайлович Печёнкин. Страницы биографии // Аранович А. В. (отв. ред.). Военная история России XIX — начала XX века: Материалы V Междунар. военно-исторической конф. СПб.: СПГУТД, 2012. С. 192–201.

Рудакова 2014 — *Рудакова Л. П.* Военный археолог полковник Николай Михайлович Печёнкин // Бондаренко А. А., Мельников В. Л. (отв. ред.). Рериховское наследие. Десятая Междунар. научно-практическая конф. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. С. 431–442.

- Спаский 1993 — *Спаский И. Г.* Иностранные и русские ордена до 1917 года. СПб.: Доваль, 1993. 196 с.
- Тихонов 2002 — *Тихонов И. Л.* Институт мало соответствующий своему названию (Санкт-Петербургский археологический институт 1878–1922 гг.) // Дворниченко А. Ю. (отв. ред.). Мавродинские чтения. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 301–303.
- Тихонов 2003 — *Тихонов И. Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографический очерк. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 332 с.

**WHAT USED TO HAPPEN,
OR HOW ONE SHOULD NOT POPULARIZE ARCHAEOLOGY**

YU. A. VINOGRADOV

Keywords: *upper reaches of the Neva, history of science, St. Petersburg Archaeological Institute.*

The Scholarly Archive of the Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps (St. Petersburg) stores numerous documents about the research activity of Colonel N. M. Pechenkin, who is known first of all for his excavations in the Chersonesus area (Mayachnyi peninsula, etc.). Among other documents there is N. M. Pechenkin's article «About an archaeological excursion along the Neva». This is a story of how a group of lecturers and trainees from St. Petersburg Archaeological Institute visited Ostrovki in July of 1904. While being there they, for no apparent reason, excavated a part of an old Christian cemetery. «Archaeological excursions» of this kind must of course be condemned.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Археологические вести. СПб.
- АИ — Археологические изыскания. СПб.
- АиИПиПЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли:
Семинар им. акад. В. В. Седова
- АКР — Археологическая карта России. М.
- АН — Академия наук
- АКЛО — Археологическая карта Ленинградской области
- АО — Археологические открытия. М.
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л./СПб.
- АЭС — атомная электростанция
- БАН — Библиотека Российской академии наук. Л./СПб.
- БС — Балтийская система высот
- ВАС — Всероссийский археологический съезд
- ВИМАИВ и ВС — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск
и войск связи. Л./СПб.
- ВСЕГЕИ — Всероссийский научно-исследовательский геологический институт
им. А. П. Карпинского. СПб.
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры. Л.
- ГАН — Государственные академии наук
- ГАТО — Государственный архив Тверской обл.
- ГИМ — Государственный исторический музей. М.
- ГМЗ — Государственный музей-заповедник
- ГСПУ — Государственный социально-педагогический университет. Самара
- ГУ — Государственный университет
- ЗИИМК — Записки ИИМК РАН. СПб.
- ИА — Институт археологии
- ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.
- ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР/РАН.
Л.; М./СПб.
- кв. — квадрат

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- КНР — Китайская Народная Республика
- КПДК — культура псковских длинных курганов
- КС — культура сопок
- КСДК — культуры смоленских длинных курганов
- КСИА — Краткие сообщения ИА АН СССР/РАН. М.; Л.
- КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК АН СССР. М.; Л.
- КСПДК — культура смоленско-полоцких длинных курганов
- Л. — Ленинград
- ЛВВИСУ — Ленинградское Высшее военное инженерное строительное училище им. А. Н. Комаровского
- ЛГУ/СПбГУ — Ленинградский/Санкт-Петербургский ГУ
- ЛІМ — Львівський історичний музей
- ЛОИА — Ленинградское отделение ИА АН СССР
- М. — Москва
- МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
- МАР — Материалы по археологии России. СПб.
- МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. СПб.
- МГУ — Московский ГУ им. М. В. Ломоносова
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- МИГМ — Музей истории города Москвы
- МК — Материалы конференции
- ММНК — Материалы международной научной конференции
- МНК — Международная научная конференция
- МОГАИМК — Московское отделение ГАИМК
- НА — Научный архив
- НАНУ — Національна академія наук України
- НАЭ — Новгородская археологическая экспедиция
- НГОМЗ — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
- НиНЗИиА — Новгород и новгородская земля. История и археология. Великий Новгород
- НК — Научная конференция
- НКТ — Невская Книжная Типография
- НОА — Научно-отраслевой архив
- НПК — Научно-практическая конференция
- ОАВЕС — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. Государственный Эрмитаж

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ОГИЗ — Объединение государственных издательств
ОСФА — Отдел славяно-финской археологии
РА/СА — Российская археология / Советская археология. М.
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
РАН — Российская академия наук
РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд. М.
РГПУ — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. СПб.
РО — Рукописный отдел
РСМ — Раннеславянский мир. М.
САИ — Свод археологических источников. М.; Л.
САЭ — Староладожская археологическая экспедиция
Сб. — сборник
СПб. — Санкт-Петербург
СПбГУКИ — Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств
СПбГУТД — Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
ТАС — Тверской археологический сборник
ТГОМ — Тверской государственный объединенный музей
ТД — Тезисы докладов
ТИАМЗ — Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник
ТНИИР-Центр — Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр
Тр. — Труды
ФНИ — Фундаментальные научные исследования
ФО — Фотоотдел
ЯргПИ — Ярославский государственный педагогический институт
ЯрЭ — Ярославская экспедиция кафедры археологии исторического факультета ЛГУ
ИНМС — Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg
JAS — Journal of Archaeological Science
JGS — Journal of Glass Studies
РАСТ — Journal of the European Network of Scientific and Technical Cooperation for Cultural Heritage
PPL — Parallel-polarised light
RAS — Russian Academy of Sciences
XPL — Cross-polarised light

Научное издание

**ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН № 25**

Главный редактор: В. А. Лапшин
Корректоры: Г. А. Седова, Л. Н. Образцова
Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН
Адрес издателя и редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, каб. 311
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; zapiski@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-36835 от 14.07.2009,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс ПМ290 по Электронному каталогу Почты России

Подписано в печать 24.11.2021. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 34. Тираж 300 экз. Заказ 2497.
Дата выхода из печати 15.12.2021

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Цена свободная

